КАМРАН ИМАНОВ

АРМЯНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Главный консультант **Ельдар Махмудов**
Председатель Государственной Комиссии Азербайджанской Республики по делам военнопленных, заложников и пропавших без вести граждан

Научный редактор **Исрафил Аббаслы**
доктор филологических наук, профессор

Камран Иманов. Армянские инородные сказки. Баку, 2008, Типография «INDIGO», 328 с.

Представленная вниманию читателей книга «Армянские инородные сказки» состоит из двух тематических подборок. В первой главе «Пришел, увидел,... присвоил» повествуется об усвоении, присвоении и арменизации интеллектуальной собственности, принадлежащей азербайджанскому народу. Это и интеллектуальные кражи наших дастанов, преданий и других эпических произведений, это и стремление прибрать к рукам наши баятылар, пословицы и поговорки, это и «арменизация» наших сказок и анекдотов, музыкальных и других образцов фольклорного жанра. Что же общего в этих различных проявлениях армянского плагиата, приводимых в разделе «Пришел, увидел, ... присвоил». А вот что. Прежде всего, это «сказки» отнюдь не армянского происхождения, а армянского преподношения. Это инородные сказки, как и озаглавлена общая рубрика публикаций. Наряду с этим, это и «анекдоты» в переносном смысле этого термина в виде абсурдов – лживых утверждений, приводимых во второй главе «Театр абсурда».

ISBN 978-9952-443-00-4

© Камран Иманов, 2008

«Агрессивные армянские националисты на протяжении почти двух столетий осуществляли политику геноцида против нашего народа. С целью вытеснения азербайджанцев с исторических земель, создания на этих территориях мифической «великой Армении» армяне десятилетиями регулярно подвергали азербайджанский и турецкий народы идеологической, военной и культурной агрессии. История нашего народа была грубо сфальсифицирована, наша культура, топонимы присвоены армянами...

Армянские националисты, обладающие богатым опытом в области политико-идеологических диверсий и дезинформации, и сегодня ведут во всем мире пропагандистскую войну против нашей страны и народа, пытаются ввести мировую общественность в заблуждение, заставить ее забыть об оккупации азербайджанских территорий. Сегодня, когда принципы цивилизованного сосуществования и сотрудничества завоевывают все больший успех, когда процессы всесторонней интеграции получают широкое распространение, пропаганда армянскими националистами вымышленного геноцида и их территориальные притязания к соседним государствам играют роль разрушительного фактора, направленного на нарушение стабильности и миропорядка в регионе, приводят к противостоянию народов, поощряют национальную и религиозную конфронтацию».

Президент Азербайджанской Республики
Ильхам Алиев

(Из «Обращения к азербайджанскому народу в связи с 31 марта – днем геноцида азербайджанцев», Баку, 28 марта 2008 года)

«Редко говорят о добродетели, которая имеется, но тем чаще толкуют о той, которой не хватает»
Лессинг

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Армянская традиция по присвоению азербайджанских культурных традиций, столетиями воплощаемая по схеме: «Пришел, увидел,...присвоил», тесно связана с территориальными притязаниями на наши земли. Замысел реаниматоров мифа о «Великой Армении» достаточно прозрачен: «обоснование» претензий на непринадлежащие территории пришлый этнос связывает с усвоением, присвоением и арменизацией материального и нематериального наследия народа – исконного хозяина земель. Интеллектуальные и материальные кражи культуры «сдобрены» историко-географическими измышлениями, формированием собственной ложной истории и, конечно, искажением истории Азербайджана и региона в целом.

Все это важная, но не единственная часть пропаганды, инициируемой армянской националистической информационной машиной. И если по замыслу фальсификаторов она выступает в качестве «аргумента» «великой армянской культуры» и постоянной питательной почвы для легенд о «великих территориях» и ее автохтонных насельниках – армянах, то другой составной частью пропаганды является тема армянской «многострадальности». Сформированная в массовом армянском сознании духовными пастырями шовинизма идея «покинутости», «многострадальности» армян, создания из тюрков образа врагов, противостоящих воплощению армянской государственности, равно как и монофизитство армянской григорианской церкви, цементирующего начала всех армян, очерчивая образ народа-изгоя, должны оправдать насилие и террор как инстру-

менты национального выживания. Язык воплощения политики – фарисейство, отработанный способ внедрения в общественное сознание мифотворчества, очень метко охарактеризовал Ж. де Малевиль, отмечая, что в армянской пропагандистской машине задействованы три метода марксистской диалектики: переписывание истории, тезис о секретном заговоре угнетателей армянского народа и обвинение противника, преследуемого во имя морали, намеренно путая ее с правом. Добавим к этому, что армянство всегда наделяло противника целями и намерениями, свойственными себе. «Для того, чтобы остановить этот произвол армянской пропаганды, рискующей иметь для будущего Европы весьма тяжкие последствия, необходима реакция всех здравомыслящих людей».

Сформированная согласно главным тезисам армянской пропагандистской машины информационная война против Азербайджана в последние годы осуществляется в еще более разнузданной форме и призвана дезавуировать агрессивную сущность государства, оккупировавшего азербайджанские земли. Эта война рождена надсадным желанием дезинформировать международное общественное мнение и замышлена к формированию образа армянства по принципу «казаться, а не быть на самом деле». И по этой причине, как отмечалось, постоянными спутниками развязанной информационной войны являются подлог и фальсификация, лицемерие и фарисейство.

Президент Азербайджанской Республики господин Ильхам Алиев призвал учитывать эти факторы при построении информационной и контрпропагандистской работы, осуществлять более масштабные и регулярные мероприятия для привлечения внимания мировой общественности и политических кругов. Поставлена задача разоблачения фальшивой армянской пропаганды и не только во имя обороны интересов азербайджанского народа.

«Я неоднократно говорил и хочу повторить, что мы должны перейти в информационное наступление» (из речи Президента Ильхама Алиева на втором совещании руково-

дителей органов дипломатической службы Азербайджанской Республики, 14 августа 2006 года).

«Армянские инородные сказки» состоят из двух тематических подборок. В первой главе «Пришел, увидел, ... присвоил» повествуется об усвоении, присвоении и арменизации интеллектуальной собственности, принадлежащей азербайджанскому народу. Это и интеллектуальные кражи наших дастанов, преданий и других эпических произведений, это и стремление прибрать к рукам наши баятылар, пословицы и поговорки, это и «арменизация» наших сказок и анекдотов, музыкальных и других образцов фольклорного жанра. Что же общего в этих различных проявлениях армянского плагиата, приводимых в разделе «Пришел, увидел, ... присвоил». А вот что. Прежде всего, это «сказки» отнюдь не армянского происхождения, а армянского преподношения. Это инородные сказки, как и озаглавлена общая рубрика публикаций. Наряду с этим, это и «анекдоты» во втором переносном смысле этого термина в виде абсурдов – лживых утверждений, приводимых во второй главе «Театр абсурда».

А вот то, что армянские сказки и анекдоты все ещё находясь в «развитии», пополняются новыми плагиатными мотивами и очередными абсурдами, позволит и впредь вернуться к этой теме.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА I. «ПРИШЕЛ, УВИДЕЛ, ...ПРИСВОИЛ» *или «об армянской традиции присвоения азербайджанских культурных традиций»* 9

§1. «Пришел, ...», в котором кратко повествуется о массовом заселении армянами Южного Кавказа 11

§2. «..., Увидел, ...», в котором повествуется о том, с чем столкнулись армяне на Южно-Кавказских землях 16

§3. «..., Присвоил», в котором повествуется об истоках армянского плагиата 20

§4. «..., Присвоил», в котором на общем фоне армянских интеллектуальных краж повествуется об армянских откровениях и свидетельствах 23

§5. «..., Присвоил», в котором повествуется о присвоении азербайджанских баятылар 33

§6. «..., Присвоил», в котором повествуется о присвоении азербайджанских преданий 40

§7. «..., Присвоил», в котором идет речь о присвоении азербайджанских дастанов 47

§8. «..., Присвоил», в котором повествуется, о том как пытались армяне прибрать к рукам дастан Кероглу 60

§9. «..., Присвоил», в котором повествуется о присвоении азербайджанских пословиц и поговорок 68

§10. «..., Присвоил», в котором повествуется о присвоении азербайджанских сказок и анекдотов 80

§11. «..., Присвоил», в котором повествуется об истоках и «развитии» армянского музыкального плагиата 89

§12. «..., Присвоил», в котором повествуется об армянских заимствованиях творчества азербайджанских композиторов и, в первую очередь, Узеира Гаджибекова 105

§13. «..., Присвоил», в котором повествуется об огромном воздействии азербайджанской музыки и творчества Узеира Гаджибекова на становление армянской профессиональной музыкальной школы 116

§14. «... Присвоил», в котором рассказывается о попытках присвоения оперетты Уз.Гаджибекова «Аршин мал алан» 127
§15. «... Присвоил», в котором приводятся примеры присвоения различных объектов традиционных знаний и традиционных выражений культуры 142

ГЛАВА II. ТЕАТР АБСУРДА 158
§1. Абсурд с азыхантропом 162
§2. Абсурд с первохристианством на Кавказе 165
§3. Абсурд с албанским алфавитом и армянским прототипом письменности 172
§4. Абсурд с присвоением литературного наследия Албании 178
§5. Абсурд с присвоением материального культурного наследия Албании 186
§6. Академический абсурд и этимологическая эквилибристика 202
§7. Царственно-династийный абсурд и об армянской историографии 209
§8. Кюрекчайский абсурд 227
§9. Ашугский абсурд 235
§10. Кладбищенский абсурд 244
§11. Гамигаинский абсурд 258
§12. Армяно-скакунский абсурд 271
§13. Абсурд с «морскими» армянами 289
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ 321

ГЛАВА I

«ПРИШЕЛ, УВИДЕЛ, ...ПРИСВОИЛ»
или «об армянской традиции присвоения азербайджанских культурных традиций»

«Можно помешать народам учиться,
но заставить их разучиться нельзя»
Берне

Столетиями наработанная схема армянского плагиата или культурных краж превратилась в традицию присвоения азербайджанских культурных традиций и ценностей. И эта традиция интеллектуальных краж всегда была тесно связана с притязаниями на наши земли, подпитывалась и в свою очередь обосновывала миф о «Великой Армении». Прибирание к рукам со стороны армянства материального и нематериального культурного наследия азербайджанского народа никоим образом не являлись случайными. Это была политика, политика, основанная на фальсификациях и подлоге, поскольку, по замыслу фарисеев, присвоенные образцы культуры, выступали не только в качестве аргументов и свидетельств «великой армянской культуры», ее неоценимого влияния на культуру Востока и, в первую очередь, на этнических соседей, проживающих в общем географическом ареале, но и постоянно поддерживали националистические иллюзии об «утраченных территориях многострадального народа» – первонасельника этих земель.

Несомненно и то, что мифотворчество о «великих территориях» и претензии на все ценное, созданное здесь, всегда сопровождались формированием собственной ложной истории, искажениями истории Азербайджана и Кавказа в целом, тесно переплетаясь с фальсификацией культуры региона, происхождения и этнической принадлежности свидетельств его материальной и духовной культуры.

Ведущими аргументами армянского мифотворчества о «великих территориях», «основаниями», если можно так выра-

зиться, армянской агрессии и захвата земель и, в первую очередь, азербайджанских, служил тезис об их наследовании государств Урарту и Кавказской Албании. Невзирая на то, что ни одни археологические исследования не подтвердили сходства культур армян и урартийцев, невзирая на то, что языковая принадлежность урартийцев была признана урало-алтайской, а армяне, как известно, говорили и говорят на языке индоевропейской группы, армянство до сегодняшнего дня не упускает случая найти какие-либо доказательства своего урартийского происхождения. Что касается претензий на Албанию, как на «Восточный край Армении», то, и здесь невзирая на доказательные труды отечественных и зарубежных специалистов об Албании, являвшейся на протяжении длительного исторического периода могущественным, независимым государством, мы и сегодня продолжаем встречаться с рецидивами армянского отрицания этого этноса, имеющего прямое отношение к этническому становлению азербайджанцев, с фальсификациями его истории, территории и культуры.

В рамках этой «концептуальной основы» армянскими объявляются все памятники материальной и нематериальной культуры Албании, а в тех случаях, когда исторические факты вынуждают к их признанию, то население Албании объявляется полностью арменизированным к VII веку, в лучшем случае к XII в. и тем самым памятники ее культуры декларируются как армянские.

Мы постараемся привести вам, уважаемые читатели, несколько примеров подобных рецидивов, покоящихся на логике абсурда, а сейчас перейдем непосредственно к несколько видоизменной латинской триаде «Пришел, увидел, ...присвоил», ссылаясь, как правило, на армянские свидетельства.

§1. «Пришел, ...», в котором кратко повествуется о массовом заселении армянами Южного Кавказа

В «Истории армянского народа» утверждается, что «...колыбелью человечества, его прародиной является Армения». Армяне – самый древний народ и язык армян – древнейший из всех известных. Идея исключительности и особой миссии армянского этноса и сегодня продолжает оставаться маниакальной, несмотря на предупреждения некоторых реалистичных политических деятелей Армении о том, что раздувание исключительности и отверженности – тупиковый путь для армянского этноса. «Видеть во всех врагов – самому стать врагом для всех. Это не путь, это бездна» (Сурен Золян).

Одна из многих граней творимой легенды об армянской исключительности - повсеместное утверждение армянством мнения о том, что они являются аборигенами Кавказа, наследниками «Великой Армении от моря до моря». Пришлость же армян, их насельничество на сегодняшних и на предшествующих «транзитных» местах обитания давно доказана исторической наукой. Геродот - «отец истории народов» пишет: «Страну, располагающуюся у верхнего течения Ефрата, именовали Арменией». Армяне «проживали в западной части нагорья, именуемого Армянским» (Геродот, «История; Изд. «Наука», Ленинград, 1972). А вот мнение известного историка И.Дьяконова, отраженное в его монографии, изданной в Армении: «Армянский этнос сформировался вне пределов Кавказа» (И.Дьяконов, «Предистория армянского народа», Ереван, 1958). Теперь уже общеизвестно, что Армения не является родиной армянского этноса. И с этим вынуждены считаться и сами армянские ученые.

Академик М.Абегян: «...где корни армянского народа, как, когда, в какое время, откуда и какими путями он пришел сюда... Мы не располагаем точными и ясными свидетельствами этого» («История армянской литературы», Ереван, 1975).

«Предки армян пришли с Балкан» («История армянского народа», Ереван, 1980). Как и утверждают ныне сами армянские авторы «древнейшим ядром армян было население северо-

восточной части Малой Азии. Эта страна... именовалась Арматана, а позднее Хайаса. Уже оттуда предки армян перебрались к юго-востоку озера Ван (XII в. до н.э). Исторически известно, что в IX в. до н.э. в Восточной Анатолии, вблизи озера Ван сформировалось государство Урарту (Биани), которое в середине VIII века до н.э. присоединило к себе Хайасу под названием Арме. Тем самым «Арме», равно как и «Хайаса» – название и самоназнание сегодняшней Армении исходят именно из указанных географических областей.

Не случайно, Дьяконов считает, что «поскольку древнеармянский язык не родственен языкам автохтонов Армянского нагорья, ясно, что он занесен сюда извне».

Более того, в раннем средневековье и в последующем, нахождение армян на земле, населенной тюркским этносом, позволило им выжить и, этнически сохраниться. Известный специалист Левон Дабегян: «...армяне своим национальным существованием и впрямь обязаны сельджукским и османским тюркам. Если бы мы остались среди византийцев или других европейцев армянское имя всего-навсего могло сохраниться только в исторических книгах». С подобным армянским откровением нельзя не согласиться, поскольку сами же армяне в своей книге «Армянская средневековая литература», подготовленной Институтом литературы им. М.Абегяна и изданной издательством «Советан грох» на русском языке в Ереване в 1986г. со ссылкой на своего средневекового историка Себеоса, приводят исторический документ – письмо византийского императора Маврикия (582-602) царю Персии Хосрову: «...народ (армяне) ...живет между нами и мутит...». И далее говорится, что их нужно изгнать с земель Византии и Ирана. Комментарии здесь, как говорится, излишни. Согласно историческим хроникам, после армянских погромов, учиненных Византией в конце первого тысячелетия, армянский католикос для спасения нации обращается к сельджукскому султану Арп-Аслану с мольбой о помощи и султан берет армян под покровительство. Мы приводим мнение 26 армянского католикоса Барсеса о султане Мелик-шахе, улучшившим положение армянской церкви после обращения к нему: «Он всюду сумел создать мирное и спра-

ведливое правление... в силу своего величия, никому не причинил бед». А вот цитата, взятая у армянского историка Матевоса о проживании армян на землях, населенных тюркским этносом и отношении тюрков к ним. «Правление Мелик-шаха было угодно Богу. Его власть распространилась вплоть до дальних стран. Она принесла спокойствие армянам... Он был преисполнен милосердия к христианам, проявлял отеческую заботу к народам...». И последнюю цитата, которую мы приводим, – это армянское свидетельство, характеризующее правление султана Фатеха: «Сказать, что с покорением султаном Фатехом Стамбула (Константинополя) для армянских судеб зажглась звезда, означает подчеркнуть историческую правду...» Кончилось все это, как известно, тем, что армяне повсеместно пытаются навязать мировой общественности измышления о так называемом геноциде в Османской Турции.

Проникновение армян в области Южного Кавказа связано со значительно более поздними временами. Вместе с тем в советское время армянами был учинен фарс с 2750-летием крепости Эребуни, название которой было идентифицировано с Иреваном (Ереваном). Далекие годы расцвета Урарту эту закавказскую территорию, по сведению источников, урартийцы рассматривали как «землю вражескую» и которую впоследствии завоевали. Выходит, что Эребуни был заложен во вражеской стране армянами в те годы, когда они входили как область в состав государства Урарту.

Армяне, как пришлый этнос, расселяются на территории исторического Азербайджана, начиная с XV века, проникая сюда с территорий современного Ирака, Ирана, Турции и Сирии. В XVI веке процесс переселения армян на земли азербайджанских ханств активизировался, и особенно усилилось их проникновение на земли Иреванского ханства, территорию, которая, по существу, является сегодня территорией республики Армении. Именно в эти годы, Реван-хан – правитель ханства написал знаменитому шаху Исмаилу Хатаи: «...из Месопотамии, на побережье озера Ван, а оттуда сюда на Кавказ, на огузско-тюркские земли, переселяющиеся небольшими партиями по 5-10 человек, армяне вместо того, чтобы заниматься ремес-

лом, как было условлено, стремятся осесть, строят церкви и тем самым пытаются создать впечатление, что являются аборигенами Кавказа, а это принесет нам в будущем много неприятностей... Все это финансируется из размещенного в Аг Кился (Эчмиадзин) католикасата...».

Действительно, это были пророческие слова, свидетельствующие об истоках заселения армянами земель: сначала отдельными семьями, затем небольшими группами и колониями и тем самым создавались территориальные предпосылки для армянской государственности на исконных землях Иреванского ханства.

С целью создания армянской государственности на землях Азербайджана в Аг Кился (Эчмиадзин) в XV веке была переведена армянская церковь с патриаршим престолом, взявшая на себя политические и государственные функции в условиях отсутствия армянской государственности. С того времени история Иревана, Нахчывана и Зангезура представлялась армянами как история «Восточной Армении».

И, конечно, переселение армян на Кавказ, особенно на территории Нахичеванского, Иреванского и Карабахского ханств, на исконную азербайджанскую землю, получило мощные импульсы после Гюлистана и Туркменчая. Тем не менее, если в XVI веке в Иреванском ханстве проживало 15 тысяч пришлых армян, то, несмотря даже на резкое нарастание численности колонистов в момент создания в 1828 году царским правительством Эриванской области взамен ликвидированного Эриванского ханства население ее на 80% все же состояло из азербайджанцев.

Выдавливание коренного тюркского элемента с исконных земель в последующие годы, включая советский период, приобрело характер депортации и, по своей сути, переселение армян представляло собой оккупацию азербайджанских земель. Все это сопровождалось предоставлением армянским переселенцам более широких прав и привилегий по сравнению с теми, которые имело местное азербайджанское население. Следует напомнить, что после Гюлистанского договора (1813г.) Россия последовательно осуществляла ликвидацию азербай-

джанских ханств, и в 1822 году было ликвидировано Карабахское ханство. И, когда спустя год после его ликвидации, в 1823 году, было составлено «Описание Карабахской провинции» и несмотря на принятие мер по отторжению отсюда азербайджанцев, в этом документе из 18.563 семей, зарегистрированных царской администрацией, только 8,4% приходилось на долю армянских меликств. В годы советской власти наряду с выселением азербайджанцев из исторических мест проживания, территория Азербайджана последовательно присоединялась к Армении. Если до мая 1920г. территория Азербайджана составляла 114 тыс. кв. км, то впоследствии она была урезана на 28 тыс. кв. км и стала равной 86 тыс. кв. км. Тем самым она была уменьшена в объеме, примерно равном территории Армении (29,8 тыс. кв. км).

Такова вкратце историческая хронология заселения армянами Южного Кавказа за счет азербайджанских земель, объявленных ныне армянством историческим местом проживания своего этноса. Процесс этот не мог протекать мирно, он инициировался армянским террором, гонениями против местного населения, принявшими характер геноцида. Он всегда прикрывался исторической ложью, подлогами и искажениями, фарисейством по отношению к тем, кто дал приют армянским переселенцам и продолжает сопровождаться территориальными притязаниями к нашим землям паралельно с претензиями на наше культурное наследие.

А теперь завершив первую часть «Пришел,...» мы перейдем в видоизмененной латинской триаде «Пришел, увидел,... присвоил» ко второй части, а именно «...увидел...».

§2. «..., Увидел, ...», в котором повествуется о том, с чем столкнулись армяне на Южно-Кавказских землях

Прежде всего, нам понадобится краткий экскурс в эпоху, связанную с началом колонизации армянами азербайджанских земель. В XVI-XVII вв. во времена Сефевидов азербайджанский язык (тюркча) становится государственным, дворцовым и дипломатическим языком. Приведем несколько свидетельств иностранцев. Итальянский путешественник П.Д.Валле: «Во дворце мне стало очевидно, что тюркча значительно более употребляем, нежели чем фарсидский...». Французский путешественник Ж.Б.Тавернье: «Тюркча – самый легкий из языков Востока. Достоинство, степенность выражения на этом языке, его звучание привели к тому, что это единственный разговорный язык во дворце и во всей империи»».

В XVIII веке, когда русские появились на Кавказе, возникла потребность в установлении языка взаимопонимания в этом регионе. Таковым и выступил азербайджанский тюркча. Не случайно Петр I, объявляя причины и цели своего похода на Каспий, изложил их в специальном манифесте на азербайджанском языке, да и в течение всего XVIII века северокавказские народы, проживавшие вдоль Терека и Кубани, вели переписку с центром Российской империи, как правило, на азербайджанском языке. Подчеркнем, что в Госархиве старинных документов России только за пятилетний период (1783-1787 гг.) из хранимых 925 документов, тексты 816 из них, то есть 88%, написаны на азербайджанском языке. Не случайно, что царское правительство приняло специальное решение об изучении азербайджанского языка в русских школах, а для тех, кому надлежало работать в транскавказских госслужбах, с 1802 года была открыта специальная школа, ставшая в 1829 году гимназией, и в которой будущие госслужащие интенсивно изучали азербайджанский тюркча. Примечательна мотивировка предпринятых царскими властями шагов. В частности, Кавказское наместничество, информируя министерство просвещения царской России по вопросу подготовки местных

кадров, в качестве обоснования изучения азербайджанского языка особо подчеркивало, что грузинский для служащих может быть пригоден только в Тбилисской и Кутаисской губерниях, в то время как знание азербайджанского необходимо для работы не только во всех остальных регионах Южного Кавказа, но и на всем Кавказе в целом.

Причина была в том, что в этот исторический период азербайджанский тюркча превратился в язык межгосударственного и межнационального общения. Это положение сохранялось вплоть до полного покорения Россией Кавказа. И, несомненно, это не прошло мимо знаменитых представителей русской интеллигенции. У М.Лермонтова, А.Бестужева-Марлинского, побывавших в этих краях, можно найти много замечательных высказываний об азербайджанском языке, включая произведения, где азербайджанский язык непосредственно использован. Вот несколько примеров. М.Лермонтов: «Тюркча азиатский французский». А.Бестужев-Марлинский в своем произведении «Молла-Нур» каждой главе предпослал эпиграфы на азербайджанском, такие, как например, «чах дашы, чахмаг дашы, Аллах версин ягышы», или же «Оджагдан чыхан дюшман» и многие другие.

Приводимое ниже свидетельство принадлежит прибывшему на Кавказ знаменитому немцу Августу фон Гакстаузену: «Армяне слагают и поют свои песни не на армянском, а на разговорном татарском [тюркском], поскольку именно этот язык является языком общения, торговли и взаимопонимания среди народов Южного Кавказа. С этой точки зрения он сравним с французским, имеющим хождение в Европе. Вместе с тем, это язык исключительной поэзии. Вероятно, именно это – одна из причин слабого распространения стихов на армянском, самые известные армянские поэты для широкого распространения своих произведений всегда писали на татарском [азербайджанском] языке».

Далеко не случайно, что прибывшие на наши земли армянские колонисты приобщались к азербайджанскому языку, вбирали нашу культуру и общались на азербайджанском тюркча. Сказанное признавалось и самими армянами. Вот свидетельство основоположника и признанного классика армянской литерату-

ры Х.Абовяна, который в своем романе «Раны Армении» написал буквально следующее: «Будь проклят тюркский, однако этот язык получил благословение Господне... всюду на торжествах или свадебных церемониях мы поем по-тюркски», или же «...народ [армянский] усвоил огромное количество тюркских слов и пользуется ими поныне». Х.Абовян, считая совершенно естественным употребление азербайджанских слов в армянском языке, писал: «В разговорной речи наш народ употребляет не только отдельные слова по-азербайджански, но и предложения целиком» (Х.Абовян, Полное собрание соч., V том, Ереван, Изд. АН Арм. 1950, на арм.). Классик армянской литературы и сам в своих произведениях, таких, как упомянутый роман «Раны Армении» или поэма «Песнь Агаси», широко использовал азербайджанский (только в романе «Раны Армении» более ста азербайджанских слов) и вот так объяснял это Н.Налбалдьян: «...Абовян писал так именно потому, чтобы неграмотный народ не подумал, что читает книгу, он писал так, чтобы народ ощущал, что с ним просто-напросто беседуют» (Н.Налбалдьян, Полн. соб. соч. III т., Изд. АН Арм, 1970, на арм.).

Влияние азербайджанского языка было столь значительно, что, согласно откровению армянского академика Грача Ачарьяна («История новой армянской литературы», Вагаршабат, 1906, на арм. языке) «... под воздействием тюркского [азербайджанского] языка изменились даже грамматические закономерности и правила армянского языка». А вот широко использовавший в своем творчестве образцы азербайджанского фольклора и азербайджанские слова классик армянской литературы Хачатур Абовян прямо написал: «Наш язык, как минимум, на 50% состоит из тюркских слов...», или «...по своему звучанию, поэтичности и певучести, в грамматическом отношении татарский [азербайджанский] – лучший среди других языков» («Раны Армении»). Именно Х.Абовян, прекрасно владея грамматикой азербайджанского языка, создал «Краткие правила для словесного употребления тюрки, на котором говорят во всем Закавказском крае, в Азербайджане и почти во всей Персии». Именно так и назывались написанные классиком армянской литературы «Краткие правила...», хранящиеся в цен-

тре древних рукописей Армении, в Матенадаране, и по свидетельству профессора Антоньяна, призванные стать учебником для лучшего понимания армянами азербайджанского языка.

А Н.Налбалдьян, на которого мы сослались выше (Полн. соб. соч., III т., Изд. Арм. АН, 1970, на арм.), относительно знания армянами азербайджанского языка писал, что армяне не только широко используют азербайджанский язык, слова, но и стихи и песни. Согласно его понимания, в этом была прямая потребность, поскольку для армянского населения в то время «большую часть разговорного языка составляли азербайджанские слова». А, если следовать признанию Г.Антоняна в напечатанной им в журнале «Революция и культура» статье «Отношение Х.Абовяна к азербайджанскому народу и его культуре», то выходит, что «азербайджанский превратился в полную необходимость». Добавить к этому что-либо трудно.

Итак, уважаемые читатели, мы подошли к третьей части видоизмененной латинской триады «...присвоил» из цикла «Пришел, увидел, ... присвоил».

Мы задержимся на заключительной части латинского изречения и приведем вам многочисленные факты армянских краж и искажений наших преданий, дастанов, пословиц, поговорок, баяты, напевов, музыкальных композиций, ашугского творчества, присвоения памятников и многого другого всего того, что сегодня относится к нематериальному и материальному культурному наследию. На некоторых хронологических, исторических фактах мы постараемся показать как «становилась» армянская традиция по присвоению азербайджанских культурных традиций. И, конечно, мы не обойдем стороной и современные кражи интеллектуальной собственности азербайджанских авторов.

§3. «..., Присвоил», в котором повествуется об истоках армянского плагиата

Еще у общепризнанного «отца истории народов» Геродота в его «Истории», датируемой V в. до н. э., главы с 100 по 133 посвящены Мидии и массагетам (машкутам), и эти исторические сведения, по признанию специалистов, построены на фольклорных образцах, а именно на преданиях «Астиаг» и «Томирис».

Подчеркнем: на преданиях, созданных одними из наших исторических предков на землях, наследниками которых являемся и мы с вами. Спустя тысячу лет, в V в., признанный армянами как «отец армянской истории» Моисей Хоренский в своей «Армянской истории» описывает те же события, придавая им, однако другой смысл и, прежде всего, представляя их как исторические этапы в жизни армянского народа и его героическое противостояние соседним народам. Если мы оставим в стороне сходство сюжета и близкое к плагиату заимствование формы у оригинала, то бросается в глаза новая суть излагаемого, а именно: речь идет об исторических событиях, якобы имевших место в истории Армении. Стало быть, сюжет об Астиаге «дополняется» вымышленными событиями и искажается армянскими образами, в которые наряду с Аждахагом (Астиагом) «внедрен» армянский царь Тигран и его сестра, и в противовес основным героям оригинала они наделяются замечательными качествами, присущими исходным персонажам Геродота. Примерно такая же фальсификация осуществляется и в отношении предания о Томирис, где тюркоязычные массагеты «замещены» на другой этнос, а царь Кир «сменен» на армянского царя Арташеса и т.п.

В результате предание «Астиаг» фальсифицируется арменизированным вариантом и создается несуществующее армянское предание «Тигран и Аждахаг». Точно также подается подлог, когда предание «Томирис» подменяется на армянское предание «Арташес и Сатеник», тем самым предается забвению известное историческое имя «Томирис» и раздувается военная мощь Армении, а главное, путем подлога и искажений «создаются» несуществующие предания. Для придания правдоподобия

своим историческим фальсификациям и арменизированному плагиату Хоренский спрашивает у читателей: «Наверное, ты, читатель, не удивишься правдивости нашего изложения этой темной истории об аждахагах?». Таким образом, письменное свидетельство ложной принадлежности арменизированных преданий, этих искаженных, причем умышленно, образцов фольклора, зафиксировано. Как же все это получает путевку в жизнь? Сегодняшнюю легитимность историческому домыслу и плагиату придают соответствующие псевдонаучные изыскания. К примеру, в книге «Армянская средневековая литература», подготовленной Институтом литературы АН Армении и изданной издательством «Советакан Грох» в 1986 году, пишется: «Проявляя в поисках исторической истины гражданское мужество и научное здравомыслие, автор [Хоренский] не считает незыблемым даже авторитет Библии... и чем глубже и тщательнее изучается древний период армянской истории, тем больше выявляется фактов, подтверждающих научную добросовестность «отца армянской истории». И далее: «неповторимую прелесть и своеобразный колорит придает всему повествованию Хоренского искусное включение в текст, произведений древнеармянского фольклора, бесценных жемчужин народной фантазии», то есть мифа «О Тигране и Аждахаге» и сказания «Об Арташес и Сатеник». «Сказание об Арташесе и Сатеник» и другие замечательные образцы устного народного творчества – не только своеобразные мифологические представления доисторических времен, но и свидетельство тонкого художественного вкуса их создателей, исключительной красоты и совершенства этих творений». Остается добавить, что у Хоренского, как и у Геродота, дается генеалогический перечень мидийских правителей, однако к нему Хоренский добавляет список армянских царей и католикосов.

А вот что утверждается в книге «Империя» из серии «Новая хронология» академика А.Фоменко (стр. 664-687 и 714-717) на основе анализа полученного современными математико-статистическими методами обработки результатов: «Список армянских католикосов получен склейкой нескольких версий, по сути дела, одного и того же, более короткого списка, и здесь же указывается, что «период церковной истории Армении с IV до IX

века является искусственно созданной компиляцией истории после IX века».

Подчеркнем, что приводимые авторами заключения во многом совпадают с результатами, отраженными в книге известного российского специалиста Е.А.Мельниковой, исследовавшей древние саги скандинавов («Древние скандинавские географические сочинения», М., «Наука», 1986). Выводы двух российских авторов позволяет заключить, что Армения, как исторически бывшая фем-провинция Византии, включила в себя как ее название, так и всю ее историю, а именно старые римско-византийские хроники в качестве фундамента своей местной истории и еще кое-что из истории Священной Римской империи Германии. Выходит, что со стороны армян ведется, и совсем не сегодня, планомерное использование исторического прошлого и традиций других народов, а также искусственное удревнение, плагиат и фальсификация армянских родословных. И, конечно, все это обязательно фиксируется на соответствующих материальных носителях, дабы можно было в последующем использовать и ссылаться.

Посему, сталкиваясь с очередными фактами присвоения того или иного образца интеллектуальной собственности нашего народа, как всегда, письменно засвидетельствованного армянской пропагандистской машиной в качестве «истинно армянского», невольно задумываешься над метаморфозой с письменностью в ущерб всего того, что именуется интеллектуальной собственностью. На память приходит изложенное в «Федре» Платона, где повествуется, что один из богов для возвеличивания народа, которому он покровительствовал, решил научить его писать. В ответ на это царь богов разъяснил ему, что письменность не заменит памяти; слова не объяснят происшедших событий и сотворенных образов, не внесут в них новых мыслей и переживаний. Словом, не прибавят интеллекта и мудрости тем, кому он покровительствует... Однако присвоение и арменизация нашего культурного наследия, в т.ч. и современных творений, в которые не вложен интеллект соседей, в которых не отражена его ментальность, были и продолжаются.

§4. «..., Присвоил», в котором на общем фоне армянских интеллектуальных краж повествуется об армянских откровениях и свидетельствах

Уважаемые читатели! Продолжая материал «Пришел, увидел, ...присвоил», хотелось привести наиболее «яркие» из фактов присвоения армянами нашей интеллектуальной собственности, истоки которых, как указывалось в предшествующем параграфе, восходят к началу нашей эры. Просим «ничему не удивляться» или «nil admirani», как говорили древние римляне.

Попробуем сначала обрисовать общую панораму армянских интеллектуальных краж, «армянской традиции присвоения азербайджанских культурных традиций».

Начнем с того, что азербайджанские творения, звучащие в оригинале, но в армянской графике в значительном количестве хранятся в Институте древних рукописей Армении, Матенадаране и других хранилищах. Длится это давно, начиная с XVI-XVII веков. Только в Матенадаране находятся 55 рукописей, относящихся к азербайджанскому фольклору, 26 из которых датируются XIX в., а остальные – более ранними периодами. К примеру, если взять рукописи азербайджанских дастанов, то они также передавались на хранение, будучи переписанными в армянской графике. Эти дастаны, как правило, полностью звучат на азербайджанском, есть рукописи, прозаическая часть которых на азербайджанском языке, а поэтическая в переводе, либо наоборот. Наконец, многочисленные рукописи хранятся на азербайджанском и в переводе одновременно. И это, так сказать, письменно засвидетельствованная основа присвоения и арменизации. Знание азербайджанского языка, его употребление армянским населением, широкое использование армянскими деятелями культуры наших фольклорных образцов, их распространение и авторитет среди армян, в свою очередь, способствовали плагиату и арменизации, о чем мы писали несколько раньше.

Да, уважаемые читатели. Не останавливаясь на других армянских хранилищах рукописей, речь идет именно о Матенадаране, в котором хранятся фолианты из культурного насле-

дия азербайджанского народа, в том числе на языке оригинала. Кстати, именно Матенадаран совсем недавно стал предметом переполоха в Национальной Академии Наук Армении в связи с заключением договора между этим хранилищем и Университетом штата Миннесота. Причина беспокойства армянских академиков едва ли не банальна. Оказывается, что американские ученые, получившие доступ к копиям древних рукописей и, как принято в ученых кругах, станут открыто обсуждать содержание древних рукописей, то, упаси боже, если они передадут их во «вражеские руки». Стало быть, древние манускрипты должны рассматриваться... в призме национальной безопасности Армении и потому... пользоваться грифом «секретно». Не удивляйтесь, уважаемые читатели, изложенному выше. Все это, наверное, могло бы занять достойное место среди армянских абсурдов, но поскольку речь идет о Матенадаране с хранящимися здесь и присвоенными образцами азербайджанского культурного наследия, то понять тревогу ученых соседей вполне возможно. Тем более что ссылки на подобные древние рукописи едва ли не главный аргумент в армянских исторических претензиях не чужие земли. В последнем случае, если ссылаются на то, чего нет в древних рукописях, либо утаивают то, что есть в них, то, действительно, матенадарановские рукописи становятся весьма опасными для армянских присвоителей чужой интеллектуальной собственности и фальсификаторов истории. Вот, наверное, и потому они должны быть скрыты от посторонних глаз, дабы притязания согласно армянской традиции присвоения чужих культурных традиций вкупе с исторической фальшью о «Великой Армении» и претензиями на чужие земли были бы современно и «обоснованно» подпитаны ссылками на древние рукописи.

Однако вернемся к теме, и посудите сами, уважаемые читатели.

Известные деятели культуры Армении еще в XIX веке широко использовали в своих произведениях образцы азербайджанского фольклора. В их числе Х.Абовян, М.Налбалдьян, Г.Агаян, П.Прошян, Р.Патканян, Г.Сундукян и др. Приведем конкретный пример. По использованным только в двух произве-

дениях Х.Абовяна «Раны Армении» и «Песня Агаси» образцам азербайджанской словесности был составлен Г.Гаспаряном и издан словарь (Г.Гаспарян. Произ., IV т., Ереван, изд. АН, 1947, на арм.), в котором заимствованные у нас выражения именуются, как «диалект». Прошу обратить внимание уважаемых читателей: можно ли именовать «диалектом» сотню использованных Х.Абовяном азербайджанских слов только в романе «Раны Армении» таких как «плов», «чалма», «гарапапах», «хурджун», «тендир» и т.п., не говоря уже о напрямую переписанных с тюркча пословицах? И это не случайно, поскольку сам классик армянской литературы Х.Абовян был первым из собирателей азербайджанского фольклора, обходя деревни и города, записывал услышанные образцы от азербайджанского населения. Вот что он писал: «Я жил одной мечтой: броситься в ноги к хану, чтобы он дал мне кусок хлеба для пропитания, а я мог бы днем и ночью, обходя все населенные пункты... собрать и записать все то, что говорит народ» (Абовян, «Избр. произв.», Ереван, 1939, на арм.). И надо отдать должное – ему удалось многое собрать, в т.ч. песни и легенды, исторические были и предания, пословицы и поговорки, баятылар и анекдоты, ашугские сказания и дастаны и многое другое. Все собранное было записано на азербайджанском языке в армянской графике. К сожалению, горькие последствия этого сказались еще в те времена и продолжают сказываться сегодня. Все это происходило еще в первой половине XIX века. Именно в те годы, переданные Х.Абовяном небезызвестному в Азербайджане Ф.Боденштедту в латинской графике образцы азербайджанского фольклора были изданы последним как выражения армянского фольклора. Да, именно так, уважаемый читатель, Хачатур Абовян тщательно собирал образцы азербайджанского устного народного творчества, досконально их изучал, перезаписывал в армянской транскрипции и в полной мере использовал эти культурные истоки в своих произведениях. Не довольствуясь этим, Х.Абовян на основе своих подложных рукописей способствовал изданию еще в 1850 году в Берлине Ф.Боденштедтом трехтомника «Тысяча и одна ночь на Востоке», где азербайджанские фольклорные образцы были представлены европейскому читателю как армянские, а в отдельных случаях –

и как фарсидские. Он же, Х.Абовян, способствовал изданию А. фон Гакстаузеном книги «Кавказская страна» (1855г.), где фольклорные ценности азербайджанского народа обманным путем выдавались в качестве армянских и даже известный азербайджанский дастан «Асли и Керем» был преподнесен в качестве культурного наследия армян. В галерее интеллектуальных грабителей того же периода достойное место должно быть отведено и Геворку Хагвердяну, который полностью переложил азербайджанский фольклорный источник «Сказку об Ашуге Гарибе и Шахсенем» в свою. Усилиями интеллектуальных присвоителей печальная участь армянского присвоения постигла и такие замечательные азербайджанские дастаны, как «Шах Исмаил» и «Кероглу». Теоретическое кредо грабителей азербайджанского культурного наследия, по их собственному признанию (Г.Агаян), опиралось на отсутствие на армянском языке своих национальных колоритных ярких народных дастанов. По мнению культурных «распространителей» азербайджанского фольклора, наличие исключительно тюркских (азербайджанских) мотивов дастанов, причем на азербайджанском языке, в песенном творчестве так называемых армянских «ашугов» и «обосновывали» их «арменизацию» задним числом.

Тот же Г.Агаян значительное место в своей деятельности посвятил «арменизации» азербайджанского дастана «Кероглу». Плоды его «творчества» «Мельник Кероглу» (1887г.), «Меч Кероглу» (1893г.), «Кероглу в заключении» (1893г.), наконец, специальное издание краденного в виде отдельной книги в 1898г. говорят сами за себя. Эта краденая интеллектуальная собственность азербайджанского народа явилась как бы «теоретическим» обоснованием арменизации эпоса «Кероглу» и, более того, практически была доведена до абсурда тем же Г.Агаяном попытками объяснения армянского происхождения самого героя эпоса – Кероглу. Этот, позволительно сказать, «теоретический изыск» был в полной мере использован в 1962 году в изданном на армянском языке сборнике произведений (т.2, стр.100), где преподносится, что отец Кероглу - Ровшана вовсе не был слепым («Кор» по-азербайджански означает слепой), а был хором, то есть, происходил из армянского племени хорхоруньянов и де,

мол, время исказило его истинное имя на «кор», которое и осталось в истории. Именно так и пробовали армяне преподнести европейскому читателю азербайджанский дастан «Кероглу». Мы еще вернемся к арменизации Кероглу, как к яркому примеру абсурда, в отдельном материале. Точно также в Париже была издана книга «Армянские народные напевы» (собрал Г.Боячьян, а для издания подготовил А.Серпекс), где основную часть составляли азербайджанские народные мелодии. Кстати, если следовать С.П.Агаяну, в напечатанной им в Ереване в 1961 году книге «Историческая дружба армянского и азербайджанского народов», то выходит, что Х.Абовян имел отношение и к «переводу» Боденштедтом поэзии Мирза Шафи на немецкий язык.

Вернемся к произведениям известных армянских деятелей культуры и в качестве примера, иллюстрирующего широкое использование ими образцов азербайджанского фольклора, остановимся только на некоторых пословицах. Все заимствованные и приводимые ниже пословицы используются именитыми армянскими авторами и звучат на армянском.

Х.Абовян: «Дейирлер дели денизе бир даш атды, йуз агыллы устюне токюлдю, чыхарда билмяди» (азер. оригинал: «Дели гуюя даш атды, агыллы чыхарда билмяди»).

Г.Агаян: «Дост достун узуня бахар, анджаг йад адам баш-аягына» (азер. оригинал: «Дост баша бахар, душмян аяга»).

П.Прошян: «Чоряйи чорякчия вер, бирини да устялик» (азер. оригинал: «Чоряйи вер чорякчия, бир чоряк дя устялик»).

Г.Сундукян: «Юз йол олч, бир йол бич» (азер. оригинал: «Юз кяря олч, бир кяря бич»). Наряду с дословно переведенными на армянский язык заимствованиями встречаются и незначительно видоизмененные, есть и такие, которые «сформированы» из азербайджанского оригинала по принципу аналогии или антитезы. Вот несколько примеров:

Х.Абовян: «Мян ага, сян ага, бяс бизим дэнлимизи ким уютсун» (азер. оригинал: «Мян ага, сян ага, инекляри ким сага»).

П.Прошян: «Бир чичякля бахар олмаз», Г.Сундукян: «Бир чичякля яй олмаз» (азер. оригинал: «Бир гюлля бахар олмаз»).

Х.Абовян: «Кехня малын гиймяти олмаз» (азер. оригинал: «Уджуз етин шорбасы олмаз»).

Х.Абовян: «Чыраг оз дибиня ишыг салар» (азер. оригинал: «Чыраг оз дибиня ишыг салмаз») и т.д.

Возможно приводимые ниже армянские свидетельства, и проливают свет на природу подобных заимствований, но ни в коей мере не дают оснований для оправдания столь массового плагиата. Вот как объяснял это академик АН Армении Тертерьян в книге «Творчество Абовяна»: «Армяне в общении и разговорной речи всегда обращались к азербайджанским пословицам и поговоркам», поскольку сам Абовян считал, что «...[наш] народ усвоил огромное количество тюркских слов и пользуется ими поныне». Ему принадлежит и другое замечательное откровение: «Тюркча (азербайджанский) настолько внедрился в наш язык, что песни, стихи, пословицы у нас звучат по-тюркски (азербайджански)».

Другой классик армянской литературы и преемник Х.Абовяна, Г.Агаян: «Армянский народ и его ашуги не испытывают никаких трудностей в разговорной речи на тюркча, этот язык для армян словно родной... Поэтому мы и поем на тюркча (азербайджанском)». Еще более лаконично выразился Н.Налбалдян: «Они (армяне), даже поднимая тост, говорят по-азербайджански «йахшы йол». Что касается Прошяна, то плагиат или, если можно так выразиться, «совместность» создания образцов фольклора он объяснял тем, что «мы – братья, разделенные верой». Оставляя указанные высказывания без комментариев, приведем еще одно, которое, возможно, и ближе к истине. Известный литературовед М.Абегян, имя которого носит Институт литературы АН Армении (мы ссылались на книгу «Армянская средневековая литература» группы авторов этого института в прошлом параграфе): «К несчастью, мы сталкиваемся с тем, что наш язык беден на многозначные слова, выражений, несущих схожий смысл, в нем также мало и поэтому мы обращаемся хорошо знакомому нам тюркча (азербайджанскому) (М.Абегян, «Народные напевы»).

Уважаемые читатели! Как следует из приведенных фактов, условиями, способствовавшими становлению армянского плагиата, формированию армянской традиции по присвоению азербайджанских культурных традиций была широкая распро-

страненность азербайджанского языка среди армянского населения, сбор и запись армянской графикой образцов нашего фольклора, их перевод на армянский язык, и, конечно, передача на хранение в соответствующие армянские хранилища и фонды. Немаловажна и «роль армянских исполнителей – «ашугов», способствовавших распространению фольклорных образцов в массах. Когда-то армянские деятели объясняли плагиат большим авторитетом, которым пользовались азербайджанские творения в среде армянского населения, особым отношением к азербайджанскому тюркча, о чем выше свидетельствовали известные армянские деятели.

Позднее появились и «аргументы», аппеллирующие к «сходству» фольклорных образцов, как, например, у Е.Арустамяна («Общие черты азербайджанских и армянских пословиц и поговорок»). Общая форма представления и близость содержания объяснялись историческими, общественными и экономическими связями и общностью географического ареала проживания. При этом не забывали подчеркнуть, что многие наши фольклорные образцы используются армянами в своем первозданном виде, в оригинале по причине стремления сохранить их глубокую философскую сущность, которая не допускала перевода на армянский язык. Далеко не случайно, что на страницах таких изданий, как «Армянские напевы», «Культурная жизнь Тифлиса», СМОМПК и других, начиная с конца XIX века, выражения азербайджанского фольклора печатались на исконном азербайджанском и параллельно – на армянском и именно так передавались в архивы. Невзирая на это, как мы указывали выше, наши фольклорные образцы подавались зачастую на иностранных языках и представлялись миру как творения армянского народа. И это планомерно осуществлялось во второй половине XIX века. Впоследствии стали появляться и получили развитие различные способы «обоснования» армянской принадлежности азербайджанских творений. Более того, нашлись и разъяснения, почему эти образцы используются армянами на азербайджанском языке. Вот, к примеру, как «обосновывалось» исполнение армянскими «ашугами» азербайджанских произведений на языке оригинала. О.Татевосян («Стихи Н.Гучага», Тифлис, 1903, на арм.) подобное исполнение одно-

го из крупных армянских «ашугов» Гучага объяснял тем, что армянский исполнитель, оказывается, использовал не азербайджанский язык, а особый армянский «диалект» «хайерен». Цитируем указанного автора: «...В прошлом (и даже сейчас), в силу влияния различных исторических причин, армянский народ исполнял свои песни на тюркча. Тем не менее, он (народ) любил и исполнение вышедших из народной среды певцов и на армянском языке. Для того чтобы различить их по форме и сути от тюркских, их назвали «хайеренами».

Дальше – еще интереснее! Академик М.Абегян в работе «Древние народные песни гусанов», то есть армянских «ашугов», «доказывает», что, помимо диалекта «хайерена», исполнители использовали еще более древнюю форму «антуни». И вот главное. Оказывается, что в форме, подобно образцам «хайерена» и «антуни», у тюрков также существуют формы древних и средневековых песен, именуемые «тюркю» и «шарги». Выходит, что «хайерен» и «антуни» прототипы «тюркю» и «шарги». И не как иначе!

Читатели, конечно, понимают, что «хайерен» и «антуни», в лучшем случае, разбавленные азербайджанскими словами переводы на армянский язык азербайджанских мотивов, а чаще всего сами азербайджанские творения в оригинале.

Естественными являются и возникающие вопросы: почему, имея «хайерен» и «антуни», гусаны все же исполняли «тюркю» и «шарги», а азербайджанские ашуги никогда не исполняли ничего армянского, и, наконец, почему сложенные на армянском языке «хайерены» исполнялись на азербайджанском языке? Ответ очевиден: плагиат и есть плагиат. В последующих параграфах мы намерены продемонстрировать факты присвоения и арменизации различных образцов азербайджанских творений.

А в заключение считаем важным привести общие этапы армянских краж интеллектуальной собственности нашего народа. «Арменизация», как правило, проходила по некоторой наработанной схеме, через этапы освоения, присвоения и заключительной «арменизации».

Очевидно, что для того, чтобы присвоить и, тем более, представить перед всем миром образцы нашего культурного

достояния как армянские («арменизировать»), необходимо их, прежде всего, освоить. Благо армянская среда была к этому подготовлена, и этап освоения обычно сводился к тому, что владеющие азербайджанским языком и не лишенные зачастую исполнительского таланта армянские представители исполняли, широко использовали наши образцы в оригинале. В процесс освоения стремились втянуть как можно большую часть населения, и потому осуществлялась запись наших образцов в армянской графике. Следом происходил перевод наших произведений на армянский язык, причем зачастую такой, что в нем арменизировались, по возможности, обстановка, быт, имена персонажей изменялись на армянский лад. Географические наименования мест оригинала заменялись названиями мест компактного проживания армян, вносились и другие армянские искажения. Таким образом, этап освоения был этапом широкого использования и распространения наших образцов, сопровождаемый такими отторжениями, плагиатом, фальсификацией и переделкой, которые ориентированы на восприятие в массовом армянском сознании инородного интеллектуального творчества как собственного.

После того как в общественном сознании, спустя некоторое время утверждалась фальсифицированная армянская «версия», наступал этап присвоения, который стремились теми или иными путями «обосновать» (в т.ч. материальными, околонаучными, «историческими»). С этой целью присваемые выражения, образцы азербайджанских оригиналов в армянской версии переносились на материальные носители, искусственно «удревнялись», передавались в фонды и архивы и обязательно издавались, зачастую – на иностранных языках. Параллельно с этим велись «научные» разработки, суть которых сводилась к обоснованию и разъяснению армянского происхождения, вымышленным свидетельствам и недобросовестным фактам, «древности» и т.п. уже украденных ценностей.

Тем самым этап присвоения являлся этапом формирования фальсифицированных «подпорок» и материальных лжесвидетельств совершенных интеллектуальных краж.

Заключительный же этап – этап арменизации, характерная особенность которого в стремлении развернуть дискуссии о

происхождении и обладании объектами интеллектуальной собственности с их истинными хозяевами, используя подтасованные свидетельства и «доказательства», пытаясь привлечь на свою сторону международную общественность посредством информационно-пропагандистких методов, и наряду с этим – широкое создание информационных источников, ссылающихся уже на сфабрикованные свидетельства (создается последовательная система «ссылок»). Таким образом, этот этап сводился к фарисейству и лицемерию, логике «чтобы не быть уличенным во лжи, как можно громче самим же уличать».

О том, как и что в рамках приводимой схемы «приватизировалось» мы постараемся показать ниже.

§5. «..., Присвоил», где повествуется о присвоении азербайджанских баятылар

Уважаемые читатели! Мы продолжаем изложение материала «Пришел, увидел, ...присвоил» в части «...присвоил». В этом параграфе считали целесообразным остановиться на фактах широкого использования и «арменизации» наших баятылар. Выбор именно этого жанра из богатого фольклорного наследия нашего народа неслучаен: эти неповторимые выражения традиционной азербайджанской культуры синтезируют поэтику и музыку. Именно поэтому о баятылар, лаконично свидетельствующих о нашей ментальности и нравственности, поэтичности и музыкальности, которые преисполнены глубокого философского смысла, можно совершенно определенно сказать, что этот уникальный фольклорный жанр принадлежит исключительно нам.

Сказанное нашло подтверждение даже в выпущенном еще в 1959 году «Энциклопедическом музыкальном словаре», где разъясняется, что «баяты – жанр азербайджанской народной песни», и, несмотря на подчеркнутую его широту (любовные, свадебные, героические, элегические и т.д.), все они «отличаются лаконичной формой» и «состоят из 4-х семисложных стихов», из которых рифмуется 1-ый, 2-ой и 4-ый стих. Далее справедливо отмечается, что баяты «поется преимущественно в высоком регистре голоса, богата вокальными украшениями». И вот тут составители Словаря ставят неожиданный акцент: «*Баяты культивируется восточными профессиональными певцами (гусанами, ашугами и др...*» (курсив наш).

Выпячивание роли гусанов – так называемых армянских «ашугов», акцентирование их значимости в использовании и распространении этого уникального азербайджанского жанра в сравнении с нашими ашугами вполне объяснимо. Достаточно посмотреть на принимавших участие в составлении Словаря, где ответственным за «акцентуацию» указан М.Тертеров... Вместе с тем противоречие остается: почему же исключительно азербайджанский фольклорный жанр исполняют в первую очередь армяне? Мы уже обращались к вам: «Nil admirani» – ничему не

удивляться? – армяне пытаются претендовать на наши баятылар, представляя их «арменизированные» варианты в качестве собственного творчества. Сколь бы ни были абсурдны такие потуги, тем не менее, они остаются зафиксированными в различных армянских опусах письменно. Используется правило, лаконично выраженное в латинском изречении: «Verva valant, scripta manent» или «слова улетают, написанное остается».

Вот и мы, продолжая материал об армянской традиции по присвоению азербайджанских культурных традиций, будем опираться на это же правило, используя письменные свидетельства самих же армян.

Начнем с того, что изложим свидетельство известного армянского специалиста М.Налбандяна, тщательно исследовавшего древние стихотворные формы, напевы и песни. Вот, что он пишет: (М.Налбандян, «О древних стихах и напевах», Полн. собр. соч., 1 т.) «...Однако большинство напевов нами заимствованы у тюрков (азер.). Я побывал во многих местах проживания армян. Всегда старался услышать что-нибудь чисто армянское. К сожалению, услышать такое мне не удалось до сегодняшнего дня!» Действительно и то, что баяты как древне-азербайджанская стихотворно-музыкальная форма, оказывая огромное воздействие на армянское население, встречаются уже в ранних записях армянских средневековых источников, а впоследствии и в печатных армянских образцах. Подчеркнем, что они все на исконно азербайджанском языке и, разумеется, в армянской графике. Словом, использование армянами азербайджанских баятылар имеет древнюю историю. Влияние баятылар подтверждается и другим свидетельством, сделанным С.Паласаняном («Армянские напевы», С.Петербург, 1868, на арм.). «Мотивы наших напевов различаются... и, вообще под влиянием какого народа мы находимся, его напевы и принимаем за свои».

Это подтверждается и хранящимися в армянских архивах сотнями баятылар. В частности, в Матенадаране хранится огромное количество баятылар, причем большинство из них в оригинале на азербайджанском и в армянской графике. На протяжении нескольких веков армяне продолжают пользоваться нашими бая-

тылар и еще в 1721г. Ельяс в изданной им книге «Напевы» собрал огромное количество баятылар на азербайджанском языке. А вот армянское свидетельство того, почему азербайджанские баятылар так широко используются армянами именно на азербайджанском языке. Манук Абегян («Народные песни», 1904): «У нас в распоряжении более 1700 различных вариаций баятылар. К сожалению, наш язык беден многозначными словами, крайне мало выражений, несущих один и тот же смысл и поэтому мы обращаемся к хорошо знакомому тюркча (азер.)».

Степень распространения азербайджанских баятылар была столь широка, что в Матенадаране хранятся рукописи наших баятылар, которые армяне использовали для надписей на надгробиях. Рубрика с этими рукописями, хранящимися в Матенадаране, так и называется: «Баятылар, используемые на надгробных камнях...». Вот, к примеру азербайджанские баяты, используемые для оплакивания ушедших в мир иной:

Ашыг харалар гезяр
Овчу дяряляр гезяр
Джан бурда, джясяд бурда
Кенул харалар гезяр.

А теперь приведем конкретные факты арменизации наших баятылар. Прежде всего, отметим, что армянские писатели широко использовали в своем творчестве азербайджанские баятылар, и, в первую очередь, классик Х.Абовян. Вот, что он писал о чудодейственной силе азербайджанских баятылар (Х.Абовян, Полн. собр. соч., 3 т.). «Каждый знает, что когда сердце человеческое накипает кровью, ни кинжал, ни лекарство и ни сон не пригодны ему столь, сколь слово и разговор, божественные песни и баяты». И, по мнению армянских специалистов, исследовавших его творчество, умение использовать баятылар, отражающих голос народа, приукрашали произведения классика армянской литературы. Мы приведем только один пример из творчества Х.Абовяна, иллюстрирующий придаваемую им значимость баяты, психологическую силу азербайджанских творений. В повести «Первая любовь» он, описывая своего героя, приводит следующее: «Сердце

его было как обожженное, глаза почерневшими, ноги окаменевшими, руки, утратившими силу. В безысходности он взял узды, присел на камень, и, сложив на груди руки, начал излагать баяты» (Х.Абовян, Полн. соб. соч., Изд. АН Арм., 1947, на арм.). Более того, с использованием стиля, формы и содержания азербайджанских баятылар, он написал около 80 «собственных». Вот, что пишет он во вступлении к сборнику «Развлечения на досуге». «Я написал баятылар с той целью, чтобы в меджлисах, в застолье, армяне, употребляя на армянском эти тюркские (азерб.), высказывания, отчасти подсластили бы свой язык. Поскольку ни что не украшает язык так, как стихотворные строки и песни…».

Исследовавший же его творчество В.Партизуни, в изданной в Ереване издательством Хайпетрат в 1952г. на армянском языке книге «Жизнь и творчество Х.Абовяна» прямо пишет, что «…(Абовян), будучи очень хорошо знаком с азербайджанским фольклором, и, используя его, на основе созданных народом (азербайджанским) четверостиший создал в том же духе похожие баятылар». Другой же исследователь А.Тертерьян в книге «Творчество Абовяна», изданной Ерев. Госуниверситетом в 1941г. на армянском языке, указывает, что «Абовян использовал то, что услышал из уст народа… (азербайджанского)». А вот признанный продолжатель традиций Хачатура Абовяна Газарос Агаян, описывая заученные армянами наизусть азербайджанские баятылар, дал следующее свидетельство: «…Причина нашего использования баятылар на тюркском (азерб.) в том, что именно на этом языке слов, имеющих двойственный и многозначный смысл, сколько пожелаешь». И, действительно, баятылар не сходили с уст образов, созданных Г.Агаяном: его литературные герои не расстаются с баятылар как в ситуации столкновения, так и наедине с самими собой (Произведения т.Б.).

Более того, понимая их суть и форму построения, и преследуя цели еще более их широкого распространения он писал: «Баяты – всегда четверостишия и основная мысль сводится к заключительным двум строкам… Первые две строки носят вспомогательный характер и рифмуются с главной, четвертой строкой… Первая, вторая и четвертая строки завершаются одним и тем же словом.

Это слово не определяется в первой строке, а во второй и четвертой является многозначным».

Вот пример одного из собранных Г.Агаяном баяты на азербайджанском, которое было переписано им с надгробия кладбища в Тбилиси (церковь Хочи):

Бир гуш чыхды дярьядан,
Хебер алды дуньядан,
Мен ки, оляджякдим,
Нийя догдум анадан?

(Г.Агаян, том I)

Г.Агаян придавал настолько важное значение баяты, что свою сказку «Еще немного и еще немного» завершает посредством баяты. Тем самым именно баяты несет в себе идею и смысл сочиненной им сказки. Достаточно познакомиться с его произведениями, такими как «Арутюн и Манвел» или той же сказкой «Еще немного и еще немного», как можно убедиться в том, сколь широко используются им азербайджанские баятылар. Он же, в изданных в 1940г. в Ереване госиздательством произведениях (на арм. языке) «привязанность» армян к баятылар и их широкое распространение объяснял следующим образом: «...Баятылар самые распространенные... Их знает каждый. И стар и млад, женщины и мужчины... все свои чаяния и чувства могли выразить через баятылар». И, действительно, просим обратить внимание, уважаемые читатели, как описывает Г.Агаян в своем знаменитом произведении «Арутюн и Манвел» меджлис «ашугов». Здесь побежденный Шахланы отдает свой саз Арутюну и последний «от радости не знает, что и сказать: то ли спеть что-либо из Кероглу, то ли какую-нибудь народную песню. И вдруг на память ему пришли баяты. И он запел». Добавить, что-либо, как говориться трудно. Заметим, что баятылар использованы и знаменитым армянским прозаиком П.Прошяном, и известным драматургом Г.Сундукяном. Не говоря уже об их использовании в армянском «ашугском» творчестве.

Вот пример от П.Прошяна. В его произведении «Сос и Вартитер» (Изб. произведения, т.1., Ер.Хайпетряд, 1953, на арм.) много использованных четверостиший в духе наших баятылар. Здесь же мы встречаемся с яркими примерами заимствования наших традиций и обычаев, обрядов и церемоний. Просим обратить внимание, как автор описывает обряд Амбарцума, то, как

поминают усопшего, оплакивают его, делясь печалью. Цитируем: «Они плачут на тюркча, используют баяты и прерывисто рыдают, другие же женщины поддерживают их своими стенаниями». Именно так оценивает глубину азербайджанских баяты армянский прозаик, баяты, способных успокоить душу и утолить грусть. В другом месте П.Прошян дает свидетельство о том, что, исполняя баяты, зурначы и дафчи «заводятся неимоверно».

Не случайно, он же во втором томе «Избранных произведений» пишет о своем герое уста Симоне, у которого «*в свободное от работы время собирались все родственники и близкие, чтобы поесть и повеселиться, а, главное, послушать исполняемые им на высокой ноте всеми любимые песни и баятылар*» (курсив наш). Следующий же пример из его повести «Гуно»: «Голос доносился из шатра Насир-бека. Это был голос хозяйки дома:

Езизим агам гял
Олмямишям агам гял
Бойнумда гям зянджири
Гапында дустагам гял».

В этом азербайджанском баяты, преподнесенном армянским автором в оригинале, говорится о печально-томительном ожидании своего возлюбленного.

Азербайджанские баятылар в те годы «нашли» путь не только в армянскую прозу, но и «сумели» проникнуть в сценическое, драматургическое искусство армян. Сценические персонажи Сундукяна широко используют наши баятылар. Вот один из таких примеров, взятый из пьесы «Пепо» (Сундукян, Полн. собр. соч., III т. Ер. Изд-во АН Арм., 1951, на арм.):

«Езизим, начар аглама
Гюндю кечяр аглама
Бу гапы тярс баглаян
Далее, Пепо, двигая головой, нежным голосом:
Бир гюн ачар аглама
И Гагули же заканчивает баяты
Бир гюн ачар аглама».

В азербайджанском баяты, использованном армянским автором в оригинале, повествуется о том, что нельзя бесконечно печалиться, ибо рано или поздно наступит и день радости.

Думаем, что нет необходимости для каких-либо комментариев.

Приведем еще один пример без комментариев. Наши баятылар хранились не только на страницах древних рукописей, не только исполнялись и не только широко использовались, но и зачастую находились и как рукописи армянских ашугов. В частности, были найдены и в собственных рукописях тетради стихов известного армянского народного поэта первой половины XIX века Мискина Бурджу. Здесь наряду с собственными стихами и собственноручно занесенными баятылар хранятся и баятылар, значительная часть которых вписана позднее чьей-то рукой без указания их авторства. Вписанные позднее баятылар оказались очень схожи с баятылар известного азербайджанского Сары-ашуга XVII века, являвшегося создателем огромной коллекции этих четверостиший. Так, что традиция широкого использования наших баятылар, и в прежние годы и сегодня оборачиваются желанием, за редким исключением, «объявить» их армянскими.

Уважаемые читатели! Замечательные баятылар, о которых мы повели речь выше, тесно связаны с ашугским творчеством и музыкальным наследием азербайджанского народа, которое также подвергаются армянами всевозможной экспансии, направленной на их «приватизацию». И это тема отдельного разговора. Об этих и еще, о многих других фактах присвоения и недобросовестного использования азербайджанской интеллектуальной собственности мы остановимся ниже. Этот же параграф мы хотели бы завершить замечательными словами французского писателя Анатоля Франса, обладавшего феноменальной начитанностью и удивительной особенностью отстраивать неординарные мысли на грани парадоксов. Так вот, А.Франс в одной из своих статей, посвященных плагиату, написал: «Поиски плагиата ведут всегда дальше, чем думают и хотят». И эту мысль мы понимаем так, что за армянским плагиатом всегда вырисовывались притязания на наши земли....

§6. «..., Присвоил», в котором повествуется о присвоении азербайджанских преданий

Уважаемые читатели! Продолжаем материал «Пришел, увидел, ...присвоил» и, следуя ее части «...присвоил» хотели бы ознакомить вас с тем, как «присваивались» азербайджанские предания. Предания, как известно, – старина, дошедшая из глубины веков память, это прошлое, без которого у настоящего нет будущего. Возможно, что слово «предание», как вестник древности, обладает на редкость завораживающим звучанием. Это – выстраданные этносом уникальные фольклорные творения, несущие как познавательный, так и назидательный смысл. Предания имеют в фольклористике особое место и значение термина «предание», если следовать «Энциклопедическому словарю (1985г.)» раскрывается как «жанр фольклора, устный рассказ, который содержит сведения об исторических лицах, событиях, местностях, передающиеся из поколения в поколение». Даже будучи первоначально изложенным устами очевидца, предание со временем при передаче естественным образом обрастает новыми наслоениями народной молвы и вольно интерпретируется. И, как справедливо, отмечается в «Толковом словаре русского языка» Ожегова, превращается в «рассказ о былом», в быль. Действительно, «Словарь синонимов русского языка» от 1968 года слова «легенда», «миф», «сказание», «предание» увязывает вместе и считает синонимичными, поскольку они выражают сходные понятия и «тождественны или близки по своему значению, различаясь в оттенках и стилистической окраской». В определенном смысле «предание» родственно другому фольклорному жанру – «легенда», поскольку они составные части более общего понятия «сказание», объединяющего фольклорные образцы исторического и легендарного характера, т.е. предания, легенды, были. Вместе с тем «предание» и «легенда» и, тем более, «миф» различаются. Не случайно, в «Словаре иностранных слов (М., 1985г.)» указывается, что «легенда» латинского корня и буквально означает «то, что надо прочесть». Легенда первоначально отражала религиозно-нра-

воучительный рассказ, а впоследствии же – «необыкновенную и недостоверную историю», словом становится в фольклоре традиционным народным рассказом о чем-то чудесном и который воспринимается и излагающей и слушающей стороной как достоверность. Кстати, наверное, поэтому именно слово «легенда» в переносном, обиходном смысле слова понимается как «вымысел, выдумка, нечто невероятное».

Хотелось бы подчеркнуть, что «предание» всегда имеет историко-географическую событийную основу, для него характерно то, что оно пережито конкретным этносом и отражает его историю с его историческими лицами и его географическим ареалом проживания. Именно «Толковый словарь» В.Даля блестяще разводит термины *«предание» и «легенда», представляя предание как «рассказ, повествование, память о событии, а легенду как «поверье в событие»* (курсив наш). Возможно, эти нюансы фольклористики и не играли бы принципиальной роли, если бы не шла речь о смене этнической принадлежности преданий, если бы не стоял вопрос о присвоении столь важного типа нетрадиционной интеллектуальной собственности, коими являются выражения фольклора в целом и предания, в частности.

Есть замечательная мысль, принадлежащая перу архимандрита Марко Орбини из его труда «О расширении народа славянского» от 1601 года. Так вот, сей ученый муж, очень давно заметил, что «одни воевали, а другие писали историю», одни творили историю, а другие описывали ее в желаемом выгодном свете. Точно также одни были творцами событий, ложившимися в основу преданий, другие же, и, заметьте много позже, могли их рассказать и переиначить в желаемом свете и записать как собственные. Словом, исторические хроники, исторические события, ложившиеся в основу преданий и былей, умело использовались для политической рекламы и других далеко идущих целей…

Итак, мы поставим следующий вопрос.

Можно ли определить этническое происхождение и принадлежность предания по тому, кто, лицо какой конкретной национальности его рассказало или записало? Этот, кажущийся, на первый взгляд, вычурный вопрос, тем не менее, как оказывается, существует. Можно удивляться, поскольку многие из нас пре-

красно знакомы с русскими былинами и еще в школьные годы, возможно, писали по этому поводу изложение. Точно также, как многие из нас, уважаемые читатели, знакомы с преданиями и других народов или их эпосом, источниками сюжета которого являлись также народные предания. Так вот, вряд ли у кого могла возникнуть мысль присвоить греческий эпос или немецкий – «Песнь о Нибелунгах» или французский «Песнь о Роланде». И наше повествование о них, никак не могло значить, что они явились из того же этнического корня, как и те из нас, которые их описывали или рассказывали. Вспомните поведанное нами в предыдущих параграфах, как фальсифицировались и арменизировались не имеющие отношения к армянам предания от другого этноса, как они ложились в основу «Истории Армении» у М.Хоренского. Стало быть, сказанное не имеет отношения к армянам, поскольку предание для них даже не легенда, а новоявленный миф, и вот почему…

Мы выберем из армянских преданий, нашедших печатное отражение, один из наиболее представительных сборников. Перед нами книга известного армянского литературоведа и специалиста по фольклору Арама Т.Ганаланьяна под названием «Армянские предания» (на арм. языке), выпущенная издательством АН Армении в 1969 году. Вот названия некоторых из них: «Гамигая», «Иландаг», «Шуша», «Гаракопяк», «Гараволчу», «Шахгялди», «Ганлы зями», «Ширван рахибханасы», «Султан Мурад дашы», «Минкенд», «Ярымча», «Селимин карвансарасы», «Гарныяпых» и др. И таких преданий, звучащих на тюркском (азербайджанском), более 25-ти. Эти предания, сохраняя тюркские топонимы, этнонимы и исторически сюжетную канву, причислены к армянским. Мы приведем краткое содержание только некоторых из них, уважаемые читатели, с указанием их географического месторасположения и страниц в армянском источнике.

«Гямигая» (Нахчыванская автономная республика):

«Судно Ноя коснулось вершины горы… Гора спросила у пророка: «Я выше или Агры-даг?» После этого название горы и осталось как Гамигая» (стр. 12).

«Иландаг» (Нахчыванская автономная республика):

«Во время всемирного потопа судно Ноя ночью коснулось этой горы. Удар был настолько силен, что гора раскололась надвое. Результатом проклятий Ноя явилось то, что здесь на горе поселились змеи и чудовища. Потому гора и называется Иландаг» (стр. 11).

«Гарыкепяк» (селение Гарабулаг Джебраильского района):

«Когда-то здесь во главе своего войска прошел падишах. С ним была его любимая собака, спасшая ему жизнь в одном из сражений. Во время переправы собака внезапно заболела и умерла, падишах похоронил ее, а воинам приказал принести по горсти земли на могилу. В итоге возникла большая гора. Падишах в память о своей собаке назвал это место Гаракопяк...» (стр. 32-33).

«Султан Мурад дашы» (вблизи Малатьи, Турция):

«С этим камнем к Султану Мураду навстречу вышла девушка. В честь ее героизма Султан поставил ей памятник и украсил головную его часть золотом. После возвращения из Багдада он обращает внимание на то, что золото оказалось нетронутым... Он удивлен и восхищен подобным поведением малатийцев, поскольку среди них не было ни одного жителя – попрошайки, посягающего на чужое...» (стр. 76).

«Селимин карвансарасы» (находится в Дарьялазе, нынешняя Республика Армения):

«Однажды сын местного правителя был вынужден перейти через это ущелье. Неожиданно пошел снег, и началась пурга. Не найдя спасения, сын правителя со своим отрядом погибают. Жена правителя в память о сыне построила здесь караван-сарай, так чтобы проходящие зимой караваны могли найти укрытие. Это строение в честь сына правителя и назвали Карвансарай Селима» (стр.384).

«Шуша» (Карабах):

«Когда-то Панах-хан, правитель Карабаха, прибыл в гости к Бардинскому хану. Последний для изъявления своего уважения к почетному гостю устроил охоту. И они вместе со своей прислугой, сев на знаменитых карабахских скакунов, отправились охотиться в горы и близлежащие к ним густые леса.

Панах-хан, восторгаясь открывшимся пейзажом, воскликнул: «Что за дивные края! Что за чистый воздух! Будто бы

стеклянный («шюшя»); издали все видится прозрачным, как в стекле. Здесь следует заложить красивый город. Так и случилось. В Карабахе, на высотах, где прозрачный, как стеклышко, чистый воздух и была заложена Шуша» (стр. 158).

«Шахгялди» (Турция):

«Когда шах пошел брать Ван, увидевшие его издали жители села закричали: «Шах гялди». С того времени село так и называется «Шахгялди» (стр.193).

«Ширван рахибханасы» (вблизи Шемахи):

«Как говорят, рахибхану построила дочь падишаха. Отец собирался выдать ее замуж за тюркского хана. Чтобы уйти от этой участи, его дочь решила построить монастырь и уйти в монахини» (стр.236).

«Минкенд» (Лачинский район):

«Теймурленг придя сюда со своим войском и покорив всех, добрался до одного из селений Зангезура. После того, как он и его покорил, то решил посчитать, сколько же сел покорено и когда, он доходит до цифры «тысяча», то восклицает «Минкенд»! Так и осталось название села Минкенд (стр.172).

Чтобы не утруждать вас, уважаемые читатели, ограничимся отрывками только приведенных переводов преданий. Даже не ставя вопрос о том, в какой мере «претворен» плагиат в армянских преданиях по сравнению с их оригиналами, – нашими фольклорными образцами, названия многих из них не только звучат на азербайджанском, а просто-напросто являются современными географическими объектами, расположенными на территории Азербайджана, Турции, Ирана и Грузии.

Возникает вполне естественный вопрос: чем же мотивизируется армянское происхождение многих преданий? И когда обращаешься к приводимому в монографии перечню источников вышеприведенных преданий, то начинаются прямо-таки чудеса! Оказывается, что предание «Гямигая» «восходит» к некому Ерванду Лалаяну, опубликовавшему это предание как армянское еще в 1904 году в «Этнографическом сборнике» в Тифлисе. Он же в «Этнографическом сборнике» от 1897 года «арменизировал» предание «Гаракепяк», и был поддержан М.Погосовым в 28-м выпуске СМОМПК под названием «Армянская народная словесность в Закавказье».

«Иландаг» же был «арменизирован» еще во 2-ом выпуске СМОМПК, причем под общим названием «Народные предания в Нахичеванском уезде, Эриванской губернии», как будто бывший Нахичеванский уезд и бывшее Эриванское ханство являлись армянскими.

Дальше – еще невероятнее. Выясняется, что предание «Шуша» наговорил 70-летний шушинец Аршак Петросян, а собрал и записал в 1952 году Григорян-Спандарян.

И здесь начинаешь задумываться над тем, что предание становится не просто «легендой», а в прямом смысле «армянской выдумкой» и «армянским мифом». Посудите сами. Предание «Минкенд» наговорил Норик из Геруса, причем слышал его от своей матери, а записал в 1965 году М.Аракелян.

А вот предание «Султан Мурад дашы» от Г.Срвантзяна из «Торос ахбар» (так именуют армян-переселенцев из-за рубежа – «братьев») было «арменизировано» еще в 1897 году. Что касается предания «Ширван рахибханасы», то оказывается, что оно почерпнуто из «Армянской истории» Лео (1946г., т.3).

Ограничимся указанными ссылками, поскольку вырисовывается вполне определенная картина. Армянский источник, живой или печатный, «наговаривает» азербайджанские (тюркские) предания и этого оказывается достаточным, чтобы после «облачения» в армянскую графику предание было бы «арменизированным». География подобных «армянских» преданий весьма широка, затрагивает ареалы, в которых проживают этносы, не имеющие отношения к армянскому и включает ряд суверенных государственных образований. Однако, при ознакомлении с приводимой в книге картой на армянском языке, отражающей географический ареал распространения армянских преданий, создается впечатление, что все указываемые географические объекты места исключительного проживания армян. Мы приводим эту карту, уважаемые читатели, дабы вы сами убедились в том, что на севере она захватывает территорию северо-западных районов Азербайджана, Грузии, включая Тифлис, Ахалкалаки, Батум (названия приводятся в том виде, в каком они представлены на карте по-армянски). На юге ареал «армянских» преданий захватывает территорию Турции, включая Болу, Диарбекир и т.д., а также территорию Ирана – южно-азербайджанские провинции), вклю-

чая окрестности озера Урмия, вплоть до Тавриза. Восточный ареал «армянских» преданий – Азербайджан (Кура-Араксинское междуречье, Нахчыван, Карабах), и, наконец, на западе снова территория Турции от Трабзона до Малатьи. Словом, «армянские предания» распространены в ареале от «моря до моря» – от Черного до Каспийского моря. Именно подобным образом мифологизируется на этой карте территория «Великой Армении».

Обращаем внимание читателей на то, что речь идет о преданиях, по общему мнению, являющихся живыми источниками глубокой старины, а поскольку «носителями» «арменизированных» преданий выступают армяне, то, стало быть, они, и есть исконные насельники этих земель, с которых и собирались предания. Итак, перед вами образцы присваивания и притязаний к интеллектуальной собственности коренных насельников очевидным образом переплетающиеся с претензиями на их земли. И здесь, мы еще раз убеждаемся в том, как за счет преданий делается все, чтобы не предавать преданию мифическую «Великую Армению». Вот мы и сочли возможным завершить настоящий параграф знаменитой фразой от Чацкого в «Горе от ума» Грибоедова: «Свежо предание, да верится с трудом».

§7. «..., Присвоил», в котором идет речь о присвоении азербайджанских дастанов

Уважаемые читатели! Продолжая материал «Пришел, увидел, ...присвоил» в заключительной части видоизмененного латинского выражения, а именно в части «...Присвоил» мы намерены привести факты присвоения и «арменизации» азербайджанских дастанов.

Азербайджанский дастанный феномен и впрямь явление уникального масштаба и, даже будучи отнесен к эпосу, к эпическим произведениям, он не адекватен подобному представлению. Это – самобытный и независимый фольклорный жанр азербайджанского народа, несомненно, тесно связанный корнями с соответствующим общевосточным фольклорным жанром. «Энциклопедический словарь» от 1978г. определяет дастан как «героическую или романтическую поэму значительного объема в фольклоре и литературе народов Востока». Особенность дастана в том, что это смешанный поэтико-прозаический жанр: дастан может быть и в стихах, и в прозе, и одновременно стихотворно-прозаическим. Другая его особенность в том, что его декламация, как правило, чередуется с музыкальными вставками.

«Азербайджанско-русский словарь» (Баку, Азернешр, 1985г.) подыскивая сходные лексические единицы для термина «дастан» задает «эпос», «легенду», «былину», «балладу», «сказание». Это, наверное, и верно, поскольку точного перевода слова «дастан» и не существует. И, действительно, «дастан» – самостоятельная часть эпоса, дастан может иметь основу в виде «легенды». Его можно связать и со «сказаниями», поскольку последний термин объединяет в фольклоре под своим общим названием повествования исторического и легендарного характера, такие как предания, легенды, былины.

Словом, «дастан», если и относится к «эпосу», то исключительно через такое понимание как «совокупность произведений народного творчества героические сказания, песни и т.п.», определенное в рамках «Словаря русского языка

С.Ожегова» (М., «Рус.яз.», 1982) и являясь при этом особым, самостоятельным фольклорным жанром азербайджанской народной литературы.

Так вот, уважаемые читатели, на этот жанр и предъявляют претензии наши соседи.

Остановимся, прежде всего, на истоках присвоения и «арменизации» азербайджанских дастанов.

Первоначально эти произведения, будучи переписанными армянской графикой, передавались в хранилище – нынешний Институт древних рукописей Армении, в Матенадаран, причем делалось это, начиная еще с XVI века. Вот свидетельство армянского литературоведа Бабкена Чувашьяна: «Ашыг Гариб» и другие тюркско-азербайджанские дастаны хранятся здесь (в Матенадаране)». И хранились они давно, но после XVI века процесс «арменизации» азербайджанских дастанов был интенсифицирован, поскольку в 1721 году Ильяс Мушегян в своей «Книге песен» опубликовал азербайджанские дастаны под следующими наименованиями: «Кероглы», «Керем», «Гериб». Все это собиралось им в Тавризе. Согласно свидетельствам армянских профессоров Антоньяна и Торосьяна, известные азербайджанские сказки и наши любовные дастаны, такие как «Ашуг Гариб», «Асли и Керем», «Шах Исмаил Хатаи», «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», начиная с XI-XII веков, а героический эпос «Кероглу» позднее, были переведены на армянский язык, и подвергнуты обработке, то есть «арменизированы». Так, к примеру, возьмем «Кероглу», 13 песен которого, по свидетельству армянских же специалистов, были записаны И.Мушегяном «армянскими буквами на тюркском» (азерб.) и опубликованы в Ереване в 1954г. (А.Абрамян, Д.Габриэлян, «Неизданные песни Кероглу». Изд. АН. Арм., Ер., 1954). В Матенадаране хранятся и рукописи трех меджлисов «Кероглу» от XIX века со стихами из 55 куплетов. Отдельные части «Кероглу», собранные и записанные на армянском языке, включая 7 его меджлисов еще в 1908-1909 гг., были представлены на хранение с «арменизированными» сюжетами М.Гараханяном в Эчмиадзин.

Однако «Кероглу» отдельная тема и о том, какие «отчаянные» усилия предпринимались для «арменизации» этого героического дастана, мы расскажем отдельно.

Идейное богатство и глубокое содержание, красочность сюжетов и разнообразие эпизодов, яркость образов азербайджанских дастанов – все это привлекало армянское население и доводилось до него в устном исполнении армянских исполнителей. С целью еще большего вовлечения населения на следующем этапе дастаны начали переводиться, обрабатываться и «арменизироваться», а также печататься на армянском и иностранных языках. Отметим, что в период с конца XIX века по начало XX века в течение 30 лет были опубликованы в разных изданиях на армянском языке более 10 азербайджанских дастанов. Основными инициаторами издания азербайджанских дастанов являлись представители так называемой армянской ашугской поэзии – Дживани, Сазаи, Джамали, Хаят, пропагандисты, как А.Мхитарян и др., прекрасно знавшие азербайджанский язык. К примеру, Дживани обработал, «арменизировал», перевел и издал на армянском языке такие дастаны, как «Ашуг Гариб», «Керем-Асли», «Шах Исмаил», «Мелик-шах», «Лейли-Меджнун» и др. Точно также и А.Мхитарян обрабатывал, «арменизировал», переводил и издавал такие дастаны, как «Ашуг Гариб», «Тахир и Зохра», «Шах Исмаил», «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун».

Достаточно подчеркнуть, что только наш героический эпос «Кероглу» был издан армянскими издательствами в 1897г., 1990г. и 1904г. в виде отдельных книг с соответствующими меджлисами из этого произведения. В печатных, периодических изданиях, таких, как журналы и сборники, успешно печатались обработки-переводы азербайджанских дастанов, «арменизированные» варианты «Лейли и Меджнун», «Ашыг Гариб» и др. Более того, мотивы дастанов, традиции азербайджанской ашугской поэзии – народных сказателей использовались для создания и издания армянских аналогов наших сказаний, таких как «Сказание о Гарнике» Сазаи, «Рустам и Салман» Г.Баласеянца, «Рустам Зал» Г.Овсепяна. Все они по структуре и по содержанию находились под огромным влиянием нашего дастанного творчества. Однако еще раз хотелось бы подчеркнуть, уважаемые читатели, что всем этим изданным армянским переводам, обработкам, «арменизированным» вариантам, ком-

пиляциям азербайджанских дастанов предшествовало издание собранных оригиналов наших дастанов на азербайджанском языке в армянском алфавите. Так, к примеру, первым таким изданным дастаном с армянским алфавитом на азербайджанском языке был дастан «Шах Исмаил - Гюльзар ханым» в Стамбуле, в типографии Овсепа Кафафьяна в 1871 году. Спустя год тот же издатель отпечатал «Лейли и Меджнун» и «Кероглу». В 1875 году был издан «Ашуг Гариб» и т.д.

И здесь была вполне определенная цель: не только ознакомить армянское население, не знавшее арабской графики изданных дастанов, но и изданием в армянской графике создать условия для перевода, обработки и последующей «арменизации» наших дастанов.

Подчеркнем, что «арменизированные» наши дастаны не просто хранились в армянской графике или в переводе на армянский и широко исполнялись. Они предлагались иностранным издателям, которые, будучи введены в заблуждение, в своих изданиях представляли их как творения армян.

Таким образом, процесс «арменизации» азербайджанских дастанов проходил по «накатанной» схеме, изложенной в предыдущих параграфах. Сначала сбор, затем запись на азербайджанском в армянской графике, затем перевод на армянский и, в последующем, где-то с 60-х годов XIX века, их издания. При этом происходило и широкое исполнение армянами наших дастанов и, конечно, «арменизация» сюжета, его такая обработка, которая была чужда духу оригинала. Просим обратить внимание, что и псевдонимы перечисленных так называемых армянских ашугов являлись суть тюркскими, азербайджанскими.

Вернемся к дастанам и возьмем, к примеру, дастан «Ашыг Гариб». Хранящиеся в Армении ранние варианты его являются азербайджанскими текстами в армянской графике. Именно, наш, кстати, сюжет и лег в основу сказки Лермонтова «Ашуг Гариб» и именно по этим мотивам снял армянский режиссер С.Параджанов одноименный фильм, причем на азербайджанском языке. Естественно, что азербайджанские дастаны, широко используемые армянскими исполнителями-гусанами, обрабатывались, в них вносились армянские элементы, включая

быт, географические названия и т.п. И не следует думать, что все это исполнялось на армянском. Напротив, зачастую на азербайджанском, хотя, повторимся, на хранение, как армянские творения, они передавались переписанными в армянской графике. В последующем появились и «арменизированные» переводы. В итоге хранящиеся наши дастаны либо полностью звучат на азербайджанском, либо прозаическая часть на азербайджанском, а поэтическая в переводе на армянский и наоборот, и, наконец, они хранятся и на азербайджанском и в переводе на армянский одновременно.

Азербайджанские дастаны по большей части исполнялись на азербайджанском и думается, и не могло быть иначе, поскольку в «арменизированной» редакции азербайджанские произведения не всегда могли быть отражены точно. Кроме того, даже при исполнении на азербайджанском философская сущность многозначных поэтических строк не всегда была доступна армянским исполнителям, что помимо намеренной «арменизации» вносило и семантические смещения в исполняемые тексты, и нанося им соответствующий ущерб.

Тем не менее, поэтическая сила азербайджанских дастанов была столь велика, а влияние нашей ашугской поэзии было столь значительно, что ряд армянских деятелей еще средних веков, даже получивших духовное образование и сан, увлеченные нашим эпосом, стали ашугами. К примеру, Тлкуранци, который был священнослужителем (XIV-XV вв.). В соответствии со свидетельством К.Гостаняна («Ованес Тлкуранци и его стихи», Тифлис, 1892, на арм.): «Тлкуранци с молодости был ашугом не по профессии, а по призванию… Он в совершенстве знал тюркю (азерб.), был знаком с фарси…»

Именно азербайджанские эпические произведения и создавали ашугское явление в армянской среде, именуемое гусанами. Несмотря на то, что присвоение армянами озан-ашугского творчества заслуживает отдельного рассмотрения, тем не менее, учитывая связь этого вопроса с дастанными кражами, вкратце осветим его сегодня. Следуя откровению К.Гостаньянца (Тбилиси, 1898, на арм.) отметим, что армянское восприятие азербайджанского озан-ашугского творчества, построенного обычно на

дастанах, усвоение его форм и методов было в такой степени, что, как он писал, «гусанов неверно называть армянскими, пожалуй, они армянские только потому, что родились в армянских семьях…». А в силу разъяснения армянского деятеля Лео («Армянская история», III т.) армянские ашуги «К.Ерзинкатци, Ован. Тлкуранци, Мык. Нагаш, Крик. Ахтамареци и др. были ашугами только по той причине, что исполняли известные произведения на языке, который был понимаем ими», то есть азербайджанском. Согласно откровению Г.Левоньяна («Армянские ашуги», Александрополь, 1892, на арм.), как и имена, принимаемые армянскими ашугами, так и названия их стихов и песен – все по-азербайджански. Думается, что краткую характеристику армянского ашугского творчества можно заключить свидетельством Газароса Агаяна, вложившего «значительную» лепту в присвоение наших интеллектуальных ценностей. Вот, что он писал о том, как приспособился ашугскому искусству, причем на азербайджанском языке (Мемуары от 1893г., Произ., т.3, на арм. яз.). «Сначала я заучивал стихи, а после того, как стал владеть азбукой, то начал и писать их… Нельзя сказать, чтобы полностью, но в какой-то мере я понимал и смысл написанного мною… Ашуги исполняли не на армянском, а на тюркском. Среди наших ашугов еще не было представления об исполнении на армянском языке… Наши ашуги не имеют дастанов со стихами на армянском, все – только на тюркча». Наверное, и не могло быть иначе! Наконец, не кто иной, как не армянский фольклорист Тер-Саргсян, изучавший практику и традиции ашугского творчества, написал о знаменитой азербайджанской «тапшырме», когда в последнюю строфу вкладывалось подлинное или поэтическое имя творца и закреплялись его авторские права, буквально следующее: «Опускание или изменение «тапшырмы» преследуется адатом (обычным правом) и общественным презрением, куда строже, чем плагиат законом».

При этом подчеркивалось, что эта традиция также была перенята армянскими гусанами. (С.Тер-Сагрсян, «Армянские ашуги», Восточный сборник 1, 1924).

Уважаемые читатели! Мы поведали вкратце о так называемых армянских ашугах, несмотря на то, что это и отдельная

тема армянского плагиата, по той причине, что на этих гусанов – ашугов, как носителей дастанного творчества, очень часто ссылаются армянские источники.

А теперь приведем конкретные примеры сюжетной арменизации азербайджанских дастанов. Мы начнем со знаменитых любовных дастанов и, в частности, с «Ашыг Гариба». Этот дастан был записан армянским алфавитом еще в начале XIX века и наиболее известный его армянский вариант сделан армянским писателем Атрпетом, уроженцем Карса. Здесь еще сохранялась сюжетная канва оригинала, поскольку приводились наряду с переводами и подлинники стихов. Начиная с середины прошлого века, он неоднократно издавался на армянском языке. Так, краткое содержание дастана в книге «Саят-Нова» было опубликовано небезызвестным Хагвердяном, о котором шла речь в предыдущих главах, в 1852 году в Тифлисе, там же и в том же году дастан был опубликован на армянском в книге Г.Тер-Александряна «Духовная жизнь тифлисцев». «Сказание об Ашыг Гарибе» (вместе с песнями), обработанными «ашугом» Дживани увидели свет в 1887г. в Александрополе. Напомним также и издание этого дастана в переводе А.Мхитаряна в 1904 году. В итоге происходили странные метаморфозы с азербайджанскими дастанами. В частности, возьмем дастан «Ашыг Гариб» в «обработке» армянского «ашуга» Дживани. Гариб именуется Аршаком, широко используются элементы армянского быта и жизни, в происходящие события введены географические фальсификации (Ереван, Цалк, Ширак и др.), а, попав в беду, Гариб, если следовать оригиналу, взывающий к мусульманским святым, а в плагиате обращается к армянским (Мкртыч, Татевос, Григор, Кеворк, Мовсес и т.п.). Поскольку «арменизированный» плагиат не имеет границ, то дело доходит до того, что Гариб забирает Шахсенем и венчается с ней в армянской церкви Саркиса. В «арменизированном» варианте дастана много внимания уделяется описанию городов и сел, а главное, национальной (читай армянской) принадлежности их жителей, сообщению об их вероисповедании (читай григорианском). Отец Гариба, то бишь Аршака – Мелик Абрам, мать его – Арусик, отец Шахсенем – Хаджи Саак, мать – Зарун, словом

главные и другие герои представлены как армяне по национальности.

В дастан введена армянская мифология, как, например, легенда об Ара Прекрасном и т.д. Вот так и распространялся, доводился до всего мира этот дастан, созданный в Азербайджане и в Турции: тюркский сюжет и мотивы в армянском обрамлении.

А теперь, остановимся на присвоении и «арменизации» другого любовного азербайджанского дастана «Асли и Керем». Атрпет, записавший этот дастан еще в армянской графике, писал: «Керема любим мы [армяне] наравне с тюрками (азербайджанцами) и туркменами. В провинциях Атрпатакана (Азербайджана), особенно среди жителей Хоя и Урмии, вряд ли найдется такой тюрок (азербайджанец), чтобы не знал три-четыре варианта этого дастана. У всех имеется как печатный, так и рукописный экземпляр...». И далее, он отмечает, что при подготовке дастана к печати пользовался тюркским (азербайджанским) вариантом 1911 года, переводом А.Мхитаряна и сказаниями – исполнением ашугов. «*Мы исправили искаженнные моменты в стихах в турецком варианте дастана изданном в Полисе...*» и «*мы оставили тюркский язык Атрпатакана в его устной передаче, а в армянском же переводе брали за основу араратский диалект*» (курсив наш).

Посмотрим, что же происходило с дастаном впоследствии? А вот что. Перевод и издание дастана со стороны Дживани (1888г.) начинается с упоминания випасанов, то есть армянских сказителей и тем самым ясно указывается, что мотивы дастана были известны армянам еще в далеком прошлом, поскольку входили в репертуар их випасанов.

В изданном переводе осуществляется «арменизация» местностей, события переносятся в армянские поселения и вводятся армянские эквиваленты топонимов оригинала. Особое внимание уделено описанию национальных особенностей, характерных для армян, описаны как армянские города Ереван, Себастия. Дастан разбавлен армянской мифологией, например, о городе Ван, «арменизирована» гора Гамигая как Навамечк. Введено армянское имя Астхиг и совсем не случайно. Оно, как чисто армянское, хотя и восходящее к ассирийцам, должно заменить имя Мариам. Ведь

в армянской мифологии Астхиг является дочерью пророка Ноя и известна как богиня красоты и любви.

Словом, один из популярнейших дастанов по итогам искажений превращается в такой вид, который при распространении его легко можно было бы представить как армянский.

Участь обработки, присвоения и «арменизации» постигла и другие дастаны.

Так, к примеру, в дастане «Шах Исмаил» в преподнесении Дживани и Мхитаряна достаточно указать только лишь тот факт, что родившийся сын шаха отдается на воспитание к Даниилу Варжапету и он же нарекает его именем Шах Исмаил. Дживани связывает Шах Исмаила с армянской богиней Астхиг. Есть и много других подобных нелепостей...

Героический дастан «Амрах-Селби» благодаря усилиям Сазаи оказывается «арменизированным» полностью. Мы укажем только имена героев Минас, Карапет, Сро и некоторые названия географических мест, где разворачиваются события – Бахеш, Эрчиш, Аканц и т.п. и, несомненно то что вся обстановка, окружение привязывается к армянским корням. Та же «арменизированная» метаморфоза ожидала и сказочный дастан «Мелик-Шах» и тюркский дастан «Тахир и Зохра ханым».

Словом, происходило последовательное, этап за этапом, присвоение нашей культурной собственности. И так практически со всеми дастанами. И, тем не менее, мы хотели бы поделиться с вами, уважаемые читатели о том, как присваивались «Фархад и Ширин» и «Лейли и Меджнун». Дело в том, что дастаны эти особого рода – они связаны с письменной литературой и классическим наследием и, как известно, не имеют никакого отношения к армянам. Прежде всего, уважаемые читатели, несколько слов о дастане «Лейли и Меджнун». Его перевод-обработка, а точнее, «арменизация» - плод усилий А.Мхитаряна на основе тюрко-азербайджанского варианта дастана. Как известно, корни этого дастана восходят к широко распространенному на Востоке одноименному преданию и, конечно, которое обогащалось классическими литературными поэмами и, в первую очередь, замечательной поэмой «Лейли и Меджнун» великого Низами. Истоками сюжета «Лейли и Меджнун» являлись древние арабские источники и эта

тема с распространением ислама получила широкое развитие в арабской, тюркской и персидской литературе, а также в форме дастанного фольклорного творчества этих народов. Но, повторяем, к армянскому творчеству эта тема отношения не имела.

Низами, если следовать известному ориенталисту Е.Бертельсу, при написании своей поэмы широко использовал и письменные источники, то есть литературную традицию и устное народное творчество сказителей. Тем самым дастанная тема тесно связана и с наследием великого поэта. Тем не менее, армяне нашли «путь» присвоения и «арменизации» этого дастана. И вот как. Дело в том, что в большинстве армянских переводов-обработок «арменизация» достигалась введением армянского образа по имени Сурп Саркис, этакого умудренного опытом старца. Так вот Сурп Саркис играет в «арменизированном» переводе роль посредника, доставляющего влюбленным письма друг от друга, ему можно излить горесть и печаль трагической любви и т.п. Тем самым и достигается привязка армянского начала к дастану, не имеющему никаких армянских корней.

А теперь, о дастане «Фархад и Ширин». Как известно, дастан «Фархад и Ширин» очень распространен и на Южном Кавказе и на Ближнем Востоке. Еще в 1910 году дастан был издан в переводе на армянский язык А.Мхитаряном. Затем было следующее издание, которое было не просто переводом, а обработкой, а точнее «арменизацией» с изменением образов, названий географических мест и т.п., словом, с использованием наработанного арсенала средств, приводящих его, якобы, к армянскому началу. Это издание было подписано как СМА, то есть под псевдонимом.

Просим обратить внимание на суть краткого вступления переводчика: «*Придет время, когда разберутся, каким образом предания сохранились в сказаниях (дастанах). Необходимо учесть то, что на протяжении пяти веков тюрки не имели своих народных певцов, армянские же ашуги оказали им неоценимую услугу как поэты, так как и певцы. Именно по этой причине большинство сочинений армянских ашугов является переводами древних преданий и сказаний, которые не имеют никакой связи с жизнью тюрков*» (курсив наш).

Итак, ни много, ни мало: благодаря армянам, имевшим ашугов и дошли дастаны с заложенными в них преданиями, не относящимися к тюркам. Запомним эту чушь, поскольку еще появятся созвучные этой нелепости и другие армянские отклики.

Последующей фразой после подобной заначки делается воистину благородный армянский жест: «Учитывая, что крестьяне и труженики любят эти предания, принимая во внимание особое уважение и почтение их к этим образцам..., мы предоставляем этот перевод в их распоряжение» («Фархад и Ширин» в сравнительном переводе с тюркского и фарсидского СМА, Тифлис, Типогр. «Культура», 1913).

Что же излагается в «арменизированном» переводе?

Во-первых, все события происходят в городе Васпуракан, в долине Тосп. Напомним читателям, что по утверждениям армянства «Васпуракан был самым обширным краем» мифической «Великой Армении», насчитывающим 37 областей», среди которых была территория Тосп в районе г. Ван, которая так называлась со времен государства Урарту. Во-вторых, оставляя в стороне восхваления Васпуракану и полную «арменизацию» сюжетных событий, подчеркнем, что устами Фархада в «переводе» утверждается, что его родина – Армения, точно также как и Ширин – «уроженка Васпуракана». После этого вступительная статья оказывается в полном соответствии с содержанием версии присвоенного армянами дастана. И, конечно же, предание, лежавшее в основе дастана, также является армянским.

Таким образом, дастан, будучи «арменизированным» не только удревняется, увязываясь с армянскими корнями, но и полностью «национализируется» армянами, отражая события, якобы происходящие в жизни армянского народа. Дело доходит до того, что тема «Фархад-Ширин» едва ли не превращается в инструмент персидского плана дворца Ормузд-шаха по завладению Васпураканом... А из какого источника берется перевод? Из азербайджанского оригинала, основой которого является бессмертная поэма великого Низами «Хосров и Ширин». Великий же азербайджанский поэт, если следовать знаменитому ориенталисту Бертельсу и его собственным указаниям, основывался на древнем предании и изложенному у Фирдоуси в «Шахнамэ» краткому разделу. При этом, по мнению Бертельса, «...Низами не повторил

почти ни одной детали рассказа Фирдоуси…». Подчеркнем, что «арменизированная» версия «Фархад и Ширин» полностью перекликается с бессмертной поэмой Низами.

Несомненно и то, что предание «Фархад и Ширин» существовало еще с VI века и широко было распространено в фольклоре народов Переднего и Среднего Востока, Индии, Средней Азии и Южного Кавказа. Но к армянам оно не имело никакого отношения.

Несмотря на то, что у специалистов этническая принадлежность Фархада к армянам никогда не принималась всерьез, тем не менее, заложенные в армянской подделке – переводе притязания на армянское происхождение Ширин, породили определенную реакцию.

Напомним, уважаемые читатели, что великий Низами представлял Ширин тюрчанкой, «она была похожа на мою Апак» - жену поэта, происходившую из кыпчакского рода. Есть точка зрения и об иранском происхождении Ширин, обсуждалось и ее христианское вероисповедание.

Здесь нужно подчеркнуть одну деталь, восходящую к поэме Низами. У Низами тетя Ширин Мехинбану (Шамирь) представлялась как правительница Аррана, Армении, Абхазии, да и встречи Фархада и Ширин локализируются на Южном Кавказе, встречаются в качестве географических наименований – Амасия, территория исторического Азербайджана. Так, что Ширин вполне могла быть и христианской албанского, но не армянского происхождения. Тем не менее, несмотря на то, что об армянском происхождении Ширин нет ни единого подтверждения у армянских историков, живших в этой эпохе, после создания Низами «Фархада и Ширин» в ряде поэм по мотивам этой легенды появляется ложное представление о том, что Ширин – армянка, что иногда объясняют информацией из сирийской хроники. Здесь Ширин считается арамейского происхождения, что неверно может быть прочитано и как армянское происхождение.

Мы вынуждены останавливаться на этих деталях в связи с тем, что наряду с присвоением нашего дастанного творчества армянство последовательно фальсифицирует всевозможными домыслами творчество великого Низами Гянджеви. К примеру, Ор-

бели, будучи директором Эрмитажа, в своем издании «Бахрам и Азада» (1940), сумел «найти» армянские фольклорные корни в творчестве великого Низами. Не считаясь с авторитетом известного ориенталиста Бертельса, игнорируя собственные разъяснения самого Низами, он написал, что образ Бахрама Гура в «Семи красавицах» восходит не к Сасанидам, а к армянскому фольклорному богатырю Вахагну. Или же в 1967г. в книге «Шахнамэ» и армянские источники» Ав.Шахсуварян (Ереван, изд. «Айастан») стремится доказать, что Ширин не могла быть не персиянкой, ни тюркчанкой, а скорее всего была армянкой. А вот уже в 80-е годы XX столетия был сделан очередной шаг: были «созданы» исследования и защищены диссертации, в которых утверждалось ни много, ни мало, что Ширин из «Хосров и Ширин» Низами являлась армянской принцессой, а глава музыкантов Саркеш из дворца Хосрова Пярвиза был объявлен армянином Саркисом. Тем самым делался «многозначительный» вывод об исключительном влиянии армянской музыкальной культуры на культуру восточных народов, и, конечно же, распространялась сказка об Армении, как о «первичном очаге культуры» и т.п. В качестве ответа на всю эту возню вокруг Низами как никогда подходят слова самого великого поэта:

«Обкрадывающий меня, вместо награды ругает меня,
Хотя это и воровской крик.
Ведь, когда на улице ловят вора,
Воры бегут по улице и кричат: «Вор!» Вор!».

Фальсификаторам можно было бы порекомендовать прочитать и «Этюды о Низами» Мариэтты Шагинян.

Итак, уважаемые читатели, раскрывая «армянскую» традицию по присвоению азербайджанских культурных традиций, мы повели разговор об «арменизации» уникального азербайджанского дастанного творчества. И это не случайность, поскольку «подделки творит не случайность, а умысел».

§8. «..., Присвоил», в котором повествуется, как пытались прибрать к рукам дастан Кероглу

Уважаемые читатели! Продолжая материал «Пришел, увидел,...присвоил» в рамках третьей части видоизмененной латинской триады, а именно в части «...Присвоил», мы намерены осветить «отчаянные усилия», предпринимавшиеся для «арменизации» нашего дастана «Кероглу».

«Кероглу» – одна из жемчужин азербайджанского дастанного эпического творчества, являющегося самостоятельным и уникальным жанром нашей литературы. Это героическое сказание, и, стало быть, к нему всегда проявлялось особо бережное отношение.

Излагаемый материал вполне мог бы попасть и в рубрику абсурдов, поскольку абсурдность здесь в том, как армянство не только пытается приписать себе первенство в создании дастана, но и в том, что абсурдно «арменизированно» стремится разъяснить причины появления и события, легшие в основу дастана, не говоря уже об абсурдности «арменизации» его сюжета.

Начнем с того, что специалисты дастан «Кероглу» условно именуют историческим, поскольку в эпосе нашли отражение действительные события XVI-XVII вв. При этом полагают, что позднесредневековое историческое ядро, а точнее южноазербайджанская основа сказаний о Кероглу, сложились на почве уже имевшейся эпической фольклорной традиции с существующими в ней элементами мифотворчества. Героический эпос в исконной азербайджанской версии отразил события, имевшие место в связи с народными восстаниями в период правления шаха Аббаса. Следовательно, это пережитая нашим народом, а потому «историческое правосудие не должно иметь ножен».

Дастан «Кероглу» известен во всем мире. Знакомству с ним способствовала печатная информация об этом эпосе на русском языке, которая появилась благодаря Н.Шопену, работавшему в созданной царским режимом на азербайджанских землях Армянской области. Он объездил весь Азербайджан и, заинтересовавшись этим сказанием, опубликовал его в 1804 го-

ду в обозрении «Маяк современного просвещения и образования» под названием «Легенда о Кероглу». Состоявшая из 44 частей и пространных комментариев его публикация помимо исконных дастанных черт несла много всего, что не имело отношения к сюжетам эпоса, да и сам Шопен отмечал, что не отвечает за художественность перевода, поскольку не всегда был уверен в источниках. Как отмечал еще В.Жирмундский, это издание не имело научной значимости и, по мнению специалистов, имело много надуманного, включая финал эпоса, когда Кероглу... принимает христианство и т.п.

Неоценимым вкладом в распространении дастана «Кероглу» и знакомству с ним европейского читателя, явилась запись и опубликованная на этой основе книга замечательного польского ориенталиста А.Ходзько, изданная в Лондоне на английском языке в 1842 году. Рукопись же этой записи хранится в Парижском Национальном фонде рукописей. А.Ходзько записал ее в бытность послом России в Гиляне со слов азербайджанских ашугов. Трудно переоценить вклад этого издания, несмотря на его недостатки. Оно в 1856 году было переведено на русский язык и отпечатано по частям в газете «Кавказ». Специалисты едины во мнении, что запись и публикация А.Ходзько отражает наиболее старые пласты сказаний о Кероглу, является самой достоверной и полной, основанной на азербайджанской версии, и трудноотличимо по содержанию и форме от бытующих и сегодня азербайджанских песен о Кероглу. По этой причине, уважаемые читатели, именно эта версия, невзирая на некоторые свои недостатки, и признается в науке как историческая основа других национальных версий эпоса – грузинской, армянской, туркменской и т.д. Об этом даны очень четкие указания известного русского ученого, профессора Петербургского и Казанского университетов И.Березина. Точно также большинство исследователей эпоса, такие как А.Боровиков, И.Брагинский, В.Жирмундский, В.Чичеров считали, что многочисленные национальные версии Кероглу образовывали две ветви: азербайджанскую, к которой восходят армянская, курдская, грузинская, турецкая и среднеазиатскую, включающую туркменскую, узбекскую, таджикскую, казахскую и другие версии. В условиях армянских

претензий на «Кероглу» приведенные исторические факты играют очень важную роль. Подчеркнем также, что, начиная с 1913 года, имели место азербайджанские издания «Кероглу» Р.Заки, Оруджевых, а в 1927 году вышло и первое советское издание дастана и много других впоследствии.

А теперь, после этого краткого комментария, посмотрим, как армяне приобщались к дастану «Кероглу». Сначала о хранящихся в Армении рукописях дастана. Упоминания о Кероглу можно встретить еще у армянского историка Аракела Тавризского от 1662 года, а в XVIII веке армянский купец из Тавриза Эльяс Мушегян (1722г.) записал некоторые песни из эпоса. Всего было записано 13 песен, которые впоследствии были опубликованы в Ереване в 1954 году (А.Араян, Д.Габриэлян «Неизданные песни Кероглу»). В Матенадаране также хранится рукопись от XIX века, объединяющая три меджлиса «Кероглу» – «Алы-киши-Ровшан», «Гизироглу Мустафа бек» и «Болубек» – объединенных вокруг единого сюжета из 55 песен. Точно также отдельные части «Кероглу» были собраны и записаны, а отчасти и переведены М.Гараханяном в 1908-1909 гг. и, включая 7 меджлисов, в т.ч. «Эйваз болу» и были переданы на хранение в Эчмиадзин. То же самое было проделано и в 1908 году и Г.Калантаряном. Напоминаем, что все эти версии «Кероглу» – на азербайджанском языке в армянской графике.

Начиная с записей с М.Гараханяна происходит сюжетное закрепление событий дастана за Арменией, «арменизация» бытовых аспектов и прочее. Уже в этой записи в «арменизированной» редакции в части «Эйваз болу» в сюжет умышленно вносятся элементы армянского окружения и надуманные эпизоды вроде поездки Кероглу в Ани, его сражение с армянским богатырем Ваганом и другое. По такому же принципу вносятся искажения Калантаряном в рукописную часть «Сказка Гасан-паши Кероглу» и по той же схеме сюжет разбавляется измышлениями.

А вот хранящаяся от 1913 года рукопись именуется ни много ни мало «Аршак Б». Искажение сюжета достигается за счет измышлений добавленной части «Смерть Кероглу», в которой последний к старости прекращает свою борьбу, прини-

мает решение уйти под покровительство Хосров-шаха, но по дороге его убивают. Все это не просто чуждо духу эпоса, но и подрывает всю его героическую составляющую.

Однако, все сказанное – только истоки искажений и присвоения, несущие подготовительную функцию для последующей «армянизации». Подчеркнем, что тексты дастана на азербайджанском в армянской графике также и издавались, как, например, изданное в 1872 году «Хекайати Кероглу» - «Сказание о Кероглу». Тем самым создавались условия для последующих переводов, обработок, а также «армянизации» и изданий дастана, что началось примерно с 60-х годов XIX столетия.

Напомним, о чем мы уже поведали в предшествующем параграфе, что «усилиями» так называемой армянской ашугской школы (Дживани, Сазаи, Джамали, Хаят и др.) подвергался отчуждению и претерпевал серьезные метаморфозы и дастан «Кероглу», впрочем, как и другие образцы дастанного творчества нашего народа. Достаточно отметить, что меджлисы эпоса «Приключения Гизироглу и Болубека», «Приключение Демирчи оглу и Хамса бека», «Болу бек» в подобной искаженной и «армянизированной» редакции издавались в 1897, 1900, 1904 гг один за другим в виде отдельных книг. К примеру, «Сказание о Кероглу, происшествия случившееся с Гизироглу и Болу беком» издавались благодаря «усилиям» Джамали. Знаменательно то, как издание перевода с искажением-обработкой обосновывалось со стороны Джамали: «...цель переводов этих сказок заключается в том, чтобы усилить охоту к чтению книг у народа, ибо положение последних наглядно показывают, что в отличие от ненужных и исторических книг, они читаются больше». Нам трудно сказать, какими ненужными, историческими изданиями подпитывали армян, но важен сделанный далее вывод: «*Армянские труженики, начиная с детства, находились под впечатлением разных дастанов, услышанных из уст тюркских ашугов. Поэтому современное общество мечтает прочитать эти дастаны на армянском языке*» (курсив наш) (Тифлис, Изд. Вартаньянца, 1897).

Еще более знаменательны метаморфозы с сюжетом дастана. Эпос полностью приближен к жизни армянского народа,

пестрит армянскими географическими названиями, конь Кероглу Гырат именуется Писаком, в «Эйваз Болу» введен образ армянского купца. В переводе много чуждых эпосу строк, таких, как «вино и водку пили как воду», или «среди смельчаков Кероглу были магометане и христиане». Чуждый дух внесен и в перевод «сказания о Кероглу, происшествие, случившееся с Демирчибеком и Гамза беком».

В итоге, перед нами предстает далекое от оригинала некое произведение, за счет искажений едва ли напоминающее «Кероглу», но, несомненно, с выкраденными сюжетами и скомпилированными образами, получившими армянскую драпировку.

Даже беглое сравнение «арменизированных» переводов «Кероглу» Джамали и Хаята с одной из лучших, основанных на азербайджанском оригинале, версий Ходзько, наглядно свидетельствует о механизме искажения и целевой трансформации дастана. Все это происходит не столько «рассудку вопреки, наперекор стихиям», а согласно продуманной и наработанной схеме, цель которой — отторжение азербайджанского дастана от азербайджанского народа.

Подчеркнем, что еще в первом издании «Кероглу» от Шопена с подачи армянских «старателей» готовились предпосылки к будущему подлогу. В частности, Шопен в примечаниях к своим записям пишет, что Чямчян в своей «Армянской истории» повествует о том, что царь Сумбат-Багратид, отдавший себя добровольно в руки азербайджанского эмира Юсуфа, был в 914 году казнен в г. Двине по обыкновению восточных народов лишением зрения. Сын его Ашот начал мстить за отца, став атаманом работников. И вот под Ашота, перейдя от армян к тюркам и заложили основу рассказы о Кероглу.

Здесь, как видят, уважаемые читатели, притязания направлены именно на армянскую «первичность» сюжета Кероглу, на армянскую «протооснову» излагаемых событий.

Посмотрим, что делается дальше с замечательной версией Ходзько. Оказывается, что в ход пускаются различные околонаучные изыски и псевдонаучные рассуждения. В частности, Г.Берберян, востоковед проживавший во Франции, сопоставляет оригинал Ходзько с армянскими «вариациями» Кероглу (и их не менее сорока!) и развивает в своем «исследовании» «аршакские»

корни Кероглу (Г.Берберян «Аршак и Кероглу»; Париж, Изд. Х.Матикуньяна, 1938). «Анализируется» связь «Тиран-Аршак» (Тиран- отец Аршака) и... выясняется, что согласно сведениям армянского историка V века Ф.Бузанда, правитель Атрпатакана (Азербайджана) Вараз Шапух от имени Персии вел переговоры с армянским царем Тираном (339-350 гг.). Так вот, участвующий в переговорах от имени Тирана армянин Писак, изменив своему правителю, подсказывает Вараз Шапуху потребовать у Тирана его прекрасного коня в качестве подарка. Поскольку Тиран хитрит и дарит подмененного коня, то опять же после доноса Писака, армянский царь схвачен и ослеплен... Трудно сказать, что здесь является идейной доминантой: то ли предательство и измена Писака, то ли хитрость и лицемерие Тирана? Зато конь — уже армянский! И далее, поскольку вместо Тирана на престол вступает его сын Аршак, то он теперь — сын слепца! Полагаем, что нет надобности комментировать цели подобного изложения событий. Тем более что аналогичное можно найти и у отца «Истории армян» - М.Хоренского, о плагиате, искажении, присвоении и «арменизации» которым текстов Геродота, мы повествовали в предшествующих параграфах. Словом, у М.Хоренского та же фабула «конь Тирана» — «Тиран есть ослепленный отец Аршака», «Аршак же — сын слепца».

Европейские ученые, которые знакомы с дастаном, не оставили в стороне эту попытку утвердить подобное понимание эпоса.

В берберьяновские изыски вмешивается известный французский ученый Д.Дюмезиль, который, изучив в сопоставительном плане народное предание и сказание о Кероглу, делает несколько предельно ясных выводов. Во-первых, нет генезиса между эпосом «Кероглу» и преданием об Аршаке, но есть определенная созвучность, в силу которой и ощутимо влияние «Кероглу» на предание об Аршаке. Во-вторых, в целом ощущается влияние более раннего сюжета «сын слепца» на тему «Тиран-Аршак»! Казалось бы все ясно. Однако стремление во что бы то ни стало обосновать «армянские» корни возникновения «Кероглу» приводит к тому, что Берберян, ревизуя выводы французского ученого, цепляется за то, что в тюркских изданиях и работе знакомого читателям Г.Агаяна Кероглу представлен правителем. Аршак же также является правителем. Следо-

вательно, по мнению Берберяна, и отец Кероглу был правителем, подобно Тирану!? В рамках подобных логических заключений делается вывод, что Ченлибель Кероглу – это Аршакаван Аршака. В Аршакаване жили воры и разбойники, а чем смельчаки Ченлибеля не разбойники и т.д. и т.п.

Временно оставим, уважаемые читатели, подобные сомнительные, а точнее абсурдные «обоснования» и вспомним, что еще у Геродота (V в. до н.э.) нашла отражение древняя легенда «О сынах слепцов», то есть сюжет с близкими параллелями к дастанной линии «Кероглу». Кстати, речь идет о древней легенде, восходящей к скифам. Скифы же именуются «скифами» только в русскоязычной литературе. Греки именовали их «скузай» (множественное число), ассирийские и вавилонские источники «ашгузай», «ишгузай», то есть с корневой частью «уз-куз-гуз» (просим сравнить с «огуз»)...

Возвращаясь к «обоснованиям» Берберьяна об армянских корнях возникновения Кероглу, заметим, что последний, осознавая шаткость приводимой аргументации, прибегнул к еще одному доводу. Оказывается, Кероглу не сын слепца, в юности он не носил своего имени-псевдонима, а был Ровшаном (то есть «светлым»). Имя Кероглу он стал носить только с момента ослепления своего отца, приняв решение отомстить за него. И далее, согласно Берберьяну, если народ хотел подчеркнуть в имени героя его храбрость, мужество и героизм, то дал бы ему имя, соответствующее этим качествам. Отсюда и его вывод о том, что... Кероглу есть родовая фамилия. Итак, в «дополнительном» доводе проповедуется династическая этимология слова «Кероглу», причем связанная со светом. Вот и пришли к Г.Агаяну, много раньше исходя из армянского предания, стремившегося «доказать», что отец Ровшана не являлся слепым, а был армянином, «Хором» и принадлежал к княжескому роду «Хорхарунидов». «Хор» же со временем превратился в «Кор» (Г.Агаян, «Похождения из жизни Кероглу», Стамбул, Библ. Пурат, 1924, арм). Не углубляясь в этот абсурд, подчеркнем, что в свое время М.Баратав метко осадил это измышление, заметив, что в стихах «Я не Кероглу, а хороглу» имеется словес-

ная игра, восходящая к узбекско-туркменской версии, в силу естественной замены букв в тюркских языках.

И еще об одном примечательном моменте, связанном с попыткой «арменизации» Кероглу. Дело в том, что были предприняты воистину отчаянные меры, дабы «арменизированно» локализовать Ченлибель, максимально удалить его от мест возникновения эпоса. Здесь и Баз и Аршакаван и подле Себастии по Джамали. Аят же размещал Ченлибель то ли в Иране у Салмаста, то ли, как и Джамали в Турции, у Себастии. Еще Е.Мушегян стремился локализовать Ченлибель неподалеку от Карса. Словом, стремление «убрать» Ченлибель из Азербайджана или Восточной Анатолии, то есть места рождения самого дастана «воплощалось» очевидным образом.

Завершая этот параграф, связанный с армянскими притязаниями на дастан «Кероглу» отметим, что не только армянские переводы и обработки этого дастана, но и такие «арменизированные» варианты, как «Кероглу в плену», «Мельник Кероглу», «Меч Кероглу» – все они восходят к версии Ходзько, основанной на азербайджанском варианте дастана. Такова и наиболее знаменитая армянская версия дастана, скомпилированная из азербайджанской версии «Кероглу» и изданная в 1941 году в Ереване с предисловием Х.Самуэляна. Здесь можно обнаружить следующие примечательные признания Самуэляна. Во-первых, что песни Кероглы, по его мнению, занимают главное место в репертуаре армянских ашугов – гусанов. И, во-вторых, «довольно значительную часть армянских вариантов, составляют армянские переводы исполнений азербайджанских ашугов, азербайджанский эпос полностью арменизируется, а сам Кероглу становится армянским героем».

Трудно что-либо добавить к этому. Наверное, стоит только сказать, что армянский поэт XIX века Р.Патканян, написавший в 1856 году дастан в стихах под названием «Кероглу» и напечатавший его в Петербурге в 1893г., открыто признавал и подчеркивал связь своего творчества именно с азербайджанским вариантом «Кероглу». Так, что как говорил великий Гете: «Над важным думать никогда не лишне».

§9. «..., Присвоил», где повествуется о присвоении азербайджанских пословиц и поговорок

Уважаемые читатели! Продолжая рассказывать «об армянской традиции по присвоению азербайджанских культурных традиций» в рамках материала «Пришел, увидел,...присвоил» (раздел «...Присвоил» или третья часть несколько измененного латинского выражения), мы в силу своих возможностей, стремимся довести до вас некоторую «последовательность» усвоенных, присвоенных и «арменизированных» объектов интеллектуальной собственности азербайджанского народа. И сейчас мы покажем, как объектами армянских притязаний стали наши пословицы и поговорки. Этот распространенный фольклорный жанр присущ каждому народу и наряду с этим отражает его национальные особенности. Пословицы являются и «ходячим умом народа» и «гласом народным». Поскольку «пословицы не даром молвятся», тем более, что «добрая пословица не в бровь, а в глаз».

«Энциклопедический словарь» под редакцией А.Прохорова (1985г.) определяет «пословицу» как «жанр фольклора, афористически сжатое, образное, грамматически и логически законченное изречение со смыслом в ритмически организованной форме».

В отличие от пословицы, «поговорка» не несет в себе обобщенной поучительности и трактуется как «образное выражение, оборот речи, метко определяющий кого-либо, явление жизни».

«Толковый словарь живого великорусского языка» В.Даля (1907г.) очень емко подчеркивает, что «пословица – краткое изречение, поученье...». Она скорее «в виде притчи, иносказания или в виде житейского приговора». А дальше – еще тоньше: «*пословица есть особь языка, народной речи*», *она «не сочиняется, а рождается сама*» (курсив наш). А вот «поговорка» по В.Далю, прежде всего, «*складная, короткая речь, ходящая в народе, но не составляющая полной пословицы, поученье в принятых ходячих выражениях*» (курсив наш).

Достаточно сходно, но куда более кратко, дается понятие «пословица» в «Словаре русского языка» С.Ожегова (1952г.),

как «краткое народное изречение с назидательным смыслом», о термине «поговорка» же, как об образном выражении «не составляющим в отличие от пословицы цельного выражения».

Азербайджанский народ располагает несметным количеством пословиц и поговорок. Их национальная специфика и этнический колорит таковы, что не всегда подпадают под определения, приводимые в русских толковых словарях. И это естественно, поскольку указанные словари опираются в первую очередь на наследие русских пословиц и поговорок. Далеко не случайно, что «Русско-азербайджанский словарь» под редакцией А.Оруджева (1975г.) дает следующий перевод терминам «пословица» и «поговорка»:

«пословица» – «аталар сезу», зярб (и), «месел»;
«поговорка» – «месел», «зярби месел», «аталар сезу».

Другими словами, термины «пословица» и «поговорка» взаимно определяют друг друга, и, стало быть, в определенной мере не соответствуют приведенным трактовкам из русских словарей. Более того, получается, что в азербайджанском языке между понятиями «пословица» и «поговорка» как будто бы нет особой разницы. Однако дело совсем не в этом, а прежде всего в языковой специфике. В азербайджанском языке под «аталар сезу» - пословицами подразумеваются не только пословицы, но и поговорки, афоризмы – сентенции, приговорки и прибаутки и т.д., словом, все, что отнесено к «крылатой народной мудрости». При всем том, как и в русском языке, термин «пословица» и «поговорка» и в азербайджанском языке являются различными понятиями. Они не несут единого смыслового и содержательного значения, они различны не только по содержанию, но и по происхождению. Азербайджанские поговорки в отличие от пословиц, обладают относительно большой завершенностью представленной мысли, а главное, подразумевают конкретную цель. В то же самое время пословицы доводят более общее утверждение, не подразумевая конкретной цели. Наряду с этим, за каждой поговоркой, как правило, стоит какое-то событие, повествование, предание, сказка и т.д. Не случайно те из них, которые представляются в виде пол-

ного предложения, будучи обобщенными, становятся пословицами, выражения же переходят в идиомы.

Так вот, уважаемые читатели, на «пословицы», что «недаром молвятся», в которых «дух и плоть народная», его житейская мудрость и ментальность и предъявляют претензии наши соседи.

Еще К.Корш и А.Кирпичников во «Всеобщей истории литературы» от 1892 года особо выделяя в азербайджанском фольклоре пословицы и поговорки, дали им чрезвычайно высокую оценку. Азербайджанские пословицы и поговорки во многом обязаны другим жанрам нашего богатого фольклора сказкам, повествованиям, легендам, преданиям, анекдотам. Исторически естественный для нашего народа этот замечательный фольклорный жанр и сегодня часто встречается в разговорном армянском языке.

«Перекочевывание» азербайджанских пословиц и поговорок не только в армянский язык, но и в армянскую литературу началось не сегодня и не вчера. У этого процесса есть история, есть и богатая традиция. Еще классики армянской литературы, осознавая что большинство пословиц, используемых армянским народом, звучат на азербайджанском, стремились не только перевести оригиналы, но, создавая на их основе «арменизированные» варианты, обогатить армянское пословичное наследие.

И следует сказать, что Х.Абовян, Г.Агаян, П.Прошян, Г.Сундукян, М.Налбалдян многое сделали для этого.

Наряду с этим в армянских архивах, в т.ч. и в Матенадаране, продолжают храниться в значительных объемах наши народные творения. Так, одна из хранящихся рукописей именуется как «Тюркские пословицы». Приведем несколько из них, имея в виду, что они, как обычно, звучат на азербайджанском и записаны армянской графикой:

«Аш бишрянин, иш баджаранын»;
«Гашы айыраркян, гезу чыхартдын»;
«Бир ел иля ики гарпыз тутулмаз»;
«Гюн вар айы бясляр, ай вар гюню бясляр»;
«Гердюн емяк, даха не демяк» и другие.

Просим обратить внимание, уважаемые читатели, на признание известного армянского специалиста А.Ганаланьяна, много сделавшего для привязки инородных пословиц к армянским корням. Согласно высказыванию этого армянского академика, из 500 исследованных им армянских пословиц 83 представляют собой перевод с грузинского языка, а 30 – с английского. При этом намеренно не обсуждается вопрос о том, сколько же пословиц азербайджанского происхождения. И это понятно. Их абсолютное большинство. Вот некоторые из них, которые приводятся в армянском звучании:

«Бир ы ли у, пир ы ли» или «Кефы гон е, кенды киовханы», по армянскому звучанию которых легко узнаются азербайджанские оригиналы – «Бир олсун, пир олсун» и «Кеф сениндир, кянд коханын».

Не говоря уже о такой, как «Хасан гачал, гачал Хасан» («Хасан кечял, кечял Хасан»). Если добавить к этим пословицам переведенные с азербайджанского, а также непосредственно звучащие на азербайджанском, то примеров можно приводить сколько-угодно. Возможно, подобное звучание «армянских» пословиц принудило даже А.Ганаланьяна к признанию, что приведенные выше три пословицы есть «арменизированные» варианты азербайджанских пословиц. И здесь, как говорится, деваться некуда: в армянском языке слова «кянд», «бир», «пир» просто-напросто отсутствуют. Не случайно и свидетельство академика Тер-Терьяна из книги «Творчество Абовяна»: «Армяне в общении и разговорной речи всегда обращались к азербайджанским пословицам и поговоркам…»

А теперь вернемся к использованию азербайджанских пословиц классиками армянской литературы и продолжим серию примеров, приведенных в предшествующих параграфах.

Х.Абовян: «Ел агзы, чувал агзы» (аналогичен азербайджанскому оригиналу)

«Пул ки, вар пасдыр, ел чиркидир» (азерб. оригинал «Пул ел чиркидир»).

Г.Агаян: «Башгасы учюн гуйу газан озю ичиня дюшяр» (азерб. оригинал «Озгяя гуйу газан озю дюшяр»);

«Бир герянда йолдаш, икинчидя гардаш» (азерб. оригинал «Бир дяфя гялян йолдашдыр, ики дяфя гялян гардаш»);

П.Прошян: «Иланын гарасына да лянят, агына да» (азерб. оригинал «Иланын агынада лянят, гарасына да»);

«Дюньянын малы дюньяда галаджаг» (азерб. оригинал «Дюнья малы дюньяда галар».

Г.Сундукян: «Ня экярсян ону бичирсян» (азерб. оригинал «Ня экярсян, ону бичярсян».

Как видно, используемые армянскими классиками пословицы, звучащие на армянском языке, суть переводы азербайджанских пословиц.

А теперь остановимся на том, как армянские классики создавали «новые» армянские пословицы, опираясь на азербайджанскую основу и незначительно видоизменяя ее.

Х.Абовян: «Дава билирсян оз башына еля» (азерб. оригинал «Кечял дярман бился оз башына эйляр»;

«Догру данышанын папахы дешик олар» (азерб. оригинал «Догру данышанын папахы йыртыг олар» и «Догру дейянин башы кечял олар»);

Г.Агаян: «Игидин малы гезюнюн габагында гяряк» (азерб. оригинал «Кишинин малы гез габагында гяряк»);

«Гез севян чиркин олмаз» (азерб. оригинал «Кенюль севян гейчяк олар»).

П.Прошян: «Яхшылыг эля ат суя» (азерб. оригинал «Яхшылыг эйля ат дярйяйя).

А это примеры, когда вводимые классиками армянские пословицы, опирались на принцип антитезы или аналогии по отношению к азербайджанским оригиналам.

Х.Абовян: «Кехня малын гиймяти олмаз» (азерб. оригинал «Уджуз этин шорбасы олмаз»);

«Сичан дешийинин мин тумяна алырлар» (азерб. оригинал «Сичан дешийни сатын алыр»);

«Чыраг оз дибиня ишыг салар» (азерб. оригинал «Чыраг оз дибиня ишыг салмаз»).

Другой же принцип введения в обиход армянских пословиц сводился к тиражированию азербайджанского прототипа.

Х.Абовян: «Дяли бир гюн гырды, юз агыллы текюлда дюзялдя билмяди»

«Мясялдир ки дяли дянизя бир даш атды, мин агыллы текюлдю чыхарда билмяди» (азерб. оригинал «Дяли гуюя даш атды, агыллы чыхарда билмяди»).

Или же напрямую «арменизированная» Г.Агаяном азербайджанская пословица «Даг дага раст гялмяз, инсан инсана раст гяляр» была адаптирована к армянскому языку П.Прошяном в виде «Даг дага говушмаз, инсан инсана говушар» (причина заключалась в том, что в армянской лексике слово «раст гялмяк» - «встречаться» (сходиться) неупотребляем дважды).

Х.Абовян использовал в своем творчестве огромное количество «арменизированных» азербайджанских пословиц, а вот его преемник – Г.Агаян всего-навсего – 163 пословицы! А.Ганаланьян, анализируя творчество Х.Абовяна, специально выделял в отдельную группу используемые классиком азербайджанские пословицы (А.Ганаланьян, «Х.Абовян и устная література», Ереван, 1941, арм.).

Просим обратить внимание на примечательный пример. Так, если Х.Абовян использовал замечательную азербайджанскую пословицу «Биляня бир, билмяйяня мин» в прямом переводном варианте, то в последующем перевод Г.Агаяна привел ее к другой вариации: «Баша дюшяна бир, баша дюшмяйяня мин».

В итоге за короткое время видоизмененная азербайджанская пословица перекочевывает в армянский язык как «оригинальная», становясь употребляемой в разговорной речи. И, конечно, это не изменяет ее плагиатной сущности. П.Прошян устами своего героя в «Сос и Вартитер» заявляет: «Эля о гедяндир ки гетди» и эта азербайджанская крылатая фраза звучит на азербайджанском языке. В другом эпизоде из этого же произведения звучит: «Баблы бабыны тапмаса, дунья ах-вайынан кечяр». Этот же фольклорный образец озвучен и в другой вариации: «Тюрк демишкян, йолдаш йолдашы тапмаса, дюнья ах вайла кечяр» (П.Прошян, «Избр. произ», т.2).

П.Прошян зачастую апеллирует к нашим поговоркам и пословицам в форме «Тюркюн бир мясяли вар» или «Тюрк демишкян». Например, «Тюрк дейир ки кянд дяли оланда моллайа мураджият едир, молла дяли олса кимя мураджият едяджяк».

Г.Агаян, восторгаясь языком образов П.Прошяна, широко использующего наши поговорки, написал: «Господи, Вартитер

только ребенок, ему еще четырнадцать лет. Однако он знает многое не по возрасту, он не только не говорит как ребенок, а употребляет в разговоре такую тюркскую (азербайджанскую) пословицу, как «Зяр гядрини зяргяр биляр» (Г.Агаян, «Произведения», т.3).

А вот А.Ганаланьян подсчитал, что в сочинениях П.Прошяна до 600 используемых азербайджанских или «арменизированных» пословиц и поговорок (А.Ганаланьян, «П.Прошян и устная литература», Ереван, 1938, арм.).

Этот же пример – от драматурга Г.Сундукяна, у которого во втором акте пьесы «Любовь и свобода» устами Шикарона, умудренного человека, преподносится крылатая азербайджанская народная мудрость:

«Адам вар ки, адамларын нахшыдыр
Адам вар ки, гейри ондан яхшыдыр
Адам вар ки, хейван ондан яхшыдыр
Адам вар ки, диндирмясян яхшыдыр»

(Г.Сундукян, Полн. собр. соч., т.3).

Уважаемые читатели! Как вы понимаете все то, о чем шла речь, должно быть как-то объяснимо. И вот как, на примере П.Прошяна, разъясняет непомерное обращение классиков одного народа к народному творчеству другого армянский академик М.Налбандьян («Полн. собр. соч», т.3): «*Уважаемый автор (Прошян) следуя по стопам Абовяна широко использует в своем произведении национальные пословицы и поговорки. И за это мы ему благодарны... Известно, что определенная их часть принадлежит тюркам*» (азербаджанцам) (курсив наш).

И здесь, так и хочется сказать, что воистину прямая в словесности и морали, как и в математике самый короткий путь к правде, к истине. Действительно, в недалеком прошлом, подобное признание армянского научного авторитета было возможным. Точно также как и было возможными и не считалось зазорным печатание в армянских источниках параллельно на двух языках – азербайджанском в армянской графике и на армянском в переводе азербайджанских пословиц и поговорок.

Несколько позже, ближе ко второй половине XX века, ситуация стала изменяться. В ход пошли всевозможные способы «обоснования» армянского происхождения азербайджанских народных творений. Оказывалось достаточным наговорить пословицу или поговорку каким-либо представителем армянской национальности, как она незамедлительно причислялась к армянским творениям.

Стремление «обосновать» пословичный плагиат зачастую доходит до абсурда. Возьмем, к примеру, известную азербайджанскую пословицу «хянджяр ярасы сагалар дил ярасы сагалмаз» («рана от кинжала заживет, а рана, нанесенная словом, не заживет»). Армяне «обосновывают» свои притязания на эту пословицу не как не иначе как посредством сказки, в прямом и переносном смыслах этого слова. Для подтверждения сказанного обратимся к известному армянскому литературоведу и фольклороведу А.Ганаланьяну о присвоениях которым азербайджанских преданий, мы вели речь в предшествующих параграфах (А.Ганаланьян, «Армянская устная литература», 9 вып. Пословицы и поговорки. Ереван, 1946, арм.).

Оказывается, что медведь пригласил к себе попавшего под ливень охотника. Когда дождь закончился, охотник, поблагодарив медведя, добавил, что от него дурно пахнет. В ответ, медведь, потребовал нанести ему удар кинжалом. Спустя некоторое время, при встрече, охотник поинтересовался о том, зажила ли рана у медведя. Медведь, показав ему зажившее место от раны, ответил, что рана от кинжала зажила, а вот от сказанного слова – нет. Мы не комментируем приводимое армянское «разъяснение», полагая, что это действительно сказка. Поскольку подобные «обоснования» «арменизации» наших фольклорных образцов не перестают удивлять, то приведем еще один пример. В данном случае речь пойдет о приватизации азербайджанской пословицы «даг дага раст гялмяз, инсан инсана раст гяляр» («гора с горой не сходятся, человек с человеком сходится»). Единственным аргументом «армянского происхождения» этой пословицы у того же А.Ганаланьяна приводится то, что «Армения – горная страна». По такой же «логической» схеме, только уже со ссылкой на климатические условия

и фауну Армении, «обосновывается» присвоение азербайджанской поговорки «айы мешядян кюсюб, мешянин хябяри йохдур» («медведь обижен на лес, да лес об этом не знает»). Или же «илан хяр йери эйри кезся дя оз ювасына гиряркян дюзялир» («где бы не ползала скрючившись змея, вползая в свою нору, она выпрямляется»). К подобным «аргументам» трудно добавить что-либо, но, тем не менее, заметим, что Азербайджан в географическом и климатическом плане достаточно схож с Арменией, тем паче, что речь идет о Западном Азербайджане, где и существует ныне Армения. С подобными ломовыми аргументами «присвоителей» соседствуют и мягкие «обоснования», согласно которым общая форма представления и сходство содержания пословиц разъясняется историческими, экономическими, общественными и др. связями и общностью географического ареала проживания азербайджанского и армянского народов. Так, к примеру, Е.Арустамян в работе «Общие черты азербайджанских и армянских пословиц и поговорок» именно этим и аргументирует их сходство. Ему же принадлежит и такое свидетельство, что *множество азербайджанских пословиц и поговорок используется армянами в первозданном виде, не будучи переведенными на армянский язык, поскольку сохранение их глубокой философской сущности подобного перевода не допускает* (курсив наш).

Об этом мы писали в предшествующих параграфах, но здесь следовало бы подчеркнуть, что азербайджанцы каких-либо армянских пословиц не употребляют, в то время как армяне широко используют азербайджанские фольклорные творения. Сходство – всегда дорога с двухсторонним движением и если это не имеет места, то уместно сходство именовать именно тем, чем оно и является – заимствованием. И далеко не случайно, как мы уже ранее отмечали, что для стимулирования этого заимствования и его последующей «арменизации» длительное время на страницах периодики вроде «Армянские напевы» и др. изданий, начиная с конца XIX века, регулярно печатались азербайджанские пословицы и поговорки на исконном азербайджанском и параллельно на армянском языках с последующей их передачей на хранение в армянские архивы.

А вот, к примеру, как «обосновывается» «армянская поговорка», следующая из анекдота Моллы Насреддина – «Ишаку верит, а мне нет». Для этого сначала пересказывается анекдот, не имеющий отношения к армянам. У Насреддина некто попросил ишака для того, чтобы отвезти зерно на мельницу. На что Насреддин заявил, что не имеет ишака и в то же время со скотного двора понеслось ослиное «и-а». Услышав эти примечательные звуки, просящий сказал, что Насреддин его обманывает, и ишак у него все же есть. Вот тогда Насреддин и ответил: «Ишаку веришь, а мне нет».

Вот так, уважаемый читатель, и появилась эта армянская поговорка, если следовать «Буаных, яхуд харг гавар» (собрал Бенесес, редактирование и издание Ерв. Малаяна, Типография Г.Мартиносяна. Тифлис, 1901, арм).

Остается только удивляться, а, возможно и неудомевать: как же народы, сотворившие замечательные анекдоты о Молле Насреддине или Ходжа Насреддине не догадались превратить в свои поговорки изречение «ишаку веришь, а мне нет»? И каким образом в этнической среде, где вращались известные анекдоты и откуда происходили сами герои-авторы изречений не прижилась подобная поговорка?

А вот армянам это удалось…

А теперь мы приведем вам примеры более позднего времени, когда армянские пословицы были «щедро» пополнены азербайджанскими «арменизированными» плагиатными копиями.

Перед нами книга академика А.Ганаланьяна «Армянские пословицы», изданная в 1960г. издательством АН Армении (396 стр., на арм. языке). Отобранные из этой книги и переведенные с армянского языка 233 пословицы – суть азербайджанские.

Вот только некоторые из них:

«*Бир вар миня дейяр, мин вар биря деймяз*» (стр.5)
«*Мейвяли агадж башыны ашагы салыр*» (стр.5)
«*Ашагыда отур ки, юхарыда сеня ер версинляр*» (стр.5)
«*Чох бил, аз даныш*» (стр.5)

«*Уз вердиляр, астар истяди*» (стр.21)
«*Ня етсян гаршына чыхаджаг*» (стр.122)
«*Гызым сяня дейим, гялиним сян бил*» (стр.143)

Не менее удивительно и то, что во многих «армянизированных» пословицах ключевые слова не переведены, а звучат в своем первоначальном азербайджанском оригинале (курсив наш).

«*Дюз данышанын папагы дешик олар*» (стр.8)
«*Емеянки малы еяня халалдыр*» (стр.27)
«*Гях нала вурур, гях мыха*» (стр.103)
«*Аллах саг эли сола мохтадж элямясин*» (стр.142)
«*Ашыгын сезу гутаранда нейлим-нейлим дейир*» (стр.158)
«*Дялляк лизи мяним башымда ойрянир*» (стр.163)
«*Зярин гядрини зяргяр биляр*» (стр.170)
«*Пара вар, чара вар*» (стр.243)
«*Гонаг аллах гонагыдыр*» (стр.278)
«*Мешя чаггалсыз олмаз*» (231)

По понятной причине мы не приводим все эти заимствования и оставляем комментарий за читателями…

Однако не проходит и нескольких лет, как АН СССР, издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы (1967г.) выпускают на русском языке книгу «Армянский фольклор» (перевод с армянского). Тираж этого издания 100 тысяч экземпляров. Парадоксально, но факт, что указанным издательством даже знаменитые книги Л.Гумилева или академика Баскакова выходили тиражом максимум 5-10 тысяч экземпляров. В чем же причина такой массовости издания? Оказывается, что армянизированные ранее у Ганаланьяна наши пословицы переведены на русский язык и дополнены новыми образцами плагиата, такими, как «Скажешь «джан» – услышишь «джан», «Делай так, чтобы ни шашлык, ни шампур не сгорел», «Лысый Хасан или Хасан лысый не все ли равно», «Сядем криво, поговорим прямо», «Ашуга в дом не пустим, а он спрашивает: «Куда положить саз», «Бежал от дождя – попал под град» и т.д.

Зато, в предисловии А.Салахяна к этому растиражированному плагиату указано, что «история армянского народа насчитывает более двух тысяч лет», а также особо подчеркнуто, что всему этому духовному богатству армяне обязаны и проникаются «чувством особого уважения к его творцам: народным сказителям и певцам-гусанам», которые «создавали свои произведения страстно, вдохновенно с высокой ответственностью перед современниками и грядущими поколениями...»

Вот так. И мы пробуем закончить этот параграф также с чувством ответственности, черпая его из народной крылатой мудрости «Гарга бюл-бюл олмаз, тюлкю аслан», что в переводе с азербайджанского означает – «не быть вороне соловьем, точно также как и лисице львом».

§10. «..., Присвоил», в котором повествуется о присвоении азербайджанских сказок и анекдотов

В азербайджанских сказках порой переплетены национальные сюжеты с известными мотивами «Тысячи и одной ночи» и даже есть вкрапления древнеиндийских традиционных сюжетов. Это и сказки о животных, как правило, в аллегорической форме, это и «волшебные сказки», повествующие о высоком и непревзойденном мастерстве наших сказителей, это и сказки из быта простых людей, проповедующие честность и правдивость, любовь к Родине, справедливость и доблесть.

Словом, сказочный эпос азербайджанского народа яркое свидетельство его высоких духовно-нравственных черт и глубокого патриотизма. Емкое содержание и могучая народная фантазия вот те неиссякаемые источники, которыми славятся наши сказки.

Термин же «анекдот» определяется в «Словаре русского языка» С.Ожегова и как «небольшой забавный смешной рассказ» и как «смешное происшествие». В «Русско-азербайджанском словаре» под редакцией А.Оруджева «лятифя» анекдот, помимо своего основного смысла переведен наряду со «смешным происшествием» и как «выдумка».

Анекдоты всегда были короткими, поучительными рассказами, художественно отображающими народный ум. Они, дорабатываясь, шлифуясь и совершенствуясь, представляли собой подлинные образцы коллективного творчества.

Как правило, фольклороведы относят анекдоты к разновидности сказок, отводя им особое место в классификации последних. Несомненно, что есть то, что роднит анекдоты со сказками, является их общим началом, но при этом анекдоты по своим основным признакам разнятся от сказок. Если сказка удел сказочника, сказителя, то анекдот может быть рассказан любым человеком. «Герои анекдотов» есть у каждого народа, а сами анекдоты могут быть и местечковыми, провинциальными, имея популярность в каком-то регионе, но могут располагать и прочной популярностью, перешагивающей границы ареала то-

го или иного народа. Азербайджанские анекдоты со столь широкой популярностью связаны с именем Бахлула Даненде, и, в значительно большой степени, с Молла Насреддином. И если анекдотам Молла Насреддина свойственен мягкий юмор, всегда располагающаяся дружеская нота и лаконичность, то рассказы о Бахлуле, обычно, разоблачительны, резко сатиричны и, как правило, опираются на распространенные сюжеты. Как писал известный тюрколог В.Гордлевский: «*В Турции, в Средиземноморье, в Румынии, Сербии, Крыму, Закавказье, Чечне всюду знают Ходжу Насреддина. У горцев, армян, арабов, горских евреев, уйгуров и т.д. Насреддин — популярная личность*» (курсив наш) (В.Гордлевский, «Анекдоты о Ходжа Насреддине», ИВЛ, М., 1957). Народ же, именуя Насреддина Моллой или Ходжой, подчеркивал его образованность и почтенность, как бы его учительский сан.

Уважаемые читатели! Рассказывая об армянских заимствованиях азербайджанского сказочного наследия, мы непременно имеем в виду и такую особенность сказок, что их сюжеты совпадают у многих народов и сходство их еще не основание для выявления плагиата. Если говорить языком авторского права, то основанием для того, чтобы утверждать заимствование является сходство формы, ключевых слов, используемых слоганов, названий самих сказок и, несомненно, переводов их, выдаваемых за собственное культурное наследие.

Начнем с того, что в архивах Армении, как и другие образцы нашего фольклора, хранятся и азербайджанские сказки в оригинальном звучании и, как всегда, в армянской графике. К рукописям этих азербайджанских сказок армянские собиратели прилагают не только армянский перевод, но и многочисленные разъяснения к их стихотворным частям. И делается это, в первую очередь, с целью их более широкого «потребления» и последующего тиражирования слегка видоизмененных копий в качестве армянского оригинала. И потому предметом особого заимствования азербайджанского фольклора становятся стихотворные части сказок. К примеру, в 10-томнике «Армянские народные сказки» (Ереван, Изд. АН Арм.) выпуск которого был начат еще в 1959 году в так называемой «Сказке колхозника»,

где юноша, влюбившись в комсомолку, по ее настоянию вступает в колхоз, стихотворная часть обращения героя полностью перекликается с известными стихами из азербайджанского дастана «Ашыг Гариб», о попытках присвоения которого мы писали в предшествующих параграфах. Или же использование армянами стихотворных оригиналов и мотивов азербайджанского дастана «Асли и Керем». Здесь «арменизированная» тема «дочь священника – сын моллы» или, наоборот, восходящая еще к О.Ерзенкатци – священнику, родом из Эрзинджана и при этом, «ашугу», одним из первых «присвоивших» эту тему, широко проникла в армянские сказки. Достаточно указать, что у К.Шаренца («Саз из Вана», т.Б, Тифлис, 1899, арм.) эта тема нашла отражение в сказке «Салджум Паша», да и в целом, не меньше, чем в 10 армянских народных напевах.

Возьмем более поздние издания. К примеру, известное вам, уважаемые читатели, издание «Армянский фольклор» издательства АН СССР от 1967 года. Просим обратить внимание на название сказки «Азаран Блбул», в которой три сына правителя разбредаются в трех названиях за поиском волшебного соловья. При этом одна дорога на Ереван, другая на Тифлис, а вот третья в направлении «гедан гялмяз» и что в сноске переводится составителем, как «идущий не вернется».

Или сказка «Чопчи» с разъяснением, что «чопчи» - «собиратель хвороста». Или сказка «Бадахан и Хан Богу». И нет нужды комментировать тюркские корни этих названий. Зато название сказки «Не рой другому яму – сам попадешь» есть прямой перевод на русский язык азербайджанской пословицы «Озгяйа гуйу газан озю дюшяр», в свое время приватизированной Г.Агаяном в форме «Башгасы учюн гуйу газан озю ичиня дюшяр» (об этом шла речь в предшествующих параграфах).

А теперь несколько слов об армянских анекдотах.

Выражение «армянский анекдот», тем более в преподнесении «армянского радио» завоевало заслуженную популярность в бывшем СССР и трудно найти кого-либо из граждан этой бывшей страны, кто не воспринимал бы эти анекдоты с усмешкой... Но сейчас, мы поведем речь о других анекдотах, а точнее об армянских анекдотах, опубликованных в печально известной вам по

плагиату книге «Армянский фольклор» от 1967 года на русском языке. Составители этого издания предпочли познакомить русскоязычного читателя не с армянскими анекдотами непосредственно, а с анекдотами «карабахского балагура Пулу-Пуги» в переводе Г.Карапетяна. И здесь дело не только в дефиците армянских анекдотов, ставших притчей во языцех, а сколько в изначальной политизации преподнесения этого фольклорного жанра. Чуть более десятка представленных здесь историй должны свидетельствовать о карабахском присутствии армян. Пулу-Пуги представляется остряком и балагуром, популярным героем карабахского фольклора. *Он даже «сродни знаменитому Молле Насреддину», как описывается это во введении к фольклорному сборнику со стороны А.Салахяна* (курсив наш). Пулу-Пуги – «служивый шут» при карабахском мелике Мелик-Шахназаре, развлекающий своего господина «веселыми рассказами, прибаутками, притчами и остроумными анекдотами». Как вам известно, уважаемые читатели, карабахские мелики не были армянами, а являлись албанцами, происходящими из Гасан-Джалаловского рода. Так вот, преподнесение материала в этом ракурсе, тем более посредством издания Академии Наук СССР («Восточная редакция») преследует и другую цель – «утвердить» мнение о том, что именно армянские мелики имеют фамильные корни в Карабахе и с древних времен являются владетельными кланами со своей территорией…

И в этом убеждаешься, когда знакомишься со сноской в тексте, где оговаривается, что «*Карабах – ныне НКАО» Азерб. ССР со смешанным армяно-азербайджанским населением. Поскольку и возникает естественный вопрос, а куда входил Карабах и каким он был в этническом плане до запечатленного составителями этапа «ныне»*? (курсив наш).

А теперь о том, о чем балагурил Пулу-Пуги.

Возьмем, к примеру, рассказ «Пулу – Пуги и воры».

Содержательно он сводится к тому, что, когда забираются воры, герой прячется, а будучи застигнутым ворами, не нашедшими в доме ничего кроме него, отвечает ворам, что он прячется от стыда. Если сопоставить это изложение с известным анекдотом Молла Насреддина «Молла и вор», то становится очевидным их значительное сходство.

А теперь возьмем не менее известный анекдот Молла Насреддина «Или осел, или Тимур», в соответствии с которым Молла берется за богатую мзду от Тимура в течение 5 лет научить говорить осла, а в ответ своей жене на то, возможно ли это, отвечает: «За эти пять лет кто-нибудь да сдохнет – или осел или Тимур!» А вот сюжет от Пулу-Пуги «Пулу-Пуги учит грамоте осла Мелик-Шахназара», являющейся прямой копией насреддиновского оригинала. «Разница» лишь в том, что в отличие от оригинала «Пулу-Пуги заявляет, что кто-то из троих умрет за эти годы: или осел, или Мелик-Шахназар, или он сам. Примерно такая же картина заимствования имеет место и в сюжете «Список глупцов и сумасшедших» от Пулу-Пуги по сути повторяющего известный насреддиновский анекдот «Список глупцов» и т.п.

В итоге оказывается, что Пулу-Пуги сродни Молла Насреддину не столько по популярности, как представляют его авторы сборника «Армянский фольклор», сколько по сходству скомпилированных сюжетов.

Вот уж действительно, как говорил поэт В.Солоухин, «рассказывать анекдоты» – это брать юмор напрокат». Напомним читателям, что можно было бы составить целый список карабахских сел и городов, подаривших азербайджанской литературе десятки остроумных и глубокомысленных анекдотов. К примеру, своего рода «Карабахскими Насреддинами» являлись Абдал Касим, Аббаскули из Шуши и многие другие.

Именно азербайджанские народные анекдоты и нашли широкое распространение среди армян. Здесь можно встретить наряду с анекдотами Молла Насреддина и анекдоты Бахлула Даненде. Все это хранится в армянских архивах. Конечно же, куда чаще и в архивных материалах, и в печатных изданиях, и, наконец, в произведениях армянских классиков встречается имя Моллы Насреддина. Анекдоты Молла Насреддина можно найти и у армянских собирателей фольклора, как, например, тетрадь Сенекерима Шалджяна.

Легендарный, находчивый и остроумный, меткий и неожиданный. Молла Насреддин всегда был на устах у армян и знающие азербайджанский язык армяне всегда использовали эту народную мудрость в оригинале.

Х.Абовян, собрав эти и сходные анекдоты в своей книге «Шуточные и короткие рассказы», указывал, что юмор и шутовство издревле, с античных времен имеют огромную значимость (Х.Абовян, Полн. собр. соч., т.4). И армяне усердно, начиная с третьей четверти XIX века издавали и распространяли анекдоты и подобные рассказы на армянском. К примеру, изданные на основе перевода И.Гагда «Анекдоты Молла Насреддина» издательством Дедеяна в 1858г. в Измире. А вот, к концу XIX века изданий стало так много, что переводы уже сопровождались вносимыми изменениями и обработкой, направленными на «арменизацию» анекдотов (1876, 1877, 1883 гг. издания). Даже специально был издан трехтомник «Анекдоты», в последнем томе которого публикуемый материал был разделен на национальные и зарубежные анекдоты. Под последними понимались анекдоты Молла Насреддина. Популярность анекдотов была в такой степени, что армянские исследователи основательно занимались ими. В том числе и обладающие духовным саном. К примеру, архиепископ Габриэл Айвазьян в предисловии изданной им в Полнсе книге писал, что *в среде нашего [армянского] народа много тех, кто знает шуточные и юмористические рассказы. Вместе с тем более распространены образцы, переведенные с тюркского знающими тюркский и проживавшими в тюркском ареале армянами* (курсив наш). Не менее важно и то, что азербайджанские оригиналы от Молла Насреддина проникли в армянскую письменную литературу. Подчеркиваем, именно образцы азербайджанских анекдотов, а не армянских. И более всех это сделал классик армянской литературы Х.Абовян. Как в его сборнике «Развлечения на досуге», так и в его букваре «Нахашавич» собрана значительная коллекция анекдотов Молла Насреддина.

Абовян привел их в стихотворный вид, как, например, «Газан Молла Насреддина», «Обед Молла Насреддина», «Пропажа осла Молла Насреддина» и др. и они до сегодняшнего дня популярны в народе (Х.Абовян, Полн. собр. соч., 1948, т.1, 1950, т.5). И, конечно, сюда включены и анекдоты «не от Молла Насреддина», в форме «некто»... и т.п. Вот характерный пример одного из таких анекдотов.

«Образованный человек приходит к родственнику. Когда он постучался в дверь, его родственник говорит слуге: «Передай, что хозяина нет дома». Гость, понимая, в чем дело и ничего не сказав, уходит. Спустя несколько дней родственник приходит уже к нему. И тогда хозяин сам отвечает из-за двери, что его нет дома. Пришедшему кажется, что с ним шутят, и снова стучит в дверь. И снова, услышав тот же ответ, он с удивлением вопрошает: «Послушай, ты ведь сам заявляешь, что хозяина нет дома». На что хозяин ему отвечает: «Я поверил твоему слуге, а ты мне не веришь». Нет нужды сравнивать этот анекдот с анекдотом Молла Насреддина «Ишаку веришь, а мне нет», поскольку заимствование очевидно и Абовян сам же отвечает: «...те, кто знаком с соответствующим анекдотом Молла Насреддина, те знают».

Г.Агаян также сложил в стихи анекдоты Насреддина. В одном из представленных им анекдотов Ходжа Насреддина, последний обманув окружающих о нахождении казны, сам поверил в свой обман, бросился искать ее (Г.Агаян. Произ., т.1).

Известный армянский прозаик П.Прошян же использовал анекдоты чаще в качестве кратких поговорок. Очень часто для более глубокого восприятия сути излагаемого он преподносил события в юмористическом виде, используя основные тезисы анекдотов Молла Насреддина, или же представляя заключение о сказанном в виде поговорки из анекдота Молла Насреддина. Вот пример: «Да приму я твои горести. Беда известна и нам и тебе. Сбрось с души камень. Упаси только, если из этого, чтобы как и Молла Насреддина взамен крынки масла не оказался бы шор... (П.Прошян, «Изб.произв», т.2). Использование в тексте анекдота Молла Насреддина, а точнее этого высказывания позволяет полноценно представить излагаемое, поскольку трудно найти тех из читателей, кто не был бы знаком с анекдотом и следующей из него поговоркой: «Вся беда в крынке с маслом».

Уважаемые читатели! На протяжении ряда параграфов тематической подборки «Пришел, увидел,...присвоил» мы повествуем об усвоении, присвоении и арменизации интеллектуальной собственности, принадлежащей азербайджанскому на-

роду. Это и интеллектуальные кражи наших дастанов, преданий и других эпических произведений, это и стремление прибрать к рукам наши баятылар, пословицы и поговорки, это и «арменизация» наших сказок и анекдотов и других образцов фольклорного жанра.

Вместе с тем, известно, что фольклор питает литературу, а национальная литература и все отнесенное к письменному творчеству тем богаче, чем более опирается на устное народное творчество.

Словом, национальный фольклор во все времена являлся неисчерпаемым источником мотивов, сюжетов и образов, стихотворных и прозаических форм художественный литературы, богатейшей сокровищницей ее языковых изобразительных средств и приемов композиции. И, как обратили внимание читатели, классики армянской литературы не в меньшей, если не в большей степени обращались не к армянскому, а к азербайджанскому фольклорному творчеству. И они не только обогащали свое собственное творчество. Х.Абовян, Г.Агаян, П.Прошян, Сундукян, пользуясь азербайджанскими фольклорными оригиналами, создавали и новые «арменизированные» фольклорные образцы своего народа. Точно также и носители фольклора, сказители – армянские ашуги. А ведь общее число армянских ашугов, слагавших стихи и исполнявших их на азербайджанском, превышало 400. Если исключить некоторую часть произведений Саят-Новы, большей частью творившего на азербайджанском, то оказывается, что абсолютное большинство армянских народных песен взяты из азербайджанских.

И этого достаточно, чтобы еще раз констатировать тот факт, что азербайджанский (тюркский) язык в XIX веке превратился в общефольклорный язык Закавказья. Подобное являлось уникальным фактом в истории языковых контактов и взаимодействий.

И не случайно, классик армянской литературы Х.Абовян, а вслед за ним и известный армянский литературовед М.Налбандян, полагали, что «система нового армянского языка сформировалась под воздействием тюрко-татарского (азербайджанского)». И, наверное, по этой причине Г.Антоньян писал, что

«не отдельные люди творят язык, а это выражение национальной потребности всего народа» (курсив наш). (Г.Антонян, «Литературные связи армянского и азербайджанского народов», 1955).

Однако это было в недалеком прошлом. А сейчас? Вот вам только один пример, уважаемые читатели, из недавно изданной книги С.Айвазяна «История России. Армянский след» (Москва, 1998).

Так вот. Помимо всего прочего, что следует из претенциозного названия, сей автор доказывает, что... *возникновению устного народного творчества (фольклора), созданию эпосов, воздвижению храмов, ковроткачеству и коневодству и иже с ними зарождению металлургии, плавке железа, созданию модели Вселенной, открытию электричества мы обязаны армянам!* (курсив наш). Не забыто и облагодетельствование человечества алфавитом, окультуривание злаков, винограда, граната, абрикоса и многое другое. Вот уж не зря говорил Ростан: «Можно объясняться с теми, кто говорит на другом языке, но только не с теми, кто в те же слова вкладывает совсем другой смысл». А потому, следуя библейскому изречению: «Какой мерой мерите, такой и вам будут мерить», приводим ответ от И.К.Кападпева из его «Очерков закавказской жизни»: «Культура коснулась армянской нации 37 лет тому назад (разговор шел в 1901 году)».

Уважаемые читатели! Мы познакомили Вас с широким кругом армянских заимствований и попросту литературных краж азербайджанского фольклора. Приводились в значительном количестве свидетельства и откровения на этот счет весьма именитых армянских авторов, прозвучавших и напечатанных в недалеком прошлом, причем на армянском языке. И, как Вы понимаете, эти материалы должны были быть переведены, обработаны и научно преподнесены. Мы выражаем искреннюю признательность профессору И.Аббасову, выполнившему в свое время эту работу и отсылаем читателей к его книгам И.Аббасов «Azərbaycan folkloru XIX əsr erməni mənbələrində» (Баку, «Елм», 1977) и И.Аббаслы «Azərbaycan dastanlarının yayılması və təsiri məsələləri» (Баку, НАНА, Фольклорный Институт, 2007).

§11. «..., Присвоил», в которой повествуется об истоках и «развитии» армянского музыкального плагиата

Уважаемые читатели! Мы продолжаем тематический цикл «Пришел, увидел,...присвоил» и хотели бы на сей раз поведать вам об армянском музыкальном плагиате. Армянский музыкальный плагиат, равно как и присвоение других видов нашего фольклорного творчества и авторских азербайджанских произведений, как неоднократно отмечалось, тесно взаимодействует с притязаниями на азербайджанские земли.

Музыка, уважаемые читатели, во все времена являлась особым миром, олицетворяя посредничество между нашей духовной и чувственной жизнью. Идущая от сердца она и должна была дойти до сердца. Музыка «воплощала мысли» (Вагнер) и «побуждала к красноречивому мышлению» (Эмерсон), несла «откровение, более высокое, чем мудрость в философии» (Бетховен) и «являлась общечеловеческим языком» (Вебер). «Кончалось слово – начиналась музыка». Музыка и поэзия всегда являлись душой азербайджанской культуры. «Душа же культуры и есть культура души», по меткому замечанию Гофмиллера и мы, азербайджанцы, не случайно именуем душой то, что воодушевляет. Мощную силу непосредственного эмоционального воздействия музыки невозможно переоценить. И, конечно, музыка у каждого народа отличается своеобразными национальными чертами.

Азербайджан – страна древних, на редкость богатых фольклорных традиций, истоки которых уходят вглубь веков. И, пожалуй, едва ли не самое важное место в них занимают наши музыкальные традиции, традиции прошлого, без которых у настоящего нет будущего. И, поэтому для нас музыкальное явление и памятник культуры и благодатная почва обновления национального композиторского искусства. Будь то наши древние песни и напевы, лирические баяты, элегии – заплачки-марсия, траурные агы и другое, будь то замечательные ашугские песни, музыкально – плясовый фольклор и, несомненно,

вершина нашей народной музыки — мугам: все это — богатейшая сокровищница азербайджанского народа. Текстовую основу наших инструментально-вокальных образцов фольклора составляли стихотворные тексты, характерные для народной поэзии — баяты, гошма, реже — герайлы. Поэтическими текстами мугамов чаще всего выступали газели и гасиды классиков восточной литературы — Низами, Физули, Насими, Хагани, Видади, Вагифа, Вахида, Вургуна, Шахрияра и др.

Замечательна и ладовая основа нашего инструментально-вокального и музыкально-плясового фольклора — раст, шур, шуштер, баяты — шираз. И, конечно, в силу особой лиричности наших песен, наиболее часто употребляемый сегях.

Азербайджанская танцевальная музыка крайне разнообразна. Это и лиричные женские танцы «Вагзалы» и «Узундере», это и стремительные мужские — «Газахы», «Гайтагы» и «Ханчобаны», это и коллективно-хороводные «Яллы» и воинственный «Джанхи», степенный «Мирзеи» и многие другие.

Как и песни, наши танцы звучат в наиболее популярных в художественном сознании народа ладах: шур, сегях, раст и реже — шуштер и чаргях.

Так вот, уважаемые читатели, именно на эти музыкально-фольклорные традиции азербайджанского народа и пробуют претендовать армяне. И именно об этих музыкальных кражах мы и поведем речь.

Начнем с того, как готовится усвоение и присвоение азербайджанского музыкального фольклора. Напомним, что точно также, как азербайджанский язык в XVIII-XIX вв. являлся языком межнационального и межгосударственного общения, точно также и азербайджанская музыка тех лет была определяющим культурным фактором на Кавказе.

Подчеркиваем, азербайджанский язык и музыка XIX века превратились в общефольклорные для Южного Кавказа, что само по себе являлось уникальным фактом в истории контактов и взаимодействий. И это было время широкого знакомства с азербайджанским музыкальным искусством прибывших в Азербайджан путешественников, делившихся своими впечатлениями в своих дневниках и на страницах прессы. К примеру, русский востоковед М.Березин в «Закавказском вестнике»

(№21) поделился своим восприятием азербайджанской музыки во время путешествия в 1824 году, побывав в Баку и апшеронских селениях. Будучи гостем Алияр-бека – бека из Бузовны, он писал об оркестре музыкантов из нагара, саза, балабана и бубна: «*Оркестром управлял саз, дающий тон,... музыкант, играющий на сазе, есть вместе с тем prima tenora... Впоследствии времени мне случалось слышать лучших мусульманских артистов в Тегеране, Каире, Константинополе, но пение, слышанное мной у Алияр-бека на Апшеронском полуострове, всегда представлялось мне более приятным*» (курсив наш).

Вместе с тем именно с начала XIX в. и начинается история записи и публикации азербайджанской музыки. Излишне напоминать, что в те годы других средств фиксации музыки на носителе, кроме как нотной записи не было. Очевидно, что сделать это могли только те, кто был обучен нотной грамоте. Так вот, издания азербайджанского фольклора, как правило, преследовали цели более широкого его распространения, знакомства и освоения этого музыкального наследия. Однако армянские записи и издания объяснялись совсем иначе: запечатлеть в нотной форме музыкальный фольклорный образец, дабы, заполучив некий аналог авторского права – право первой публикации, объявить его впоследствии своим, армянским... В 1817 году в изданном в Астрахани И.Добровольским «Азиатском музыкальном журнале» среди других восточных песен имелась и нотная запись азербайджанской народной песни, озаглавленная как «Персидская песня Фет-Али Дербендского». Точно также П.Сиельским в 1861 году в Петербурге в журнале «Иллюстрация» была опубликована азербайджанская народная песня «Галадан галая». Эта песня была услышана еще ранее замечательным русским композитором М.Глинкой осенью 1829 года в одном из петербургских салонов. И вот, что он писал: «*Осенью того же года у Штерича я слышал персидскую* [азербайджанскую] *песню, петую секретарем министра иностранных дел Хозрева Мирзы. Этот мотив послужил мне для хора «ложится в поле мрак ночной» в опере «Руслан и Людмила»* (курсив наш) (М.Глинка, Литературное наследие», т.1, Л-М, Музгиз, 1952). Речь идет об азербайджанской песне «Галанын дибинда», которая и легла в основу «Персидского хора» «Руслана и Людмилы» и об этом, как и должно быть у больших музыкантов,

замечательный композитор прямо и написал. Мы просим запомнить этот факт, уважаемые читатели, поскольку еще вернемся к нему в связи с армянским плагиатом. В 1834 году А.Алябьевым была издана в Москве как кадриль и озаглавлена «Азербайджанская», народная мелодия, близкая к «Алты номря», «Дарчыны».

Нотные записи и последующие композиторские обработки нашей музыки того периода позволяли славной плеяде представителей русского музыкального искусства осваивать музыкальное наследие нашего народа. И не случайно, у М.Балакирева, Н.Римского-Корсакова, М.Мусоргского, М.Глинки, А.Бородина, П.Чайковского мы встречаем замечательные восточные следы, навеянные интонацией и мелодиями азербайджанской народной музыкальной традиции.

Уважаемые читатели! Хотели бы подчеркнуть, что творческая переработка фольклорного оригинала, естественное включение мелодийной канвы музыкального образца в новое произведение, словом, использование выражений фольклора (в т.ч. и музыкальных) для создания нового авторского произведения, плагиатом не является. И это нашло отражение в первом на европейском континенте и в пространстве стран СНГ, азербайджанском законе «О правовой охране выражений азербайджанского фольклора», принятом несколько лет тому назад. Однако плагиатом, а точнее культурной кражей, является присвоение оригинала фольклорного образца, отрицание его исконного происхождения и преподнесение в качестве собственного творческого продукта.

И мы с большим воодушевлением слушаем «Шахсенем» Р.Глиэра, где звучат мотивы нескольких десятков азербайджанских мелодий, «Руслан и Людмила» упомянутого Глинки, С.Рахманинова, использовавшего в романсе «Не пой, красавица, при мне» интонационный строй мугама «чергях», «Восточный романс» А.Глазунова и др.

Вернемся, уважаемые читатели, к «армянской традиции присвоения азербайджанских культурных традиций» и начнем с откровений известных армянских деятелей, связанных с музыкой и озвученных в недалеком прошлом (XIX век).

М.Налбалдян [«О древних стихах и напевах», Полн. собр. соч., 1т.]: «...Однако большинство мелодий и напевов заимст-

вованы у тюрков [азерб.]. Я побывал во многих местах проживания армян. Всегда старался услышать что-нибудь чисто армянское. К сожалению, услышать такое мне не удалось». Думаю, что не случайно и другое его высказывание о том, что «названия используемых нами музыкальных инструментов – саз, сантур, каман – все на тюркча». Далеко не случайно и свидетельство известного литературоведа С.Паласаняна, сделанное им в его «Армянские мелодии» от 1868г.: «Мотивы наших мелодий очень различаются…и, вообще под влиянием какого народа мы находимся, его мелодии и принимаем за свои …».

А вот известное высказывание Г.Агаяна: «…Этот язык [азерб.] для армян как родной… Именно поэтому мы поем на азербайджанском».

Мы не можем не повториться, не сказав о словах классика Х.Абовяна, что «армяне поют только на тюркча», что «армяне не имеют песен вместе с дастанами» и др. А Брутян же ко всему этому добавил, что «самые знаменитые армянские исполнители мугама вышли из Баку и Шуши».

А мы, в свою очередь, добавим, что еще известный специалист А.Корещенко в своих «Наблюдениях над восточной музыкой, преимущественно кавказской», писал: «*...армяне не имеют своей народной музыки*» (курсив наш) (Московские ведомости, 1896). Его точку зрения разделял и армянский композитор и музыковед Сп.Меликян, много занимавшийся уже в советское время сбором и записью народной музыки. И вот как об этом писалось в «Истории музыки народов СССР» (М., 1970), в состав редколлегии которой входили М.Мурадян и Г.Тигранов: «*Систематически участвуя в экспедиционных работах* [по сбору и записи народной музыки], *выявляя и записывая подлинно народные песни, он отрицал самобытность армянской народной музыки*» (курсив наш). Именно по этой причине М.Мурадян в своей работе «Из истории армяно-русских музыкальных связей XIX-XX вв.» подверг критике «теорию влияний» Сп.Меликяна, согласно которой «*армянская музыка представляет собой конгломерат влияний различных культур*» (курсив наш).

Добавить к этому что-либо трудно, но не отметить, что кому, как ни Сп.Меликяну, занимавшемуся сбором и записью в

Армении народных песен и танцев не знать, откуда их корни, каково происхождение и почему армянская народная музыка в целом представляет собой клубок заимствований и, в первую очередь, у азербайджанцев.

Тем более что тексты старинных азербайджанских песен давно находились под «армянским колпаком». Хотели бы, чтобы уважаемые читатели, знали, что трудно найти армянские рукописи XVII-XVIII вв., а тем более XIX в., в которых не встречались бы старинные азербайджанские песни и напевы. Тексты большинства из них хранятся в Матенадаране и других архивах Армении. Напевы широко распространены и, как мы отмечали, абсолютное большинство армянских народных песен и напевов (около 90%) основываются на азербайджанских. Старинные азербайджанские напевы не только широко применялись в армянском быту, не только собирались и хранились в архивах и не только, по возможности, переводились, они широко издавались армянами, как и другие наши фольклорные образцы. Как правило, в иностранных источниках азербайджанские творения выдавались за образцы армянского творчества. В качестве примера можно указать издание в Париже книги «Армянские народные напевы», собранные Р.Боячьяном и подготовленные к изданию А.Серпексом. Львиную долю напечатанного в этой книге составили азербайджанские народные мелодии со своими оригинальными текстами.

Тексты наших песен и напевов широко проникли и в армянскую литературу, и в профессиональную музыку и широко распространялись армянскими ашугами гусанами.

Нотные же издания наших музыкальных образцов как инструментально-вокальных, так и музыкально-плясовых армянами, как мы отметили, по сути, и было началом заимствования и плагиата. К примеру, изданные в конце XIX века азербайджанские фольклорные танцы «Узундере» и «Джейраны» буквально через несколько лет были объявлены исконно армянскими, точно также, как и популярный азербайджанский танец «Шалахо» был присвоен армянами и в «Музыкальном энциклопедическом словаре» от 1959 года преподносился как «армянский мужской сольный танец», распространенный также и в Азербайджане.

Тогда, как этимология этого слова исходит от «шеля юкюм» («грузная ноша»). И, наверное, такое представление «Шалахо» было не без помощи ответственного в этом Словаре «за акцентуализацию» М.Тер-Терова. Нельзя не сказать и о том, что азербайджанские песни и напевы нашли дорогу и на армянскую сцену. В частности, у Сундукяна в пьесе «Хатабала» (азербайджанское слово) (1866-1867) в третьей части слуга Саркис произносит монологи, полностью основанные на наших старинных напевах (Сундукян, Полн. соб. соч., т.1).

С целью углубления знаний о народном музыкальном фольклоре, а как показало время и «развития» будущего плагиата, уже в советское время в 1925 году в Ереване создается специальное подразделение при Институте науки и искусства в задачу которого входили сбор и изучение народной музыки и фольклора. И руководил этим подразделением ученик основоположника армянской классической многоголосной музыки С.Комитаса (Согомонян) С.Меликян. Сам же «гений армянской музыки», как представляется Комитас в многочисленных армянских исследованиях, в соответствии с «Энциклопедическим музыкальным словарем» от 1959 года, помимо увлечения духовной музыкой, записал свыше 3-х тысяч песен, из которых сохранилось около 500. Одним из примеров этой записанной народной музыки и является запись старинной замечательной азербайджанской песни «Сары гялин», правда, под названием «Ес кез тэса» («Этнографический сборник», т.1, №56), причем как армянской народной песни. Она в числе прочих и была издана С.Меликяном в «Этнографическом сборнике» Комитаса с комментариями. Эта компиляция, впоследствии, как отмечается в «Истории музыки народов СССР» (т.1, 1970), была дана композитором К. Захаряном в обработке (примерно 30-е годы прошлого столетия). С рецидивами этой музыкальной кражи мы встречаемся и поныне: и на различных зарубежных ТВ каналах и в зарубежной прессе нет-нет проскальзывает, что эта «армянская народная песня». К примеру, недавно при формировании «Европейского музыкального сборника», армяне умудрились протащить этот музыкальный шедевр в очередной раз как армянскую музыку. Парадоксально, но факт, что ни со-

ставители и издатели, ни представившие песню армяне не были знакомы с этимологией понятия «Сары гялин». «Сары гялин» не просто светловолосая, солнечная, лучезарная невеста, но имеет и скрытый смысл. «Гялин» на азербайджанском языке от глагола «гялмяк» («приходить»), а «сары» – «в направлении к нам» и, стало быть, это и «приходящая к нам невеста». Так что и осталась в «Европейском музыкальном сборнике» армянизированная «Сары гялин», как «Желтая невеста». Не говоря о замечательных припевках «нейлим-нейлим», что в переводе с азербайджанского означает «как мне быть?», сохранившихся в этом издании латинским шрифтом на азербайджанском. Смысл их, понятный каждому азербайджанцу, оказался недоступным для армянских плагиаторов. Стоит подчеркнуть также, что и старания основоположника армянской музыки Комитаса по арменизации названия песни оказались тщетными армяне поют и представляют эту песню под ее оригинальным азербайджанским названием «Сары гялин».

Подчеркнем, уважаемые читатели, что сам «Этнографический сборник», именуемый «сокровищницей армянской музыки» и «энциклопедией армянской крестьянской музыки» содержит не одну, а множество нотных компиляцией азербайджанских народных песен от Комитаса. Что же касается С.Меликяна, записавшего около тысячи фольклорных песен, издавшего сборники «Ширакских песен», два выпуска «Ванских песен», то его мнение, как мы отмечали выше, было непоколебимым: *армянская музыка не является самобытной, а Комитас – всего лишь музыкальный этнограф* (курсив наш). А, вот пример, прямо противоположный – от музыковеда М.Мурадяна, предавшего анафеме С.Меликяна в своей работе, на которую мы ссылались выше. Он написал: «Известно, что Глинка в персидском хоре из третьего действия оперы «Руслан и Людмила» использовал армянскую песню, которую ему сообщил прославленный маринист Н.Айвазовский. Просим уважаемых читателей сопоставить это лживое высказывание с приведенными выше мыслями самого Глинки и обратить внимание на то, что для абсурда, основанного на подлоге, пришлось прибегнуть и к авторитету художника Айзовского. Или

другой пример от одного из исследователей комитасовского наследия, армянского музыковеда Н.Тагмизяна. Он писал: «Комитас являлся основоположником не только новой национальной композиторской школы, но и науки о древней армянской музыкальной культуре... заложил основы новейшей армянской науки о древнем армянском песнетворчестве, во многом предрешил дальнейший путь развития этой науки» («Комитас и таги Григора Нарекаци», «Комитас и проблема расшифровки армянских хазов», «Комитас и вопросы исследования армянского духовного песнетворчества»).

Да, уважаемые читатели, вы не ошиблись. Это именно тот Н.Тагмизян, который, следуя по «дальнейшему пути, предрешенному Комитасом», ревизируя творчество великого Низами, а именно «Хосров и Ширин», в 80-е годы доказывал, что Саркеш глава музыкантов дворца – армянин, Ширин – армянская принцесса и, вообще, что армянская музыкальная культура – первичный очаг с огромным воздействием на музыкальную культуру всего Востока. Справедливости ради, следут отметить, что «вершиной» творчества Тагмизяна необходимо признать его вывод о том, что определенная часть «Китаби-Деде Коркут» записана со стороны... армян. К этому «заключению» он пришел, исследуя творчество гусанов так называемых армянских ашугов (Н.Тагмизян, «Об армяно-персидско-таджикских взаимосвязях в древности», Душанбе, «Дониш», 1989).

В искусственном удревнении армянской музыкальной культуры значительную «поддержку» Тагмизяну оказали и другие армянские специалисты, такие как Цикциян, Ернджанян и др.

Мы приводим, уважаемые читатели, перечень наиболее крупных музыкальных достижений Армении в 20-40 годы прошлого столетия, отмеченные в соответствующих разделах, посвященных Армянской ССР в «Истории музыки народов СССР»:

Н.Тигранян: «Баяты-Шираз» (обработка);

А.Спендиаров – «Ереванские этюды: сюита», часть 1, танец «Энзели», «Гариб-блбул», симфоническая обработка песен Саят-Новы.

Все эти произведения тесно опираются на фольклорные корни азербайджанской музыки. Мы не говорим об опере «Алмаст» А.Спендиарова, о балетах «Спартак» и «Гаяне» А.Хачатуряна, опере А.Тиграняна «Ануш» и опере «Сафа» А.Маиляна и других произведениях армянских композиторов, влияние на творчество которых великого Узеира Гаджибекова неоспоримо. Это тема отдельного разговора. Однако не можем не упомянуть о плагиатных корнях «Вагаршапатского танца» А.Бабаджаняна, восходящих к музыкальной оперетте Узеира Гаджибекова «Не та, так эта». И вот почему. Много позже, после написания «Вагаршапатского танца» в 80-е годы А.Бабаджанян в одной из передач центрального радио и телевидения «нашел корни» замечательной оперетты Узеирбека «Аршин мал алан» в мелодиях, напетых в какой-то из армянских деревень Карабаха и тем самым, в косвенной форме, пытался обвинить великого азербайджанского композитора в плагиате.

Уважаемые читатели, продолжая тему об армянских плагиате в отношении нашего музыкального фольклора, нельзя не сказать и о том, какие ухищрения применялись армянами для того, чтобы попробовать оставить «след» в музыкальном искусстве азербайджанского мугама, отнесенного ныне ЮНЕСКО благодаря замечательному вкладу Фонда Г.Алиева и ее Президента, первой леди Мехрибан ханум Алиевой, к сокровищам мировой культуры.

Уместно будет отметить здесь одно высказывание армянского музыковеда А.Шавердяна в связи с обработками мугама для фортепиано, струнного квартета и оркестра. Так вот, Шавердян счел нужным заявить о том, что «недопустимо апологетическое отношение к мугамам, как к искусству, якобы... совершенному, высшему, классическому». Это было брошено и в адрес известного композитора Армении Н.Тиграняна, уделявшего много времени собиранию и исследованию народных песен и мугамов (азербайджанских и армянских).

Наверное, не последняя причина и в том, что «мугам» даже в «Музыкальном Энциклопедическом Словаре» охарактеризован исключительно и как «лад в азербайджанской народ-

ной музыке, равно и как жанр в народной и традиционно-профессиональной музыке в виде и вокально-инструментальной циклической пьесы, заключающей в себе черты сюиты и рапсодии». А стало быть, «арменизировать» этот вид музыкального фольклора не представлялось возможным. Причина, конечно, глубже. Мугам – особое искусство, рожденное на резонансе поэтики языка, его певучести с музыкой мугама. Спеть мугам невозможно, если нет газелей, касыд, рубаи, словом, ориентальной поэзии. Именно поэтому, заимствования мугама армянами были возможны только на инструментальном уровне. Однако в последнее время армяне претендуют и на то, что у них есть «армянские мугамы» и даже «развито мугамное искусство».

К примеру, М.Брутян, несмотря на свое свидетельство о том, что армянские исполнители мугама родом из Баку и Шуши, и, несмотря на признание того факта, что мугам, если и существует в Армении, то исключительно на инструментальном уровне, вместе с тем навязывает мысль о том, что армяне дают концерты «армяно-фарсидской» и вокально-инструментальной музыки, подразумевая под этим азербайджанский мугам Баяты-Шираз. Более того, по его мнению, армянский мугам, выделившись из общевосточной культуры мугамата, сумел развиться в Армении с учетом национальных особенностей. Вместе с тем, он с сожалением отмечает, что в средние века армяне более активно участвовали в развитии мугамата (М.Брутян, «О бытовании мугамата в Армении»; Кн. «Макомы, мугамы и современное композиторское искусство», Ташкент, 1978). Как видят, уважаемые читатели, Шахвердян поспешил со своим вердиктом композитору Н.Тиграняну, обработавшему в свое время «Баяты-Шираз», поскольку возможности армянского плагиата воистину безграничны. Как понимают читатели, нужны какие-то основания для подобных рассуждений и выводов. И они находятся и, как всегда, подложные. Оказывается, что заблаговременно, еще в 1968 году Тагмизян, о котором мы уже вели речь, выпускает со своими комментариями «Руководство по восточной музыке», автором, которого он приводит армянского тамбуриста XVIII века Арутина. Книга так и называется «Тамбурист Ару-

тин» (перев. с турецкого с коммент. Н.Тагмизяна, Ер., АН Арм, 1968). Оказывается, что руководство по восточной музыке этого тамбуриста почему-то написано на азербайджанском языке, но в армянской графике. Прием, как видите, уже знакомый, уважаемые читатели. Более того, Тагмизян уверяет, что произведение написано на основе фарсидских музыкальных источников. Итак, на основе фарсидских источников на азербайджанском языке в армянской графике написано руководство для постижения мугамата. Как бы то и ни было, создана возможность ссылаться на этот труд и делать заключение о развитии мугамата в Армении, что, кстати и делают другие исследователи; как, например, Л.Ернджакян «Традиционные жанры монодии в аспекте армяно-иранских музыкальных связей» (М., Сов. композитор, 1987). Вместе с тем, ларчик открывается просто и выясняется, что «творение» тамбуриста Арутина есть копия творения азербайджанцев Хашым-бека и Закир-бека известных азербайджанских мугаматистов. И написаны они, не опираясь на фарсидские источники, а как раз на азербайджанские – С.Урмеви и А.Мараги. Такова вкратце история армянской мугаматной фальши, с надуманным прошлым.

А вот другой пример «развития мугамата». Мы уже повествовали, что композитор Н.Тигранян впал в немилость музыковеда Шавердяна за обработку мугамата. Так вот. Н.Тигранян еще в 1884-1904 гг. переписал для игры на фортепиано нотные версии 12 азербайджанских мугамов. Здесь и «Баяты-кюрд» и «Баяты-Шираз», и «Сегях-Забул» и др. Исполнял ему армянский тарист Агамал Мелик-Агамалян. Вот этот нотный сборник Н.Тигранян и опубликовал под названием «Фарсидские мугамы». Последний факт, как обычно, дал возможность несведущим, а возможно, и не желающим знать специалистам, анализировать изданные нотные тексты, как «армянские мугамы». Так что, прощение за увлечение мугамами к Н.Тиграняну пришло и, вот каким образом. Небезызвестный Тагмизян пишет, что если Комитас сумел перенести в нотные записи «фарсидские песни», то его современник Н.Тигранян является первым из восточных композиторов, глубоко изучившим и сумевшим изобразить в нотном варианте многие классические (фар-

сидские) мугамы, причем в «улучшенном» варианте и, наконец, А.Спендиаров симфонизацией мугамного мелоса на заключительном этапе достиг огромных высот. Вот такой он, армянский мугамат, представляя и описывая который тщательно избегают слова «азербайджанский».

А теперь о современных музыкальных кражах наших песен, осуществляемых на базе современной техники цифровой записи, достойно развивающих наработанные в прежние годы и традиции. Начнем с музыкальных краж на примере двух звукозаписывающих студий «Ани-Рекордс» и «Фулл-Хауз» и вот почему. На страницах прессы не раз освещалась «деятельность» ныне лишенной лицензии за пиратскую продукцию студии «Ани-Рекордс», присвоившей десятки музыкальных образцов Азербайджана. В «послужном списке» этой студии, штамповавшей «армянскую музыку», «армянские танцы», да еще под фарисейской вывеской, что отобраны лучшие образцы по всем направлениям армянской музыкальной культуры, были присвоенные наши фольклорные танцы «Вагзалы», «Тярякама», «Яллы», «Узундяря», «Газахы», песни «Хан баджы», «Дяли джейран», «Ай Лели», «Сары кейнек» и много авторских произведений таких, как «Ай гьз» Б.Насибова, «Инди мени танымады» О.Кязымова, «Меним дунья», «Олмаз-олмаз» А.Тагиева, «Дилим, джан инджидендир» П.Бюль Бюль оглы и т.д. Лицензия этих пиратов была изъята соответствующим органом РФ, только после того, как они легализовались, зарегистрировавшись по адресу: Ростовская область, село Чалтырь, ул. Мясникяна, 90. Напоминаем, об этом, чтобы привести «объяснение» формального руководителя этой студии Х.Авендяна, когда деятельность студии была приостановлена, напечатанное в ростовской газете «Седьмая столица» и являющееся знаковым: «...что касается азербайджанской музыки, да откуда я мог знать, что она не армянская, у нас ее все время играют...». Как показал анализ, главный действующий принцип этой студии: не указывая происхождения музыки, крупным планом выпячивать армянского исполнителя, в настоящее время нашел «продолжателя» в лице студии «Фулл Хауз», которая, по мнению компетентных российских органов, является незаконной и нигде не зарегистрирована. В ее пиратском сериале «Инстру-

ментальные хиты Востока. Магический дудук 1» из 15 музыкальных композиций 7 принадлежат азербайджанским композиторам, но ни на одной не указывается их авторства, а взамен – исполнитель – дудукист Д.Гаспарян и богатая информация о дудуке – исконно «армянском» инструменте. Украдены знаменитые «Сяня да галмаз» Т.Кулиева, «Сачларына гюль дюзюм» Р.Гаджиева, «Ай гьз» Дж.Джангирова, «Нейлейим» Э.Сабитоглу, «Сен гелмез олдун» А.Тагиева, «Мелодия» и «Геджа зенклери» Э.Мансурова.

Армянский музыкальный плагиат давно перешагнул рамки СНГ. К примеру, армянский CD «Кларнет и зурна», выпущенный «Парсегян-Рекордс» в США в Лос-Анджелесе. Схема армянского плагиата традиционна: в 14 исполняемых композициях на кларнете и дудуке на переднем плане имена армянских исполнителей и из композиций 12 азербайджанских авторских и фольклорных музыкальных произведений, о происхождении которых умалчивается. В их числе «Шарур яллысы», «Кечари», «Бановша», «Фуады», «Забул ренги», «Сез олмасайды» Ибрагим Топчибашева и др. Плагиаторы «закрепляют» кражу общим названием «Армениане Бест…», то бишь, лучшее армянское.

Вот так и пытаются убедить неискушенных в «армянском музыкальном творчестве». Удивительным во всем этом является то, что плагиат настолько прижился, что многие армяне и не сомневаются в армянском происхождении исполняемой азербайджанской музыки. Вот, к примеру, курьез, который сродни упомянутому выше высказыванию руководителя лишенной лицензии студии «Ани–Рекордс», имевший место в связи с армянской кражей композиции «Вокализ» и основой которой являлись азербайджанские музыкальные фольклорные образцы. Армянские представители в Интернете отвечали, что они еще, будучи детьми, слышали эту композицию, являющуюся «исконно армянской» под названием «Багдгали». Факт удивительный, поскольку защитники плагиата не задумываются над этимологией названия присвоенного ими музыкального образца, расшифровываемого с азербайджанского как «цветок в саду». Наряду с «Вокализ» Б.Дадашевой, выкрадено и присвоено авторство замечательной авторской песни А.Самедзаде

«Школьные годы», а также сочиненная и исполняемая В.Шахбазовым «Лейла».

А посмотрите, уважаемые читатели, что в Интернете?

Те же принципы армянского плагиата находят и здесь отражение, к примеру, на дисках, предлагаемых российскими Интернет-магазинами. Разнообразные коллекции от дудука в исполнении Д.Гаспаряна, С.Асадуряна и др. Здесь и «Слеза Армении: голос дудука» и «Магия армянского дудука» и т.п. Читатель, наверное, догадывается, магию какой музыки источает «древний армянский инструмент», да еще в исполнении С.Садуряна. Мы перечислим все 8 композиций, так как они поименованы в пиратском CD – «Гайыгчы», «Гюнюм гюнешим оларсан сен», «Уча даглар», «Тутам яр елинден, тутам», «Бир чичек киби», «Аллы дурнам», «Елли йаш», «Гырмызы гюлюм солду», которые являются азербайджанскими или турецкими музыкальными образцами и происхождение которых, конечно, не указано.

Зато в этих же нелицензионных сборниках предлагается замечательный альбом «Балабан» известного азербайджанского балабаниста Алихана Самедова и, как всегда под вывеской «хорошей армянской музыки». Указанные на русском языке названия композиций «Ты не пришла», «Светловолосая невеста», «Не пришла», «Лирика», «Айвовый цветок» – и есть тот немногий элемент творчества, вложенный армянами. Ведь речь идет о том же «Сян гялмяз олдун» А.Тагиева, азербайджанских народных песнях «Сары гялин», «Гялмядин», о нашей танцевальной мелодии «Мирзеи», «Хейва гюлю». Естественно, что плагиаторы ни происхождения композиций, ни действительного исполнителя не указывают.

Стоит «кликнуть» «армянская народная музыка» в сети, то мы получим ссылки на несколько десятков тысяч Интернет-адресов. Большинство из них, как правило, армянских сайтов с упоением возводят истоки армянской народной музыки VI-IV вв. до н.э. Вот так и преподносится старинная армянская народная музыка азербайджанских корней. Здесь же в «Антологии армянской музыки» (т.4) можно узнать подробности о древнем армянском инструменте «дудуке». Оказывается: «близкие по

конструкции и звучанию духовые инструменты есть у народов Средней Азии, Грузии, России, Белоруссии, Болгарии, Югославии и Турции». И, конечно, в этом списке нет места Азербайджану, поскольку исполнение азербайджанского исполнителя азербайджанских песен на азербайджанском национальном балабане и преподнесено как армянская музыка армянского исполнителя на армянском дудуке. Да и не мешало бы напомнить, что корень слова «дудук» тюркский и на азербайджанском звучит как «тутяк». Не могут не вызвать улыбки «тщательно отобранные» образцы в Антологии (т.7) «Армянский фольклор» и, как представляют его издатели, являющихся «отреставрированными редкими архивными записями армянской народной музыки, бережно воссозданными фольклорными коллективами Армении». Вот несколько названий «этих музыкальных шедевров многовековой давности». Даются они в латинице, и мы также и приводим их: «Kele kele», «Aliagyaz», «Tsolako» и др. Комментарии за вами, уважаемые читатели, а для желающих послушать музыку армянской диаспоры «Играет трио Гарибяна» (т.3, Антологии) рекомендуем «современный армянский музыкальный язык», родившийся не только непосредственно в Армении, но и на других территориях расселения армян: «Mirzei», «Tarkjama», «Otaramaji» и многое другое.

Мы подходим к завершению, подчеркивая, что у азербайджанского народа замечательная музыкальная фольклорная традиция и столь же замечательное современное музыкальное искусство. Сочинять прекрасную музыку – одновременно прекрасно мыслить, прекрасно чувствовать и прекрасно выражать мысли. Словом, в равной мере обладать умом, душой и вкусом.

Уважаемые читатели! Подводя итог первой части повествований об армянских музыкальных кражах, хотели бы закончить ее замечательным высказыванием Валери: «Найти легко, трудно впитать в себя найденное».

§12. «..., Присвоил», в котором повествуется об армянских заимствованиях творчества азербайджанских композиторов и, в первую очередь, Узеира Гаджибекова

Уважаемые читатели! Мы продолжаем тематический цикл «Пришел, увидел, ... присвоил» в части «...присвоил» несколько измененного латинского крылатого выражения и в этой подборке знакомим вас с армянскими присвоениями интеллектуальной собственности азербайджанцев, тесно связанными с территориальными претензиями к народу, являющимся создателем и обладателем этого культурного достояния. Продолжая начатое в прошлом параграфе повествование об армянских музыкальных кражах и заимствованиях, в которых речь шла о присвоении и арменизации инструментально-музыкальных, музыкально-плясовых образцов фольклора, народных напевов, а также их использовании в армянском профессионально-композиторском творчестве, мы хотели бы рассмотреть вопрос об армянских заимствованиях творчества азербайджанских композиторов и, в первую очередь, великого Узеира Гаджибекова.

Как известно, профессиональная композиторская музыка всегда опиралась на фундамент фольклорной музыкальной традиции. Чем ярче и богаче была эта традиция, чем глубже она использовалась и перерабатывалась композиторами и тем более значительные произведения удавалось им творить.

Азербайджанская музыкальная культура и впрямь опиралась на три традиционных кита: песенный и плясовой фольклор, ашугское искусство и мугамат. И вся эта устная музыкальная традиция нашего народа имела два крупных пласта. Прежде всего, бесписьменная, устная форма музыкального фольклора в виде народных песен, напевов и танцев. И, конечно, музыка профессиональной устной традиции: искусство мугама и музыкально-поэтическое творчество ашугов.

Величие основоположника азербайджанской композиторской школы Узеира Гаджибекова и заключилось в том, что, несмотря на все превратности чинимые ему, профессиональная

азербайджанская музыка была им создана, опираясь на эти музыкальные традиции. Эти традиции были не только гениально интерпретированы, но Узеирбеком была создана и теоретическая основа их использования. И это была стройная система азербайджанских музыкальных ладов. Именно У.Гаджибеков и стал родоначальником уникального музыкального стиля, синтезирующего восточные и западные ладовые мелодии. Вот, что писал в связи с оперой «Кероглу» наш великий композитор, подчеркивая, что творчество не заключается в заимствовании у народа готовых мелодий, а «*важно было пронизать оперу дыханием народной музыки*» (курсив наш). И это было музыкальное кредо гениального композитора не присваивать, а, творчески перерабатывая и бережно вплетая национальный мелос в собственное музыкальное видение, создавать подлинно авторские произведения.

И это признавали его современники: «...неувядаемая прелесть, подлинный реализм и народность ставят «Аршин мал алана» в один ряд с лучшими классическими образцами музыкальных комедий», - писала Е.Грошева в «Советском искусстве» от 1938 года. Еще конкретнее и глубже дается оценка творчества Узеира Гаджибекова в знаменитой книге «Оперные либретто» (М., «Музиздат», 1962): «*Композитор стремился максимально приблизить национально-самобытную форму азербайджанской музыки к классическим оперным формам*» [«Лейли и Меджнун»]... *В произведении преобладают традиционные оперные формы: вместе с тем композитор использует характерные принципы развития, особенности мелодии, ладов, ритмики и другие выразительные средства азербайджанской народной музыки, а особенно – средства ашугского музыкального стиля* [о «Кероглу»]» (курсив наш).

Сказанное признавали и выделяли и армянские исследователи, как например, Н.Шахназарова («Музыка Востока и Запада», М., «Сов. композитор», 1983), которая высказываясь о выдающемся значении оперы «Лейли и Меджнун», отмечала: «*Рождение такого своеобразного жанра, как мугамная опера, вдохновлялось безошибочной интуицией знатока профессиональной восточной музыки, который свободно живет в своей национальной*

традиции... Гаджибеков сразу же вступил на... путь синтеза двух различных типов музыкального профессионализма: европейской оперы и азербайджанского мугама» (курсив наш).

Без всякого преувеличения, уважаемые читатели, можно утверждать, что свершенное Узеиром Гаджибековым являлось открытием, разрушившим «границы» между веками слагавшейся традицией развития европейской и восточной музыки. Им как первооткрывателем была снесена, казалось бы, несокрушимая стена между музыкальными культурами Востока и Запада. Однако, впоследствии музыкальное первопроходство Узеирбека армянские авторы – критики приписали своему соотечественнику – крупнейшему армянскому композитору А.Хачатуряну. Обратите внимание, как преподнесено это художественное открытие Хачатуряна Д.Арутюновым в его книге «А.Хачатурян» (М., «Музыка», 1983): «*Органическое слияние принципиально различных музыкальных традиций и синтез специфических особенностей восточной музыкальной культуры ее мелодии с жанрами, формами, закономерностями выразительных средств европейской классики*» (курсив наш). При этом без ссылок на У.Гаджибекова, делается оговорка, что открытие Хачатуряна - результат «влияния на его творчество мугамата и ашугского творчества», словом тех азербайджанских истоков, которые и переработал великий Узеирбек.

А теперь, уважаемые читатели, обратимся непосредственно к А.Хачатуряну и его высказываниям об использовании народной музыки в связи с ее синтезом с европейской классикой. Так вот, А.Хачатурян как-то заметил, что «в современной музыке нет плагиата, в современной музыке есть коллаж». И здесь, важно разобраться, что же понимается под коллажом и, что могло подразумеваться в этой мысли выдающегося армянского композитора. «Коллаж», если следовать «Словарю иностранных слов», имеет французское происхождение и буквально означает «наклеивание». Цитируемый словарь указывает, что это «технический прием в изобразительном искусстве» - наклеивание на какую-либо основу материалов, отличающихся от нее по цвету и фигуре, а также произведение, целиком выполненное этим приемом». Аналогичное разъяснение дается в

«Энциклопедическом словаре» от 1985 года. А теперь, уважаемые читатели, чтобы разобраться в понимании «коллажа в музыке» нам придется сделать некоторое отступление, дабы яснее представить себе проблему плагиата и заимствования в музыкальных произведениях.

В музыкальном произведении художественные образы выражаются посредством звуков. А звуки лишены смысловой конкретности слова и не воспроизводят фиксированных, видимых картин мира, как это в живописи. Звуки, выстроенные и организованные специальным образом, имеют интонационную природу и тем самым превращаются в звучащее искусство. Так вот, музыка столь же прекрасна, сколь легко может быть присвоена и столь же трудна в установлении плагиата. Если в литературных произведениях мы легко можем отделить содержание (сюжет, фабулу) от формы (образы, язык), то в музыкальном произведении это сложнее, поскольку главный компонент выразительности в музыке – ее мелодия определяет и форму, и содержание музыки. И дело в том, что мелодия и есть одноголосно выраженная музыкальная мысль. Полифония, гармония, ритм и др. – все это дополнительные средства и компоненты музыкальной формы. Здесь мы подходим к главному. Авторское право охраняет форму произведения. Содержание же его охраняется в той мере, в какой оно включено в охраняемую форму этого произведения. Отсюда и острота вопроса: охраняется ли авторским правом мелодия произведения? Если да, то, стало быть, воспроизведение мелодии является плагиатом, если нет - то это заимствование сообразно творческим целям заимствующего. В настоящее время современные профессионалы сферы авторского права однозначно признают, что мелодия, хотя и не самостоятельный объект музыкального произведения, тем не менее, должна охраняться в рамках авторского права. И причина этого в столь же единодушном мнении о том, что мелодия может самостоятельно воспроизводиться без привлечения других элементов музыкального произведения. А вот другие компоненты музыкального произведения такие, как гармония, то есть сочетание нот, звучащих одновременно, равно как и ритм - последовательное звучание громких и тихих звуков и

т.д., то они авторским правом не охраняются. Согласитесь, что сами по себе ни гармония, ни ритм присвоены быть не могут. Только в сочетании с мелодией они приобретают право охраны авторским правом. Но это еще не все: ведь музыкальное произведение может быть переложено, к примеру, с голоса или одних инструментов на другие. Это есть аранжировка. Ее разновидностью является оркестровка, когда музыкальное произведение, написанное для одного музыкального инструмента, перекладывается на оркестр.

К сведению читателей. Если в советское время аранжировка и оркестровка не охранялись авторским правом, то в настоящее время созданные в их результате музыкальные произведения, хотя и считаются зависимыми, несамостоятельными от оригинала, тем не менее, и им придается охрана авторским правом. Тоже самое и с вариациями, при которых основная музыкальная тема первоначального оригинала остается узнаваемой. Здесь за счет изменения ритма и такта, то есть, варьируя манеру и тональность, достигается воздействие на мелодический строй и гармонию и тем самым создается несамостоятельное, но охраняемое авторским правом произведение. Уважаемые читатели, все перечисленное – аранжировка, оркестровка, вариация есть переработка произведения. Переработка допускает большую вариативность творческой деятельности переработчика. Так вот, в зависимости от этого вклада, переработанное произведение может как полностью зависеть от оригинала, так и быть в полной независимости от него. В первом случае по сути копируется мелодия как образная основа оригинала и незначительно изменяются средства ее выражения - языковая музыкальная оболочка. Во втором же случае используются только отдельные образные элементы и совершенно меняются средства выражения. Между этими крайними формами существуют промежуточные формы переработки.

Как мы видим, переработка музыки может быть и плагиатной (первый случай) и неплагиатной, т.е. заимствованием, когда имеет место независимость или слабая зависимость от оригинала.

И последнее, причем не по важности, а в смысле порядка изложения. В авторском праве существует понятие сборника, а

точнее, составного произведения, элементами которого являются другие произведения. К примеру, создание музыкального произведения большой формы на основе ряда существующих малых форм, таких как песни, напевы. Так вот, в авторскоправовом законодательстве автору такого составного произведения предоставляют право охраны, как новому произведению только за выбор, последовательность и связность вошедших компонентов. Подчеркиваем, только за творческий труд по подбору и расположению оригинального первоначального материала. Причем, авторы вошедших в составное произведение оригиналов как элементов такого составного произведения сохраняют свои авторские права.

Как понимают, уважаемые читатели, это неприемлемо для крупного музыкального произведения, в которых в качестве элементов имеются отдельные песни или отрывки из произведений других авторов. Дело в том, что композитор, создавший такое составное произведение претендует на него в целом, оно полностью связывается с его именем. Ведь композитор это создатель новой музыки в целостном произведении, а не составитель конгломерата или коллажа из других согласно своему замыслу. Следует также помнить, что фольклорная музыка, равно как и другие жанры устного народного творчества, авторским правом не охраняются и ответственность за их использование заимствование и плагиат, тем паче присвоение происхождения пока носит нравственный характер и является предметом творческой этики.

Вернемся, уважаемые читатели, к основной теме, подчеркнув, что художественное открытие Узеира Гаджибекова оказало огромное воздействие на развитие профессиональной музыки всего Южного Кавказа. Узеирбек по достоинству занял то же место, что и Глинка в русском оперном искусстве. Достижения его в рождении нового жанра, несомненно, стали предметом пристального изучения. Тем более, что свое развитие творческий метод У.Гаджибекова получил после «Лейли и Меджнун» в опере «Кероглу» (1937г). Если «Лейли и Меджнун» была мугамной оперой, в которой национальные традиции органически вплетались в европейские каноны музыкаль-

ной композиции, а посредством же ладового строя мугамов достигалась возможность музыкального изложения лиризма поэмы Физули, то опера «Кероглы» явилась органическим сплавом национальной музыкальной традиции в виде ашугского лада с европейским гармонизмом.

Уважаемые читатели, и это был самый совершенный образец стандарта европейской оперы. У.Гаджибеков писал: «Я один из многих страстных поклонников творчества Чайковского... Мною заимствован у Чайковского принцип свободного творческого претворения народно-песенных традиций...». Художественное открытие Гаджибекова нашло отражение и в новом факторе огромного значения - отношении великого композитора к поэтическому слову, в его тонком литературном вкусе, блестящем знании и понимании поэтического материала. Гармония, свойственная тандему Пушкин-Чайковский свойственна и Физули-Гаджибекову. И не случайна большая любовь Гаджибекова к Чайковскому: если слушая «Онегина» Чайковского мы чувствуем Пушкина, то слушая «Лейли и Меджнун» Гаджибекова-Физули. Точно также и в вокальных произведениях Гаджибекова. Подобно Шуберту, который почти все свои вокальные творения строил на поэтических текстах Гейне и Гете, резонанс своей творческой музы в вокальных произведениях Гаджибеков нашел в лирике Низами. Вот, что писал армянский композитор Х.Кара-Мурза У.Гаджибекову после декады нашего искусства в Москве в 1937 году: «Прошу принять мои искренние поздравления по поводу того успеха, который имела азербайджанская музыка, в частности вы, как один из ее творцов... Крайне рад быть свидетелем того большого прогресса в музыкальной культуре азербайджанского народа, который выявлен вашими музыкальными выступлениями в Москве». Не помню уж кто сказал, но сказал замечательно: «Увидевший прекрасное соучастник его создания». Так оно и случилось, уважаемые читатели. Пристальное изучение, осмысление творческого метода Гаджибекова было и принято на вооружение армянскими композиторами.

А.Тигранян в опере «Ануш», следуя критику Г.Хубову, воспроизвел «классические азербайджанские мугамы». А Маиляну в опере «Сафа» многократно переделываемой, а точнее

подгоняемой к достигнутому к тому времени уровню оперного искусства, так и не удалось успешно суметь использовать азербайджанские народные песни и мотивы. Удачной находкой у него только и признается использование «Яллы». И здесь очень уж уместна мысль о том, что «маленькие ручейки бегут по тому же склону, что и большие реки», высказанная Ролланом.

А вот, автор первой армянской оперы «Алмаст» А.Спендиаров использовал и азербайджанские народные мелодии «Новруз араби», «Эйдари» и тему из музыкальной комедии «Не та, так эта» У.Гаджибекова. А ведь именно опера «Алмаст», согласно «Истории музыки народов СССР» (т.1, М., 1985) «остается до сих пор непревзойденным образцом армянского оперного искусства». В знаменитом сборнике «100 опер» «Алмаст» наряду с оперой Гаджибекова «Кероглы» попала в этот престижный список («100 опер», «Музыка», Л-д, 1964). Опера «Алмаст» наряду с «Арцваберд» Бабаева, «Ануш» Тиграняна, «Аршак II» Чухаджяна попала и в не менее известный сборник «Оперные либретто», изданный в 1962г. в Москве. В числе составителей же этого сборника Н.Мелик-Шахназаров, М.Тероганян. Мы еще вернемся уважаемые читатели, к истории создания оперы «Алмаст» и совсем не в той редакции, которая отражалась в приведенных выше сборниках.

Что касается А.Хачатуряна, то, будучи крупным композитором, он сумел усвоить специфику мугамата. И мы приводим цитату из «Истории музыки народов СССР» (т.3, М., 1972), где очень точно указывается: «*Народная музыка в «Гаяне» звучит не только в заимствованных из фольклора темах. Ею проникнута вся партитура балета, все оригинальные собственные темы композитора. Укажем, например, на такие, очень близкие, народным образцам, мужские пляски, как «танец Армена», «Танец Карена и Нунэ», «Армянско-курдский танец», «Танец с саблями», «Лезгинка», адажио и колыбельную Гаянэ...*» (курсив наш). В «Гаянэ» были включены лучшие номера из ранее написанного балета «Счастье». Здесь, как отмечается у И.Прохорова и Г.Скудиной в «Советской музыкальной культуре» (М., «Музыка», 1987), - «обилие мелодических тем, основанных на народных интонациях и ритмах». Особо подчеркнем, что именно здесь и используются «арменизированные»

азербайджанские танцы «Шалахо» и «Узундере», о чем мы повествовали в предшествующем параграфе.

А.Хачатурян говорил: «Я сам ашуг», подчеркивая тем самым в качестве истоков своей музыки — музыку народную. Да и названия, к примеру, частей его скрипичного концерта (1940) — танец «Кочари» или песня «Келе-келе», несомненно, свидетельствуют об этом. Вот что писал Г.Хубов: «Хачатурян, начинал, как все, с простого подражания» (Г.Хубов «Арам Хачатурян», М., «Сов. композитор», 1983). Этот же автор отмечал, что в этом подражании Хачатурян воспроизводил «образный мир музыки и поэзии ашугов...». Этот мир А.Хачатуряна, уроженца Тифлиса, охарактеризован в учебнике «Советская музыкальная культура» И.Прохорова и Г.Скудиной (М., «Музыка», 1987) следующим образом: «[В детские и юношеские годы] незабываемое впечатление оставило искусство народных певцов-ашугов, в исполнении которых звучали песни Азербайджана, Грузии, Армении... Под аккомпанемент саза или тара они [ашуги] вели свои нескончаемые рассказы о героях, влюбленных... Преданная, самоотверженная любовь Фархад и Ширин... прославлялась не только в песнях, но и в стихах и поэмах». Впечатления юного Хачатуряна были столь сильны, что, забираясь на чердак, он «часами выстукивал полюбившиеся ему ритмы на медном тазу». И это была, по свидетельству самого А.Хачатуряна «его первоначальная музыкальная деятельность». И как он отмечал: «*...С раннего детства я слышал пение своей матери, которая знала великое множество армянских и азербайджанских песен... Как бы не изменялись и не совершенствовались впоследствии мои музыкальные вкусы и знания, первоначальная национальная основа, которую я воспринял с детства от живого общения с народным искусством остается естественной почвой для моего творчества*» (курсив наш). Как понимают, уважаемые читатели, это был, в первую очередь, мир азербайджанской музыки, доводимый азербайджанскими ашугами на азербайджанском таре и сазе. Вот почему в библиографии об А.Хачатуряне, насчитывающей более 200 наименований, у авторов работ о нем столь часты термины «азербайджанские мугамы», «азербайджанская народная музыка» и т.п.

И вот почему, этим музыкальным вкусам оставался верен крупнейший армянский композитор и в своей знаменательной песне - гимне Еревану «Песне о Ереване» (1948). Следует подчеркнуть и то, что азербайджанский фольклор, «арменизированный» владевшими нотной грамотой армянами, ложился в качестве мелодийной основы в профессиональную армянскую музыку уже в качестве армянских народных песен или танцев. Далеко не случайно, что армянская «могучая кучка» композиторов, следуя пути, указанному Комитасом, активно изымала на нотные тексты оригиналы азербайджанской устной традиции. К примеру, Т.Чухаджян прошел курс композиции в Милане, М.Емалян получал образование в Петербургской консерватории, Н.Тигранян — в Вене и Петербурге, Комитас - в Берлине, а А.Спендиаров - в Петербурге у Римского-Корсакова (Н.Шахназарова, «Музыка Востока и музыка Запада», М., «Совет. композитор», 1983). А заимствовать и перекладывать на ноты было что. Вот свидетельство Г.Хубова, много написавшего об армянской музыке и А.Хачатуряне, опубликованное в его работе «Искусство азербайджанского народа» («Советская музыка», №4, 1938) и утверждавшего, что не только в Армении и Грузии, но и в Средней Азии азербайджанское музыкально-поэтическое творчество ашугов, по мнению иностранцев, является венцом песенного творчества: «Считают Азербайджан центром высшей цивилизации, и если бахши (народный певец) просят спеть что-нибудь особенно хорошее, то непременно являются на сцену азербайджанские песни».

Однако «нотная арменизация» и последующие заимствования для использования в армянской профессиональной композиторской музыке нашего музыкального наследия иногда оборачивалось парадоксами. Как известно, «С.Спендиаров - выдающийся армянский композитор и дирижер», «автор первой армянской оперы «Алмаст», охарактеризованный именно так Энциклопедическим музыкальным словарем, родился на Херсонщине в Крыму и с детских лет был окружен тюркской музыкой. Отсюда и его огромный, неувядающий интерес к азербайджанскому музыкальному фольклору. Учившийся у Римского-Корсакова, став уже профессиональным композитором, он писал в своей автобиографии: «Я

причисляю себя к русской школе, созданной Глинкой, Балакиревым, Бородиным, Римским-Корсаковым и др.» Вместе с тем тюрко-азербайджанская мелодическая основа была преобладающей в его творчестве. В дореволюционное время он явился автором 2 сюит «Крымские эскизы» и симфонической картины «Три пальмы». Его вокальные произведения «Восточная колыбельная», «Татарская песня» сами говорят о художественных пристрастиях композитора. И не случайно одними из лучших в его творчестве считаются именно обработки двух песен крымских татар: колыбельной и плясовой. Вместе с тем, к большой радости армян, уже переехав в Эривань, он издает сочиненные им «Эриванские этюды» (1925). Этюды состояли из частей «Энзели» и «Гинджас». В кратком предисловии к партитуре автор указывает, что «темой для этюдов послужили армянские и арабские напевы, исполняемые народными музыкантами в Эривани». А вот, как отмечается у С.Гинзбурга в «Музыкальной литературе народов СССР» (М., «Музыка», 1970). Это было заблуждением Спендиарова, полагавшего, что есть арабское заимствование: «на мысль об арабском происхождении мелодической основы песни «Гинджас», по-видимому, Спендиарова навело пришедшее с Аравии наименование лада, хотя этим термином обозначается в Закавказье лад совершенно иного строения». Однако, уважаемые читатели, понимают, что для «Энзели» мелодийной основой послужил народный напев и популярный азербайджанский танец «Энзели». И точно также основой «Гинджаса» - популярный мугамный лад «Хинджас», не имеющий никакого отношения к армянам. А стало быть, речь шла об опыте симфонизации мугамов. Интерес к азербайджанской музыкальной традиции у Спендиарова был столь велик, что, переехав в Эривань, он с огромным желанием внимал наши песни. Вот что пишет в своих воспоминаниях Аветис Исаакян: «Бывали мы [со Спендиаровым] и в азербайджанской чайхане, где на многострунных длинных сазах местные и прибывшие из Азербайджана ашуги, соревнуясь друг с другом, исполняли песни Кероглы, из «Ашуг-Гариба», «Асли и Керем» и многие другие».

Такова была сила воздействия азербайджанской музыки и творчества великого У.Гаджибекова на профессиональную музыку основоположников армянской музыкальной школы.

§13. «..., Присвоил», в котором повествуется об огромном воздействии азербайджанской музыки и творчества Узеира Гаджибекова на становление армянской профессиональной музыкальной школы

Как и было отмечено ранее, мы особо хотели бы заострить внимание читателей на огромном воздействии творчества великого У.Гаджибекова и в целом азербайджанской музыки на становление армянской профессиональной музыкальной школы.

Уважаемые читатели! В начале XX века Южный Кавказ воистину жил замечательной музыкой У.Гаджибекова. Большим успехом пользовалась его мугамная опера «Лейли и Меджнун», написанная в 1907г., а поставленная впервые в 1908г. И это была первая опера на Востоке. Огромной популярностью пользовались музыкальные оперетты Узеирбека «Не та, так эта» (1910г.) и, в особенности, «Аршин мал алан», поставленная в первый раз в 1913г. Так вот, в те годы армянских музыкально-сценических произведений не было. Если, конечно, не принимать во внимание оперу «Ануш» А.Тиграняна, написанную и поставленную в 1912 году в Александрополе силами любительской труппы. И вот почему. Как отмечается в «Музыкальном Энциклопедическом Словаре» от 1959г., первая армянская опера является «народно-бытовой», а, если поточнее, то в изначальном варианте это была не опера в традиционном понимании, а спектакль на сюжет О.Туманяна «Ануш», украшенный несколькими народными песнями. Хотя и в «Оперных либретто» от 1962г. указывается, что создание этого произведения было давней мечтой А.Тиграняна, однако, нельзя не отметить и того факта, что по данному сюжету длительно работал и основоположник армянской классической музыки Комитас. Но дальше замысла он не продвинулся. Более того, этот же сюжет был предложен впоследствии и профессиональному композитору, известному Спендиарову со стороны самого О.Туманяна, но и это предложение было отвергнуто композитором. Словом, уважаемые читатели, понимают, что много-

кратное возвращение к музыкальному оформлению сюжета «Ануш» и является наглядным свидетельством уровня «народно-бытовой оперы» «Ануш» А.Тиграняна в ее изначальной форме. Мы не станем сейчас комментировать проблему, связанную с формированием армянской музыкальной традиции, равно как и противодействие армянских церковных деятелей, видевших эту традицию исключительно на основе армянского одноголосья - монодии. Мы только констатируем, что попытки Комитаса, Н.Тиграняна, М.Ермаляна, Х.Кара-Мурзы и других армянских композиторов в создании произведения большой формы в те годы так и остались благими пожеланиями. Вот, почему музыкальные армянские общества, созданные в Баку, Тбилиси и др. городах обратили свои взоры к А.Спендиарову, и как отмечалось в предшествующем параграфе, композитору известному и в европейских кругах своими произведениями, основанными на тюркской музыке. Как отмечается в «Советской музыкальной литературе» С.Гинзбурга (М., «Музыка», 1970): «*Основным достижением Спендиарова дооктябрьского периода было отыскание новых выразительных средств для воплощения в музыке образов Востока». Нашедшие отражение, в основном, в тюрко-азербайджанской музыкальной традиции, «Крымские эскизы», «Три пальмы», «Восточная колыбельная», «Татарская песня» и другие произведения Спендиарова позволили Лядову утверждать, что «его (Спендиарова) Восток был новый, до того не использованный отечественными творцами*» (курсив наш). Воспитанник русской классической музыкальной школы, ученик Н.Римского-Корсакова А.Спендиаров, определенное время и не считался армянским композитором. Однако, прибыв в Тбилиси в 1916г., он был «восторженно принят армянскими литературно-художественными кругами». Внимательно слушал он в Тбилиси народных певцов и инструменталистов и восхищаясь азербайджанской музыкой, начал работу над оперой «Алмаст». Как указывается в «Истории музыки народов СССР» (т.1, М., 1970), «композитор работал над ним (произведением) до конца своей жизни», т.е. по 1928 год. Работа эта была непростой, «*к созданию армянской оперы Спендиаров шел своим особым путем. Он не*

имел возможности опереться на какой бы то ни было опыт в этой области армянских композиторов» (курсив наш). Это свидетельство одного из крупнейших армянских музыковедов Г.Тигранова из его монографии «А.А.Спендиаров» («Музыка», М., 1971). Стало быть, и опыт так называемой «первой народно-бытовой оперы «Ануш» Тиграняна, равно, как и встречающиеся в печатных изданиях армянские попытки довести до сведения неискушенных, что армянские оперы создавались еще и в середине XIX века являлись не чем иным, как не соответствующими действительности утверждениями. Еще в бытность свою в Крыму, как вспоминает его дочь, композитор часто обращался к маринисту И.Айвазовскому, умевшему играть на народных инструментах: таре и кяманче, с просьбой сыграть тюркские мелодии. И.Айвазовский с удовольствием играл татарские, армянские и другие мотивы, которые с жадностью записывал Спендиаров. Будучи композитором, он понимал, какие древнейшие корни имеет тюркская музыка, отраженная в народных мелодиях. Отметим, что идея написания оперы была подана Н.Римским-Корсаковым. Причем, речь шла о создании именно восточной оперы. Это было не случайным. Знаменитый русский композитор лучше других знал о музыкальных пристрастиях своего ученика, его знании тюркской музыки. Да и успешным залогом могли послужить ранее созданные на тюркских мотивах симфонические произведения Спендиарова, получившие широкую известность. Вместе с тем, как профессиональный музыкант Спендиаров был крайне привередлив в подборе темы для своей оперы. Ему предлагались их различные варианты, даже было создано подобие некоторой группы, которая, оказывая содействие композитору в снабжении его литературными материалами и занималась отбором сюжетов - претендентов для будущей оперы. И потому начали предлагаться Спендиарову разнообразные сюжеты для написания оперы, в том числе Л.Егизаряном сюжет легенды «Ара Прекрасный и Семирамида», а в 1911 году С.Меркуровым - драма «Семирамида» Бабаяна и многие другие. Все эти сюжеты, как пишет Т.Тигранов в своей книге «А.А.Спендиаров» были отвергнуты композитором по причине того, что ему «*наскучили экзотические сюжеты, лишенные правды, условные и бу-*

тафорские» (курсив наш). И это писал сам Спендиаров автору «первой армянской народно-бытовой оперы», композитору А.Тиграняну. Писал об отобранных лучших армянских сюжетах по той простой причине, что они были безжизненны и никоим образом не выражали прожитое армянами. Даже стремление задеть за живое Спендиарова, как писал об этом художник М.Сарьян, а именно его сообщение Спендиарову, что опера «Ануш» заказана русскому композитору Гречанинову, в конечном счете, не изменила позиции Спендиарова. Об этом можно прочитать у дочери композитора М.Спендиаровой, автора книги «А.Спендиаров» из серии «Жизнь замечательных людей» (М., «Молодая гвардия», 1964). И когда О.Туманян предложил А.Спендиарову свою поэму «Взятие Тмкаберта», композитор в итоге согласился. Хотя первоначально отверг и этот сюжет (А.Шавердян «А.Спендиаров», М., «Музгиз», 1939), несмотря на то, что и этот сюжет был всего лишь художественным вымыслом и ни в коей мере не основывался на реальных событиях. Надир шах никогда не воевал с армянским князем Татулом. По замыслу это был один из реально несуществовавших эпизодов народно-освободительной борьбы армян в XVIII веке. А вот, что писал М.Мурадян в «Истории музыки народов СССР», раздел «Армения»: «*Либретто С.Парнюк во многом отступает от поэмы О.Туманяна. В нем усилена и акцентирована психологическая драма Алмаст с ее сложным и противоречивым внутренним миром. Отсюда известная двойственность драматургии, в которой соединяются черты героико-патриотической и индивидуально-психологической оперы*» (курсив наш). Мы раскроем содержание оперы, согласно цитируемому выше источнику, кстати, в редакционную коллегию которого входил и именитый армянский музыковед Г.Тигранов, на которого мы ссылались ранее. Вы же, уважаемые читатели, сделайте свои выводы относительно «двойственности драматургии» этого произведения, как написано в цитируемом источнике.

«Персидское войско, осадившее армянскую крепость Тмук, тщетно пытается сломить сопротивление ее защитников. Во главе с князем Татулом армянские воины наносят Надиршаху поражение за поражением. Лишь вследствие измены кня-

гини Алмаст, прельстившейся посулами Надир-шаха о царской короне, персам удается ночью войти в крепость. Татул убит, уничтожены все его соратники. Трагически кончается жизнь изменницы Алмаст. Не царская корона, а место наложницы в гареме шаха ждет ее в будущем. Обманутая в своих честолюбивых мечтах Алмаст пытается убить Надир-шаха. Но воины шаха обезоруживают ее и отдают в руки палача».

Выходит, что освободительное движение армян провалилось по причине измены жены князя Татула – Алмаст, которая, по замыслу О.Туманяна являлась предательницей народа. Стало быть, этот образ в никоей мере не мог являться центральным у О.Туманяна. Возникает вопрос, почему же автор либретто поэтесса С.Парнок усиливает ее образ, углубляет психологическую драму Алмаст, вопреки версии автора оригинала О.Туманяна? А дело в том, что об этом и просил поэтессу С. Парнок сам А.Спендиаров. И это, следует подчеркнуть, что верный творческому началу, Спендиаров считал, что сильный образ в личной драме Алмаст значительнее надуманной освободительной борьбы вымышленных героев. Более того, Алмаст не просто изменила Родине, она предательница, подвигнутая на это ашугом, воспевшим Надир-шаха и подосланного им к Алмаст с подсказки его старого шейха.

Вот так, уважаемые читатели, героическая армянская опера должна была завершаться поражением героических армянских защитников, преданных своей же княгиней и казненной, как предательница, со стороны... победителей. Однако при постановке этой оперы (а это была первая постановка в Ереванском народном доме в 1933 году), замыслу Спендиарова не удалось свершиться. И дело в том, что Спендиаров, скончавшись в 1928 году, не успел завершить свою оперу. Музыку завершил композитор М.Штейнберг. «При постановке оперы «Алмаст» последнее четвертое действие было полностью изменено: восставший народ во главе с соратником Татула – Рубеном врывается в крепость. Надир шах и его войска отступают, народ карает предательницу». Текст же этого варианта был написан Т.Ахуманяном, а музыка и оркестровка выполнена М.Штейнбергом. Поскольку «Алмаст» «остается до сих пор

непревзойденным образцом армянского оперного искусства», то считаем целесообразным указать и образцы азербайджанской музыки, столь любимые А.Спендиаровым и использованные им в этой опере: мугамы - «Раст», «Чаргях», «Шуштер», «Хиджаз», «Шахназ», «Махур Инди», народный музыкальный фольклор - «Новруз араби», «Хейдари», «Кяндирбаз», «Иннаби». Будучи верным этическим традициям русской музыкальной классической школы, и мы обязаны это отметить, А.Спендиаров приехал в Баку к великому У.Гаджибекову и получил разрешение на использование в опере значительного музыкального фрагмента оперетты Узеирбека «Не та, так эта». Вот так и появился знаменитый «Персидский марш» в «Алмаст» А.Спендиарова и многое другое в этой опере. Обратимся к свидетельству самого А.Спендиарова: «*В качестве музыкального материала для оперы мне понадобились народные напевы. Кое-что я записал лично, приобрел множество граммофонных пластинок с нужными мне напевами и все изданные сборники обработок таковых, в том числе из произведений Н.Ф.Тигранова. В этом огромном материале ярко выделялись записи Н.Тигранова, на них я построил несколько оркестровых эпизодов в моей опере. Так, для персидского марша из первого действия, я использовал «Эйдари» и отрывки из «Новруз араби», для большого танца Алмаст я полностью воспользовался напевами «Кяндирбаз»* (курсив наш) (Гумреци «Н.Ф.Тигранов и музыка Востока», Л., 1927). К сведению читателей, здесь речь идет об армянском музыкальном деятеле и фольклористе Никогайосе Тигранове, посвятившего большую часть своей жизни собиранию фольклора и в первую очередь, азербайджанского, его обработке, а также сбору и обработке наших мугамов. А мы еще раз вернемся к музыковеду Н.Тигранову и учтем его следующее свидетельство: «*...Нотная записная книжка А.Спендиарова содержит много записей... имеется запись ряда мугамов: «Махур», «Раст», «Чаргях», «Шуштар», «Кюрд Шахназ». Большинство из этих записей использованы Спендиаровым в его произведениях*» (курсив наш) (Г.Тигранов, «А.Спендиаров», М., «Музыка», 1971).

Вот так, симфонический талант А.Спендиарова, опираясь в значительной степени на тюрко-азербайджанскую музыкальную традицию и под воздействием музыки У.Гаджибекова и создал лучшую армянскую оперу «Алмаст», не сходящую до сегодняшнего дня с армянских сцен.

И вот, что писал знаменитый армянский поэт Авестик Исаакян в своих мемуарах, воспоминая А.Спендиарова: «...то, что он оставил нам навеки бессмертно, незабываемо, бесценно по силе своего воздействия на творчество будущих поколений». Трудно не согласиться с этими словами, обращенными к памяти знаменитого автора «Алмаст». Теперь же, уважаемые читатели, нам придется вернуться к тому времени, когда писалась опера «Алмаст», «восстановить» ситуацию в армянских музыкальных кругах. И чтобы представить себе, что же происходило в армянской музыке в начале века, нам, уважаемые читатели, понадобится обратиться к периоду конца XIX века. Именно в этот период и происходил процесс осмысления армянской музыки, формировались пути ее развития. И здесь столкнулись два подхода, два принципиально разных осознания армянской музыкальной культуры. Первая концепция лаконично могла бы быть выражена так: армянская музыка имеет свои древние корни и истоки. Поскольку же «мотивы наших напевов различаются (в зависимости от того, где проживают армяне) и, вообще, под влиянием какого народа мы находились, его напевы и принимали за свои», согласно выражению С.Паласаняна, то и предстояла работа по систематизации армянской музыкальной традиции, и как считали специалисты этого направления, опираясь на музыкальное творчество народа. Лидером этого подхода выступал основоположник армянской классической многоголосной музыки Комитас. Сюда же примыкал и композитор Х.Кара-Мурза. И если, согласно «Музыкальному энциклопедическому словарю», Комитасу для претворения своего подхода удалось записать до 3 тысяч песен и танцев, то вклад Кара-Мурзы был несколько скромнее - всего 300 обработок образцов народной музыки. Так вот, уважаемые читатели, Комитас был уроженцем Турции из Анатолии, а Кара-Мурза - из Крыма. И совершенно естественно, что они тяго-

тели к тюркской музыке и с воодушевлением черпали в армянских народных мелодиях и танцах близкие их сердцу, с детства знакомые тюркские мелодии и мотивы. Да и собирали они «армянский музыкальный фольклор» на территории исторического Азербайджана и отчасти Турции. Именно на этой основе и представлялось ими развитие армянской классической музыки. Что же представляло собой второе направление? Это была позиция клерикалов, армянских церковных деятелей, отвергавших внедрение азербайджано-турецкой и, в целом, тюркской музыки, как инородной и чуждой армянской монодии-одноголосной музыке. Представители этого подхода считали, что шараканы, мегеди, вохбы и таги, как исключительно армянские музыкальные традиции и должны лечь в основу современной армянской классической музыки. Формирование и развитие армянской классической музыки подобным образом представлялось Комитасу и его сторонникам тупиковым путем. Итак, уважаемые читатели, сложилась непростая ситуация: либо тупиковое формирование классической армянской музыки, основанной исключительно на собственных, церковных корнях монодии, либо опора на народную армянскую музыку, представляющую собой тюрко-азербайджанские мелодии. Так вот, Комитаса именно потому зачастую и представляли в виде крупного этнографа, поскольку он и посвятил себя сбору, обработке и переносу на нотные тексты народной музыки. Отсюда и пошли истоки письменного музыкального плагиата армян. Ведь музыкальная устная традиция армян по признанию армянских же специалистов (см. предшествующие параграфы), опиралась на тюрко-азербайджанскую, а зачастую и исполнялась в оригинальном азербайджанском варианте. В этом смысле письменный (нотный) музыкальный плагиат мало чем отличался от письменного литературного плагиата, когда азербайджанские предания, баяты, пословицы или дастаны, «арменизируясь» преобразовывались в письменные тексты и издавались как армянские. Как отмечается на сайте «Википедия» («Свободная энциклопедия»), попав 12-летним мальчиком в Эчмиадзин, Комитас, не умел говорить по-армянски, «мальчик говорил на турецком и на приветствие католикоса Геворка IV

ответил: «Я не говорю по-армянски, если хотите - спою». И здесь же, подчеркивается, что, вернувшись после обучения из Берлина, где он учился на деньги бакинского нефтемагната А.Манташева, Комитас «обходит разные районы Армении, записывая тысячи армянских, курдских, персидских и турецких песен, создает обработки песен». Рассказывая об отношении Комитаса к народной музыке, основанной на тюркских мотивах, мы, ни в коей мере не исключаем его внимание к армянской духовной музыке, его исследований в сфере церковного песнопения и созданных композитором духовных произведений. Однако еще раз подчеркиваем его особое отношение к народной музыке. И не случайно, Комитас, порвав с духовниками Эчмиадзина и вернувшись в Истамбул, создал здесь хор «Гусан», в концертной программе которого преобладала народная песня. «Армянский народ в песне Комитаса нашел и узнал свою душу...» - слова католикоса Вазгена I, сказанные о Комитасе. И мы должны с этим согласиться.

А вот как представлен в «Музыкальной литературе народов СССР» С.Гинзбурга Комитас: «Движимый высоким патриотическим чувством, Комитас ставил задачей своей жизни доказать, что армянский народ имеет собственную музыкальную традицию, хотел показать и обосновать ее национальное своеобразие...». Идите и учитесь у него (народа) - говорил Комитас... Естественно в центре внимания Комитаса после возвращения на родину оказались углубленные исследования народной песни... Запись и статьи Комитаса расчистили путь для правильного понимания армянской народной музыки». А так представлен в Электронном справочнике «Крымские армяне» его соратник композитор Х.Кара-Мурза: «В развитии армянской национальной музыки несомненны заслуги Х.Кара-Мурзы... Кара-Мурза не только собирал армянские духовные и народные песни и перелагал их на ноты, но и организовал их исполнение». Как понимают читатели, победило комитасовское музыкальное кредо формирования армянской классической музыки. И случилось это за счет тюркской, азербайджанской народной музыки.

Посудите сами, уважаемые читатели, только за счет записанных и обработанных образцов музыкального фольклора, осуществленных армянскими композиторами и музыковедами, более 200 азербайджанских композиций были «арменизированы» и в нотной редакции изданы в Москве, Санкт-Петербурге и других городах России. Радетелями «тюркских начал» армянской музыки были помимо Комитаса и Кара-Мурзы и Т.Чухаджян и Н.Тигранян, Емалян, Налбалдян и С.Меликян и многие другие. Вакханалия «присвоительства» была столь неистовой, что любое мнение сторонников так называемой исконно армянской, а точнее церковной музыки встречалось в штыки. Как, к примеру, и был предан анафеме музыковед Тиракян, ратовавший за создание армянской классической музыки на основе ее церковных форм и выступавший против «арменизации» азербайджано-турецкой музыки. Непримиримый к подобному проявлению нигилизма относительно своего взгляда на развитие армянской классической музыки, Комитас ныне, как пишет в своей монографии «Стиль Комитаса и музыка XX века» и в статьях «Гений армянской музыки» и др. Г.Геодакян: «по новому подошел к народному искусству..., новаторские принципы Комитаса... проявляются не только в рамках армянской национальной музыки, но и в более широком плане: в перспективе развития мирового музыкального искусства». И далее: «Комитас вышел на творческую арену в очень трудные времена для музыкального искусства — в период кризиса и переоценки ценностей. В таких условиях не всегда новое являлось синонимом передового, а поиски нового часто носили формально-поверхностный характер и затягивали музыкальное искусство в тупик...». Словом, по Геодакяну явление «Комитас» вышло далеко за рамки узконационального музыкального искусства и представляется в контексте мировой музыкальной культуры XX века в одном ряду с Дебюсси, Бартоком, Стравинским. Или же вот что пишет крупнейший исследователь Комитаса Атаян: «Одна из двух известных в музыкознании точек зрения по поводу оценки комитасовского творчества — та, согласно которой Комитас не столько композитор, сколь этнограф - давно признана некорректной. Важна и достойна разработки вторая,

верная точка зрения: Комитас - композитор-классик, обладающий яркой индивидуальностью, создающий современные высокопрофессиональные произведения из народной песни, сохраняя ее специфику и открывающий новые пути в международном музыкальном искусстве» (Атаян «Принцип гармонизации народной песни у Комитаса»).

Как понимают, уважаемые читатели, мы не случайно приводим нынешние оценки творчества Комитаса. Однако вернемся к началу XX века. Так вот, формирование классической армянской музыки на основе народной музыкальной традиции требовало не только записей и обработок богатейшего фольклорного материала, но и создания некоторого цельного классического произведения, опирающегося на этих традициях. Много позже произведения Комитаса, а точнее, его песни 0были обработаны С.Асламазяном, А.Бабаджаняном, Р.Андреасяном. Однако именно в те годы и появился музыкальный эталон, основанный на традициях классических произведений. Такое произведение было создано только У.Гаджибековым. Им была жемчужина его музыкального творчества – комедия «Аршин мал алан».

Именно эта гениальная музыкальная оперетта и являлась эталоном классического осмысления народной азербайджанской музыки. Именно «Аршин мал алан» пришлась по сердцу многомиллионной аудитории, став недосягаемой и вечно желанной музыкой, о которой и грезила армянская публика. Что пришлось испытать этому произведению на своем замечательном пути, какие армянские ухищрения и препоны, присвоение и подлог преодолевать - в следующем параграфе.

§14. "... Присвоил", в котором рассказывается о многолетних армянских попытках присвоения оперетты Уз.Гаджибекова «Аршин мал алан»

Продолжая, уважаемые читатели, главу «Пришел, увидел, ... присвоил» начатой ранее беседой о влиянии азербайджанской музыкальной традиции и творений великого Уз.Гаджибекова на становление армянской классической музыкальной школы, в настоящем материале мы коснемся не только заимствований армянской стороны, но и армянских музыкальных краж, связанных с опереттой Уз.Гаджибекова «Аршин мал алан».

В предшествующих параграфах, связанных с музыкальным плагиатом, мы рассказали о ситуации, складывавшейся в армянской музыкальной жизни накануне появления великолепной оперетты Уз.Гаджибекова «Аршин мал алан». Сейчас же мы кратко, в хронологической форме, следуя «Энциклопедии Узеир Гаджибеков», расскажем о том, чем была насыщена в эти же годы музыкальная палитра Азербайджана. Дело в том, что красочный музыкальный мир был сотворен великим Узеирбеком, блестящей личностью, ярким публицистом-ученым и бессмертным музыкальным мастером. Вслед за его замечательной мугамной оперой «Лейли и Меджнун», поставленной почти 100 лет назад в театре Г.З.Тагиева и заложившей фундамент оперного искусства во всем мусульманском Востоке, Уз.Гаджибеков создает в течении 1909-1915 гг. свои последующие мугамные оперы. Ими стали «Шейх-Санан» (1909), «Рустам и Зохра» (1910), «Шах Аббас и Хуршуд Бану» (1912), «Асли и Керем» (1912). Наряду с этим создаются музыкальные комедии «Муж и жена» (1910), «Не так, так эта» (1911), тексты которых также писались великим композитором.

После бенефисов с постановками Уз.Гаджибекова, армянские музыкально-театральные деятели потеряли покой. Армянская опера не писалась, несмотря на прилагаемые отчаянные усилия, а армянские театральные труппы почти полностью переключились на азербайджанскую тематику, ставя оперы и оперетты Гаджибекова. И к тому же, в 1913 году появилась всемирно прославленная оперетта «Аршин мал алан»...

Уважаемые читатели, нам хотелось бы подчеркнуть, что Азербайджанское музыкальное искусство, наши мастера во главе с Уз.Гаджибековым по сути в начале XX в. ворвались в европейскую музыкальную культуру. Активно становилось и наше театральное искусство. Словом, не успев возникнуть азербайджанское театрально-музыкальное искусство, начало оказывать огромное воздействие на становление искусства всего музыкального Востока.

Архивные материалы наглядно показывают огромное количество постановок произведений классика азербайджанской музыки Уз.Гаджибекова, непременный успех его опер и музыкальных комедий. Либретто этих произведений оперативно переводились на другие языки и заполняли музыкальное пространство Востока. Посудите сами, уважаемые читатели, одним из первых переводов «Аршин мал алан» был перевод на грузинский язык и постановка на грузинском в Баку и Тифлисе (перевод И.Гигошвили). В марте 1916 года Пирумьян перевел оперетту на армянский язык. Местная театральная труппа подготовила постановку в Моздоке среди казачества.

С.Карапетьян перевел «Лейли и Меджнун» на армянский язык, «Асли и Керем» была переведена Д.Айрапетянцем, а также С.Магаловым. Переводилась «Не так, так эта» на армянский С.Магаловым, «Аршин мал алан» С.Торосьяном. «Ашыг Гариб» Зульфугара Гаджибекова переводился на армянский язык С.Чалумяном.

Исполнялись азербайджанские произведения многочисленными создаваемыми труппами. Только в Тифлисе, где тогда проживало около 100 тысяч азербайджанцев, действовали 2 азербайджанские труппы одна А.Аббасова, а другая Аведяна.

Огромным успехом пользовались гастроли труппы З.Гаджибекова в городах Азербайджана и Ирана. Были созданы азербайджанские труппы в Петров-Порте (Махачкала), в Теймурханшуре (Буйнакск), а на основе театральной труппы Араблинского и мусульманских трупп сформирован коллектив Ашхабадского государственного азербайджанского музыкального театра.

Итак, Кавказ, Иран, Россия, Средняя Азия были вовлечены в этот музыкально-театральный бум. И это далеко не пол-

ный перечень. И, конечно, в центре, была комедия «Аршин мал алан» У.Гаджибекова, либретто которой было переведено на русский, грузинский, армянский, турецкий, украинский, белорусский, английский, фарсидский, польский, узбекский, китайский, болгарский, арабский, французский и др. языки мира.

Однако, при всей масштабности своего общего воздействия, азербайджанское театрально-музыкальное искусство описываемого периода и, в первую очередь, «Аршин мал алан», внесли существенное оживление в музыкально-театральную жизнь именно армянского общества.

В период, предшествующий созданию «Аршин мал алан» имелись ряд армянских театральных групп. Армянские любительские спектакли ставились в крупных городах, таких как Баку, Тифлис, создавались так называемые народные театры с любительским и полупрофессиональным составами. У нас в Баку в эти годы при народных домах окраин города имелись также и армянские драмкуржки, а любительские труппы давали общедоступные спектакли в Эривани, Александрополе, Батуми, Елизаветполе. В Тифлисе существовал Авлабарский театр Араксяна (1903г.), Армянская драматическая секция Народного дома Зубалова (1909). Как пишут армянские источники, отсутствие национальных стационарных театров, запреты цензуры и др. причины ограничивали возможности развития армянского музыкального театра в эту эпоху. Однако, это не совсем так. Любительские и полупрофессиональные музыкальные труппы имелись, как например, под руководством Т.Чухаджяна, А.Вардовяна, Аристакесяна, О.Восканяна. Только вот репертуар их был очень ограничен: «Ануш» А.Тиграняна, да оперетты и водевили западно-европейских и русских авторов. Так что причина сводилась, в первую очередь, к отсутствию яркого, увлекающего публику музыкально-театрального материала, не было колоритных национальных музыкальных комедий. Собственно, начало современной комедии и не музыкальной, согласно армянским источникам, такому как Г.Гоян «2000 лет армянского театра» (1952), а также электронным публикациям было положено в 1924 году, когда Д.Демирчян написал «Храбрый Назар» по мотивам армянской народной сказки. Если, ко-

нечно, не считать «Капказ-тамаша»-сатиру-комедию, написанную поэтом Е.Чаренцем и разоблачающую контрреволюционные партии Закавказья...

Словом азербайджанские театрально-музыкальные произведения и, конечно, «Аршин мал алан» являлись желанными для армянских трупп. О том, как это происходило несколько позже.

А теперь, кратко об истории создания оперетты «Аршин мал алан» - третьей и последней музыкальной комедий Уз.Гаджибекова, либретто к которой он написал сам. Завершена она была в период подготовки великого композитора к вступительным экзаменам в Санкт-Петербургскую Консерваторию. Обратимся к свидетельствам. Профессор С.Гинзбург в научной работе «Уз.Гаджибеков в Петербургской Консерватории», указывает, что «успешное обучение Узеирбека в Петербургской консерватории сыграло важную роль в формировании творчества композитора. Вместе с тем талант Узеирбека позволил ему практически завершить оперетту еще до поступления в Консерваторию». Действительно, еще в годы обучения в Петербургской Консерватории в 1913г. Узеир бек в письмах к своему другу и сподвижнику М.Магомаеву писал, что работает и завершает новую оперетту «Аршин мал алан», третью по счету. И Гаджибеков очень сильно рассчитывал на ее успех. Мысли и чувства автора, высказанные в ней, позволяли в комедийно-сатирическом жанре осветить то, что тогда волновало азербайджанскую интеллигенцию, критически отнестись к отжившим обычаям, нравам и нормам патриархального уклада жизни. Появление оперетты и впрямь стало крупным событием (она была продемонстрирована более чем в 45 странах мира и переведена на 75 языков). А вот музыка «Аршин мал алан», сочиненная композитором, была непревзойденной, тонко претворяющей стилистические особенности народного искусства, его ладово-интонационные, метро-ритмические и композиционные нюансы. Словом, музыкальная комедия была не просто великолепной, а это был шедевр мировой музыкальной культуры.

25 октября 1913 года состоялась первая постановка «Аршин мал алан» в Баку в театре Г.З.Тагиева, режиссером которой был Г.Араблинский, а дирижировал М.Магомаев. Она имела огром-

ный успех. Однако, счастливая сценическая судьба этого шедевра была сразу же омрачена армянскими присвоениями.

В 1914 г. выехавшая на гастроли в г. Закавказья азербайджанская труппа поразила воображение армянина, играющего на азербайджанском музыкальном инструменте таре Сидрака Магаляна. Словом, как только оперетта «Аршин мал алан» появилась на армянской сцене, тон ее краже был задан как раз Сидраком Магаляном. Будучи уроженцем Карабаха, завороженный азербайджанской постановкой труппы Сарабского, гастролировавшей в 1914 г. в Тифлисе, он добился разрешения Уз.Гаджибекова на перевод произведения. Этот Магалян был не только переводчиком, но и музыкальным оформителем, а также исполнял роль Аскера, причем на азербайджанском, на русском и грузинском, конечно, на армянском языках. С.Магалян поставил «Аршин мал алан» впервые на армянском языке в 1915 году на Авлабаре в Тбилиси в театре Эриксяна, хотя и не выполнил условий автора Уз.Гаджибекова о том, чтобы перевод был бы показан ему до постановки. После 7 спектаклей С.Магалян прибывает в Баку для того, чтобы договориться о постановке на армянском языке. Да именно так. На первом этапе, он получил юридическое разрешение Уз.Гаджибекова, поставив в том же году оперетту, имевшую колоссальный успех у проживающих в Баку армян.

Внимание, уважаемые читатели. Именно в 1915 году впервые прозвучало, что «Аршин мал алан» - «армянская оперетта» и была заложена традиция по присвоению великой оперетты. Мало того, что С.Магалян получил первую премию на Кавказе за исполнение этой роли в шедевре Узеирбека, он решил и присвоить оперетту. Начиная с первого представления в Тифлисе в 1915 г. по 1921 г., труппа С.Магаляна умудрилась поставить оперетту 800 раз, в т.ч. 200 раз на грузинском, 2 раза на русском и однажды на турецком в Константинополе. С.Магалян заработал кучу денег. Несмотря на договоренность с Узеирбеком о выплате 10% гонорара от кассового сбора за каждый спектакль, Магалян сделал это только однажды, после спектакля в 1915 году. В дальнейшем он грубо нарушая авторские имущественные права Уз.Гаджибекова, пошел и на плаги-

ат, нарушив одновременно и личные, неимущественные права законного создателя произведения. Возможность незаконного заработка и неугомонность национального тщеславия привлекли и другие армянские коллективы: на «Аршин мал алан» как мухи на мёд слетались разные армянские труппы. К примеру, моментально созданная труппа И.Восканяна, дебютировавшая в Баку в 1915 году и на успех которой жаловались армяне же. Мол дескать, на армянские спектакли армянских трупп зрители не ходят, а вот на их азербайджанских спектаклях аншлаг обеспечен. Труппа А.Арменьяна, пожалуй, самая профессиональная из армянских, выступления которой докатились до Астрахани, Царицына, Ростова и Екатеринодара.

Арменьяновская труппа также внесла свой «посильный» вклад в «арменизацию» «Аршин мал алан». Уже в 1916 году имя автора оперетты исчезло с афиш во время гастролей во Владикавказе. Грубо нарушая личные права автора, а именно право на неприкосновенность произведения, армянские труппы без согласия Узеирбека, вносили изменения в оперетту, а также задуманные искажения, российская же пресса пестрела восторженными отзывами об «армянской оперетте Арменьяна», текст которой «написал» выпускник Петроградского Университета Уз.Гаджибеков, а господин Арменьян, используя восточные мелодии, создал музыку этой оперетты. «Слава господину Арменьяну, который создал не только национальный театр, но и восстановил армянскую музыку» («Русская музыкальная газета», 21 апреля 1916 г.).

Таким образом, начиная с труппы А.Арменьяна в афишах спектакля уже не встречается имя истинного автора Уз.Гаджибекова. То же самое и в афишах последующих трупп... И это не случайно. Даже в Баку, где жил и творил Уз.Гаджибеков, армянские труппы позволяли себе много недопустимых изменений канвы спектакля. А вот за пределами Баку шла полным ходом «арменизация» спектакля. Причины всего этого не только в амбициях и погоне за театральной выручкой. Последнее играло немаловажную роль, ведь только к 1917 году разные армянские труппы сыграли «Аршин мал алан» только в Тбилиси и на Северном Кавказе более 700 раз. Такой успех с нескры-

ваемым раздражением лучше всех выразил армянский автор с фамилией «А-ян» на страницах газеты Баку от 6 декабря 1915 года, писавший о Восканяне: «... После пьесы «Аршин мал алан» Уз.Гаджибекова, которая имела незаслуженно-небываемый успех, Восканян представил публике исторической роман «Хент» Раффи и пьесу «Татевос Иваныч» Чалахчи. Но все это не имело никакого успеха... Несмотря на то, что эти произведения ни в чем не уступали произведению Гаджибекова... Восканян не виновен в этих неудачных постановках. Виноваты армянские зрители, которые не требовательны к сценическому искусству. Они с охотой и много раз смотрят произведение Уз.Гаджибекова, а на свои спектакли не ходят...»

И в чем же, по вашему мнению, уважаемые читатели, причины сложившейся ситуации? За ответом снова обратимся к армянским авторам. Известный армянский музыковед Кара Дервиш: «... несмотря на многолетние старания, на Кавказской армянской сцене так и не создалась национальная оперетта». А вот, главную причину, на которую мы многократно указывали на страницах этой главы, откровенно признала редакция армянской газеты «Мшаг», печатавшаяся в Тбилиси (3 сентября 1916г.): «Почему так полюбился «Аршин мал алан»? *Уже более двух лет турецкая (азербайджанская) оперетта «Аршин мал алан», которая завоевала огромный успех на армянской сцене, вызывает так же большой интерес у армянской интеллигенции. Вчера я посмотрел в театре «Артистическое общество» (г.Тифлис) очередную постановку этого произведения в исполнении труппы Г.Ерицяна. И на этот раз, зал был переполнен публикой из средних слоев населения. Кроме них в зале присутствовали много офицеров, представителей интеллигенции, и даже английский миссионер господин Мак Камма Адонис и господин Гипокбекян... Я до конца посмотрел представление и мне стало ясно, почему армянский народ, который испокон веков живет по соседству, в постоянном общении с турками, с таким удовольствием смотрит «Аршин мал алан». Думаю, что мы не сможем запретить народу [армянскому] бесконечно смотреть этот спектакль... Тем не менее, в связи со многими психологическими причинами это произведение бу-*

дет привлекать внимание армянского народа... Армяне веками жили под игом турков-татаров и фарсов. И их уши заполнены звуками тара и кяманчи. Поэтому восточная музыка вошла в плоть и кровь армянской нации» (курсив наш).

Итак, уважаемые читатели, «арменизация» и присвоение «Аршин мал алан», осуществлялись по накатанному армянскому сюжету: сначала игнорирование прав автора на получение гонорара (имущественных прав), далее «упущения» в указании авторства на афишах, затем «присвоение» музыки, оставив текст за Уз.Гаджибековым и далее... Когда же был осуществлен русский перевод оперетты армянские труппы, к примеру, труппа Арменьяна, гастролируя по России, представляли уже и оперетту, как армянскую и авторство ее армянским.

Возникавшие, как грибы после дождя армянские труппы в массовом порядке нарушали авторские права Уз.Гаджибекова (а этих трупп к 1917 году было семь). Великий композитор и его соратник Муслим Магомаев, несомненно, пытались противостоять армянской грабительской практике. В одних случаях приходилось прибегать к помощи юристов-адвокатов, в других – к публичному объявлению практически во всех газетах о нарушении авторских прав и даже к административной власти градоначальника, как это было в случае демонстрации в кинотеатре «Форум» экранизации «Аршин мал алан»... Так вот, уважаемые читатели, мы вновь возвращаемся к многоликости, а точнее, к хамелеонской сущности армянского плагиата. Поскольку, законные действия автора в защиту своего произведения в той или иной форме оказывали хотя бы частичное воздействие на армянских фальсификаторов, последние прибегали к различным ухищрениям с целью исказить суть творения Узеирбека, принизить его художественные достоинства, именно в тех случаях, когда оперетта преподносилась публике под эгидой великого композитора. Приведем пример. В годы АДР М.Магомаев на страницах газеты «Азербайджан» писал: «4 февраля в государственном театре в исполнении армянских артистов была сыграна популярная оперетта «Аршин мал алан» известного мусульманского композитора Уз.Гаджибекова и мне кажется, пришло время поставить конец тому, что эта оперетта и наши национальные

традиции так позорно искажаются... Режиссер допустил в исполнении актерами ролей различные трюкаческие уловки. Это все довело произведение до оскорбительного уровня. Когда я все посмотрел, то невольно вспомнил фильм «Аршин мал алан», который несколько лет тому назад показывали в кинотеатре «Форум» и граммофонную пластинку, которая продавалась в Тифлисе. На этих пластинках якобы была музыка из «Аршин мал алан», а на самом деле *находчивые дельцы, используя звонкое название и популярность оперетты, включили в пластинку всяческие «армянские» исполнения*. Между прочим, хочу отметить искажение в афишах. Я сам был тому свидетелем, как *во Владикавказе на городских стенах с расклеенными анонсами спектакля имя автора вообще не имелось в наличии*. Тогда на мой вопрос один из армянских деятелей ответил, что «Аршин мал алан» является исстари армянским произведением». Он долго мне доказывал, что *будто эта оперетта не творение автора, а старинное армянское сказание. Не пришло ли время поставить конец этим деяниям?* (курсив наш)

Уважаемые читатели! Как вы понимаете притязания плагиаторов на творчество великого Узеирбека в годы царской России и Азербайджанской Демократической Республики, так или иначе, потерпели провал. Тактика фальсификаторов от музыки несколько изменилась в годы советского строя, хотя цели и остались прежними. С первых же дней установления власти большевиков в Азербайджане начались нападки на композитора. Утвердившееся великое авторство Узеирбека, армянские фальсификаторы и провокаторы пытались низложить за счет принижения его выдающегося дара и одновременно всяческой его травли, объявляя его творения всего лишь... «обработкой армянских народных мелодий». Итогом спланированного морального террора являлся физический большевистский террор по отношению к великому азербайджанцу. Приведем примеры. Несколькими днями позже захвата власти большевиками, некий армянский кяманчист (Ал.Оганесян) со стилизованной грузинской фамилией Саша Оганезашвили набросился с пасквилями в адрес Уз.Гаджибекова и М.Магомаева. Он писал, что Уз.Гаджибеков тормозит развитие азербайджанской музыки,

целенаправленно искажая ее, и более того в сочинительстве не знает азербайджанской и восточной музыки. Нелепость армянина, стремившегося стать «роялистом, большим чем сам король», имела вполне конкретный смысл. С одной стороны, удар наносился по истокам музыки наших корифеев, подвергалась сомнению наша музыкальная традиция, а с другой - расчищался плацдарм для «армянской» музыки, основанной на наших же традициях. Наконец, все это не могло не быть поддержанным большевиками, утверждавшими антинародность дореволюционной музыки. И эта нелепость сама же породила и другую: Наркомпрос республики поручает... армянскому кяманчисту составить программу обучения азербайджанской восточной музыке. Вот кому большевики доверяли создание образовательной программы азербайджанской музыки, противопоставляя его великому Узеирбеку.

От армянского и большевистского террора Узеирбека многократно прикрывал Н.Нариманов. Он буквально физически спасал корифея нашей музыки. Н.Нариманов, понимая значение Узеирбека в становлении нашей музыкальной культуры, протежировал его, добившись его назначения руководителем музыкальной секции отдела искусств Наркомпроса республики.

Блестящие доклады Узеирбека на азербайджанском и следом на русском языках о восточной музыке, еще более ожесточили его армянских ненавистников. Тот же Оганезян начал на страницах прессы доказывать, что произведения Уз.Гаджибекова и М.Магомаева плагиат, а истинный их автор – некие Лавров и Славинский. Смещенный с позиции «рулевого» азербайджанской музыки Оганезян, все еще надеясь на реванш, даже провокационно заявлял, что на специальном открытом форуме он-де готов доказать музыкальную несостоятельность Гаджибекова. Словом, армяне в расчете на большевистскую поддержку делали все, чтобы убрать тех, кто стоял у истоков и был способен формировать профессиональную музыкальную культуру азербайджанского народа. Вся эта армянская фарисейская деятельность и привела к тому, что в 1924г. Наркомпрос, в ответ на многократные обращения Узеирбека в правительство о том, что нужно нотно издавать в Азербайджане на-

ши песни и произведения, принимает решение о привлечении с этой целью к сотрудничеству... композиторов Глиэра, Ипполитова-Иванова и Спендиарова. Обратите внимание, уважаемые читатели, что последние должны были собрать и издать народные азербайджанские песни.

Да, речь шла об авторе «Тюркских фрагментов» для симфонического оркестра М.Ипполитове-Иванове и авторе оперы «Шахсенем» - Р.Глиэре, широко использовавших в своих произведениях азербайджанскую и в целом тюркскую музыку, а также о Спендиарове, о котором мы писали выше.

И вот, что ответил на эту нелепость М.Магомаев: «Узеирбек эту работу проделал 15 лет назад».

Подогреваемая армянскими кругами против Уз.Гаджибекова травля велась на два фронта, причем оба из них были вредительскими по отношению как к азербайджанской народной музыке, так и к создаваемой Узеирбеком профессиональной музыкальной школе. Расчет был прост: если не удается присвоить образцы азербайджанской музыкальной культуры, то, следовательно, необходимо либо их обезличить, либо создавать препоны для их нотной редакции, фиксирующей на будущее эти творения, как собственность азербайджанского народа.

Посудите сами, уважаемые читатели. Согласно первой тенденции, маскирующейся под «прогрессивно-развивающую», предлагалось сдать в архив творения дооктябрьского периода. Словом, списать музыку Уз.Гаджибекова, как отсталую и примитивную. Заодно азербайджанские музыкальные инструменты объявлялись «музыкальными экспонатами», а следование национальной музыкальной традиции – «националистическим культурничанием». «Неужели компилятивные произведения из народных песен, являющиеся примитивом, можно назвать самостоятельным творчеством?» И это звучало на страницах «Бакинского рабочего» 14 октября 1924 года. А газета «Коммунист», несколько позже даже выражала категорический протест против мугамных опер. Вот как отвечал им великий композитор: «Некоторые товарищи примерно говорят так: «Я не разбираюсь в музыке, но Гаджибеков тоже не лучше меня разбирается в музыке. Потому он не имеет права писать оперы. Эти должностные

товарищи должны прекратить нести всякие глупости и нужно остановить все эти нелепые высказывания».

Другая же тенденция, условно именуемая «консервативно-охранительной», требовала «защитить» национальные ценности от вредных влияний в музыке, «чуждых» национальному духу. К примеру, игра по нотам на национальных инструментах объявлялась уничтожением ее своеобразия и импровизаторства. Здесь по сути воевали против нотных записей. Вспомним как Узеирбек многократно обращался в правительство, чтобы зафиксировать произведения в нотах, дабы уберечь их от последующего плагиата. А вот как в 1924 году, Уз.Гаджибеков разнес плагиатора Маиляна: «Нам давно пора создать и выпускать и издать в красивом оформлении наши народные песни. Сегодня многие наши песни и танцы собраны европейскими музыкантами, и мы не воспринимаем их в европейской обработке. В Азербайджане, кроме нескольких композиторов, которые пишут по европейской системе, есть еще и восточные композиторы. Среди них можно назвать и Антона Маиляна, который учился в Европе, а теперь работает хормейстером в Баку. Он сочинил несколько маленьких песен. Но вместо того, чтобы гордиться своими песенками, Маилян присваивает сочинения других композиторов, исполняет их в своем хоре. Например, песню «Хайды гызлар» из оперы «Шах Исмаил» М.Магомаева Маилян в афишах и программах своих концертов указывает, как собственные сочинения. Кроме того, Маилян переписал на ноты песню «Ай йолдашлар» и выдал ее за собственное сочинение. Все это исходит от того, что наши народные песни не собраны, не обработаны и не изданы в сборниках. Поэтому они присваиваются такими как Маилян... Если мы издадим эти сборники, никто тогда не посмеет присваивать их себе. Кроме того, эти песни не потеряются и не забудутся...»

Да, Узеирбек, несмотря на всю свою терпимость давал замечательной «сдачи» на подобные нападки и все это позволяло не только продвигаться нашей музыке, но и уберегло ее и от посягательств армянских композиторов и армянских группировок.

Вышеизложенное, уважаемые читатели, происходило на родине великого композитора, в Азербайджане. А, что же про-

исходило за пределами азербайджанской земли? Слава Уз.Гаджибекова и его оперетты «Аршин мал алан», перешагнув рубежи Азербайджана, России, Армении, Грузии и др., победно шествовала по Америке. «Аршин мал алан» был поставлен в Нью-Йорке уже 1917г. («Эхо», 13 мая 2002 года, статья «Как крали Аршин мал алан»). В частности, согласно сведениям К.Шахверди, 16 февраля 1917 года в журнале «Молла Насреддин», №2 была напечатана следующая информация:

«В одной из газет американского города Нью-Йорк сообщается о том, что оперетта «Аршин мал алан» начала ставиться в американских театрах. От себя скажу, что за 6 месяцев путешествия я увидел как в Ашхабаде, Ташкенте, Оренбурге, Самаре, Царицыне, Астрахани, Петровске, Владикавказе, на улицах и на базарах, кроме разговоров об «Аршин мал алан»е мало что можно было бы услышать... Тайну этой популярности нужно искать в «тайне «Аршин мал алан». Поэтому и армяне, и грузины, и русские и американцы делят между собой успех этого произведения...»

Армянские театралы-плагиаторы, эмигрировавшие в Америку после советизации республик Закавказья в 20-х годах, столкнулись здесь с огромной популярностью музыки Уз.Гаджибекова и... стали греть на этом руки. К примеру, один из таких плагиаторов, Седрак Сурабян в 1923 году поставил в Нью-Йорке знаменитую оперетту. Дирижировал в спектакле пианист Кушнарян. Бенефис «Аршин мал алан» был продолжен в Бостоне, Филадельфии, Чикаго, Детройте, Лос-Анджелесе и др. городах Америки.

А вот труппа ранее упомянутого Сидрака Магаляна более 800 раз за 1915-1921 гг. поставившая «Аршин мал алан» на армянском, грузинском, азербайджанском и русском языках, умудрилась «побить» рекорд плагиатства в Америке. Как отмечается в статье «О постановках «Аршин мал алан» на армянском и грузинском языках (Изв. Ан Азерб. ССР «Серия литературы, языка и искусства», 1978, №1) С.Магалян со своей труппой «Шант» «умудрился» за период с 1923 по 1958 год постановкой «Аршин мал алан» (без указания имени ее автора) обойти всю Америку.

Нарушение личных и имущественных авторских прав Уз.Гаджибекова, тот самый С.Магалян цинично и вместе с тем

высокопарно объяснял пропагандой музыки великого композитора в Америке. Удивляться этому не приходится, поскольку мы знакомили читателей с анатомией армянского плагиата.

Удивительно другое. К концу 70-х годов XX столетия в отмеченном выше научном журнале «Известия АН Азерб. ССР», серия «Литература, язык и искусство» была печатана статья, в которой сообщалось, что причина большого успеха магаляновской труппы в Америке заключалась в высоком исполнительском мастерстве актерского ансамбля его труппы и отмечалось, что благодаря «любезно предоставленным нам фотоплакату и программе» со стороны Магаляна, стали известными имена участников постановок на армянском языке в Америке. Тем самым, косвенно дезавуировалась роль этого плагиатора и нарушителя авторских прав Уз.Гаджибекова.

Так и внедрялось в общественное сознание американской публики «армянское происхождение» знаменитой оперетты, а если точнее словами ее лжеавтора Магаляна - «королевы армянской оперетты». Да, что уж там в Америке, когда Ереванский государственный театр музыкальной комедии имени А.Пароняна, практически постоянно обращался к творчеству Уз.Гаджибекова. Одна из постановок великой оперетты была осуществлена режиссером А.Гулакяном в переводе Саруханяна, а в целом на сцене этого театра «Аршин мал алан» был показан более 300 раз.

Перед нами афиша одной из таких постановок, датированная 1955 годом (г.Сухуми). В ней, уважаемые читатели, всем армянским участникам нашлось место, не было на афише только... автора - Уз.Гаджибекова.

Подчеркиваем, уважаемые читатели, что грубейшее нарушение прав Уз.Гаджибекова происходило не в далекой Америке, а на территории тогдашнего единого государства - СССР.

Тем временем в далекой Америке другой армянский плагиатор, режиссер Р.Мамулян экранизировал «Аршин мал алан», опять таки скрыв авторство Уз.Гаджибекова. Случилось это в 1937 году в Голливуде. И только обращение великого композитора к главе тогдашнего СССР – Сталину послужило основанием для экранизации «Аршин мал алан» под эгидой великого автора. Несомненно, что эта выдающаяся экранизация

подтвердила моральные или личные права Узеирбека, но и конечно, ничего не решила в отношении его нарушенных имущественных прав. СССР в те годы не входил ни в одну из Конвенций по авторскому праву, а стало быть гонораром, положенным Узеирбеку, обогатились армянские плагиаторы. «Законы морали – это и законы искусства», как говорил Шуман, но к армянским фальсификаторам от искусства подобная формула, естественно, не имела никакого отношения.

Уважаемые читатели! Мы подходим к завершению цикла о музыкальном плагиате и заимствованиях в первой главе «Пришел, увидел, ... присвоил». Повествуя здесь об «армянской традиции присвоения азербайджанских культурных традиций», а в заключительной части наших музыкальных традиций, хотели бы сосредоточить ваше внимание на одном замечательном наблюдении Л.Гумилева: «Каждое явление, наблюдаемое в современности, имеет свое начало в прошлом, иногда близком, иногда далеком, но никогда не бесконечном... История любого процесса, бытующего в настоящее время – это продолжение того мгновения, когда в силу тех или иных причин, этот процесс начался...»

Вам решать, уважаемые читатели, но на наш взгляд, приведенная цитата очень созвучна пониманию современного армянского музыкального плагиата и заимствований азербайджанской музыки.

Этим мы и завершаем данную главу, цитируя примечательными словами известного армянского поэта Аветика Исаакяна, адресованные к основоположнику азербайджанской классической музыки, а стало быть, и ко всей азербайджанской музыке: «Создавая свои великолепные оперы, Гаджибеков пользовался богатой и чудесной азербайджанской народной музыкой, которая всегда была близка, как родная, армянскому народу...»

Мы, заканчиваем этот параграф с самыми добрыми пожеланиями в ваш адрес, напоминая о том, что именно «возможность украсть и создает вора» (Бэкон), а «настоящим способом ответить недругу сделать это, не походя на него» (Б.Фонтенбло).

§15. "... Присвоил", в котором приводятся примеры присвоения различных объектов традиционных знаний и традиционных выражений культуры

Уважаемые читатели! Армянские кражи азербайджанской интеллектуальной собственности можно продолжить и другими примерами. Присвоения касаются не только объектов нематериального, но и одновременно материального культурного наследия, к каковым относятся наименования, кулинарные рецепты веками приготовляемых блюд азербайджанской кухни, наши замечательные старинные ковры с их орнаментами и многое другое. Речь идет об интеллектуальных кражах всего того, что ныне международной общественностью отнесено в разряд традиционных знаний и традиционных выражений культуры (фольклора) и, в частности, о тех из них, в которых интеллектуальный культурный компонент неразрывно связан с носителем, на котором он выражен или из которого он исполнен. Конечно же это тема отдельного, обстоятельного разговора. И потому сейчас мы ограничимся несколькими типичными фактами подобных краж. К примеру, как утверждают многочисленные армянские Интернет-сайты, «армянская кухня это самостоятельная достопримечательность страны», «одна из самых древних в мире», «одна из самых самобытных кулинарных традиций планеты». И, конечно, «армянская кухня – самая древняя в Закавказье», «ее характерные черты сложились еще, по крайней мере, за тысячелетия до н.э.» и впоследствии были заимствованы соседями армян.

Выберем, уважаемые читатели, только несколько наиболее известных блюд армянской кухни, которые являются популярными и в Азербайджане и попробуем выяснить, как же азербайджанцы их заимствовали у армян. С этой целью раскрывая этимологию названий знаменитых «армянских блюд», примем во внимание, что названия многих азербайджанских блюд указывают и на технологию их приготовления.

Начнем со всемирно известного «шашлыка», который как пишут армяне, будучи армянским блюдом, «готовится из крупных кусков мяса», а его другая армянская разновидность «шашлык по карски» «готовится на мангале».

«Шашлык», уважаемые читатели, - русифицированный вариант азербайджанского и в целом, тюркского слова «шишлик». Термин этот состоит из двух компонентов – корня «шиш» и окончания «лик». «Шиш» по азербайджански «шампур» и, вообще «острый предмет». Окончание «лик» выражает «отношение», «принадлежность» мяса к шишу (шампуру). Словом, «шишлик» есть нанизанные на шиш (шампур) куски мяса. Азербайджанцы зачастую именуют его «тикя кабабом», отличая от «люля-кебаба», где на шампур нанизывается рубленое мясо. Готовится это блюдо на «мангале» - специальном приспособлении, в котором разводится огонь для шашлыка. Важнейший элемент термина «мангал» - «гал» происходит от азербайджанского глагола «галамаг» - поддерживать огонь, собирая головешки в кучи или способствовать возгоранию. И не случайно, что однокоренное слово «тонгал» на азербайджанском означает «костер».

Армяне утверждают, что другая разновидность армянского шашлыка - «хазани», характерна тем, что «мясо готовится в кастрюле». Разъясняем, что термин «газан» на азербайджанском и других тюркских языках и означает большую кастрюлю для приготовления пищи. В ней у азербайджанцев и готовится газан-кабабы.

Интересно происхождение и другого армянского шашлыка – «шашлыка из бастурмы». Чтобы разобраться в этимологии этой разновидности армянского шашлыка необходимо понять, что означает термин «бастурма». В азербайджанском языке глагол «бастырмаг» означает «укрыть», «покрыть». Именно так предварительно и поступают азербайджанцы с кусками мяса для шашлыка, покрывая их луком, перцем и солью, смешивая с уксусом и укрывая в газане (кастрюле) на некоторое время. И тогда мясо для шашлыка становится бастурмой.

Выходит, что названия «армянского шашлыка» со всеми его армянскими разновидностями почерпнуты из азербайджан-

ского (тюркского) языка и, стало быть, в армянском языке не нашлось собственных терминов для наименования «исконно армянских» блюд. Более того, в тех случаях, когда армяне не могли подобрать подходящие азербайджанские термины, они попросту использовали азербайджанский (тюркский) счет: один, два и т.д. и «возникла» еще одна разновидность «армянского шашлыка» - «ики-бир» из мяса и курдючного сала, как раз отражающая технологию приготовления блюда «два к одному» у азербайджанцев. Вот и делайте вывод, уважаемые читатели, какой этнос является автором указанного блюда и кто у кого его заимствовал.

Армяне с упоением стремятся доказать всему миру, что знаменитое блюдо «толма» является исконно армянским. Блюдо это представляет собой отваренное рубленое мясо, завернутое в виноградные листья или заполняемое в некоторые овощи, такие как помидоры, перец, баклажаны. Азербайджанцы издревле готовящие это блюдо, специально подчеркивают эту разницу, как, например, «ярпаг долмасы», т.е. долма из листьев.

Так вот, уважаемые читатели, термин «долма» исходит из азербайджанского (тюркского) глагола «долмаг» («заполняться»). И это имеет отношение ко всем случаям «долмы», когда овощи заполняются рубленым мясом. А вот другой азербайджанский глагол «доламаг» означает «заворачивать» и имеет прямое отношение к долме с виноградными листьями, в которое и заворачивается рубленое мясо. Синонимом азербайджанского глагола «доламаг» («заворачивать») является другой глагол «сарымаг» и потому зачастую азербайджанскую «долму» из виноградных листьев именуют и «сарыма».

Чтобы, как-то разъяснить подобный конфуз с армянской «толмой», армяне дают фарисейское разъяснение на своих многочисленных сайтах, посвященных армянской кухне: «...армяне внесли свой вклад в кухню тюрок-сельджуков, так что многие истинно армянские блюда стали позднее известны в Европе через турок, как якобы блюда турецкой кухни (например, долма)». Вместе с тем, чтобы не писали армяне, как и в первом случае с шашлыком, так и этимология названий «долма-сарыма» свидетельствует о технологии приготовления этих

блюд, названием восходящих к азербайджанскому (тюркскому) корню. Так что, читатель может сам убедиться кто у кого заимствуют блюда кухни: азербайджанская кухня у армянской или, как раз наоборот.

А вот, чтобы никто не сомневался в армянском происхождении знаменитого супа «бозбаш»а, то в каталогах армянской кухни, наименование этого блюда сопровождается прилагательным «ереванский». Как разъясняют армяне, «бозбаш - отварная баранина с горохом и зеленью», а вот «кюфта – мясные шарики из отбитого особым образом и отваренного мяса». Якобы заимствовавшие эти блюда у армян азербайджанцы очень их любят и полюбовно именуют «кюфта-бозбаш» и «парча бозбаш», разделяя тем самым кюфтю как изготовленную из рубленого мяса от парча – кускового мяса. Словом, уважаемые читатели, в азербайджанской кухне «кюфтя» - одна из разновидностей «бозбаш»а и, следовательно, нам предстоит рассмотреть этимологию последнего термина «бозбаш».

«Аш» - древнетюркское слово – существительное, возникшее из глагола «ашмаг», что означает «приготавливать пищу». И сегодня азербайджанцы, употребляя «газан ашмаг / асмаг» подразумевают «готовить пищу» или «поставить кастрюлю». Корень «аш» дал много производных слов, как например, «хаш», «хашил», «гашыг», «лаваш», что соответственно в переводе с азербайджанского означает «суп из телячьих копыт», «мучная, густая каша с маслом и с медом (дошабом и т.п.)», «ложка», «тонкий хлеб». Все перечисленные термины имеют отношение к пище, а соответствующие блюда весьма почитаемы в Азербайджане. Так, что попутно, уважаемые читатели, разъясняем, что ни «хаш» не является исконно армянским блюдом, ни хлеб - «лаваш» не является армянским. Азербайджанцы и сегодня именуют поваров - «ашбаз», а туркмены - «ашчы» или «газанчы».

Другое древнетюркское блюдо «бозламач», встречающееся еще в азербайджанском эпосе «Китаби-Деде-Коркут», означает по смыслу процесс приготовления пищи. Глагол «бозартмаг» в названии этого блюда, имеет основу «боз», один из смысловых оттенков которого связан с варкой (жарением) пи-

щи... Вот отсюда и происхождение названий азербайджанских блюд: «бозбаш» и «бозартма». В частности, этимологически «бозбаш» составлен из двух компонентов «боз», переводимого с азербайджанского языка как «серый» и «аш», связанного с приготовлением пищи. Как вы понимаете, уважаемые читатели, мясо при приготовлении в газане сереет.

К корню «аш» восходит и знаменитый «аш» - азербайджанский плов. Армяне пишут о своем блюде «лоба хашу», объясняя, что это суп из красной фасоли, что в переводе с азербайджанского означает «пища из красной фасоли». Поскольку «лобья» на азербайджанском «фасоль», то отсюда и знаменитый азербайджанский вариант плова - «лобьялы аш». Или же возьмем «армянское блюдо - хашил», объясняемое армянами как мучной кисель. «Хашил» на азербайджанском густая пища в виде каши, а одноименное блюдо азербайджанцы готовят добавляя в муку масло, дошаб или мед.

А что, по вашему, уважаемые читатели, означает «армянское блюдо» - «сюдлю сыйыг»? «Сыйыг» переводится с азербайджанского как «полужидкое», смешанное с молоком или водой «твердое» блюдо, а «сюдлю» как раз означает на азербайджанском «на молоке». Таковым и является это «армянское блюдо», из азербайджанской кухни. Подобные примеры можно продолжить.

А теперь, о «знаменитом, армянском национальном хлебе «лаваше», который выпекается в древних «тонир»ах глиняных печах». Как пишут армяне «тип очага (тонир), принятый первоначально у армян, распространился по всему Закавказью», точно также как был заимствован у армян «лаваш». С этой целью разберемся, что означают выпекаемый продукт и устройство для его выпечки с этимологической точки зрения.

Азербайджанцы испокон веков пекут хлеб в тендирах (отсюда и его арменизированный вариант «тонир»). Не случайно самый древний тендир найден на территории Азербайджана. При выпечке хлеба в этих специальных глиняных печах, особенно когда пользуются топливом кизяком, образуется угар. На азербайджанском «тиндир» как раз и означает «угарный». Все тендиры в т.ч. и в армянской редакции «тониры» имеют

воздуховод «кюлфа». Народы, использующие тендир именно так его и именуют. А означает он на азербайджанском как «кюл уфуран» и переводится как «раздувающий пепел». Мы уже разъясняли, что хлеб «лаваш» исходит из тюркского корня «аш» - пища. Его тонкую разновидность азербайджанцы именуют также как «юха» или «яйма». Эти разновидности хлеба азербайджанцы и выпекают в тендирах, что, как понимают читатели, и было заимствовано армянами.

Таковы вкратце только некоторые «секреты армянской кухни».

А теперь, немножко о коврах. И коли мы собрались это сделать, то не можем не остановиться на примерах пролонгированных по времени интеллектуальных краж «коврового» рода. Речь идет о том, как армяне делают все возможное дабы «армянизировать» разнообразные азербайджанские ковры, представляя их миру как армянские. Даже в «Советском Энциклопедическом Словаре» (1985г.) указано, что, «наиболее известны ковры персидские, азербайджанские, туркменские, турецкие, китайские». Словом, нет известности об армянских коврах. Тем не менее всякий, кому доводилось быть в Европе, вполне мог обратить внимание на вывески магазинов с «армянскими» коврами, либо на продажу в магазинах «Ковры» так называемых «армянских ковров», не имеющих никакого отношения к армянскому этносу, кроме как к владельцам этих магазинов.

Начнем с азербайджанских ковров. Ковры играют особую роль в жизни азербайджанского народа. На них отражен не только духовный мир, интеллект, характер и мировоззрение нашего народа, но и на протяжении тысячелетий азербайджанцы рождались и умирали на коврах. Словом, ковер как традиция и обычай встречал нас с колыбели и прощался с нами, когда мы уходили в мир иной. Ковроделие, занимая едва ли не центральное место в истории нашей национальной культуры, настолько связалось с бытом азербайджанского народа, что по сути превратилось в его символ. Ворсистые и безворсовые ковры, украшенные различными узорами и изображениями, использовались и продолжают использоваться в Азербайджане и для украшения стен и для мощения полов. Только одних без-

ворсовых ковров насчитывается 8 видов: это и паласы, и джеджимы, лады и килимы, шедле, верни, зили, сумах. Различаясь по стилю ткани, композиционной структуре, богатству орнамента и цветовому колориту, они своей технологией восходят к простейшим циновкам, и плетням глубокого прошлого.

Древность азербайджанской традиции ковроделия не подлежит сомнению. Как показали археологические изыскания и письменные источники этим ремеслом в Азербайджане занимались еще в бронзовом веке (конец II – начало I тысячелетия до н.э.). Именно II тысячелетнем до н.э. датируется украшенный изображениями рисунок попоны на глиняной фигурке лошади, а I тысячелетием до н.э. – изображение льва с накинутой на него попоной, найденные на территории исторического Азербайджана. А вот при археологических раскопках катакомбных захоронений в Мингячевире были обнаружены остатки паласов и ковров, датируемые I-II веками. Об азербайджанском ковроделии сообщали Геродот, Клавдий Элиан, Ксенофонт и др. античные источники, албанский историк М.Калантуклу. В «Китаби Деде Коркуд» воспеваются азербайджанские шелковые ковры, Низами, Гатран Тебризи и Хагани отмечают ворсистые и безворсовые ковры, английский путешественник Антони Дженкинсон (XVI в.), голландский Ян Стрейтс (XVII в.) сообщают о коврах, сотканных золотыми и серебряными нитями. Узоры, орнаменты азербайджанских ковров привели их в произведения и миниатюры многих европейских художников: Ханса Мемлинга, Ван Эйка, Ханса Холбейна (XV в.). Далеко не случайно, что немецкий искусствовед Г.Роп в своей книге «Восточный ковер» (раздел «Кавказские ковры») доказывал, что лучшими на Кавказе являются безворсовые азербайджанские килимы, возникшие по его свидетельству, раньше азиатских ковров. По мнению специалистов именно Азербайджан является школой Кавказского ковроткачества и 90% прославленных кавказских композиций ковров составляют достижения азербайджанских мастеров.

Богатейшей является и географическая традиция наших ковров, среди которых выделяются Губинская, Бакинская (Апшеронская), Ширванская, Гянджинская, Газахская, Карабахская и Тебризская школы. Различаясь узорами, композиций и

цветовыми решениями, они дополняют друг друга, формируя колоритный и всемирно известный феномен азербайджанского ковра. Именно поэтому шедевры азербайджанских мастеров ковроделия уже на протяжении нескольких столетий украшают лучшие музеи мира.

Если украшения губинских ковров составляют стилизованные растительные, иногда зооморфные мотивы орнаментов с геометрическими узорами, то для бакинской школы ковров характерны овалы (гёлы), растительные элементы с кривыми линиями, отличающиеся мягкостью и интенсивностью цветового решения. Ширванские ковры имеют сложные композиционные узоры, а вот гянджинская школа славится высоким качеством шелковых ковров, а газахская гармоничностью колорита. Что касается тебризской школы ковроделия, то она наиболее старинная и известная в Азербайджане, оказавшая значительное воздействие на возникновение и формирование иранского ковроделия. Достаточно только напомнить, что сотканный в Тебризе знаменитый ковер «Шейх Сафи» (площадь 56,12 кв.м., 1539г.) находится в Лондонском музее Виктории и Альберта, продолжая оставаться жемчужиной орнаментальных ковров.

И несколько слов о карабахской школе ковроделия, упоминаемой арабскими историками ал-Мугаддаси, Масуди. К этой ковровой школе примыкают и зангезурский и нахичеванский ковровые центры. Карабахские ковры имеют очень богатую цветовую палитру, отражающую богатейшие оттенки красок природы Карабаха. Существенной особенностью этих ковров является то, что согласно древней традиции здесь промежуточные участки ковров исполнялись красной краской, а красители добывались не только из растений, но и из насекомых. Многие из карабахских ковров не случайно украшают лучшие музеи мира; поскольку согласно публикациям XIX века сотканные в Шуше ковры и паласы того периода по праву считаются лучшими на Кавказе Всемирную известность карабахским коврам принесли сотканный в Барде в XVI-XVII вв. шелковый зили, хранящийся в Берлине в Музее искусств. А вот вытканный в Лемберане безворсовый ковер «Верни» хранится в Нью-Йорке в Музее «Метрополитен».

Уважаемые читатели! Мы останавливаемся на некоторых нюансах замечательного азербайджанского ковроделия по вполне естественной причине. Замечательные образцы нашего прикладного искусства столетиями подвергались армянской экспансии, а последние десятилетия разграбленные карабахские ковры в т.ч. из коллекции Шушинского историко-краеведческого музея превратились «в предметы армянской культуры» и, находясь за пределами Азербайджана, демонстрируются как «образцы армянского ковроделия».

Армянская коврово-пропагандистская машина прилагает усилия в двух направлениях. Во-первых, армяне всеми путями пытаются создать «историческое прошлое национального ковроделия», а во-вторых - убедить общественность в армяно-арцахском происхождении выкраденных ковров или же первичности по отношению к оригиналу их плагиатных копий.

Вот типичные примеры «армянской пропаганды ковров». «Найденные при раскопках самые ранние остатки ковров датируются II-I тысячелетиями до н.э. На обнаруженном в склепе XIV-IX вв. до н.э. остатке ковра имеются знак свастики, символы воды и змеи». «Найденные остатки ковров», как пишут армянские источники, «свидетельствуют об их большой схожести с сегодняшним армянским ковроделием». Далее указывается, что «в греко-римских, персидских, арабских, византийских, болгарских источниках сохранились многочисленные свидетельства о знаменитых древних и средневековых армянских коврах и карпетах. В произведениях европейской живописи XIV-XX вв. нередко встречаются введенные в композицию изображения армянских ковров». Подчеркивается, что уникальные армянские ковры хранятся чуть ли не во всех музеях мира. Как пишут армяне, «древнейший из них ковер 1202 года, с армянской надписью, был исполнен в селе Бананц области Гандзак (ныне Кировабад). Оказывается, что в Лондонском музее Виктории и Альберта хранится ковер XVII века. Метрополитен-музей в Нью-Йорке приобрел ковер XVI века» и т.п. Особо выделяется, что «об армянских коврах сообщал Геродот», арабские историки VIII, IX, X веков.

Словом, уважаемые читатели, едва ли не пересказывается история азербайджанского ковра, о чем мы писали выше, если только исключить информацию о византийском монархе армянского происхождения Багратайдсе, способствовавшем в раннем средневековье прославлению армянского ковра «от Болгарии до Туркмении, от Багдада до Константинополя». Надуманная история армянского ковра сопровождается как обычно мифами. К примеру, любознательный пользователь сети может «узнать», что «огромная палатка болгарского короля, вмещающая до тысячи человек, сплошь была застеление армянскими ковриками» и много другого.

Перекладывая с больной головы на здоровую, сообщается, что «с середины шестидесятых годов представители министерства культуры Азербайджана начали закуп ковров в армянских и армянонаселенных регионах республики (речь идет якобы о событиях XX века)». По информации армян, якобы «за старые ковры и карпеты (армянские национальные безворсовые ковры ручной выделки) предлагались немалые для обывателей деньги». Как «подсчитали» армянские эксперты «в шестидесятых-семидесятых годах в Азербайджане было закуплено свыше шестидесяти тысяч армянских ковров и карпетов ручной работы». «Возмущенные» армяне заявляют, что «богатый и информативный орнамент армянских ковров, как правило, вбирает в себя и христианскую символику, и армянские письмена, однако это не помешало представить многие из них в изданном в Баку иллюстрированном фолианте «Азербайджанские ковры» (Баку, 1983)».

Наряду с приводимой выше откровенной ложью, армянские «ковровые» сайты затевают и псевдонаучную дискуссию, навязывая читателю несуществующие особенности «истинно армянских» ковров и параллельно сетуя на их утерю. В частности отмечается, что для горга и карпета (типов армянских ковров) «существуют характерные цвета: черный, красный, желтый, белый — очень типичные для армянских ковров цвета». «А вот зеленый, коричневый и вообще любые полутона (голубой, розовый, бирюзовый, фиолетовый и т.п.) — это может быть типично для мусульманского искусства, но очень нетипично для

армянской культуры, в том числе и ковров»: так пишут армяне. И в заключение указывают, что «со временем многие секреты армянских ковров были утеряны. Вся философия и искусство вышивания ковров претерпело упадок и попало под сильное арабское и мусульманское влияние. Значение символов и правила их изображения постепенно забывались, а в изображениях стали появляться совершенно неармянские цвета и орнаменты. В результате, сегодня очень многое в современных армянских коврах, мягко говоря, не совсем армянское. Ситуация несколько напоминает состояние армянской народной музыки, где наряду с армянскими мотивами и словами довольно часто можно встретить мусульманские слова и мелодии».

Полагая, что армянского цитирования, выражающего подачу желаемого за действительное достаточно, обратимся к фактам. Перед нами книга-каталог «Ковры Армянской ССР», выпущенная под эгидой Центрпромсовета в г. Москве в 1952г. В этой книге констатируется, что в дореволюционное время ковроделие Армении стояло на низком уровне, поскольку «ковровщица сама должна была заботиться о приобретении шерсти, мойке, прядении, окраске пряжи,... на нее ложилась забота о сбыте продукции» (К слову, подобные сложности возникали и перед азербайджанскими ковроделами, однако ковроткачество не находилось на низком уровне, а продукция расходилась по всему миру и не без помощи армянских скупщиков, основательно зарабатывающих на этом).

Далее указывается, что «основными ковроткацкими районами Армении являются: Ереванский, Ленинаканский, Степанованский, Иджеванский, Севанский, Баязетский и Зангезурский». Просим обратить внимание читателей, что до депортаций из Армении это были районы с компактным проживанием азербайджанского населения с традиционными навыками ковроткачества. Если же мы зададимся вопросом: какие ковры выпускались на тот момент в Армении, то нас ждет ошеломляющий ответ авторов каталога (в числе которых армянин по национальности Л.Г.Карамян). Оказывается, что «в Армянской ССР подготавливают ковры «Ереван», «Иджеван», а наряду с этим «артели выпускают ковры *типа «Куба», «Ширван»*,

«Гянджа», «Казах», «Карабах» (курсив наш). Выходит, что из 7 видов выпускаемых ковровыми артелями Армении ковров, 5 из них являются плагиатными копиями («типа») ковров азербайджанских ковровых школ. И в этом нетрудно убедиться, если приглядеться к орнаменту указанных ковров. Азербайджанские ковры демонстрируются на 35 таблицах, в то время как на «ереванские» и «иджеванские» ковры отведено более скромное место – 15 таблиц. Не говоря уже о том, что некоторые образцы «иджеванских» ковров являются абсолютными копиями азербайджанских оригиналов. И это далеко не случайно, поскольку Гейчинский ковродельческий центр включая в себя наряду с Иджеваном территорию вокруг озера Гейча (ныне Севан), в недалеком прошлом входил в Газахскую школу ковроделия.

Обратимся к другому письменному источнику и выберем известную книгу Раймонда Бенардута «Кавказские большие ковры» («Cancasian Rugs», by Raymon'd Benardout), изданную в 1978г. на английском языке в Лондоне. Альбом богато иллюстрирован на 96 страницах с изображениями замечательных крупных ковров азербайджанского, армянского и дагестанского происхождения. Так вот, уважаемые читатели, из 66 крупных ковров, паласов и килимов с прекрасным орнаментом и сложными композиционными узорами, иллюстративно приложенных к альбому, только 2 являются армянскими. Азербайджанских же 56. При этом 9 казахской школы ковроделия, 4 – гянджинской, 10 – ширванской, 1 – апшеронской и много других ковров, вытканных азербайджанскими умельцами. Именно так, большие ценители ковров – англичане оценивали вклад азербайджанских школ ковроделия в сокровищницу мировых крупнейших ковров.

Ограничившись этими примечательными фактами, перейдем к рассмотрению «армянского» термина «карпет».

Уважаемые читатели! Как знаете вы, «carpet» (карпет) по английски означает «ковер» и если следовать этимологическим словарям английского языка, указанный термин восходит к латинскому корню «carpita» (карпита), означающего по смыслу «толстую шерстяную ткань». Но вы не знаете, что «карпет» означает, как уверяют армянские источники, «армянский нацио-

нальный безворсовый ковер ручной выделки». Да, именно то, что азербайджанцы на протяжении веков собирательно именуют «килим». Интересно другое. Поскольку армяне возводят свои ковры (горги и карпеты) аж к концу II – началу I тысячелетия до н.э., то выходит, что латиняне и тем более англичане заимствовали наименование «карпет» у армян. Несмотря на очевидность этого казуса, приведем пример, вносящий ясность в армянские ковровые притязания. В иллюстрированном альбоме «Ковры Кавказа» на немецком языке (Изд. «Аврора», Ленинград, 1984г.), включающего азербайджанские, дагестанские, армянские и грузинские образцы ковроделия приводятся примеры лучших ковров. Обращает внимание то, что азербайджанские ковры, приведены на 71 иллюстрациях, что составляет 60% альбома, а вот армянские всего лишь 16% иллюстраций (27 иллюстраций количественно). Еще более важен другой факт. В альбоме под иллюстративным номером 91 проходит «карпет килим из Дилижана (азербайджанский город, переданный советской властью Армении)». Вот здесь и кроется «секрет» армянских «карпетов», в свое время именовавшихся по азербайджански «килим», что и используется составителями альбома для разъяснения этого типа ковра взамен заимствованного армянами в английском языке термина «карпет», означающего, как мы отмечали, «ковер» вообще.

Армянские эксперты уверяют, что «наиболее распространенными символами ковров [армянских] являются символы Бога, который в древнеармянской вере часто отождествлялся со светом, а потом и с солнцем и звездами». Наряду с этим на многочисленных армянских сайтах, посвященных армянским коврам, как например, «Армянские ковры» или «Ковроделие Арцаха», утверждается, что «у армян не принято стелить ковры на пол, а принято только вешать их на стены». Оказывается, «что еще издавна ковры в жизни армян занимали то же место, что сегодня иконы у православных,... ковры, включающие в себе множество знаков, имеют некий религиозный, а может и энергетический символ».

Так вот, уважаемые читатели, армянское мужское имя «Карапет» согласно этимологическим словарям, означает «вла-

дыка лучей солнца, солнце». Вот мы и подумали, что возможно слово «карпет» - ковер, несущее религиозный, солнечный смысл и произошло от имени собственного «Карапет», выражающего солнценосного носителя этого света...

Так, что если армяне и заимствовали термин «карпет» у англичан или латинян для обозначения «килима», то у них есть возможность и возразить последним, поскольку имя «Карапет», созвучное «карпет» является древнеармянским именем...

Армянские притязания на азербайджанские ковры продолжаются «во славу уникального армянского ковроделия». И в заключение, мы приводим пример с древним азербайджанским ковром, сотканным 2500 лет назад в Карабахе нашими предками-умельцами и на протяжении длительного времени являющегося предметом армянской экспансии.

Этот самый древний ковер мира был соткан древнетюркским племенем «саглар» - саками и хранится он в Эрмитаже. Начиная еще с 20-х годов советского времени армяне не прекращают своих атак на это чудо ковроткачества древнеазербайджанских тюрок, пытаясь теми или иными способами преподнести его как «древнеармянский ковер». И это, невзирая на сопротивление не только азербайджанских, но и русских ученых, для которых неоспоримыми являются не только с исторической точки зрения древнетюркское происхождение ковра, но и его орнаменты, тесно связанные с тюркскими традициями. Армяне пытаются убедить мир посредством многочисленных симпозиумов, издаваемых книг, специальных мероприятий своей диаспоры. Словом, все должно служить тому, чтобы древнеазербайджанское ковроткаческое произведение считалось бы армянским... Причина, как догадались читатели, как раз в том, чтобы заставить поверить неискушенных в древнее насельничество армян и как следствие еще более древнее ковроткачество, о чем мы многократно и писали.

Мы завершаем главу «Пришел, увидел, ...присвоил», в которой рассказали об армянской «традиции» по присвоению материального и нематериального культурного наследия азербайджанского народа. Традиция, уважаемые читатели, нарабатывается столетиями, многими поколениями. Так и происходила

«арменизация» нашей материальной и интеллектуальной собственности. Интересно, что основоположник современной армянской литературы Хачатур Абовян писал еще в XIX веке: «Главное различие древнего и нового языка [армянского] состоит в манере разговора и синтаксической структуре. С этой точки зрения *древний армянский язык [«грабар»] похож на европейские, а новый армянский язык [«ашхарабар»] на тюркский [азербайджанский] языки*» (Х.Абовян, Нахашавиг, Ер., 1940, на арм.) (курсив наш). Словом, по Х.Абовяну появился современный тюркизированный (азербайджанизированный) армянский язык. Продолжатель же дела Х.Абовяна Газарос Агаян, в свою очередь, в том же веке писал: «...Тюрки [азербайджанцы] его [Кероглу] считают тюрком [азербайджанцем], курды – курдом, а армяне – азербайджанизированным армянином. Его песни на тюркском [азербайджанском] и курдском языках поют только армяне, а другие народности поют на своих языках» (Г.Агаян, Избр. Произведения, Ер., 1939, на арм.). Словом, наш Кероглу по Г.Агаяну стал «азербайджанизированным армянином». И это было объективное влияние азербайджанизации на армянский этнос и язык, которым он пользовался, впоследствии переросшее в присвоительскую, субъективную «арменизацию» творений азербайджанского народа.

Сегодня же, уважаемые читатели, происходят еще более удивительные явления. В письменном виде осуществляется не только арменизация целого этноса, но и объявление... русских армянами. Речь идет о книге Сурена Айвазяна «История России. Русский след», выпущенной в Москве в 1997 году. Следуя С.Айвазяну оказывается, что «Юрий, сын Владимира Мономаха именуется «Долгорукий», поскольку связан «с армянскими Долгорукими из династии Багратуни».

С.Айвазян «доказывает», что «династия царей Багратуни... имела до и после падения ряд ответвлений,... Юрия звали Георг... Геворг Ерканайбазук, основатель Юрьева Польского, Москвы, Ярославля, Дмитрова, Кидеша, Звенигорода, Переславля, Владимира, Ростова». И, вообще, Айвазян уверяет, что «Арийцы – армяне и русские родились и выросли в Армянском нагорье, у подножия горы Арарат». Вот и «доказательство»:

«армянское наименование «хай» - «высокий», а русский этноним «рус» тоже означает «рослый», более того, «проторусские и протоармяне говорили на одном языке», конечно же на древнеармянском!» Ох уж не случайно Ованес Туманян говорил: «...истинное спасение должно начаться изнутри, потому что мы больны изнутри» (Ован. Туманян, «Избр. произведения», Ер., 1977).

Вам судить, уважаемые читатели. Мы же, прощаясь с вами, напоминаем мудрое изречение Саади:

«Если судьи не укоротят
Рук ворам,
Вор свои укоротит навряд
Руки сам.»

ГЛАВА II

ТЕАТР АБСУРДА

«Arare bole et asino» (дословно: *«пахать волом и ослом»*, т.е. соединяя несовместимое, делать нелепость).
«Латинское крылатое выражение»

Абсурд *(«absurdus». См. Л.П.Крысин «Толковый словарь иноязычных слов». «Эксмо». М., 2006, «Крылатые латинские выражения». «Эксмо». М., 2002)* издревле означал попытки измыслить нелепость, «сотворить, лишенное смысла». Неслучайно, что древние римляне, помимо вынесенного в эпиграф крылатого выражения, зачастую, по отношению к творцам нелепости употребляли и полные сарказма слова: «Cancer leporem capit», что означало «рак ловит зайца», что по смыслу выражало нелепость подобной ситуации. Если следовать «Логическому словарю» Н.Кондакова (М., Изд. «Наука», 1971) «привести к абсурду» означает доказать, что в каком-либо положении заключается нелепость, скрытое логическое противоречие, и таким путем его опровергнуть». По тонкому и очень важному замечанию известных специалистов в области логики, абсурд еще не означает сумбурного, бессмысленного выражения. Другими словами, «абсурд» не есть семантически сумбурное, напротив, чтобы то или иное выражение, суждение могло быть абсурдным, оно должно иметь смысл, должно быть свободно от семантической бессмыслицы.

Армянские притязания к азербайджанским территориям, равно как и их претензии на наше культурное наследие, сколь бы абсурдны ни были, имеют собственный смысл: «армяне исконные наследники этих земель, они наследуют мифическую «Великую Армению» и все, более или менее ценное, созданное на этих землях материального и нематериального характера принадлежит им», независимо от их создателей.

Да, именно так все это представляется нашими соседями и в первую очередь ассоциируется с Азербайджаном.

Еще начиная со второй половины прошлого века, возникший благодаря своим основоположникам Э.Ионеско и С.Беккету «Театр абсурда» представлял действительность лишенной смысла, абсурдной. Творцы этого направления, проповедуя идею абсурда, сумели представить мир своих персонажей, как мир двойников без оригинала, как плагиатные копии, не восходящие к своему началу. Фантасмагория, происходившая на сцене театра абсурда, утверждала расхождения языка и жизни, безличность слов, понятий и языка в целом. Вопреки классической логике, полагающей, что язык есть непосредственная действительность мышления и игнорируя факт выражения языком результатов продуктивного интеллектуального творчества, утверждалось, что язык всего лишь некий штамп. Неслучайно, что мамаша Пип из пьесы Э.Ионеско восклицала: «...Меняют названия, но не вещи...».

Ныне, и, возможно, много ранее творцов театра абсурда стремление сменить названия, сделать то или иное своим, не меняя сути явления или творения, активно демонстрируется армянскими плагиаторами и фальсификаторами. И это имеет отношение ко всему, тому, что сегодня именуется материальным и нематериальным культурным наследием, ко всему тому, что принадлежит нам и во что не вложены труд, интеллект и ментальность другого этноса. Вместе с тем армяне очень уж пристрастны к одному типу фольклорного творчества мифотворчеству. Это, действительно, национальный талант, будь то миф о «Великой Армении» или «великой армянской культуре», миф о первом очаге цивилизации или миф о нарушении прав армян в Азербайджане. И, конечно, это миф о том, что все культурное наследие Южного Кавказа и, в первую очередь, Азербайджана, восходит к «разумным армянам». Армянских мифов не перечесть. И все они, объединяясь по своей целевой установке и практическому назначению, подпадают под разряд политической мифологии. Именно эта мифология, будучи частью армянской этнической картины мира, определяет способ восприятия армянским этносом внешней реальности и меха-

низм поведения в ней. Именно эта мифология связывает воедино стереотипы «великих земель» и территориальных притязаний к соседям, именно эта мифология задает естественность и более того «легитимность» присвоения культурного наследия соседей. Наконец, именно она предопределяет поведение тех или иных армянских деятелей, будь то политики, ученые, да и этноса в целом. Сотворенный миф об «исключительности» армян, амбиции и претензии к внешнему миру, рожденные тезисом «многострадальности», продолжают преобладать в народном сознании, всячески препятствуя естественной альтернативе обычности роли армян, отсутствия «особой миссии», следствием которых является признание международного права как единственного краеугольного камня современного мироустройства. Обычно власти являются пленниками и жертвами сотворенного мифа, подчиняясь тем же культурным стереотипам, тем же парадигмам политического мышления, поскольку «никакая, сознательно выработанная идеология, не способна вытеснить бессознательную картину миру». По меткому замечанию российского этнополитолога С.Лурье, «взгляды армянских адептов «нового мышления», ориентированного на идею мирового сообщества «фактически не согласовались с политическим фольклором армян». Наверное, по причине несоответствия выработанных этносом парадигмам и происходит подстройка властей к народным представлениям. Испытанным оружием же служит накопленный опыт фарисейства.

Наглядным свидетельством сказанного являются некоторые выдержки из выступления Восканяна на 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Вот что заявил глава МИД Армении: «...Баку поступил безответственно по отношению к карабахцам, которые считались их гражданами. Они допустили погромы армян в своих городах, которые находились далеко от Нагорного Карабаха... они развязали войну, а когда они потерпели поражение в этой войне и пошли на перемирие, начали уничтожать следы армян на своей территории. Подобное уничтожение хачкаров в местности, где нет армян, на большом расстоянии от Карабаха и других конфликтных зон, является жестоким проявлением того, что отношение Азербайджана к толе-

рантности, человеческим ценностям, сокровищам культуры, сотрудничеству и даже к миру не изменилось».

Именно этот образчик мышления как раз и потворствует сотворенной мифологии политического фольклора, имеющей многочисленные грани в сфере культуры, понимаемой в широком смысле.

Мы в настоящей главе приведем вам, уважаемые читатели, следующие из политического фольклора армянства некоторые примеры абсурдных притязаний, когда «сменяются названия, а не вещи».

Словом, «Ab absurdo...» «...Ad absurdum» или «От абсурда...» «...К абсурду».

§1. Абсурд с азыхантропом

Как известно, древняя стоянка первобытного человека в Азыхской пещере была обнаружена и исследована азербайджанскими археологами во главе с М.А.Гусейновым. Сегодня находка известна всему миру как стоянка «азыхантропа» и по времени отнесена к ашельскому периоду. Выдающаяся находка на территории Азербайджана, свидетельствующая о наличии первобытной цивилизации в этих местах, никак не дает покоя армянам, утверждающим, что «Армения - колыбель цивилизации». Дело в том, что материалы Азыхской пещеры позволяют углубить нашу историю более чем на миллион лет. В самых нижних слоях Азыхской пещеры найдены орудия галечной культуры, названной куручайской. И это древнейшая культура сопоставимая с олдувайской из Восточной Африки и валлоневской из Южной Франции. Стало быть, Азербайджан не просто древняя земля, но и один из районов древнейшего расселения человека, территория, которая наряду со Средиземноморьем и Северной Африкой входила в зону антропогенеза. Отсюда и истоки армянского беспокойства. Тем более, что материалы Азыхской пещеры опровергают мнение о людях палеолита, как о постоянно скитающихся особях и отчетливо доказывают, что люди той эпохи вели оседлый образ жизни, проживая небольшими группами в ограниченном ареале и используя в качестве жилищ пещеры. Следовательно, все должны знать, что транзитные перемещения армян из Малой Азии или с Балкан на Южный Кавказ не соответствует истине, поскольку армяне первонасельники и автохтоны их Азыха! И, конечно же, армянскими хотели объявить найденные в Азыхе и древние орудия труда гигантолиты (примитивные рубила) и зажженные первые костры Азыха, которым несколько сот тысяч лет. И никто не должен сомневаться и в том, что обнаруженный в среднеашельском слое (350-400 тысяч лет назад) пещеры фрагмент челюсти женщины не является армянским. А вот то, что азыхантропы поклонялись медвежьим черепам тотемам, тем более что на одном из которых имеются насечки графические

знаки, тоже должно быть только армянским. Оказывается благодаря этому армяне, и создали первый в мире алфавит... Именно так, уважаемые читатели, поскольку абсурдные попытки отторгнуть открытие азербайджанских ученых от Азербайджана вызвали бурю армянских «научных» изысков. Авторы их пытаются «обосновать» армянское происхождение азыхантропа. Фальсификаторская апологетика нашла свое концентрированное выражение в труде «Историко-архитектурное наследие Нагорного Карабаха», который принадлежит перу учителя по профессии и музейного работника Ш.Мкртычяна. Поскольку, по мнению специалистов, его познания в области истории и архитектуры малоинформативны, мы останавливаемся исключительно на абсурдном плоде его фантазии, согласно которого Азыхская пещера – «место» первоначальных истоков армянской культуры. Для этого термин «азых» объявляется в транскрипции «азох» по причине того, что по-армянски (на грабаре) это означает «кислый виноград» или как мы говорим «абгура». Однако этого оказывается мало, поскольку автор, ссылаясь на «находящееся неподалеку село Азох», считает, что азербайджанские ученые специально «отюречили» «Азох» в форме «Азых», ибо в последнем термине проглядываются корни «аз», то есть «азери» и, тем самым, подводят под научную основу идею проживания здесь «азеров». Именно так, не больше и не меньше утверждается в статье в Интернете под названием «Когда и зачем Азох был переименован в «Азых» за авторством указанного Мкртычяна от 21.11.2003г. Оставляя в стороне, что корень «аз» имеет место в обоих вариантах, стало быть, для переименования с этой целью, и не было оснований, не останавливаясь на бессмысленной трактовке учителем смысла «Ворван – Азох» относительно названия Азыхской пещеры, что преподнесено автором с грабара и означает буквально следующее – «солнечный – кислый виноград», то есть семантическую бессмыслицу, обращаем внимание уважаемых читателей на нелепость, абсурд относительно вывода этого горе-ученого. Оказывается в ашельском периоде, уже были (или возникли) армяне. Для сведения читателей приводим, что ашель (ашельская культура) – период раннего палеолита (при-

мерно 2 млн. лет назад), и обычно этот период сопоставляется с возникновением человека (1 млн. лет назад). Опираясь на абсурдную логику Мкртычяна можно заключить, что армянская нация сформировалась в эпоху возникновения древнейшего человека. Автор употребляет термин «разумные армяне», и, конечно, ему невдомек, что «разумные люди» (современные люди) по сути, сформировались с появлением кроманьонцев (около 40 тысяч лет назад).

Остается добавить, что древнейших людей наука именует «архантропами» (от греч. «архайос – древний, «антропос» человек). Следуя абсурдной логике Мкртычяна, древнейших людей можно было бы именовать и хайостропами, раз и навсегда положив конец дискуссии обо всех «тропах», являющимися только армянскими, включая и «азыхантропа».

Мы уже отмечали, что одна нелепость рождает другую. И, как правило, ждать не приходится долго. Так вот, Азыхская пещера находится в Карабахе, недалеко от Физули, ныне оккупированном Арменией. А поскольку желание прослыть древнейшей нацией у армян неистребимо, вот они незаконно и копают на оккупированной карабахской земле. И докопались... до каменной статуи женщины-неандерталки в национальной армянской одежде. Именно так и информировали армянские СМИ осенью 2007 года. Более того, рядом с «армянской неандерталкой» были обнаружены предметы обихода, остатки армянских национальных блюд и инструментов. Как говорится, не удалось идентифицировать остатки азыхантропа как хайостропа, так сгодилась древняя каменная статуя женщины-неандерталки, да еще в армянской национальной одежде. Здесь уже и комментировать излишне, ибо выходит, что не просто неандертальцы были армянами, но и то, что сумели сохраниться в своем первозданном виде, да так что за последние несколько сот тысяч лет ничего не изменилось в их национальной одежде и быту.

Словом, уважаемые читатели, армяне появились много раньше возникновения *Homo Sapiens* или человека разумного...

§2. Абсурд с первохристианством на Кавказе

Как отмечалось ранее, «абсурд» есть измышленная нелепость, сотворенная бессмыслица. Выражение является абсурдным не потому, что в нем заключена семантически сумбурная бессмыслица, а как раз напротив, когда оно имеет вполне определенный, изначально задуманный смысл. Именно этот смысл и несут армянские притязания на азербайджанские земли, тесно сопряженные с непрекращающимся присвоением нашего культурного достояния. Генетика абсурда весьма многолика: это и подтасовка исторических фактов и их умышленная фальсификация, это и досужие домыслы, и искусно продуманные вымыслы, доведенные до мифотворчества. Будучи внедренными в общественное сознание, они по замыслу, должны явиться стереотипами и психологическими штампами, безоговорочно принимаемыми на веру. Возможно, именно это имели в виду древние римляне, заявляя «Credo, cuia absurdum» или «верую, потому что это абсурдно». Мы же продолжим знакомить читателей с очередным абсурдом в последовательности «Ab absurdo…» «…Ad absurdum» («От абсурда…» «…К абсурду»).

Итак, абсурд с первохристианством на Кавказе

Армяне всюду утверждают, что являются первым принявшим христианство народом на Кавказе (да и не только на Кавказе) и произошло это событие в начале IV века нашей эры. Вместе с тем, исторические хроники запечатлели, мягко говоря, несколько иную картину. Несомненно, то, что христианская традиция Кавказа имеет богатую и древнюю историю. Согласно источникам, христианство начало распространяться в Кавказской Албании еще с I-II века нашей эры. И это был первый, так называемый апостольский период албанской христианской традиции, восходящий к именам апостолов Фаддея, Варфоломея и ученика апостола Фаддея Елисея. Прежде чем обратиться к исторической хронике, важнейшему литературно-историческому памятнику Кавказской Албании «Истории

Албании» М.Каланкатуклу (Каланкайтуксого), дадим небольшую справку. Как известно, раннее христианство распространялось усилиями апостолов – миссионеров, просвещавших своими проповедями нехристианские народы. Распространение христианства в Армении связывают с именем апостола Фаддея, миссия которого закончилась трагично, так как по прибытии в Армению он принял мученическую смерть от царя Армении Санатрука. С именем Варфоломея историческая традиция связывает начало христианизации Сюника (Зангезура), который, сначала просветив сюникцев, пошел просвещать население Армении. Христианское просветительство в Албании же связывается с именем святого Елисея (Егише), рукоположенного на эту миссию патриархом в Иерусалиме. Это была успешная миссия, и вот, что пишет М.Каланкатуклу: «...он [Елисей], направив путь из Иерусалима в Персию, зашел к маскутам, минуя Армению, и начал свою проповедь в Чола... Оттуда он прибыл в область Ути... Святой патриарх [Елисей] прибыл в Гиш, основал церковь и принес чистую бескровную жертву. Это место является истоком церквей наших, жителей Востока, истоком первопрестольных городов и началом места просвещения».

Итак, как следует из текста, первая церковь была построена в Гиш, который традиционно идентифицируется с имеющейся ныне церковью в Киш Шекинского района Азербайджана. О распространении христианства в Албании ранее, чем в Армении есть много и других свидетельств, зафиксированных М.Каланкатуклу, в т.ч. и таких, что, по признанию армянского католикоса Авраама, албанский престол был создан ранее армянского, или о том, что армяне просветились спустя 270 лет после албан и др.

Что касается торжества христианства как государственной религии, то, по мнению специалистов, подтверждаемому первоисточниками, это общий период для трех стран – Албании, Грузии и Армении, и он связывается с именем Григория Просветителя. В Албании же в те годы был на престоле царь Урнайр, имеющий, как и Григорий, парфянское происхождение. Датируется это знаменательное событие примерно 314г. Теперь, после небольшой справки, уважаемые читатели, мы

вернемся к вопросу о первохристианстве на Кавказе и поставим вопрос: где, на какой территории находилась первая церковь Армении, где располагался ее патриарший престол и, наконец, где же была сама паства – принявшее христианство армянское население? Если следовать «Армянской книге канонов», первая армянская церковь была построена в селении Аштишат армянской области Тарон, на берегу реки Арацани – притока Евфрата. Другими словами, не на территории Южного Кавказа, а в Малой Азии! Запомним это.

Далее армяне утверждают, что престол армянской церкви в IV веке установился в Вагаршапате – столице Армении, где Григорием Просветителем был построен кафедральный собор, названный им Эчмиадзин. Как известно, их местонахождение армянские источники локализируют в районе Еревана. При этом в армянских источниках указывается, что Вагаршапат находился на правом берегу р. Аракс. Запомним и это. Как же происходил обряд крещения принявших христианство? Так, согласно армянскому историку Агафангелу (V в.) Григорий Просветитель для крещения армянского царя Трдата вышел со своей свитой из Вагаршапата, направился в Багуан и далее крестил армянского царя «в водах Евфрата». Мы предлагаем читателям мысленно проделать этот путь из Закавказья в Малую Азию. Вот здесь и начинается абсурд. Если рядом был Аракс, зачем же надо было крестить царя в Евфрате за тридевять земель, и сколько мог продлиться такой поход для крещения? Стало быть, Вагаршапат, скорее всего, находился недалеко от берегов Евфрата. Тогда почему же он абсурдно указывается в Закавказье? Ответ очевиден: для того, чтобы быть поближе к тогдашним албанским и нынешним азербайджанским землям, для того, чтобы, даже ценой абсурда, «обосновать» притязания на чужие земли и культуру народа – насельника этих земель. Мы не говорим уже о том, как престол, находящийся в одном географическом регионе (Южный Кавказ), управлял епархиями и обслуживал паству, находящуюся в другом – Малой Азии? Мы также указывали, что армянский церковный престол, выполнявший государственные функции в условиях отсутствия государственности, был перенесен в Эчмиадзин в первой по-

ловине XV века с далеко идущими целями — создать на азербайджанских землях территориальную основу именно для будущей государственности. Отсюда — и продолжающиеся до сегодняшнего дня попытки объявить Албанию «восточным краем Армении», албанский этнос — армянским, а все памятники албанской материальной и нематериальной культуры — армянскими. Следуя далеко идущему замыслу, албанские литературно-исторические памятники, будучи переписаны на грабар (древнеармянский), подвергались и продолжают подвергаться многочисленным «желаемым» искажениям. Именно эта участь и должна была постигнуть, в первую очередь, замечательную «Историю Албании» М.Калантуклу, исторический памятник, таивший в своем оригинальном тексте множество фактов, противоречащих армянской концепции и вскрывающих абсурдность созданных и создаваемых мифологем, внедряемых в общественное сознание. Стало быть, в первую очередь, нужно было вносить — необходимые изменения, дополнения, словом, «желаемые» искажения, в историю Албании. Именно поэтому развитие темы абсурда с первохристианством связано с подобной ревизией важнейшего литературно-исторического памятника — «Истории Албании» М.Каланкатуклу, на который мы ссылались. Неслучайно, что и первое упоминание об этом источнике связано с казусом. Об «Истории Албании» албанского историка М.Калакатуклу (Каланкайтукского) первое упоминание засвидетельствовано в связи — с прибытием в 958 году армянского католикоса Анании (943-962 гг.) в Хачын (территория Карабаха) по приглашению албанского католикоса Гагика (948-962 гг). Это была эпоха «Албанского ренессанса» — возрождения и укрепления албанской государственности — после ее низложения в связи с завоеваниями арабского халифата. О том, как проходила эта встреча, информирует армянский источник (Х.Датеан — Арарат, 1896г.), и все нижеследующее построено на этой информации. Албанский католикос Гагик заявил армянскому католикосу Ананию, что «как и было во все времена и как отражено в «Истории Албании», он рукоположен от имени святого Григория». Другими словами, албанский католикосат ни в коей мере не связан с армянским, является независи-

мым и апостольским. Однако армянский католикос Анания для установления обоснованности утверждения албанского католикоса не пожелал обратиться к «Истории Албании», как к свидетельству сказанного, усомнился в истинности изложенного албанским историком М.Каланкатуклу, заявив, что в «Албании есть всего лишь главное епископство, в то время как в Армении католикосат».

Далее армянский источник сообщает, что Анания, заполучив рукопись «Истории Албании», потребовал уничтожить следы, связанные с принятием Албанией христианства ранее Армении. Он потребовал, чтобы «была найдена информация в рукописях, устроившая нас (армян), информация, которую мы (армяне) желали бы видеть».

И, конечно, как понимают уважаемые читатели, такая информация была «найдена», а точнее, специально вписана, искажая оригинальный текст. Она выглядела следующим образом: «...спустя 226 лет со времени апостолов-проповедников Бартоломея (Варфоломея) и Фаддея, на 17-й год правления армянского царя Трдата и в годы правления албанского царя Урнайра просветитель Армении, святой Григорий из рода Суреан Пехлев Аршакуни был рукоположен со стороны этих апостолов-проповедников. В то самое время, когда армянский и албанский цари Трдат и Урнайр пребывали в идолопоклонничестве». А вот другой источник Степаннос Орбелиан, подтверждая приведенное, указывает, что по совету и настоянию Анания в «Историю Албании» были крайне аккуратно внесены дополнения, согласно которым первый епископ Албании по просьбе ее царя Урнайра был рукоположен в сан армянским просветителем Григорием и на албанский престол его конфессиональный глава на протяжении 440 лет рукополагался со стороны армян, поскольку в Армении был католикосат, в то время как в Албании архиепископат и так продолжалось на протяжении периода 26 армянских католикосов, вплоть до католикоса Авраама». Как понимает читатель, смысл вносимого «дополнения» заключался в том, чтобы подчеркнуть подчиненное армянскому церковному престолу положение албанской церкви, указания на то, что именно армянский глава церк-

ви «назначает» албанского, что является прямым следствием армянского первохристианства.

Фальсификаторство и подлоги продолжались и в последующем, и, естественно, более всего страдала самая древняя рукопись «Истории Албании», датируемая специалистами от 1289 года и хранящаяся в Армении, в Матенадаране. Кроме того, в различные варианты рукописей вносились правки с целью их согласования таким образом, чтобы «обосновать» первохристианство армян на Кавказе. Так армянский католикос Акоп Шамахеци (1759-1763 гг.) по примеру своего предшественника Анании истребовал рукопись 1289 года, потребовал от Лункианоса внести в нее подчистки и изготовить новую копию, исключающую «нежелательный текст», и эта, так сказать, «конфессиональная редакция», преследующая цель «подчинить по историческому источнику» албанский католикосат армянскому, была осуществлена. Вот свидетельство относительно этого подлога армянского специалиста Л.Дадяна: «Первоначальные записи соскоблены и искажены. Следы первоначальной записи явно видны», причем, по мнению Л.Дадяна, Лункианос этим занимался и ранее. То же самое было сделано и в бытность католикосом преемника Шамахеци Симеона Ереванци (1763-1780 гг.). Тем самым тогда еще существовавший и независимый албанский католикосат и его клирики лишались бы возможности ссылаться на «Историю Албании». А вот приписку, сделанную, по мнению специалистов, на рукописи самим католикосом С.Ереванци, мы дадим без комментариев: «Столько, сколько мы соскребли ногтем, — это ложь и добавлено тщеславными людьми после и в свою пользу. Думается, что это совершили после католикоса Анании албанские чернецы (монахи)». Не случайно, согласно свидетельству армянского историка Т.И.Тер-Григоряна, «История Албании» М.Калакатуклу попала к нам не в своем первозданном виде, и переписчики рукописей по указанию армянского духовенства умышленно вносили в текст соответствующие поправки, искажая его. Приводим цитату, в которой Тер-Григорян апеллирует к приписке, сделанной на полях рукописи католикосом Симоном. Вот что приписал католикос: «Только в «Истории Албании», хотя и не

во всех копиях, утверждается, что будто бы после Елисея (74г.) до святого Григория (340г.) престол албанского католикоса занимали другие католикосы. Но все это ложь». Словом, еще за 200 лет до принятия христианства Арменией у Албании уже были свои христианский патриарший престол и католикосат.

Не комментируя изложенное, мы только попросим читателей вернуться к меткому замечанию Ж. де Малевиля, приведенному во вступительной статье.

Такова вкратце суть армянских абсурдных утверждений о первохристианстве на Кавказе, который, невзирая на все «зачистки», остался тем, чем он являлся изначально — «нелепостью, отметающей исторические факты, изыскивающей способы подложных свидетельств, переписыванием собственной истории и искажением истории соседних народов».

Изложение приводимого абсурда хотелось бы завершить знаковым армянским свидетельством (Н.С.Вартапетов «Христианские памятники Закавказья»): «[Армянская церковь], вооружившись христианским флагом, во все времена уничтожала народы исторической Албании и ее неотъемлемой части Карабаха (Арцаха) и, «умело подстраиваясь к исторической ситуации, оказывала услуги Сефевидам, затем — Российской империи, точно так же, как в свое время служила Византии, иранским Сасанидам, арабским халифам и монголам»

§3. Абсурд с албанским алфавитом и армянским прототипом письменности

Мы подчеркивали ранее, что абсурд как нелепость не является бессмысленным набором слов, а, напротив, он имеет априорно заданный смысл, поскольку служит воплощению некоторой цели и преследует конкретные намерения. Приводимые ниже примеры абсурда — именно из числа тех, в которых армянские притязания на наши земли тесно переплетены с присвоением и «арменизацией» нашего исторического и культурного наследия.

Продолжим, уважаемые читатели, «Ab absurdo...» «...Ad absurdum» или «От абсурда...» «...К абсурду» информацией о двух абсурдах, тематически являющихся связанными. Хотели бы еще раз напомнить вам, что латинское изречение «Reductio ad absurdum», означая приведение к абсурду, со времен Рима считалось определенным приемом опровержения. Для этого условно допускается, что абсурдное утверждение верно и из него выводятся следствия, противоречащие действительности. Тем самым и делается заключение о том, что допущение не является верным, поскольку традиционная логика справедливо полагает, что из верных утверждений должны следовать именно верные. И если одна мысль предполагает отрицание другой, то обе они не могут быть вместе истинными. Хотелось бы также напомнить, что этим — одним из фундаментальных принципов логики — «законом противоречия» и пользуются математики при доказательствах «методом от противного».

Вместе с тем, на практике очень часто приводимое латинское крылатое выражение употребляется и в смысле доведения до нелепости ошибочной в своей основе мысли посредством такого ее развития, которое делает очевидным допущенную в утверждении ошибку. .

Итак, абсурд с албанским алфавитом

В соответствии с мнением, утвердившимся в армянской историографии и литературоведении, армяне считают, что ал-

банский алфавит возник в V веке н.э. и доказывают, что его придумал Месроп Маштоц. Более того, указывается, что у албанцев до этого не было письменности. В лучшем случае, следуя средневековому армянскому автору Корюну, принимают, что Месроп Маштоц «возобновил алфавит, содействовал возрождению научных знаний».

Другими словами, либо у албанцев не было собственного албанского письма, либо албанцы находились в интеллектуальном кризисе, в силу чего пришлось возобновить их алфавит и способствовать приумножению их знаний. Кстати, армянами попутно утверждается, что грузинская письменность тоже «творение» М.Маштоца.

Примем, уважаемые читатели, это утверждение условно на веру, и посмотрим, какие из него следуют выводы.

Начнем с того, что, до того как М.Маштоц собрался в Албанию, согласно мнению армянского историка Корюна, к нему «*случайно пришел некий священник родом из Албании по имени Бенжамин. И он (Маштоц), разузнав и обследовав чужеземный говор* (курсив наш) албанского языка, составил затем письмена...». Итак, М.Маштоц не знал албанского языка.

Не зная языка, он «отправился в Албанию... Прибыв в царскую резиденцию, он увиделся со святым епископом Албании, которого звали Иеремием, и с их царем, имя которого было Арсваг, и со всеми азатами...» Корюну вторит М.Хоренский: «Арсваген и Иеремия призвали к себе переводчика Бенжамина».

Итак, М.Маштоц не только не знал албанского, но и объяснялся с албанцами через переводчика.

А вот албанский историк М.Каланкатуклу пишет, что М.Маштоц совместно с албанцами создавал письмена на основе гаргарейского языка. Другими словами, создание албанского алфавита было, по крайней мере, результатом совместного труда. Однако дело не только в этом. Оказывается, у албанцев был свой алфавит. В частности, М.Каланкатуклу, опираясь на римского автора Ипполита, сообщает, что албанцы упоминаются в перечне народов, имеющих язык и письменность. Не случайно, что в хранящихся рукописях Матенадарана отмечаются переводы с албанского языка. Парадоксально, но факт, что рукописи на албанском

переводились на древнеармянский и они «обнаруживались» армянами в Матенадаране. Наличие албанского алфавита подтверждает и известный историк и албанист К.Тревер. «...Албанцы в начале V века имели свой старый алфавит. ..» и она же приводит два сообщения античных авторов о письмах албанских правителей римлянам в I веке н.э. и в III веке н.э.

К.Тревер и известные грузинские албанисты – И.Абуладзе и А.Шанидзе – считали, что у албанцев в V веке была своя письменность и в качестве доказательства ссылаются на армянскую «Книгу писем», официально отредактированную в VIII веке. Так в этом армянском источнике, во втором письме армян, которое они направляют в Персию православным единоверцам после Двинского собора 506 года, говорится: «*Мы писали вам раньше в согласии с грузинами и албанцами письмом каждой страны*» (курсив наш)

А теперь мы приведем непосредственно армянские свидетельства об албанском алфавите и письменности. Армянский историк VIII века Гевонд в своем труде, перечисляя языки, на которых существуют переводы Библии, двенадцатым упоминает язык албанцев. А вот А.Периханян в работе «К вопросу о происхождении армянской письменности» предельно ясно засвидетельствовала, что «создание новой письменности, обслуживающей тот или иной язык, нельзя свести к «буквотворчеству» – это большой и сложный процесс, включающий, прежде всего, выделение фонем данного языка и предполагающий тонкое знание, как фонетики, так и строя языка. Маштоц же не знал ни грузинского, ни албанского языков, и сообщению Корюна о том, что он, Маштоц, там, на месте, собрал сведения о звуковом составе этих языков, не следует придавать большого значения...». Открытия же, сделанные грузинским ученым З.Алексидзе на Синае, в монастыре Святой Екатерины, позволили ему прийти к заключению, что албанцы располагали развитой литературой еще в IV веке, т.е. до М.Маштоца, и которая была написана на албанском языке албанской письменностью.

По мнению известного ученого албанцы, переведя на албанский язык Библию, первыми составили лекционарий уже во второй половине IV века, а армяне перевели ее с греческого только в

V веке. А вот известный французский ученый Ж.П.Мане в 1997 году в своей статье «Открытие одного албанского текста: найденный древний кавказский язык» указывает, что среди найденных в 1996 году З.Алексидзе 140 грузинских рукописей имеются 2 албанские, на которых построчно с грузинским текстом имеет место и албанский текст. Несмотря на трудности прочтения (в монастыре святой Екатерины был пожар), ученому удалось идентифицировать 56 символов-букв в отличие от 52 албанских букв текстов, хранящихся в Матенадаране (датируется XV веком). Более того, по мнению ученого, армянские переписчики матенадаранских рукописей осуществили это, не зная ни албанского алфавита, ни фонетического его звучания, зачастую путая и меняя албанские буквы, по незнанию или по умыслу, с армянскими. Другой французский ученый, Б.Утье, в конце XX века обнаруживает в Иерусалиме рукопись, заголовок которой указывает, что она первоначально была на албанском, а затем переведена на армянский.

И последнее. Согласно открытию известного африканиста Д. Ольдерогге стало известно, что армянский алфавит – практическая копия эфиопского (амхарского), бывшего в употреблении еще до Месропа Маштоца и продолжающего оставаться до сегодняшнего дня письменностью государственного языка Эфиопии. Как следует из этого, М.Маштоц не создавал не только албанского и грузинского алфавита, но и возникают серьезные сомнения в создании им собственного, армянского, алфавита, поскольку последний оказывается плагиатом.

А теперь, уважаемые читатели, вернемся к нашему допущению о том, что М.Маштоц «создал» албанский алфавит. Оказывается, что следствия, вытекающие из этого предположения, противоречат историческим фактам и современным результатам. Как мы указывали в начале, это и есть «Reductio ad absurdum», что и позволяет вам сделать соответствующий вывод, уважаемые читатели...

Другим, не менее важным принципом, имеющим также силу закона в логике, является «принцип достаточного основания». Напомним, что, согласно этому принципу, мысль может быть признана истинной, если только она достаточно обоснована и не является голословной. Словом, если она опирается на

какую-то проверенную и признанную истину, включая практику, факты, научные законы и т.п., а не на веру, выдачу желаемого за действительное или «типичную» фальсификацию. Важность этого методологического принципа остроумно была подчеркнута и приписана крупному ученому Бертрану Расселу. Приводимая ниже цитата взята из произведения Р.Смаллиана («Как же называется эта книга», М., 1981). «Один философ испытал сильнейшее потрясение, узнав от Б.Рассела, что из ложного утверждения следует любое утверждение. Он спросил: «Вы всерьез считаете, что из утверждения «два плюс два есть пять», следует, что вы Папа римский?» Рассел ответил утвердительно. «И вы можете доказать это?» продолжал сомневаться философ. «Конечно», последовал утвердительный ответ, и Рассел тотчас же предложил такое доказательство:

1) предположим, что 2+2=5;
2) вычтем из обеих частей по 2: 2=3;
3) переставим правую и левую части: 3=2;
4) вычтем из обеих частей по 1: 2=1.

Папа римский и я нас двое. Так как 2=1, то Папа римский и я – одно лицо. Следовательно, я Папа римский». Завершая этот курьезный пример, остается добавить, что не случайно римский поэт Марк Манилий лаконично сформулировал: «Конец зависит от начала». Приводимый ниже абсурд имеет прямое отношение к сказанному.

Итак, абсурд с прототипом письменности и урартийским наследованием.

Во второй половине XX века армяне объявили всему миру, что, прочитав урартийскую клинопись, датируемую XVIII в. до н.э., которая имелась на надгробии и была найдена в азербайджанском селе Зейва Зангезура (переименованого армянами в Мецамор), они пришли к заключению, что являются прямыми наследниками могучего в древности государства Урарту. Словом, было велико желание объявить урартийцев своими предками, и тем самым «обосновать» притязания на многие территории, завоеванные в свое время этим государством. Но это еще не все. Утверждалось, что поскольку клинопись была расшифрована и прочитана посредством армянского языка, то и

сама запись была древнеармянской, то бишь урартийской и, более того, в силу всего доказано, что в древности древнеармянский алфавит являлся протоалфавитом мира и все последующие построены на его основе.

Итак, утверждалось ни много, ни мало об армянских истоках мировой письменности. Поскольку научная общественность, ведущие специалисты не особенно доверяли обоснованности этого заявления, они потребовали ознакомления с объектом и методикой расшифровки, словом, дополнительных свидетельств. Абсурдность армянских претензий стала очевидна, после того как выяснилось, что речь идет об арабской надписи на надгробии XIX века, которая была «прочитана» не справа налево, как это требуется, а, наоборот, слева направо. Волна негодования по поводу абсурдной сенсации у специалистов не имела границ, и академик Пиотровский в армянском же издании саркастически разоблачил армянский абсурд. И здесь было бы уместно напомнить и о приватизированной армянами нашей пословице (армянская редакция) «Кехня малын пиймети олмаз» и о пока не присвоенной армянами нашей пословице «Говори не о том, что прочел, а о том, что понял...»

§4. Абсурд с присвоением литературного наследия Албании

Уважаемые читатели! Мы продолжаем знакомить вас с абсурдами, которые призваны «обосновать» преследуемые армянством цели притязаний на наши земли и которые обрамлены и тесно сплетены с перманентными намерениями «освоения, присвоения и арменизацией» азербайджанского исторического и культурного наследия.

«Абсурд», как термин, латинского корня, являющийся по смыслу нелепостью, вздором имеет и много других синонимов в русском языке и, если следовать «Словарю синонимов русского языка» З.Е.Александровой от 1968 года, то выходит, что «несуразица» и «несообразность» и даже «бредни» и многое другое несет аналогичное содержание.

Вместе с тем, как мы подчеркиваем в каждом излагаемом абсурде, «абсурд» не есть «бессмыслица», не есть «семантический сумбур из слов», словом это не тарабарщина. Приводимые в качестве примеров абсурды армянские утверждения, абсурдны по той причине, что покоятся на фальсификациях и подделках, плагиате, подлоге и обманах и зачастую не укладываются в рамки логики и здравого смысла. Мы отмечали в предшествующем параграфе, что «Reductio ad absurdum» «сведение к абсурду» является имеющим многовековую традицию методом косвенного доказательства, сводящимся к логическому противоречию, когда тезис и антитезис несовместимы единовременно в рассуждении. Другой, наряду с законом противоречия и не менее важной основой аргументации, служит «закон исключенного третьего», согласно которому тезис и антитезис не только не могут быть единовременно истинными, но и единовременно ложными. Напомним, уважаемые читатели, что в этом случае для обоснования утверждения выдвигаются все известные ему альтернативы, приводятся аргументы, свидетельствующие о ложности последних и делается вывод о верности исходного утверждения. После этого краткого отступления продолжим «Ab absurdo...» «...Ad absurdum».

Итак, абсурд с присвоением литературного наследия Албании

Вот, что написано в «Армянской средневековой литературе», являющейся изданием Института литературы АН Армении им. М.Абегяна: «Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что армянская литература V века относится к числу и по сегодняшний день нераскрытых загадок мировой литературы...». И, конечно, в подобные высказывания тесно вплетаются соображения о том, что «армянская литература — одна из древнейших литератур мира», литература колыбели человеческой цивилизации, имеющая даже не включая языческий период, 1600-летнюю историю своего непрерывного развития, истоки которой на заре V века. Тем более, что создавалась эта литература в армянских письменах от М.Маштоца о «совершенстве (которой) не раз с восторгом говорили выдающиеся лингвисты» и считали его «самым совершенным фонетическим письмом своего времени» (об этом шел разговор в предыдущем параграфе). Словом, у армянской литературы особая «международная ценность» и «яркое место в целостной панораме мировой литературы»...

Вместе с тем, литература V века Армении, согласно армянским же источникам является, как правило, исторической прозой, историографией или, как определял ее М.Абегян «литературой церковно-политической борьбы». Если, исключить из армянских литературных образцов того времени заимствованные М.Хоренским предания о чем, мы вас знакомили, то труды Агатангехоса, Бузанда Павстоса, самого Х.Хоренского, Корюна, Егише, Парбеци и т.д — суть исторические хроники. Та же самая картина характерна и для средневековой литературы VI-IX вв: М.Каланкатуклу с «Историей Албании» — албанского произведения, присвоенного армянами (об этом шел разговор в предшествующем параграфе) и не имеющем к ним никакого отношения, но упорно представляемого как творение армянского автора, Себеос, Гевонд и др. — все это — исторические хроники. И здесь в историографическом ряду появляется поэзия «Давтала Кертога» — прекрасная поэма армянского поэта VII века». В «Армянской средневековой литературе»

(1984г.) же М.Каланкатуклу представлен как «видный армянский историк», Давтак представляется как «первый из поэтов армянской поэзии христианского периода».

Но М.Каланкатуклу и Давтак, как показывают источники, албанцы по происхождению и, стало быть, украдены и армянизированы не только прозаические албанские произведения, но и поэтические, а именно и поэзия замечательного албанского поэта Давтака, элегия которого на смерть великого албанского князя Джеваншира из рода Михранидов дошла до нашего времени благодаря «Истории Албании» М.Каланкатуклу. Элегия была написана им на албанском и, естественно, переведена на армянский вместе с самой «Историей Албании» М.Каланкатуклу. Армянство причисляет Давтака к представителям армянской нации, мотивируя это тем, что произведение дошло до нас на древнеармянском языке (грабаре). И они перевели элегию, являющуюся акростихом на ряд языков мира и усиленно представляют Давтака «как первого армянского светского поэта христианского периода». Оставим в стороне неуемное желание иметь в ряду историографии армянской раннесредневековой литературы и поэзию, что, кстати, подтверждается и свидетельством М.Абегяна. Вот что он пишет: «...(это) единственная древняя стихотворная поэма этого рода, сохранившаяся до наших дней» (М.Абегян, «История древнеармянской литературы», Ер., Изд. АН Арм., 1975).

Сосредоточимся на Давтаке и примем, согласно изложенному выше логическому методу, условно то, что Давтак был армянским поэтом. Отсюда следует, что поэт - «армянин» создал свою «элегию» на смерть чужеземного правителя, чуждого ему этнически. Оставил ли он какие-либо другие произведения? А точнее, что создано им для «родного армянского этноса»? Оказывается, что ничего более нет, ничего не сохранено на его «родном армянском», в то время как армянская историография сумела сохранить и куда менее значительные произведения малоизвестных армянских авторов. Выходит, что у «армянского» Давтака кроме известного нам знаменитого «Плача», да и то, обращенного к горестной проблеме другого (албанского) этноса ничего другого в литературном наследии не

имеется. Как следствие, возникают сомнения в условно принятой армянской версии. «Обоснованием» армянского происхождения Давтака армяне считают и то, что элегия «Плач» написана как акростих, причем, по числу 36 букв армянского алфавита. Более того, по их мнению, это подтверждает не только армянское этническое происхождение Давтака и первичность стихов на армянском, но и то, что сам источник, передавший его поэзию «История Албании» М.Каланкатуклу были написаны изначально на армянском и, стало быть, также является вместе со своим автором армянским. Примем условно армянскую версию на веру и посмотрим, что из этого следует. Как известно, существуют различные редакции «Истории Албании» М.Каланкатуклу с элегией Давтака и, как было показано в прошлом параграфе, все это результат последовательно вносимых искажений, подделок, подчисток и подобных фальсификаций со стороны армян в копии рукописей албанского произведения. Так вот среди них есть такие, которые в меньшей степени подверглись искажениям, ближе к оригиналу и именуются условно «албанской редакцией». Те же, над которыми в большей степени «поработали» культурно-исторические очковтиратели, условно считаются «армянской редакцией». Оказывается, что 36 четверостиший элегии, написанной акростихом (по числу букв армянского алфавита) имеется только в «армянской редакции» «Истории Албании». В «албанской же редакции» только 19 четверостиший. В «армянской редакции», начиная с 20-го четверостишия нарушены размерность (двустишие, трехстишие и т.п.), нарушена системность стихов за счет правок и подгонок. Возникает вопрос, если «Плач» изначально написан на армянском армянским автором, то зачем была нужна подобная подделка? Отсюда и сомнения в армянской версии, поскольку нет надобности «арменизировать» армянское.

А может быть речь идет о 19 четверостишиях, отражающих 19 букв, состоящего из 52 (сейчас полагается 56) букв албанского алфавита, утерянного не без помощи армян?!.

А теперь обратимся к самому тексту элегии Давтака, приводя именно те строки, которые свидетельствуют о личном, гражданском восприятии смерти Джеваншира поэтом Давтаком.

«Ты, божественный дух божественного слова сочинил песню – плач о владетеле нашем.

Чтобы скорбным голосом беспрестанно оплакивать тяжелую утрату нашу

Великое сокрушение, постигшее восточную страну нашу,

Превратилось в горе спокойствие наше

Полчища хлынули на нас...

Царь греческий и владетели юга

Желали видеть правителя нашего.

Ушел наш венец, исчез наш трон....»

Или же: «День праздника господня креста,

Обратили в плач нам

Бог предал гибели страну нашу» (курсив наш).

Полагаем, что глубокая печаль, которой преисполнены приводимые строки не оставляют сомнений в переживаниях автора-гражданина, горюющего в связи с утратой великого правителя его страны. Так переживают соотечественники по поводу постигшей их утраты, а не чужеродцы, прибывшие специально для написания элегии.

И, наконец, именно у азербайджанцев широко используется «мярсия-элегия», в которой поминается Джеваншир, именно у нас, а не у армян – привилась панихидная версия поэзии Давтака!

Зато в «Армянской средневековой литературе», на которую мы ссылались, накладывается табу на попытку объективного представления происхождения, М.Каланкатуклу и Давтака даже в «Истории всемирной литературы» (М., 1984) – достаточно авторитетном академическом издании. Вот что пишут армянские авторы: «Давтак, Кертог, как Моисей Каганкатваци во 2-ом томе «Истории всемирной литературы» по ошибке представлены также, как и представители албанской литературы с искаженными параллельными именами».

Логика здесь, как обычно, вывернутая, с точностью до наоборот, о чем, уважаемые читатели, вы уже догадались.

Вернемся к «Армянской средневековой литературе» и посмотрим, какие средневековые авторы и их произведения являются замечательными с точки зрения армянских авторов этого изда-

ния в X-XII веках. И здесь, как пишут авторы издания: «Были созданы многочисленные философско-догматические, грамматические, календароведческие, медицинские и иные труды». «В этот период возникли и предназначенные для церковно-обрядового применения сборники «Четьи-линеи» (Синаксарий), «Лекционарий», «Толкование праздников», «Месяцеслов», «Житие святых отцов»...». «Время это породило таких корифеев, как Григор Нарекаци, Григор Магистрос, Ованес, Имастатер, Мхитар Гош...».

Мы так упорно приводим последнюю цитату по двум причинам: во-первых, чтобы подчеркнуть сущность и содержание армянской литературы этого этапа в соответствии с мнением самих армянских специалистов, и, во-вторых, чтобы «дойти» в перечне корифеев, как указывается, до Мухтара Гоша, являвшегося коренным албанцем и «среди многочисленных произведений которого наибольшую ценность представляет его «Судебник» и «Сборник притч», поскольку именно эти произведения и являются «новинкой» по содержанию и форме в армянской литературе указанного периода. Наверное, поэтому армяне с гордостью пишут, что «Судебник» был призван упорядочить юридические отношения достигшей значительных военно-политических успехов Армении», а Гош в «Сборнике притч» «впервые в армянской литературе не только подверг литературной обработке народные басни и притчи, но и по их подобию создал новые». Итак, речь идет ни много, ни мало о первом на Востоке письменном изложении гражданских или цивилистических правовых норм «с гуманистическим содержанием (имевшем) прогрессивное значение для своего времени» и также о том, что в «Сборнике притч», «басни и притчи Гоша имеют огромное познавательное и художественное значение». А теперь приглядимся, уважаемые читатели, как же присваивались эти замечательные творения албанского происхождения. Оказывается, очень просто. В «Судебнике» М.Гоша система абсурдных доказательств армянского происхождения произведения строится едва ли не тривиальным образом. В армянских изданиях из него извлечены комментарии албанских законов, взамен добавлены не имеющие никакого отношения к содержанию «Судебника» законы Восточно-Римской империи,

нормы от Моисея и, конечно, армянские народные обычаи. Сам арменизированный «Судебник» называется в этих изданиях не иначе, как «Армянский судебник». Что касается не менее знаменитого «Сборника притч» М.Гоша, опиравшегося на фольклорные образцы, то их постигает та же судьба: они превращаются в армянские притчи и басни, то есть выражения авторизованного М.Гошем фольклора, к которому армяне не имеют никакого отношения, переделываются в армянские.

Примерно то же самое постигло и «Историю» другого албанца Киракоса Гянджинского, творение которого было «подправлено» и оно стала именоваться «Армянская история», в связи, с чем в текст этого произведения вносились армянские «правки». Столь же бесчисленные правки и всевозможные искажения вносились и в другое его творение «Житие мученичество Хосрова Гянджинского».

Обращаем внимание уважаемых читателей, что мало того, что «отлучаются» от своих албанских корней уникальные произведения средневековья, оригинальность которых дополняет пустующие лагуны в армянской литературе, но и речь идет о знаменитых гянджинцах. Ведь родина великого Низами, именитых Мехсети, Фелеки взрастила и М.Гоша, не только историка, этого «знаменитого и великого мудреца», но и замечательного патриота, на средства которого был построен монастырь Гошаванк и др. и Г.Гянджинского, гордо именовавшего Гянджу «великим и замечательным городом».

Несколько слов о другой книге, связанной с излагаемым абсурдом. Речь пойдет об А.Ш.Мнацаканяне и его книге «О литературе Кавказской Албании» (Ереван, 1969). Невзирая на название, главная цель книги реанимация мифа о «Великой Армении». Именно в этой книге (а на нее, как на достоверный источник, ссылаются и авторы пресловутой книги «Нагорный Карабах. Историческая справка», Ер., 1988), и приведены фальшивые утверждения о том, как «Великая Армения» разделывала чужие земли. Именно здесь мы найдем желаемое, выдаваемое за действительное, а именно, информацию о 15 нахангах, гаварах и областях несуществующей «Великой Армении», о том, что 4 области из 15, входивших в Албанию, являлись исконно армянскими и многое

другое. Словом, литература Кавказской Албании и есть литература тогдашней некавказской Армении. Единственный используемый метод достижения цели автора заключается в подтасовках, извращениях или прямой фальсификации. По этой причине данная книга не только и не столько посвящена литературе Кавказской Албании, а скорее целенаправленному искажению истории Армении, и тем самым и фальсификации истории Албании.

А теперь, уважаемые читатели, возвращаясь к «Reductio ad absurdum», и принимая, что все вышеупомянутые деятели Албании являются все же албанцами, то есть представителями албанского этноса, мы предлагаем вам рассмотреть небольшой практикум по анализу нижеследующих альтернатив, установлению их ложности и последующего исключения:

либо авторы, о которых шла речь, являются армянами по происхождению, а Албания была всего лишь «восточной окраиной Армении» (то есть албанской государственности не существовало).

либо авторы, о которых шла речь, являлись армянскими авторами, посвятившими свое творчество чужому этносу и чужой стране;

либо авторы, о которых шла речь, являлись албанскими авторами, представителями албанского этноса и писавшими свои творения исключительно на армянском языке.

С уверенностью в том, что вы исключите ложные альтернативы мы, в заключение, уважаемые читатели, хотели бы подчеркнуть, что наряду с литературным наследием Албании подвергаются присвоению и другие образцы ее нематериального культурного наследия. Имеются в виду ее культовые сооружения с неповторимой архитектурой, ее мемориальные сооружения, стелы-менгиры с уникальным декором, хачдаши с изобразительной символикой и многое другое. И вся эта интеллектуальная собственность тесно связана с ее материальными носителями материальным культурным наследием.

Завершим же параграф несколько переиначенными афоризмами Ришелье и Сенеки: «[Абсурд] творит умысел, а не случайность» и «Одни [абсурды] прокладывают дорогу другим». Так что, «Ab absurdo..» «...Ad absurdum».

§5. Абсурд с присвоением материального культурного наследия Албании

Уважаемые читатели! Мы продолжаем тематическую подборку об абсурдах армянства, продиктованных притязаниями на наши земли и стремлением присвоить культурно-историческое наследие Азербайджана. Следуя сложившейся традиции, мы и на этот раз напоминаем, что абсурд не является словесной бессмыслицей. Этот термин, выражая по своему значению нелепость, тем не менее, имеет вполне определенный преследуемый смысл. Сущность армянских абсурдных, если можно так выразиться, утверждений, а точнее баек, в том, что все на Кавказе (и не только), а тем более в Азербайджане, является так или иначе армянскими. И земли, и нематериальная, духовная культура и материальное культурное наследие. Абсурды как раз и служат историческими, географическими, материальными, псевдоинтеллектуальными «подпорками» подобных «объяснений». И не важно, что строятся они на подлоге и подделке, фальсификации и лицемерии, плагиате и даже на краже. Важно, чтобы они увидели свет, были донесены до неискушенных, отражены на материальных носителях, вводили бы в заблуждение многих и многих. Важно, чтобы ложь и домысел, отстроенные на абсурдах мифотворчества, легитимизировались, а еще желаннее, чтобы превратились заложенные в них измышления в досужие стереотипы показного образа армянства. Поскольку речь идет о древнейшем народе, древнейших языке и письменности, колыбели цивилизации, этносе, восходящему к Ною, ковчег которого пристал то ли к Агрыдаг, то ли к Гамигая и величие этих тюркских горных вершин и позволили открыть мифическую «Великую Армению», «Армению от моря и до моря». Способы же достижения армянством абсурдных баек столь же неограничены, как и диапазон лицемерия: от скромного рубища обманутой и всеми покинутой жертвы до парадной драпировки «творцов мировой цивилизации». Абсурды далеко не безобидны, армянские же абсурды не только лживы по своей сути, но и обычно направлены на ущемление чести и достоинства других, посягательства на их интеллект и культуру и попирание

государственности. Словом, абсурды армянства всегда рождались в прямом и переносном смыслах слова «за счет других»

Мадам Киркпатрик в ее бытность послом США в ООН, так высказалась по поводу кампании против сионизма: «Мы позволили лжи распространяться, не опровергнув ее. Она затем переросла в политику — и эта политика, которая также не была осуждена, переросла в смерти... Иногда судьба целых народов зависит от слов...».

Эта мысль как нельзя актуальна и сегодня в связи с кампанией лжи армянства в отношении исторического прошлого и настоящего Азербайджана. Мы продолжаем, уважаемые читатели, цикл «Ab absurdo...» «...Ad absurdum», опираясь на знакомый вам логический прием «Reductio ad absurdum».

Итак, абсурд с присвоением материального культурного наследия Албании

Армяне объявляют своим собственным все материальное и нематериальное культурное наследие христианской Албании. Сюда включаются церкви, монастыри, святыни, хачдаши, стелы, писания и все то, что является продуктом албанского интеллекта. Словом, все, что создавалось албанским этносом. О том, как «обосновываются» притязания на литературное наследие Албании, мы писали в прошлом параграфе. А сегодня мы поведем разговор о претензиях армянства на материальное культурное наследие Албании.

Абсурдные «обоснования», приводимые в связи с этим армянством, носят, так сказать «локальный» и «глобальный» характер. Если суть абсурдов первого типа сводится к самим объектам — памятникам материальной культуры, то сущность абсурдов второго рода исключительно субъектна и нацелена на неприятие бытия албанского этноса и, стало быть, отрицания его материально-созидательного творчества. Начиная с таких «локальных» абсурдов, сосредоточимся только на нескольких из подобных армянских «обоснований». Вот один из образцов подобных абсурдов.

Так, М.Асратян, как архитектор и специалист, вынужденный учитывать специфические, самобытные черты христиан-

ских памятников Албании, изучает их типы: конструктивные элементы и детали. Применяя в качестве окончательного заключения метод аналогии, он осуществляет их сравнение с отдельными признаками и свойствами, характеризующими аналогичные сооружения Армении. И делает вывод...об армянском происхождении албанских памятников. И здесь полностью игнорируются логические принципы заключения путем аналогии по отношению к системе объектов, таких как архитектурные памятники Албании. Рассматривая подобное целое, логика и системный анализ требуют не только аналогии свойств, но и аналогии отношений, то есть учета связей между отдельными свойствами и сторонами сравниваемых объектов. Другими словами, наличие каких-то общих признаков между памятниками Албании и Армении далеко не достаточно для вывода по принципу аналогии. Решающим является то, чтобы общие признаки, а они объективно существуют между архитектурными объектами, были бы типичными и тесно связанными с их специфическими признаками. В противном случае рождается и абсурдность аналогии, такая же, как абсурдность утверждения Асратяна об армянском происхождении албанских памятников. Эта абсурдность примерно того же рода, что из утверждений сходства состава Земли и Марса (обе планеты состоят из атомов и молекул) следует по аналогии заключение, что и на Марсе есть жизнь.

А вот еще более «оригинальное обоснование», принадлежащее Ш Мкртчяну. Мы, уважаемые читатели, коснулись «аргументации» этого музейного работника, когда шла речь об абсурде с азыхантропом и «изобретении Мкртчяном» азохантропа». Вообще следует подчеркнуть «широкий» диапазон познаний этого бывшего директора музея из Нагорного Карабаха. Сей автор в своей книге «Историко-архитектурные памятники Нагорного Карабаха» договорился до того, что в Нагорном Карабахе нет ни одного азербайджанского архитектурного памятника, а армянских — ни много, ни мало, а 1700. Даже знаменитый Гандзасарский комплекс, как и другие албанские памятники, он присовокупляет к армянским. Об этой фальсификации несколько ниже, а сейчас несколько слов о самом этом опусе. Он издавался дважды в 1980-1985 гг., сначала на армянском, а

затем и на русском языках. Когда же на это «творение» появился спрос после событий 1988 года, то оно превратилось в армянский национальный бестселлер, будучи опубликовано в 1989 году тиражом в 35 тысяч экземпляров. И конечно, причина потребности в подобном массовом издании кроилась в ее фальсификаторском и провокационном характере. Издание было призвано убедить всех и вся в армянской принадлежности земель Нагорного Карабаха. А теперь о том, чем руководствовался сей автор для объявления албанских памятников армянскими. В рамках логики Мкртчяна оказывается, что в прочитанном эпиграфе памятника, в котором общехристианские имена, последний может быть только армянским. Не считаясь с тем, что эпиграфика памятников на армянском языке «создана» позже, а проще фальсифицирована, этого оказывается достаточным, чтобы объявить албанские памятники армянскими. Автору невдомек, о чем содержание сохранившихся надписей на алтарях, притворах, на внутренних и внешних стенах и почему они отражают албанские события, духовную жизнь албанцев. Сей автор не задумывается, что если, даже условно допустить, что на древнеармянском языке грабаре на памятниках были нанесены письмена самими албанцами, то следует разъяснить: откуда знание ими армянского, откуда двуязычие в Албании. К примеру, если знание арабского и персидского языков и их употребление наряду с арранским (албанским) в низменной части бывшей Албании Арране разъяснимо с точки зрения присутствия здесь арабского и персидского этнических элементов, то знание армянского языка в Албании, а в последующем в Арцахе Хачене не имеет с позиции логики достаточных оснований для существования. Тем более, что Мкртчяну неведомо и то, что даже знание армянского языка албанцами, еще не указывает на их армянское происхождение. Словом, принимается самое тривиальное решение, на что изначально и нацелена подделка, «раз вижу на армянском, значит армянское». Ясно, что цель подобных архитектурных и околоархитектурных «изысков» сводится к присвоению всех памятников Кавказской Албании и следующими из этого притязаниями на наши земли.

А вот для присвоения азербайджанских памятников всезнайка Ш.Мкртчян «творит» абсурд и уже не только в том смысле, с каким, уважаемые читатели, мы сталкиваемся на повествуемых страницах, но и в виде натуральной бессмыслицы. Вот к примеру, как присваиваются знаменитые мосты Худаферин в Джабраильском районе. Буква «ф» в этом слове заменяется на букву «п» и далее автор утверждает, что «в 8 км от старого Харакула у населенного пункта Мазаннане находятся мосты Худапирин, который соединяет Арсах с северным Ираном...». Общеизвестно, что мосты Худаферина соединяли Северный и Южный Азербайджан, Ближний и Средний Восток, будучи караванными путями. И потому на бессмыслице о соединении Арсаха (читай Армении) с Северным Ираном нет нужды останавливаться. Однако, причем тут старый Харакул или Мазаннане да еще с указанием расстояния в 8 км? Села Старый Таглар и Мазаннане – древние азербайджанские села, причем последнее находится у известного пира Мазаннане, издревле чтимого нашими предками. Старый Таглар же просуществовал с древних времен, а в XIX веке исчез. Так вот, переселенные из Ирана армяне сначала проживали подле села Мазаннане, затем перебрались в Гадрутский район, а позже вернулись в старое место, основав заново исчезнувшее село Старый Таглар. Как раз этого автору опуса и оказывается достаточным, чтобы через место проживания переселенных армян и расположенного от этого места в 8 км. Худаферина, объявить последний, а заодно и Пир своими...

А вот как арменизируется известный азербайджанский Пир Аг оглан. «На 8 км от села Баназур находится памятник «Спитак дга» - древняя армянская «церковь, время строительства которой неизвестно». Разъясняем читателем, что Спитак дга – это перевод на армянский язык названия Аг оглан. Как видите, здесь уж для арменизации использована не перестановка букв, как в ранее приведенном примере, а перевод названия пира на армянский. «А причем тут село Баназур с указанием расстояния в 8 км?» - спросите вы. А вот в чем. Баназур – армянское село. А вот к пиру Аг оглан еще ближе на расстоянии 2-3 км кольцом расположено несколько азербайджанских сел,

таких как Аг оглан, Шахведели, Эфендиляр. Так вот, расстояние в 8 км и название армянского села приводятся для того, чтобы арменизировать знаменитый пир. Хотя автору опуса и невдомек, зачем внутри кольца из азербайджанских сел, армянские жители более отдаленного армянского села Баназур построили армянскую церковь. Наверное, потому, что такой армянской церкви и в помине не было. Возможно было строительство албанского монастыря, поскольку рядом было древнее святилище пир. Комментарии к подобным бессмыслицам не требуются.

А теперь остановимся на «глобальных» «обоснованиях» армянского происхождения материального культурного наследия Албании. Подобные «обоснования» было бы правильно назвать «политикой», политикой беспощадного выкорчевания албанских корней материальных носителей христианской культуры.

И здесь, уважаемые читатели, нам не помешает краткий исторический экскурс.

Напомним, что армянская церковь не имела возможности создать свою государственность в пределах Османской державы и Персии и, используя заинтересованность царской России в разыгрывании армянского фактора, всячески стремилась к реализации мифа о «Великой Армении» на территории азербайджанских и грузинских земель, завоеванных Россией. Словом, цели колонизации, освоения Россией новых закавказских земель совпадали с заветными мечтами армянства. «Армянский вопрос», возникший еще в XVIII в., в конце XIX века переместился на Кавказ, с турецких земель в первую очередь, на территорию азербайджанских ханств.

Вот что писала «Большая Советская энциклопедия, т.3» от 1926 года в статье «Армянский вопрос» (автор, В.Гурко-Кряжин): «...что касается России, то она проводила в ту эпоху русификаторскую политику в Закавказье и открыто протестовала против идей образования в Азии территории, «где армяне пользовались бы исключительными преимуществами. Армянский вопрос сосредоточился в Закавказье...». То же самое подчеркивает и армянский источник значительно более позднего времени. В частности, в книге «Кавказский фронт 1914-1917»,

автор которой армянский профессор-историк А.Арутюнян и которая была издана издательством «Айастан» в Ереване в 1971г., написано: «Задача России воссоздать во чтобы то ни стало армянский клин, этот барьер между турками и курдами и нашими татарами (азербайджанцами)...» О том, что происходило на Южном Кавказе с большой тревогой, писал Н.Шавров в своей книге «Новая угроза русскому делу в Закавказье»: предстоящая распродажа Мугани инородцам» в Издании Русского собрания (С-Петербург, 1911г.). Об этом и книга С.Глинки «Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России» (М., Типография Лазаревых Института восточных языков, 1831г)., наконец, об этом предупреждал и большой гражданин России В. Величко в его замечательном издании «Кавказ» (Русское дело и междуплеменные вопросы), вышедшем в свет в Санкт-Петербурге в 1904 году. Однако случилось то, что русская колонизация новых закавказских земель свелась к их арменизации и вот, что с недоумением выражал об этом Н.Шавров: «заезжий публицист предлагает разобраться, что же русская власть, в конце концов, собирается создать на Кавказе – Россию или Армению?» С.Глинка же подчеркивал особую роль армян, используемых в политике России еще со времен Петра I, а В.Величко предельно точно выразился: «...мечта автономного «царства», и при этом обязательно на русских землях, не гаснет, а все более разгорается. В Турции не было территории – и она искусственно создается в Закавказье». В итоге, тот же Гурко-Кряжин в журнале «Новый Восток» (№16-17, Научная Ассоциация Востоковедения Союза ССР от 1927г.) заметил следующее: «*Символом строительства Советской Армении является, несомненно, Эривань, этот типично персидский* [читай азербайджанский] *городок с бесконечными серыми глинобитными заборами и стенами, за которыми прячутся темно-зеленые садики, с ярко-синими пятнами мечетей...*» (курсив наш).

Так и начиналась столица сегодняшней Армении – с центра бывшего Эриванского ханства, но до этого был определенный задуманный путь, который рьяно воплощала Армянская церковь. Надо было «выветрить» тюркский дух с этих земель, и не только тюркский, но и необходимо было доказать, что хри-

стианские претензии на эти земли — исключительная прерогатива армянства, а не «каких-то несуществующих албанцев».

В 1836г. сбылась столетиями вынашиваемая заветная мечта Армянской церкви: специальным постановлением правительства царской России и Святейшего Синода было принято Положение об Армянской григорианской церкви с не имеющим аналогов в истории христианского мира пунктом о ликвидации Албанской апостольской Автокефальной церкви. Тем самым Албанская церковь, лишаясь самостоятельности, теряя сан албанского католикоса, канцелярский архив которого также ликвидировался, переподчинялась Армянской церкви в статусе ее епископата. Есть много источников, свидетельствующих о том, как добилось этого армянство, о лицемерии и фарисействе его, чтобы воспрепятствовать первоначальному российскому плану создания албанской государственности в Арцахе вокруг Албанской Апостольской церкви и с намерениями превращения ее паствы в православную. Наверное, об армянских происках лучше всего написано у великого грузина И.Чавчавадзе в произведении «Армянские ученые и вопиющие камни». Армянство объявило войну ни только всему албанскому, но и добилось лишения самостоятельности Грузинской Церкви и ее переподчинения Русской православной церкви. Тем самым Армянская церковь осталась единственной самостоятельной христианской церковью на Кавказе. Парадоксально, но факт, что *в связи с ликвидацией Албанской Церкви и передачей ее материально-культурного наследия в руки армянства, было отмечено, что албан считать армянами* (курсив наш).

Итак, столетиями продолжавшаяся за счет предательства, доносов и подлогов, за счет науськивания и путем подстрекательства чужеземных властителей политика подсиживания, принижения и трансформации албанских христиан получила легитимный статус. Тут же началось физическое уничтожение албанских писаний, рукописей, святынь, ликвидация албанской эпиграфики церквей и умышленное приведение их к упадку, либо разрушение всего прибранного к рукам албанского этнокультурного наследия. Заметьте, уважаемые читатели, что все варварские злодеяния чинились христианами — армянами по

отношению к христианам — албанцам. А ведь культовые памятники и их эпиграфика Албанской церкви, будучи в длительном окружении и при господстве тюркско-мусульманского этнического элемента, в силу толерантности последнего пребывали в целости и сохранности столетиями. Более того, многие христианские албанские святыни были святыми местами поклонения и паломничества и для мусульманского населения. Обратимся к источнику — М.Бархударову (Бархударянцу) — албанцу по происхождению, в сане епископа епархии Армянской церкви, написавшему свой труд «Арцах», изданный в конце XIX века на армянском — уже после того, как григорианизация и арменизация албанского духовенства свершилась и стала фактом. Тем не менее, вот что он пишет, приводя длинный перечень монастырей Арцаха: «Еще в 1828 году, по свидетельству очевидцев, эти монастыри были обитаемы и в цветущем состоянии». Зато к концу XIX века, по сведениям того же автора, албанские монастыри были разрушены, словом, они перестали играть роль центров духовного общения албанского христианского населения. Вот что пишет М. Бархударов: «...после 1828 года монастыри постепенно стали хиреть, лишаться монашеских групп и, оставаясь без присмотра, по большей части стали разрушаться..». И далее, уже в конце XIX века, как он писал, «ни одна область не имеет столько подобных святынь и мест поклонения, как Арцахская область, тем не менее, ни в одной области монастыри и святыни до такой степени полностью не лишены своей моральной и материальной славы, как монастыри и святыни в Арцахе». Словом, «христианские древности в развалинах». Все это методично, и целенаправленно осуществлялось Армянской церковью с тем, чтобы уничтожать и вытравить все албанские памятники, язык и письменность и сделать их армянскими, восполнить свое отсутствующее на Кавказе историко-культурное наследие. К этому времени армянству удалось уничтожить также всю эпиграфику, то есть надписи на стенах и притворах албанских церквей и монастырей и заменить их на армянские. Часть же албанских церквей были просто переделаны под армянские, а новые албанские монастыри после 1828 года не строились. Албанские культовые памятники сменялись

на армянские, на использование албанских евангелий накладывалось табу, они уничтожались, и точно также ликвидировалась албанская богословная литература, заменяемая на армянскую.

Уважаемые читатели! Излагая приводимое выше, не могу не заострить вашего внимания на примечательном факте, всячески используемом армянскими фальсификаторами для присвоения нашего материального культурного наследия. Об этом замечательно написано у проф. А.Ямпольского в его книге «Древняя Албания III-I вв. до н.э.». Он пишет, что после того, как христианство стало государственной религией Албании, многие древние культовые места стали получать христианский налет. На месте архаических пиров и астральных святилищ возникли христианские монастыри и церкви. К примеру, к монастырю Кзыл-ванк в Нахичеванской республике, ходили, как и ранее, как к архаическому пиру, а пещера-пир у Армудлутала в Кельбаджарском районе стало пещерным храмом. Точно также пир под селом Сос стал именоваться именем христианского святого – Сурп Егише, аналогично было и с пиром Аг оглан и пиром Кала Гергец. Таких примеров очень много.

После VIII века, когда армянский католикос Егия с помощью войск халифата подчинил себе албанскую христианскую церковь, христианизация пиров получила армяно-григорианский оттенок. Наконец, после принятия ислама, многие пиры мусульманезировались. Так вот, следуя традициям дохристианских и домусульманских времен, мусульмане (принявшие ислам албанцы) и христиане (не принявшие ислам албанцы) продолжали ходить к одним и тем же пирам.

Мусульмане строили возле пиров мечети и ханегя-монастыри и в их лексиконе христиане были тождественные армянину-григорианику, а стало быть, и ряд христианских древностей Азербайджана именовали армянскими. Как, например, кладбище у села Шудух в Кубинском районе или пир Спитак-хач.

Наряду с этим шла мусульманизация старых пиров, которые были ранее христианизированы. Здесь и при наличии христианских символов, высекались в арабской графике мусульманские религиозные имена и менялось название пиров на му-

сульманский лад. К примеру, местность пира Али булагы именовалась Кара Кешиш, пир Дизанайт был переименован согласно мусульманской традиции в Знарат, появились имена Пир Аллахи на одноименном острове, Али булагы и многое другое. Рассказывая о складывавшейся веками христианизации, затем григорианизации и мусульманизации архаичных пировсвятилищ, куда издревле ходило поклоняться албанское население, мы акцентируем внимание, уважаемые читатели, на следующем моменте. Те святилища-пиры, которые остались христианско-григорианскими, местное население по традиции именует армянским и этим умело пользуются сегодняшние армянские фальсификаторы, выдавая христианские албанские древности за свои армянские.

Отметим, что замечательный албанский монастырский комплекс, Гандзасар, о котором еще пойдет речь ниже, и другие памятники Албании в XX веке изучались И.Орбели, известным армянским ученым, имевшим родственное отношение к албанскому роду Орбели. Скопировано было им 300 надписей памятников албанского зодчества XII-XIV веков, и в 1919 году был осуществлен выпуск 1-го тома его книги «Надписи Гандзасара». Однако, Орбели в силу некоторых причин, о которых можно догадываться, изъял весь тираж: видно содержание надписей не соответствовало официальной версии армянства. Тлеющая память об исторических корнях Орбели не выдержала натиска армянства. Или вот другой пример, свидетельствующий о почерке армянства. Еще в XVII веке, по сведениям М.Бархударова, в Гяндже была построена албанская Соборная церковь св. Иоанна Крестителя. Это было время албанского католикоса Ованеса (1633г.). Здесь же могила албанского католикоса Нерсеса. В конце XIX в. армяне преобразовали албанскую церковь в действующую армянскую. В исторических архивах хранился долго фонд и, конечно, под названием «Армянская церковь св. Иоанна в Гяндже» вплоть до 1983г. Используя это, в 1983г. Армения запросила этот фонд и добилась своего, мы же потеряли то историческое, что по праву принадлежало нам.

Таким образом, XIX век был веком ликвидации албанской эпиграфики, монтирования взамен их армянских надписей и, по

сути, являлся подготовительным периодом в фальсификации происхождения материального культурного наследия Албании, что и послужило «обоснованием» их присвоения в XX веке.

Кстати, до 1828 года чисто армянских епархий на Кавказе у Эчмиадзина не было, после 1836 года они стали появляться и их стало 6, из которых 3 были албанские. И дело в том, что все чисто армянские епархии находились за пределами Кавказа. При этом армянская паства переселялась из Ирана и Турции, а за счет приведения в опустошение албанских монастырей, насильно григорианизировалась и арменизировалась албанская паства.

Армянские притязания на зодчество Албании рассмотрим на одном конкретном примере попытке отторгнуть Гандзасарский монастырь. В качестве обоснования его армянской принадлежности армянские деятели во главе с католикосом Вазгеном I представляли этот монастырский комплекс как созданный «в армянской области и в армянской этнической среде». Беспочвенность и несостоятельность подобных аргументов была очевидна. Хотя бы, потому что сам монастырский комплекс, согласно историческим сведениям упомянутого ранее албанского историка Киракоса Гянджинского, был построен в 1204г. Хасаном Джалалом албанским правителем Хачена и Арцаха (современная Нагорная часть Карабаха и часть Мильской степи), восходившим к Михранидам и являвшимся воссоздателем Албанского царства ренессанса албанской государственности. Хасан Джалал именовал себя «царем», «князем князей» т.п., то есть никоим образом не являлся вассалом какого-либо соседнего государства. Причем Гандзасарский комплекс был построен на месте задолго существовавшего до него монастыря, являвшегося родовой усыпальницей владетелей Хачена Джалаладидов. Здесь похоронен как сам Хасан Джалал, так и практически все поздние албанские католикосы-патриархи, о чем и свидетельствует эпиграфика на надгробных плитах, датированных до 1828 года. Доказательства албанской принадлежности Гандзасара, как говорится, излишни: ведь сам Хасан Джалал назвал его «престольным собором Албании», а не Армении. Да и зачем было армянам наряду с Эчмиадзин-

ским престольным собором иметь второй Гандзасарский. Ведь в одной этнической среде, как «обосновывали» армяне, не могло быть двух самостоятельных патриаршеств. И только в 1836 году, как отмечалось, в результате происков Эчмиадзина царское правительство и русский Святейший Синод вынесли решение о ликвидации албанского патриаршего престола и присоединения албанской церкви к армянской. Очевидно, что, если сам Гандзасар был армянским, то не выглядит ли нелепым его присоединение к Армянской церкви специальным рескриптом русского Синода?

Однако, абсурд на то и абсурд, что прокладывает дорогу очередному абсурду, по причине которого представители армянского католикосата, включая академика В.Амбарцумяна, С.Капутикян, Б.Улубабяна и др., специально ездили в Гандзасарский собор и убеждали жителей селения Ванклу, где он находится, в том, что они являются потомками армян, а не албан. Между тем именно это население и было прямыми потомками Хасан Джалаловского рода, хранящего в исторической памяти свое происхождение...

Уважаемые читатели! Вот мы и подошли к заключению по абсурду с присвоением армянами материального культурного наследия Албании. Тезис, который отстаивается, заключается в том, что до 1836 года, то есть до ликвидации Албанской церкви, культовое зодчество Арцаха, памятники, монастыри, церкви находились в прекрасном состоянии, они были расписаны албанскими письменами и сюжетами, албанский язык был языком общения и богослужения. Словом, вся материальная культура, будучи албанским творением, принадлежала албанцам.

А вот антитезис армянства: все дошло до наших дней на армянском, включая эпиграфику культовых очагов. И, стало быть, все изначально было создано армянами, включая даже албанские памятники раннего средневековья. Поэтому все является армянским этнокультурным наследием. И здесь в армянском антитезисе есть несколько вариаций.

Во-первых, Албания объявляется «восточной окраиной Армении», тем самым мы встречаемся с абсурдными рецидивами отрицания ее существования как отдельного государства со своим

этносом, территорией, историей и культурой. Естественно, что не было и Албанской апостольской церкви. Это и есть концептуальная идеологическая основа территориальных притязаний к нашей стране. В рамках такой концепции армянскими объявляются все памятники материальной и нематериальной культуры Албании. Во-вторых, в тех случаях, когда следует вынужденное признание существования Албании, то ее население считается полностью григорианизированным и арменизированным к VII веку, во всяком случае, не позднее XII века, и тем самым памятники декларируются как армянские. И, в-третьих, албанский этнос деэтнизировался, стал армянским после распада Арцахского княжества Хасан Джалала, то есть в XV веке.

Примем условно армянскую версию со всеми ее вариантами на веру и, невзирая на уже изложенное в кратком историческом экскурсе, посмотрим какие из нее возникают последствия. И эти последствия должны быть таковыми, чтобы выполнялись логические законы противоречия и исключенного третьего. Итак, понадобятся ответы на нижеследующие вопросы, суть которых подкреплена историческими хрониками и документами:

1. Если албанцы были армянами, то как «посмел» еще в XII веке Гасан Джалал повелеть написать большую надпись внутри Гандзасарского собора в Арцахе. «*Я Гасан Джалал... царь Албанский построил Гандзасарский Собор для моего албанского народа*»? (курсив наш)

2. Если албанцы были армянами или «арменизировались» к XIV веку, то на каком основании армянский автор XIV-XV вв. Фома Мецопский сообщал о переселении Тамерланом 10 тысяч албанцев, а не армян из Арцаха в Хорасан и Иран и, что подтверждалось албанцем Есаи Гасан Джалалом (XVIII век), что в Хорасане и Кандагаре обитает племя, именуемое афганцами, но происходящее с Кавказа от агванцев (албан)?

3. Почему албанец Киракос Гянджинский, если он был армянином или «арменизировался», в своей «Истории» от XIII века представлял албан, как этнически независимых от кого-либо, а Албанию наряду с Грузией как самостоятельное государственное образование?

4. Если не было албанцев, а были армяне, то почему именно княжескому албанскому роду Гасан Джалала правитель Каракоюнлу Джаван-шах присвоил титул меликов, как глав княжеств, входящих в государство Каракоюнлу и из этого рода с XV века до 1836 года, то есть до момента низвержения Албанской церкви и были духовные владыки албанцев?

5. Если не было албанского этноса или же он арменизировался, то почему именно албанцы в XVII веке обращались к шаху Аббасу с просьбой о помощи и освобождении их от турецкого владычества, направили к нему своего князя Хаченского и где же были тогда армяне?

6. Если не было албанцев в XVIII веке, а были только армяне то, что значил восходящий к Петру I первоначальный план восстановления Албанского царства и где были армяне, когда албанцы из древних меликских родов во главе с Есаи Гасан Джалалом обращались за помощью к России от имени албанцев, а не армян? И почему албанцы с 10-тысячным войском двинулись к Гяндже для соединения с грузинами, а не с армянами? И, наконец, почему мелики Карабаха (Арцаха) в письме к русскому императору именуют себя как наследники албанских, а не армянских Аршакидов?

7. Если не было албанцев и албанской церкви, то, как могли издаваться указы и грамоты Сефевидских, а впоследствии иранских шахов в XVII, XVIII веках на имя албанских а не армянских католикосов?

8. Если не было албанской церкви с ее культовым наследием до 1836 года, а была одна из епархий Эчмиадзинского престола, то, как могло быть, что албанские евангелия подчеркивали равнозначный статус двух церквей: указывали имена правителей, где нет армянских и допустимо было бы, чтобы памятные записи евангелиев (колофоны) ни разу не ссылались ни на одно армянское событие или армянского католикоса, а исключительно информировали об Албании и ее духовных владыках?

9. Если Албанская церковь со своим наследием была частью церкви Армении и ее этнокультурного наследия, то каков был смысл ее ликвидации и переподчинения в качестве епар-

хии Армянской в 1836 году, по какой причине содержание приводимых даже на армянском языке надписей на притворах, алтарях, стенах, то есть вся эпиграфика албанских монастырей отражала исключительно албанскую и, ни в коей мере, не армянскую тематику? Кроме того, почему до завоевания Кавказа Россией все епископства Армянской церкви находились вне Кавказа и, если не было Албанской церкви, а была Армянская, то, что мешало Армянской церкви управлять до 1836 года «своими» албанскими епархиями?

10. По какой причине вывозились монастырские архивы албанцев после 1836 года в Эчмиадзин, если они были армянскими и с какой целью? Почему Армянская церковь добивалась и добилась в 1909-1910 гг. разрешения российского правительства на уничтожение старых архивных дел подведомственных ей епархий и тем самым уничтожения архивов Албанской церкви?...

Уважаемые читатели! Принося извинения за утомительность вопросов, хотели бы подчеркнуть, что они своим появлением обязаны принятой нами условно армянской версии. И эта версия, как видно, не выдерживает критики. Этнокультурное наследие, материальные памятники Албании, как и должно быть, принадлежали албанцам, были их творениями и все это было их историей.

Мы завершаем этот абсурд, уважаемые читатели, мудрыми словами Марка Твена: «Правда необычайнее вымысла: вымысел должен придерживаться правдоподобия, а правда в этом не нуждается».

§6. Академический абсурд и этимологическая эквилибристика

Уважаемые читатели! Тематическую подборку с абсурдами по присвоению нематериального и материального культурного наследия Кавказской Албании, мы хотели бы завершить одним академическим абсурдом, принадлежащим перу научно-титулованных армянских авторов. Примечательно здесь то, как «научные» изыски, связанные с разграблением и «арменизацией» культурного наследия Албании трансформируются в политические опусы высокого академического уровня. Интересно и то, как ранее сфабрикованные армянские абсурды прокладывают дорогу очередному абсурду.

Перед нами, уважаемые читатели, спешно изданная после карабахских событий книга АН Армении «Нагорный Карабах. Историческая справка» (Ереван, 1988). Очевидна и цель этой справки: во чтобы-то ни стало убедить всех и вся в том, что Карабах является древнеармянской землей.

Примечательны две особенности этого издания. Во-первых, уж очень она титулована — это и академики и член-корреспонденты АН Армении, это и доктора тех или иных наук в составе восьми человек. Вдобавок, в подготовке издания принимали участие еще девять научно-титулованных персон. И, конечно, издание одобрено отделениями истории и экономики, философии и филологии Армянской АН и рекомендовано к печати ее Президиумом. Во-вторых, титулованная группа авторов заметно грешит желанием сослаться на греко-римские источники, на поверку оказывающимися... армянскими. Прежде всего авторы стремятся доказать, что географически Арцах есть часть Армении. Далее они «убеждают», что насельники этого края являются армяноязычными. И в заключение, апеллируют к армянской эпитафике и культовым христианским сооружениям региона, где ищут исключительно следы их армянского происхождения.

Однако, по порядку. Оказывается, что согласно авторам этого издания античные источники, такие как Страбон и др.

греческие авторы, упоминая Орхистену, подразумевали под этим «армянский Арцах». Более того, утверждается, что «греко-римские авторы четко указывают на то, что Арцах и соседняя провинция Утик, также расположенная на правобережье Куры, составляли часть Армении, граница которой с Албанским царством проходила по реке Куре».

А теперь процитируем несколько античных источников. Страбон: «В самой Армении много гор и плоскогорий ... много там и долин ..., наконец, равнина Аракса, по которой река Аракс течет до границ Албании... за этой равниной идет Сакасена, тоже граничащая с Албанией и с рекой Киром». Как понимают читатели, нет также упоминания об Арцахе и Утике ни у Плутарха, ни Клавдия Птолемея, ни у Плиния старшего, тем более об их принадлежности к Армении.

Для «усиления» излагаемой версии, авторы справки делают еще одну ссылку на древние урартийские клинописи с целью «отожествить» названия «Уртехе-Уртехини», упоминаемых в них, с Орхистеной и, конечно с «армянским Арцахом». Причем, последний, как пишут авторы, именовался еще и Цавдек, а также и как Хачен. Что, же получается в результате столь запутанной системы ссылок? Если исключить ссылку на известного античного автора Страбона, который, кстати, ни слова не указал об идентификации Уртехини с «армянским Арцахом», то выходит, что ссылки на других именитых античных авторов оказываются дутыми. На деле взамен античных авторов выступают армянские, также как Агафангел, Вардан и Г.А.Капанцян. Схема подтасовки предельно проста: если Страбон говорит об Орхистене, то тут же добавляется, что это «отражает армянский Арцах». Если же в урартийских клинописях встречается «Уртехини», то это тоже армянский Арцах, а в последствии Цавдеки и Хачен и т.п. Что касается домыслов об армянской принадлежности географического региона Карабаха (Арцаха), отметим, что Орхистена, с которой авторы справки идентифицируют этот регион, являлась армянской провинций подле озера Ван, а Уртехини, по мнению известного специалиста по урартийским клинописям Г.А.Меликашвили, располагалась «юго-восточнее Севанского озера».

Не утруждая читателей цитированием, приведем только одну цитату из «исторической справки», свидетельствующей о том, что академическому подлогу оказались подвержены не только античные авторы, но и известный специалист по урартийским клинописям Г.А.Меликашвили. Вот цитата из «исторической справки»: «Урарты, согласно надписи Сардура II (VII в. до н.э.), сохранившейся в селе Цовк, достигли страны Уртехини (Арцах)» (Г.А.Меликашвили, «Урартийские клинописи и надписи», М., 1960, с.310, 346).

А вот, что пишет сам Г.А.Меликашвили: «Бог Халди выступил в [поход] со своим оружием (?), победил он страну Аркуки [в], Сардури говорит: «выступил я в [поход] [и] завоевал страну Аркуки. Дошел [?] я до страны Уртехини».

Для поддержания же подлога использована ссылка на известного «сказочника» Мовсеса Хоренского.

А теперь посмотрим, как население Карабаха, согласно доводам армянских ученых становится армяноязычным с древнейших времен. Сначала процитируем из указанной выше справки следующую мысль армянских академиков: «Античные источники констатируют, что во времена армянских царей Арташеса и Зареха (II в. до н.э.), во всяком случае, во времена Страбона (I в. до н.э.) население Армении было одноязычным, то есть армяноязычным: естественно, это относится и к Арцаху - Орхистене». Сразу же приведем и цитату из Страбона, где он говорит на эту тему: «... Все эти народности теперь говорят на одном языке». Сопоставляя эти два высказывания, будем следовать принципам формальной логики, дабы понять насколько первая цитата, как заключение или вывод, следует из второй цитаты, как посылки. Уважаемые читатели, легко сделают вывод, что из высказывания «говорят на одном языке» не может получиться, что это исключительно «армяноязычное население». И, наконец, авторы справки «закрепляют» свои домыслы о нахождении Карабаха в составе Армении и армяноязычности его населения заключительным «доводам» о том, что «... на этой территории свыше 1000 армянских надписей и сотен христианских культовых сооружений...» не забывая при этом указать, что нет ни одного мусульманского культового сооружения, отнесенного к средневековью. Однако,

об этом мы уже говорили. Вот такова система «доводов», направленных на отторжение Карабаха от Азербайджана. Мы завершаем эту часть абсурда замечательными словами академика И.Петрушевского: «Карабах (Арцах) никогда не принадлежал к центрам армянской культуры».

А теперь, уважаемые читатели от академического абсурда с несуществующими цитатами из античных и других неармянских источников, мы переходим к абсурдам, построенным на этимологической эквилибристике. Здесь фантазия армянских авторов сверкает всеми гранями и нет надобности, как в академическом абсурде придумывать несуществующие цитаты и придавать преподносимому научное обоснование. Армянская этимологическая эквилибристика, вообще, безгранична по своим возможностям. Вот несколько примеров восходящих к руководителю местного Хельсинского комитета Аветику Ишханяну и эксперту Ереванского пресс клуба Месропу Арутюняну опубликованных в их статье «Этимологические изыскания», преподнесенных в качестве «сюрприза» к 2008 году и распространенных армянской газетой «Арадот» под названием «...Другие народы в те времена еще только лазили по деревьям».

По мнению указанных авторов, армянская фальсификаторская машина работает недостаточно эффективно, и более того, поскольку «все начинается с нас [армян], мы [армяне] не способны это должным образом пропагандировать, да еще наши лжеисторики путают все карты».

Читатель может спросить, в чем же провинилась пропагандистская машина, фальсификаторов, подарившая миру несметное количество образцов абсурда? Или же, почему псевдоисторические армянские исследования, искажающие и по сей день как историю армян, так и их соседей, не заслужили более высокой оценки авторов? А вот почему. Оказывается, что цивильные армяне, разбредаясь по миру, волей-неволей сталкивались с варварами, продолжавшими жить на деревьях, то бишь, представителями других народов. Однако древопитековские чужеродцы, почему-то владея языком, понятным цивилизованным армянским пришельцам, вопрошали к ним: «откуда, мол они?» Именно, на этот вопрос армянские пришельцы отвечали по-армянски:

«И, Ван», что в переводе значило: «Мы пришли с Вана». Наверное потому, что озеро Ван, как считают армянские авторы, не только их историческая родина, но и центр мироздания. Именно так и оказалось увековечено имя «Иван» и посему не удивляйтесь, уважаемые читатели, тому, что все нынешние и ушедшие в прошлое неармянские Иваны обязаны своим именем цивилизованным армянским пришельцам с Вана.

Другой же этимологический экзерсис поименованных «исследователей» носит «географическое начало» и связан с этнонимами ряда народов Балканского полуострова и названием страны Бельгия.

Оказывается, что после очередного нашествия варваров, цивилизованные армяне нашли теплый приют на Балканах. Поскольку «рахат» по-армянски [по-армянски ли?] — это «спокойствие», «удобство», вся эта территория и получила название «Хорватия». А вот люди, проживавшие на другой стороне гор, приносили армянам сливки, что по-армянски звучало «сер берохнер». Отсюда и появились нынешние «сербы». Так вот, по мнению армянских авторов, нечего двум братским сербскому и хорватскому народам встревать в междуусобицы. Ведь «крещение» свое они получили с легкой руки пришельцев-армян. Не остались без армянского внимания и боснийцы. Армянские «исследователи» доказали, что Босния располагалась в одной из долин с глубокими рытвинами по соседству с Сербией и Хорватией. Цивилизованные армянские пришельцы, будучи в восторге от представшей их взорам долины, воскликнули: «Вай, естех, пос а», что в переводе значило: «Вай, да здесь есть колодец». Отсюда и «пошла» Босния.

Не менее «интересна» этимология названия «Бельгия» в армянской редакции. Для «обоснования» армянского происхождения этнонима этого королевства вышеупомянутые армянские «исследователи» обратились к своей мифологии и... «сотворили» очередной миф исключительно по армянским рецептам мифотворчества. Оказывается, что истоки своего названия бельгийцы должны черпать в армянской мифологии, где между добром и злом, что по-армянски между Айком и Белом шло противостояние: «Армяне очень уж большие гуманисты» и посему в противостоянии Айка и Бела, первый не убивает второго. «Просто Айк

изгоняет Бела в Европу». Однако тамошние люди навсегда запомнили армянское изречение «Ай Бел кга», то есть «Смотри, а то Бел вернется», служившее армянским средством запугивания будущих бельгийцев. Так и появилась на картах мира Бельгия, жители которой и по сей день боятся армянского Бела...

Уважаемые читатели, поскольку армянские изыски, претендующие на открытия, «сами комментируют себя», мы, ничего не добавляя, продолжаем излагать армянскую этимологическую эквилибристику в отношении причерноморских притязаний наших цивилизованных соседей к названиям «Сочи», «Сухуми» и «Одесса».

Да, уважаемые читатели, замечательные города России, Грузии и Украины, своими названиями также «обязаны» армянам. Об абсурде с «морскими армянами» мы расскажем отдельно, но сейчас не хотели бы лишать вас удовольствия узнать, чем обязаны замечательные черноморские курорты и легендарная Одесса цивилизованным армянам-пришельцам. Так вот, согласно цитируемым армянским авторам, оказавшись после долгих скитаний на причерноморской земле, армяне перепутали Черное море с озером Ван и, конечно, радостно завопили: «Наш Ван». Однако, в рядах мигрантов нашелся грамотей, который по-армянски заявил, «Са чи, са чи», что в переводе означало «нет, это не это место». Зато взамен появилось название «Сочи», да и сам город, обязанный армянскому опровержению. Колонисты, продолжившие свой путь двумя потоками на Запад и Восток и соответственно «сумели открыть» и «освятить» названия Одессы и Сухуми. Так, по мнению упомянутых армянских авторов, восточный рукав «армянского переселения народов» дошел до некоего цветущего края и решили пришельцы подкрепиться его богатой пищей. Словом, остановились «поесть да попить». А поскольку по-армянски это звучало «Са хуми тех е», то и осталось в памяти народной и на географической карте как «Сухуми». А вот западным мигрантам выпало на долю вкусить прекрасного воздуха и тем самым армянам-пришельцам стало легче дышать. И они воскликнули: «Од е са!», что в переводе с армянского означало: «Вот это воздух!» С этого армянского восклицания и пошла «Одесса».

Однако, уважаемые читатели, Европа показалась тесноватой для армянских мигрантов и свою «традицию» обязывать названия

тех или иных ее регионов армянским происхождением, они продолжили в Америке. Но, по порядку и, конечно, следуя вышеупомянутым армянским «изыскателям». Здесь все началось с Мартироса, то бишь матроса, участвовавшего в экспедиции Х.Колумба. Мартирос – армянин по возвращению в родные пенаты (а где они были, боимся уточнить, поскольку к тому времени вся Европа уже была освоена армянскими мигрантами) счел нужным рассказать об увиденном своей матери. Старушка-армянка оказалась недоверчивой, и тогда Мартирос произнес сакраментальную фразу по-армянски: «А мер ка», что в переводе означало: «Есть, мать, есть». Отсюда и название Америки. А вот, для наименования лежащей к северу Канады, понадобилось подруга Мартироса по имени Надя. Мартирос, рассказывая о красивых пейзажах Канады, опять-таки столкнулся с недоверчивым отношением молодой армянки. И тогда он произнес еще одну сакраментальную фразу: «Ка, Надя», что в переводе означало «Есть [все это], Надя». Вот вам и название «Канада». После того, как вслед за Европой армянским изречениям покорилась и Северная Америка, упомянутые армянские «изыскатели» вернулись на территорию сегодняшней Армении, а точнее, много позднее освоенных и присвоенных земель Западного Азербайджана. Здесь нас ожидало еще более «оригинальное» армянское открытие. Имя «Аллах», т.е. Бог известно всему миру, равно как понятно и «Аллахверди», или «Бог дал», выражающее название населенного пункта в Армении, оставшегося со времен былого проживания здесь азербайджанцев. А поскольку это – одно из немногих названий, из более 400 прежних этимологически тюркских, смененных армянами, то выясняется армянская версия его происхождения. Оказывается, что прибывшие сюда как-то итальянцы решили послушать музыку местного армянского композитора. Оказавшись в восторге от нее, они воскликнули: «А ля Верди», что означало «Словно Верди». Вот отсюда и название «Алаверди».

Заканчивая образцы армянской этимологической эквилибристики, мы просим читателей не спешить с выводами, поскольку уверены, что это еще далеко не рекордные вершины армянского мифотворчества. Не случайно же римляне утверждали: «Мое намерение дает имя моему действию».

§7. Царственно-династийный абсурд и об армянской историографии

Уважаемые читатели! Сейчас в тематической подборке «Ad absurdo...» «...Ab absurdum» вы познакомитесь с очередным абсурдом армянства. «Абсурд», хоть и является нелепостью и вздором, но далеко не столь бессмысленен и безвреден, как бессвязный набор слов. И по традиции мы напоминаем вам, что абсурды, о которых идет речь, проникнуты вполне определенным смыслом. Смысл же армянских абсурдов всегда имел и продолжает иметь целевой характер: притязания на азербайджанские земли и иже с ними на материальное и нематериальное культурное наследие народа – хозяина этих земель. Поскольку абсурды армянства представляют собой лживые байки, то в меру возможностей их упаковывают таким образом, дабы ложь была не столь лживой и походила бы на правду. В ход идет и подлог с фальсификацией, и лицемерие с фарисейством, словом, некоторый наработанный годами арсенал псевдоказательств и наукообразных обоснований. «Лгать письменно легче, чем устно», - говорили еще в незапамятные времена, да и набираются письменные свидетельства. Так что назначение каждого очередного образчика театра абсурда – «казаться, а не быть, тем, кем являешься», слепить по возможности благовидный образ, дабы покрыть неблаговидные деяния. И судя по всему, авторы подобных абсурдов твердо убеждены, что «миф определяет сознание» неискушенных. И если они «лгут для того, чтобы обманывать, то другие же будут лгать потому, что обмануты сами» (Сенека Младший). Так что одни абсурды рождают другие, и, стало быть, нам стоит продолжить путешествие «От абсурда...» «...К абсурду», уважаемые читатели.

Итак, царственно-династийный абсурд и об армянской историографии

Как понимают, уважаемые читатели, царские династии невозможны без какой-либо государственности, а последняя, в свою очередь, должна как-то быть отражена в исторических

хрониках. С этих исторических армянских хроник мы и начинаем изложение абсурда.

«Каков человек и его дела, такова и его история». Это сказал «Отец армянской истории» Мовсес Хоренаци, он же Моисей Хоренский. И это сущая правда. Как мы свидетельствовали ранее, именно М.Хоренский был «первопроходцем армянского плагиата». Но справедливости ради следует отметить, что еще большая заслуга М.Хоренского в подтасовке исторических фактов и в армянском лжеисторическом почине. Именно благодаря его первоначальной и неугасимой выдумке история армянского народа с самого начала стала полна фальши и вымысла.

Сначала мы хотим познакомить вас с Хоренским устами одного из выдающихся историков XVIII века Эдуарда Гибсона: «(Хоренский) не обладает ни одним из тех достоинств, какие требуются от хорошего историка». Гибсон советовал всем историкам «*брать у него* (Хоренского) *только то, что согласуется с хорошими историками*» (курсив наш). Чтобы быть объективными, мы приводим и свидетельство другого видного историка Августа Карнера от 1896 года об отце армянской истории, который, имея в виду М.Хоренского, написал: «*Верить информации армянских ученых — невежество. Ибо большинство из этих сообщений — вымысел*» (курсив наш).

Справедливости ради следует отметить, что лжеисторические лавры сообразно их более скромному вкладу имеют и два других предшественника М.Хоренского, а именно историки Агафангел и Егише.

Несомненно, что армяне, равно как и любой народ имеют свою историю. Какова же она? Об этом кратко и емко было изложено в «Энциклопедическом словаре» (т.1) под редакцией Ф.Брокгауза и И.Эвфрона (СП. 1800) более 200 лет тому назад. «Армения в своем полном объеме почти никогда или только кратковременно находилась как целое государство под управлением одного государя. В историческом очерке армяне — отрасль иранской группы индоевропейского племени. *Древняя история страны почти неизвестна* (курсив наш). Название «Арарат», в древности даваемое северной части страны, связанное с Моисеевым преданием о потопе, не встречается в клинообразных

надписях и у Геродота. Древние персы называли эту страну Арминой. *История же, обработанная нынешними армянами, не опирается на древнеармянские национальные памятники. Они связывают свою древнюю историю с рассказами Ветхого Завета, что доказывает ее позднейшее христианское происхождение* (курсив наш). По преданиям армян, страна их была центром древнего мира, где протекали 4 величайшие реки: Евфрат, Тигр, Кура и Аракс и по сказанию библейскому и ассирийскому, после потопа сделалась вторично колыбелью рода человеческого. Родоначальником своим они называют Гайка, сына упомянутого в Библии, Тогармы, вследствие чего они называют себя гайками и страну свою Гайастаном».

Приведенная цитата, уважаемые читатели, позволяет нам сделать несколько примечательных выводов. Во-первых, Армения практически никогда не находилась под властью своего национального суверена, поскольку не имела единой государственности. И, во-вторых, история Армении предполагает в качестве своих источников Ветхий Завет, а также наряду с Библией разнообразные легенды и предания. Запомним это и продолжим знакомиться с изложением об Армении в этом Энциклопедическом словаре. Выясняется, что Тигран (Великий), потерпев поражение от римлян в 63г. до Р.Х. и потеряв свои территории, одновременно лишился и своего сына Артаваза, захваченного в плен Антонием. Кончилось все тем, что в 117г. Траян объявил Армению Римской провинцией. И вот главное. Оказывается, что после разгрома Тиграна (Великого) согласно римским и греческим источникам, даются имена целого ряда армянских царей, не признаваемых армянскими историками. *«...Это разногласие объясняется тем, что армянские историки признают только потомков Арсахидской* [Аршакидской] *династии, царствовавших вначале лишь в Южной Месопотамской части Армении в весьма небольшой области и плативших дань, как римлянам, так и персам, за что те и другие оставили их в покое, тогда, как настоящая Армения служила яблоком раздора между персами и римлянами и получала то от одних, то от других «царей», не признаваемых армянскими историками»* (курсив наш).

И вот здесь, уважаемые читатели, сделаем еще один вывод. Оказывается, что армянские цари были не государями, а

назначаемыми наместниками, с чем и не соглашаются армянские историки, выступая против греко-римских источников. Возьмем это на заметку и вернемся к армянским хронистам.

Сначала об армянском историке V века Агафангеле, он же Агатангехос, написавшем «Историю» и выдававшим себя за грека. Повествуя о событиях армянской истории III-IV вв. и, в первую очередь, о принятии христианства армянами, смене власти парфянских Аршакидов на персидских Сасанидов в Армении, об обращении царя Трдата в веру (смотри предшествующие параграфы), параллельно с этим Агафангел лжесвидетельствует о том, что, будучи ученым римским писцом, являлся очевидцем указанных событий. Вот, что пишут о нем сегодняшние отцы истории армянской литературы из «Армянской средневековой литературы»: «Однако ныне убедительно доказано, что сочинение принадлежит перу армянского автора V века и лишь приписано секретарю царя Агатангехосу, вероятно, реально существовавшей личности. Дошедший до нас армянский текст «Истории» является редакцией VII-VIII вв.» («Армянская средневековая литература», Ер., 1986). Далее же указывается, что автор «сочетая подлинные исторические факты с агиографическим материалом (не исключено, что он использовал имевшиеся у него письменные источники...), с легендами..., также народными преданиями, создает целостное и завершенное произведение».

И надо воздать должное этому лживому досье на лживую историю. По мнению крупного исследователя Р.Томпсона, написанное – есть компиляция, составленная во второй половине V века. Полный же текст этой компилятивной работы, ее самая древняя рукопись датируется между XII-XVIII вв. и находится в частной коллекции. А вот и мысль ученого, расставляющая все необходимые акценты в подобном «историческом оригинале»: «*Работа загадочна не только потому, что она составляет странную смесь запомнившейся традиции и выдуманной легенды. Она также имеет место на нескольких языках, в различных редакциях, многие из которых не исходят от имеющейся армянской версии*» (курсив наш) (Р.Томпсон, «Введение в историю армян», перевод Томпсона, 1976).

Уважаемые читатели, если убрать присущий цитируемому ученому вежливый такт, то получается, что перед нами один из образцов армянской лжеистории. Но лиха беда — начало, и мы посмотрим другой исторический опус уже Егише (тоже V в.) под названием «О Вардане и войне армянской» (Перевод с древнеармянского акад. И.Орбели, подг. к изд., предисл. и прим. К.Юзбашяна, Ер., АН Арм, 1971).

Прежде всего, представим вам видение этого опуса глазами авторов «Армянской средневековой литературы» (1986г.).

«Сочинение Егише — созданный пером очевидца достоверный исторический первоисточник, воссоздающий события в их логической и причинной связи...» (курсив наш). Действительно именно то, что, что Егише в своем сочинении повествует об армянском восстании V века против Сасанидского правления, которое возглавил В. Мамиконян (Мамигун-инородец). Оно также, как и у Агафангела, начинается с «армянского хода», а именно, с утверждения автора, что он был очевидцем и свидетелем происходящих событий. Действительно и то, что произведение явно насыщено ненавистью к персам, равно как и к предателю — сюникскому ишхану (албанцам).

Труд этот дошел в рукописи, древнейшая из которых датируется XII веком, а остальные относятся к XIII-XVIII вв.

А теперь, посмотрим, как указанный исторический опус оценивается современной европейской историографией: «Егише утверждает, что был свидетелем событий в Армении, которые составляют основу его рассказа», отмечает Р.Томпсон.

И далее: «Утверждение Егише не может быть принято само собой. Дело в том, что другие армянские истории, написанные другими людьми, утверждавшими, что они были очевидцами, были признаны более поздней продукцией. И Томпсон, проводивший текстологический анализ этого опуса, заключает: *«...является маловероятным, что история Егише может предшествовать VI веку»* (курсив наш) (Р.Томпсон. «Введение в Историю Вардана и армянскую войну», перевод и комментарии Томпсона, Лондон, изд. Гарв. Унив., 1982).

Как видите, уважаемые читатели, если опять-таки отстранить научный этикет цитируемого ученого, то смысл сказанно-

го им об армянской историографии выглядят примерно так: нет доверия к историческим опусам армян, солгавшим «не единожды, поскольку они будут продолжать и дальше лгать». Вместе с тем мы должны отметить, что посредством подобных лжеисторических опусов, в которых желаемое представлялось в виде действительного, армянская историография наработала длительную традицию исторического письма. И этот последовательный исторический сериал наряду с выдумками и историческими искажениями содержит немало морализирования, облаченного в христианскую идиологему типа «наказание за грехи наши». Схема армянских исторических опусов примерно такова: «золотой век», когда армянам хорошо и достойно живется мученичество и страдания армян в связи с обрушившимися на них вражескими силами преодоление врагов, если проявлена стойкость к вере и поражение в противном случае». Особо подчеркиваем, что на фоне лжеистории «вражеский образ» и «многострадальность», навеянные армянскими нарративами до сегодняшнего дня являются частью живущей армянской традиции и питательной почвой новых образцов мифотворчества. Тем самым «коллективная память» этноса находится в тисках искусственно сконструированного подобным образом прошлого, а стало быть, и будущее видится во имя прошлого, а не наоборот. Убедиться в этом нетрудно, если познакомиться с сегодняшними армянскими учебниками и историческими монографиями, как, например, изданный в Армении в 1998 году историографический опус «Потомки Хая», авторы Саркисян, Худавердян, Юзбашян. И это делалось и в советское время. Вспоминается документальный фильм «7 песен об Армении», прокручиваемый «non-stop» во многих кинотеатрах бывшего СССР, доминантой которого и являлись исторические байки из придуманного прошлого. Или же внедренный в советские учебники по истории армянского народа надуманный термин «Великая Армения» И здесь уместна была бы замечательная мысль Флобера: «...прошлое держит нас, вот почему настоящее и ускользает от нас». Возникает вопрос: чего ради? И вот замечательный ответ на этот вопрос европейского ученого Герзика: «Большинство армян отрицали (и вообще говоря, все еще

отрицают) ближневосточные элементы в своем наследии, предпочитая видеть самих себя как остров цивилизованных «европейцев» — христиан во враждебном ареале диких мусульманских азиатов..., все (армяне) рассматривают территории, занимаемые республикой Армения в настоящее время, лишь как часть того, что армяне могли законно затребовать и живут надеждой на возвращение ряда земель, потерянных в Турции, Грузии и Азербайджане» (Герзик, «Армения и армяне», в сборнике под ред. Смита «Национальный вопрос в постсоветских государствах», Лондон, 1996, англ.). Стало быть, уважаемые читатели, хотя это и не наш выбор, но напомним, что: «обманывая других, в конце концов, обманываешь себя».

Итак, уважаемые читатели, после этого отступления и констатируя, что у «армянского Геродота» М.Хоренского были достаточно яркие предшественники на исторический вымысел, вернемся к последнему.

И дело не только в том, что М.Хоренский превзошел всех их в исторических домыслах, сколько в том, что он сумел «систематизировать...ложь» в целостную историю армян, начиная с мифических времен, в своем опусе «История армян». Прежде всего, М.Хоренский — глазами сегодняшних армянских специалистов. Он не только «крупный деятель армянской словесности V века», не только «отец армянской истории», но и «отец поэтов» и «отец грамматики» («Армянская средневековая литература», 1986). И далее: «Для Хоренаци характерны рационалистическое мышление и критический метод оценки фактов..., путем их сличения..., включая в свой труд только те из них, которые, по его мнению, достоверны и правдивы».

«Сочинение Хоренаци - первая армянская критическая история и как таковая является венцом национальной научно-исторической мысли и одним из выдающихся памятников мировой историографической литературы» (курсив наш).

И вот, уважаемые читатели, после подобного панегирика, выясняется главное: «Проявляя в поисках исторической истины гражданское мужество и научное здравомыслие, автор не считает незыблемым даже авторитет Библии». Как пишет сам Хоренаци: «...Божественное Писание, отделив собственный

свой народ, отвергло историю прочих народов, презренную и недостойную упоминания».

Оказывается, что Хоренаци, будучи «обижен» на Библию, решил ее подправить за счет «критически отбираемых им», а точнее, выдуманных и подтасованных языческих преданий и легенд. И в чем же главная «заслуга» Хоренаци, уважаемые читатели? А в том, что армянская история была придумана от «ноевских колен до мифического Хайка», да еще «сооружен» список армянских царей и попутно католикосов (М.Хоренский, «История Армении М.Хоренского», новый перевод Н.Эмина, М., 1893)!

А теперь настало время привести мнение известного современного специалиста по истории Р.Томпсона: «...Моисей не только пытался поместить раннюю историю Армении на мировой сцене и привести легенды и предания об армянских героях в связанную схему, но он также переделал многое из той истории в тенденциозной манере для того, чтобы прославить своих покровителей и обеспечить их блестящей родословной» (Р.Томпсон, «Введение в «Историю армян М.Хоренаци», перевод и комментарии Р.Томпсона, Лондон, изд. Гарвардского унив., 1978).

Вот так вот, уважаемые читатели! Нам остается только добавить, что Хоренаци доказывал и такой абсурд, что «Армения» восходит к имени Урартийского царя Арама, а «исправив» «ноевские колена», забыл рассказать, как армянские «первохристиане» уничтожили апостола Фаддея, принесшего им христианство.

Забыл он, и рассказать о том, как с третьей попытки, прививший Армении христианство, парфянин Сурен, принявший имя Григория Просветителя, закончил свою жизнь брошенный всеми армянами, одинокий и голодный в пещере...

Поскольку надуманные армянские цари появляются впервые именно у М.Хоренского, то вкратце скажем о хронологии и содержании опуса. Он начинается с благодарности своим патронам и изъяснениями любви к своим благочестивым царям. После чего идет повествование о древних временах, начиная с Адама, к потомкам которого и выводится происхождение армянского на-

рода. Далее в «Первой книге» - «Родословная Великой Армении» излагается байка о происхождении армянского народа, начиная с мифического Хайка вплоть до описания правления Тиграна I (середина VI в. до н.э.). Здесь же для «подтверждения» легендарного происхождения армян, Хоренский придумал сказку о том, что неким Мар Аббасом Катином в архивах Ниневии был найден письменный источник, подтверждающий сказанное.

А вот мнение Р.Томпсона: «Моисей дает знать, что армянские легенды он почерпнул от письменного источника из Ниневии. Вся эта история очень подозрительная... Ниневия содержала не парфянские, а ассирийские архивы, а в последних нет каких-либо значимых информаций об армянской легендарной «традиции.. это не что иное, как литературный прием».

И опять, если отбросить научную вежливость цитируемого ученого, сказанное означает, что перед нами абсурдное утверждение.

Во второй книге «Средняя история наших предков», Хоренский, начиная с А.Македонского, сообщает о парфянской династии Аршакидов вплоть до царя Трдата III, его крещении Георгием Просветителем.

Третья часть исторического опуса посвящается оплакиванию Армении, у которой уже «нет больше ни царя, ни иерея, ни советника, ни учителя». Упадок и поражение объясняется несоблюдением армянами своей веры.

Все изложенное, уважаемые читатели, основывается на русском издании «Истории Армении М.Хоренского» в переводе Эмина (Москва, 1893).

А теперь, дадим список армянских царей, придуманных Хоренским в соответствии с другим переводом - акад. Ст.Малхасьянцем (Ереван, Хайпетрат, 1961, арм.).

Возьмем, к примеру, раздел, именуемый у Хоренского «Генеалогия наших царей и наследование», где тут же находится и «обоснование» их существования.

М.Хоренский пишет. «Существование царей нашего народа подтверждается святым Иеремией. Так вот, Иеремия, якобы заявил, что приказывает царям Арарата выступать против Вавилона. В приводимом на стр.122-123 списке параллельно

даются марасские (мидийские) и армянские цари. На всякий случай оговаривается, что мидийский правитель Варбакес (Варпак) назначил армянского царя Паруйра, сына Скаюрда. Не утруждая вас, уважаемые читатели, укажем только что периоду правления мидийца Астиага, сопоставляются армянские цари Ерванд и Тигран.

И здесь необходимо оговориться. Несмотря на усердные представления армянством М.Хоренского как историка V в. н.э., да и сам его опус, отнесенным к этому же времени, в то же время современная западная историография относит период создания опуса не ранее VIII-IX века. Само же сочинение дошло до нашего времени на основании самой старой из рукописей от XIV века. Так вот, уважаемые читатели, оказывается, что имена армянских царей частичный плод вымысла Хоренского, а определенная их часть перекочевала из «Истории Албании» Моисея Каланкатуйского. Таковы имена албанских царей Скаорди, Канаки, Иеруанда, Пачуга, Павуса, Парнас и др.

И, конечно, у М.Хоренского все армянские правители, начиная с предка армян и кончая самим могущественным Тиграном, являлись образцами высокой воинской доблести

И здесь, невольно приходится еще раз вернуться к замечательной работе архимандрита Мавро Орбини «О расширении народа славянского (1601), под которыми он представлял готов, русов, тюрков и др. Так вот, «одни воевали, а другие писали историю», одни побеждали, а другие представляли и свои поражения в выгодном ракурсе исторической хроники. И надо заметить, что автор «Новой хронологии» академик А.Фоменко и его школа неоднократно подчеркивали, что «История часто выступает как политическая реклама и самореклама». Излагая историю Ордынской Руси (Тюрко-Руси), они указывали, что именно эта реклама и порожденные ею идеология и дипломатия принесли Европе, в свое время в споре с Россией и Турцией, успех, который не был, достигнут военным путем.

Школа А.Фоменко считает «родиной историко-политической саморекламы средневековую Италию (XV-XVII вв.).

Вместе с тем, при всем уважении к этим исследователям, позволим себе не согласиться с последней мыслью. По нашему мнению, родиной историко-политической саморекламы явля-

ется Армения и вся вереница армянских авторов-хронистов, выдававших желанное за действительное, служили этой цели.

А теперь, уважаемые читатели, несколько замечаний о «развитии» хореновских домыслов. Так, к примеру, армянский исследователь Л.Налбандян, привнес для поддержки М.Хоренского, в творчество Геродота одну «незначительную» поправку (примерно так, как в свое время М.Хоренский «подправлял» Библию).

Оказывается, что Геродот утверждал, что фракийцы — армяне, завоевав урартийцев и слившись с ними, передали язык и культуру последним и... зачали армянский народ. Отсюда и Армения. Или же работа Г.Саркисяна «О хронологической канве «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (ИВЛ, М., 1960), которая была доложена на XXV Международном конгрессе востоковедов и в которой посредством околонаучных методов развивались хронологические таблицы, существовавших только на бумаге армянских царей. А вот «Армения» — по соображениям Р.Курияна — исходит из тюркского «ермени» и расшифровывается как «ер» и «мен», что примерно значит «человек Земли». Отсюда и легендарная ее история. Если следовать подобной логике, то не лишне бы напомнить и о том, что посредством тюркского можно допустить «ер» «меним» — «Земля моя», т.е. извечные территориальные претензии армян к соседям.

Казалось бы куда дальше: абсурд на абсурде. Но время показало, что некоторые армянские «ученые» способны на еще большие высоты. Это в прошлом, как оказалось, армянские историки «гусиными перьями старались записать «вечные» мысли, ...их собратья же сегодня вечными перьями запросто пишут «гусиные» мысли. И мы имеем в виду, в первую очередь, С.Айвазяна и его «труд» с претенциозным названием «История России. Армянский след», изданным в Москве в 1997 году.

Так вот, помимо всего прочего, что могло бы послужить предметом отдельного абсурда, сей автор «углубил» тему армянских царей, «разработанную» М.Хоренским. По его мнению, историческая наука XX века не имела права выбрасывать царственно-династийные фальсификации Хоренского. Никто не давал права современным ученым (исключая армянских), не принять во внимание 66 армянских «лжедмитриев», перечерк-

нуть 1958 лет легендарной истории. Наконец, не могла быть династия Хайказуни вымышленной. Он «доказывает» существование армянской клинописи, которой и в помине не было и, оказывается, расшифровал ее и на этой основе подтвердил и развил «выведенные» Хоренским армянские царские династии. А на всякий случай он «подготовил» еще один список «параллельной царской династии Арартуни, просуществовавшей с 860 по 635 года до н.э.

Итак, как мы видим, дружная, целенаправленная поддержка и развитие «идей» Хоренского имеет явно направленный вектор. «жена Цезаря вне подозрений» — царственно-династийный список Хоренского верен, даже если он построен на лжеистории. Припоминается, что когда-то А.Дюма обвиняли в искажении истории Франции. И за него, если не ошибаюсь, вступился Р.Роллан, заявивший, что взамен мы получили такие яркие исторические образы романов Дюма. А что дает армянское искажение истории, не трудно догадаться...

Уважаемые читатели! Возможно вы утомились от армянских опусов, проповедующих в той или иной мере, царственно-династийные бредни. Посему, позвольте обратиться к мнению известных ученых, сознание которых не отягощено навязчивыми идеями.

Согласно исследованиям Е.Мельниковой «Древнескандинавские географические сочинения» (М., Наука, 1986), анализ скандинавских средневековых хроник дает новое толкование термину «Армения». Так вот, по Е.Мельниковой скандинавское «ERMLAND» есть «Великая Армения» или «ARMENIA» — одно из старых названий Германии или Пруссии и эта Восточно-Прибалтийская земля являлась племенной территорией одного из прусских племен варлиев. На этой земле, как указывает Е.Мельникова со ссылкой на Шантени де ля Соссей «Иллюстрированная история религий» (издано Спасско-Преображенским монастырем и Российским фондом мира, 1992г.), в 1243 году было создано епископство ЭРМЛАНД. А вот «Сага о Хрольве Пешеходе», согласно мнению этого исследователя, указывает на зависимость ЭРМЛАНДА от Руси.

Е.Мельникова пишет, что название ЕРМЛАНД часто прочитывалось средневековыми авторами, как HERMLAND (попросту германская страна), как например, информация из саг о том, что и в Великой Армении находилась гора HERMON или Германская гора.

Развивая этот подход, Г.В.Носовский и А.Г.Фоменко в книге «Империя» (М., 2003), доказывают, что скандинавская ARMENIA и есть Германия, а также отвечают на вопрос, что же означает еще одна, имеющаяся на Кавказе Армения. Исследуя древнее название «Армения Великая» (на скандинавском ERMLAND HINN MIKLA), авторы утверждают, что это есть ROMLAND, то есть Византийская империя, а в более поздние года в звучании ARMENIA Германия (Священно-Римская империя). Изложение скандинавских хроник и совместные результаты Е.Мельниковой и Г.Носовского, А.Фоменко позволили последним сделать ряд выводов.

Во-первых, встречающиеся в исторических хрониках названия «АРМЕНИЯ» еще не означает, что речь идет о нынешней Армении, а более вероятно, что подразумевается Германия (в т.ч. Священная Римская империя Германия) или Византийская империя.

Во-вторых, название «Великая Армения» вообще не имеет отношения к нынешней Армении, а подчеркивает масштабы и величие Византийской, а позже Священно-Римской империи.

В-третьих, нынешняя Армения, как исторически бывшая фем-провинция Византии включила в себя как название, так и в свою историю старые римско-византийские хроники как фундамент своей местной истории.

Наряду с этим представители школы академика А.Фоменко исследовали на основе современных математических методов и компьютерных технологий список армянских католикосов «преподнесенный» еще Хоренским. В результате был показан параллелизм между армянскими католикосами, ряд которых начинается якобы с I в. н.э. и Римско-Германскими императорами Священной Римской империи Германии.

В книге «Империя» указывается, что «список» армянских католикосов получен склейкой нескольких версий, по сути де-

ла, одного и того же более короткого списка, и здесь же указывается, что «период церковной истории Армении с IV века до IX века является искусственно созданной компиляцией истории после IX века».

И несмотря на то, что мы уже вели об этом речь в предшествующих параграфах, еще раз подчеркнем, что выводы двух российских авторов позволяют заключить, что Армения, как исторически бывшая фем-провинция Византии включила в себя как ее название, так и всю ее историю, а именно старые римско-византийские хроники в качестве фундамента своей местной истории. И еще кое-что из истории Священной Римской империи Германии.

Выходит, что со стороны армян ведется и совсем не сегодня, планомерное использование исторического прошлого и традиций других народов, а также искусственное удревнение, плагиат и фальсификация армянских родословных

Вместе с тем, мы должны отметить, что согласно существующей в настоящее время версии название «Армения» «восходит к названию Урартийской провинции «Арми», точно также как и «Хайастан» восходит к названию другой провинции Урарту «Хайаса»...

Итак, уважаемые читатели, царско-династийный абсурд был и остается абсурдом. Но вот что удивительно, уважаемые читатели! Надуманная история с несуществовавшими армянскими монархами сегодня имеет свое политическое продолжение на оккупировавших Арменией землях Карабаха. Здесь идет усердная привязка имени уже упомянутого Тиграна II к землям, на которые притязают армяне. В частности, в августе 2007 года армянские СМИ («АрмИнфо») пестрели информацией, что во время раскопок в Карабахе археологи обнаружили очередной Тигранакерт, якобы основанный мифическим Тиграном (Великим). Археологический пиар Арцахского Тигранакерта имеет вполне определенную цель: создать еще одно «подтверждение» о существовании «Великой Армении», включавшей будто бы земли Карабаха. Как доказывают армянские историки, уже откопана христианская базилика V-VI вв., часть молельни, фрагменты покрытий, входы и даже часть крепостной

стены. Керамика же, найденная при раскопках, остатки хачкара все это имеет отношение к эпохе раннего христианства.

Как понимают читатели, речь идет о материальном культурном наследии Кавказской Албании, фальсифицируемом и «прихватизируемом» со стороны армянских кругов. Но это только одна сторона медали. Ведение же археологических раскопок на землях, не принадлежащих армянской государственности и разграбление историко-архитектурного наследия Азербайджана его правовая сторона. И вновь отчетливо проступает то, что фальсификация и присвоение нашего материального и нематериального культурного наследия тесно коррелируется с армянскими претензиями на наши исторические земли.

Полагая, что надуманные царские династия с виртуальными монархами от М.Хоренского продолжают будоражить некоторых армянских деятелей, приводим специально для этой категории набор армянских и других откровений о творчестве Мовсеса Хоренаци. «Каков человек и его дела, такова и его история», - как мы отмечали, писал он. И несмотря на то, что М.Хоренский был «великим» выдумщиком, именно эти слова его сущая правда. Ведь история армянского народа сегодня полна фальши и вымысла.

Гарагашьян: «О прошлом армян не имеются сведения, которые можно было бы считать историей или преданием. После принятия христианства придумали родство Айка с Ноем. Принято, что он потомок Торгома, одного из внуков Яфеса, сына Ноя. Ибо некоторые из старых историков имя Торгома, упоминаемое в еврейских летописях, показали как часть Армении, семья, род, нация Торгома. Об этом впервые написал Хоренский Мовсес» («История восточного вопроса», Лондон, 1905).

Гарагашьян (О почерпнутом М.Хоренским у Мар Абаса): «Где создано это сочинение Мовсеса Хоренского, у кого заимствовано, на каком языке был оригинал? Он об этом не говорит. Сотни лет до Вагаршака не было Ниневии. 450 лет до Рождества Христова Геродот прошел около Ниневии, тогда и его развалин не было. Ксенофон и через пятьдесят лет не упоминает о Ниневии. Вагаршак откуда знал, что в Ниневии есть такая книга? ...Извлечение истории Мар Абаса из хранилища Нине-

вии, по нашему мнению, это незнание древности и непосредственно истории Гелдани и Ниневии. Нынешние наши сведения об этом городе совершенно отвергают это предание» («Осудительная армянская история», Тифлис, 1895).

Айказян: «Первая армянская династия состоит не из исторических личностей, а личностей, взятых из выдуманных сказок. Сам Мовсес Хоренаци не является историком пятого столетия, а историком-фальсификатором, жившим в седьмом столетии» («Армянская история», Париж, 1919).

Геворк Аслан: «Мы должны принять, что Мовсес Хоренаци эти свои рассказы черпал из сирийский сказок или же услышал от скитавшихся в Армении Хуруфитов и мастерски воплотил их в собственном сочинении. Сам пользовался историческими источниками Сирии и Ирана. Присвоил отрывки из войны евреев Ясенхена, истории церкви Еузебена, из Паскале и Малалеса» (Геворк Аслан, «Исторический этюд о населении Армении», Париж, 1909).

Геворк Аслан: «Говоря о Мовсесе Хоренском, у него, кроме одного-двух имен из Ассирийских источников, нет ничего, что подтвердило бы правителей о том, что эта история составлена по преданиям Священного писания, в регионах Аракса и Евфрата, где, в основном, армяне не жили».

Басмаджян: «Происхождение, история Армении и армян очень темны. Эта территория с самых древнейших времен завоевана пришедшими с равнин Памира, Индикуша эмигрантами. Армяне, как и римляне, греки, иранцы и все нации имеют своих мифических героев. Национальные историки, не располагая подробными, явными источниками, их места заняли персонажами из сказок» («Новая история армян», Париж, 1917).

Томаян: «Римские историки выбрали в отличие от Мовсеса Хоренского и других армянских историков совершенно иной путь и других правителей для армян. Большая часть римских историков, будучи современниками событий, а иногда и участниками описываемых происшествий, не сомневается в том, что они писали правду. Тогда как можно это сравнивать с выдумками наших национальных историков? В этом суть вопроса. Чтобы выдумать противоречивые происшествия, Чамчян, Гара-

гашьян и другие историки изрядно потрудились. Однако и эти попытки не были долговечными» («История восточного вопроса», Лондон, 1905).

Т.Веттер: «Сочинения Мовсеса утеряны, не дошли до нас полностью и в достоверной форме, не установлено, что это его сочинения. Он эту историю представляет нам, как написанную в V веке. Мовсес Хоренский свою историю написал, собирая сказания, народные предания в регионе под названием Korhten (нынешний Акулис). Первая и вторая книги его основываются на народных сказках. Он мифические персонажи показал как действительных государей в истории, полученные сведения искажал, как ему хотелось и думалось. Героические эпосы Даххак и Ардашир, связанные с Ираном, сведения об Ешкани и Сасанидах он взял у иранских историков» («Армянские сочинения», Вена, 1895, перевод на армянский язык В.Дашяна).

Де Морган: «Мы видим, как стараются историки этой страны (т.е. армяне), все, будучи духовными лицами, связывают корни своей нации с традициями Священного писания, и как они смешивают предания и источники с той целью, чтобы приблизить к ним род Айка. Это положение относится не только к историческим событиям, но и к семьям правителей» («Осудительная армянская история», Тифлис, 1895).

Етиение Кюстремере: «Розыски Мар Аббаса в хранилищах Ниневии — выдумки Мовсеса Хоренского. Все то, что рассказывает армянский историк, показывает характер одной фантазии. Эти рассказы приняты Мовсесом Хоренским и всеми подобными ему армянскими историками потому, что убаюкивают гордость восточных людей» («История восточного вопроса», Лондон, 1905).

Здесь хотелось бы напомнить Тацита, замечательно предупреждавшего. «Не во власти народа терять из памяти» и имел он в виду память, сформированную пережитыми, а не надуманными событиями. И поэтому, в заключении мы приведем замечательное выказывание Д.Лоуэталя, исследователя из Оксфорда: «Полное забвение может показаться непростительным, но быть принуждаемым памяти, возможно, и еще хуже, тем более, когда речь идет о лживых воспоминаниях, выдум-

ках, определяющих синдром ложной коллективной памяти» (Д.Лоуэталь, Оксф. Межд. Изд., анг.).

А причины этого были поставлены в «диагнозе» армянского историка Геворга Аслана («Армения и армяне», 1914): «*У армян не было государственности. Они не связаны чувством родины и не связаны политическими узами. Армянский патриотизм связан только с местом проживания*» (курсив наш). Или же у Ов.Туманяна: «*Наше несчастное племя никогда не было политически независимым*» (курсив наш).

§8. Кюрекчайский абсурд

Продолжая тематическую подборку «Ab absurdo...» «...Ad absurdum» как обычно, мы начинаем с напоминания о том, что абсурд – далеко не бессмысленный набор слов. Абсурды подчинены определенным целям и потому они преследуют вполне конкретный смысл. Поскольку абсурды представляют собой некие утверждения, а точнее байки, не совпадающие с действительностью, то строятся они на фальсификациях и подделках, вымыслах и измышлениях, и т.п., словом, заквашены они на лжи, лицемерии и фарисействе. Одна же ложь, как известно, рождает другую и точно также, один абсурд прокладывает дорогу другому. И причина здесь в том, что абсурды творит умысел, а не случайность...

Абсурды, приводимые нами, следуют из притязаний армянства на наши земли, тесно сопряженных с присвоением и «арменизацией» азербайджанского культурно-исторического наследия. Эти абсурды рождены надсадным желанием армянства выглядеть, а не быть на самом деле. Они не только нацелены на введение в заблуждение неискушенных, но и подобно обстоятельствам «в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства».

Здесь, наверное, и истоки и армянского политического и всякого другого мифотворчества, здесь, возможно, и питательная почва усердно формируемого образа, далекого от истины, словом, здесь рождаются... абсурды из лжи и упаковываются в лицемерие.

Однако еще давно Публиций Сир метко заметил, что «важно не то кем тебя считают, а кто ты на самом деле», ибо в противном случае, «лицемерие будет данью, которую порок заплатит добродетели»...

Итак, Кюрекчайский абсурд

Как известно, Кюрекчайский договор констатировал присоединение Карабахского ханства к России. 14 мая 1805 года правитель Карабаха Ибрагим Халил-хан и командующий рус-

ской армией на Кавказе генерал Цицианов неподалеку от Гянджи у реки Кюрекчай подписали договор, представляющий собой «Клятвенное обещание» и согласно которому Карабахское ханство, добровольно входя в подданство России, лишалось своей самостоятельности.

Это был поворотный исторический пункт, последовавший вслед за присоединением Гянджинского ханства к России. Указанное событие имело отношение к последующей истории Азербайджана и России, и Кюрекчайский договор сказался и на сегодняшних реалиях Карабаха.

Однако, как это не парадоксально, в последнее время все чаще встречаешься с рецидивами измышлений относительно Кюрекчая, муссируемого в армянских и ряде российских изданий, часть их которых восходит к армянским абсурдам, заготовленным еще в советское время.

Сущность абсурдных измышлений сводится к следующему.

Во-первых, Карабах был присоединен к России как некая армянская область с ареалом проживания армянского населения.

Во-вторых, благодаря «усилиям» армян и состоялся Кюрекчайский договор, который инициировали и претворения которого добивались армяне.

Стоит подчеркнуть, уважаемые читатели, что еще в то историческое время, и это отмечалось в наших публикациях, перемещение «армянского вопроса» на территорию Южного Кавказа представляло собой политическую сделку: Россия способствует переселению армян из Турции и Ирана на эти земли, создавая в последующем здесь армянскую государственность, армяне же берут на себя обязательства быть верным союзником, «клином», водоразделом «Россия тюрко-мусульманский мир» или по современному «форпостом России в регионе».

Возможно, это одна из примечательных черт внедренного в массовое армянское сознание политического миротворчества представление о политической роли армян в качестве активного агента России.

Представляется, что то, какие функции возлагало и возлагает на себя Армения во взаимоотношениях с Россией в прошлом и в настоящем дело самой Армении и даже не суть глав-

ное. Важно то, что армяне к Кюрекчайскому договору никакого отношения не имели.

Армянский след в Кюрекчае представляет собой абсурд и надуманное свидетельство «успешно выполненного» в прошлом обязательства Армении перед Россией, тем более, что речь идет о Карабахе.

Чтобы поддержать этот тезис, уважаемые читатели, нам, как обычно, понадобится краткий исторический экскурс, а также небольшой комментарий к тексту самого договора.

Прежде всего несколько замечаний о том, какая историческая ситуация предшествовала подписанию Кюрекчайского договора.

После смерти Надир-шаха, возродившего временно Сефевидскую империю, его шахство развалилось. Азербайджан же ко 2-ой половине XVIII века представлял собой множество независимых или частично зависимых феодальных образований в виде ханств и мелких султанатов (около 23).

Наиболее усилившимся из них, причем за короткий исторический промежуток времени, стало Карабахское ханство, созданное Панах Али ханом, происходившим из рода Джеванширов и разместившим первоначально свое ханство в западной части бывшего Карабахского беглярбекства развалившейся империи Надир-шаха. Следует подчеркнуть, что Надир-шах в годы своего правления не особенно благоволил Карабахскоу беглярбекству по причине того, что не был поддержан ими при восхождении на шахский престол (карабахские роды хотели видеть на шахском троне только представителей династии Сефевидов, а Надир-шах же происходил из них). Надир-шах после венчания на шахство вывел из подчинения Карабахского беглярбекства Казахские, Борчалинские и Шамсаддинские территории с их правителями, переподчинив их Картлийскому царю Теймуразу. Он пошел еще дальше, предоставив свободу, и выводя из подчинения Карабаха Пятерицу – Хамсэ карабахских христианских меликств, которые с того времени подчинялись исключительно шаху. Таким образом, 5 феодальных дочерних линий Гасан Джалаловского рода, получившего еще в XV веке от Джаваншаха Кара-Коюнлу титул «мелик», а именно мелик-

ства: Гюлистан, Чилаберд, Хачын, Варанд и Дизаг стали иметь относительную независимость.

Панах Али хан, радевший за могущество Карабахского ханства, предпринял ряд мер для укрепления своей центральной власти, сумев добиться признания ее и со стороны албанских меликств. После смерти Панах Али хана политику полного подчинения меликств Карабахскому хану продолжил его сын Ибрагим Халил хан и добился этого силой оружия. Несомненно и то, что албанские мелики, будучи крупными феодальными владетелями, не оставляли желания уйти из подчинения Карабахского хана, искали поддержки у России посредством писем своего католикоса, но это была исключительно борьба за свои владения, за свою самостоятельность, за создание «...Албанской, ни от кого, кроме России, независимой области...». Да и царский режим при императрице Екатерине II вынашивал, как отмечалось ранее, потемнинский план создания Албанского, а не Армянского царства. По этой причине придание прорусской ориентации албанских меликов армянской окраски, не выдерживает критики. Посмотрим, как осуществляется фальсификация сегодня и как рождается очередной абсурд. В разделе «армянская апостольская церковь» «Православной энциклопедии» (т.3, 2002) под авторством А.Бозаяна и К.Юзбашяна формируется модернизированная абсурдная версия изложенного. Оказывается, что *«...епархии, находящиеся на персидской территории и, прежде всего, Албанский католикосат с центром в Гандзасаре (Арцах) развернули активную деятельность, направленную на присоединение Армении к России». Армянское духовенство Ереванского, Нахичеванского и Арцахского ханств стремились избавиться от власти Персии»* (курсив наш). Здесь каждая мысль абсурдна, построена на политическом миротворчестве, лжива по своей сути, начиная с того, как могла присоединяться несуществующая на этой территории Армения вместе со своим духовенством и со своей отсутствующей паствой в Ереванском и Нахичеванском ханствах к России, и кончая несуществовавшим Арцахским ханством. И с какой стати Албанская церковь стала «работать на Армению?» А вот и другой образец очередного абсурдного измыш-

ления о том, что «по Туркменчайскому договору 1828г. Восточная Армения вошла в состав Российской империи». Что же эта за «Восточная Армения» — могут знать только авторы подобных абсурдов.

Вместе с тем, очевидным являлось то, что правитель Карабахского ханства в этот исторический промежуток времени, невзирая на сложную политическую ситуацию, являлся сюзереном и в какой-либо зависимости или под каким-то влиянием не находился. Как это не парадоксально, документальное подтверждение этого факта пришло позже и нашло отражение в Гюлистанском договоре, где Иран по настоянию России отказался от претензий на Карабахское и другие ханства Северного Азербайджана по причине того, что они много лет, предшествовавших Гюлистану, являлись независимыми.

В 1801 году Восточная Грузия была присоединена к России вместе с зависящими от нее Казахским и Шамсаддинским султанатами с их азербайджанским населением. План Российской империи предусматривал присоединение и азербайджанских ханств и был подготовлен Цицановым.

Сначала пала территория Джар-Балакяна, а затем, несмотря на героическое 9-месячное сопротивление населения во главе со своим правителем Джавад-ханом, было сокрушено и Гянджинское ханство. Случилось это в 1803 году. На очереди было Карабахское ханство, но начало I русско-иранской войны несколько отсрочило события. Однако уже весной 1805 года Цицианов, расположившись в лагере вблизи Гянджи у реки Кюрекчай в письменной форме потребовал от Ибрагим Халил-хана — правителя Карабахского ханства определиться в его внешполитической ориентации. Хан должен был ответить на вопрос: с кем он — с Россией или с Ираном. Подчеркнем, что этот вопрос стоял перед Карабахским ханом, уважаемые читатели, а не перед армянами или правителем какой-то несуществовавшей на Южном Кавказе армянской области.

Безысходность положения и желание сохранить ханство, привели Ибрагим Халил хана на встречу с Цицианов, когда он прибыл вместе со своими сыновьями и зятем, являвшимся правителем Шеки. Именно здесь над рекой Кюрекчай 14 мая

Ибрагим Халил хан поставил свою печать, а Цицианов подпись на «Клятвенном обещании», вошедшим в историю как Кюрекчайский договор.

Итак, уважаемые читатели, к России присоединялось Карабахское ханство, а не какая-та мифическая армянская область и присоединение к России было вынужденным, в побудительных причинах которого не существовало никакого армянского следа.

Тем самым, «Клятвенное обещание» правитель Карабаха подписал не под каким либо влиянием, тем более, армянским, а исключительно в силу сложившейся безысходной ситуации и желания сохранить ханство; ничто не обременяло его волю, кроме осознания собственной слабости и отчетливого представления о неуступчивости намерений царской России по колонизации земель. Как независимый правитель, он отчетливо понимал суть клятвы о своем «добровольном» вассальстве и не мог не представлять последствий фактического низложения своей власти.

А теперь обратимся к тексту Кюрекчайского договора и попробуем разыскать здесь какое-либо армянское начало. Согласно первому артикулу текста «Клятвенного обещания» Ибрагим Халил хан Шушинский и Карабахский как от своего имени, так и от имени своих наследников и преемников принимал обязательство, согласно которому не мог быть вассалом никакого государства в т.ч. Персии, признавая вассальную зависимость только от российского самодержца.

Второй артикул определял ручательство российского императора в сохранении целостности ханства. Третий артикул подчеркивал, что подтверждение на ханство Ибрагим Халил хан, а в последствии и его преемник и наследник, получают согласно необходимой присяге в установленной форме на вероподданность российскому императору. Согласно артикулу четвертому хан не имел права без предварительного согласования и разрешения главнокомандующего Грузии вступать в сношения с соседними владетелями. Пятый артикул подчеркивал отношение российского самодержца к карабахцам, равнозначное его отношению к другим подданным империи и гарантировал хану власть на внутреннее управление ханством. При этом на охрану особы хана выделялось 500 человек, в т.ч. офи-

церы, штаб, пушки, словом, Шушинская крепость оккупировалась русскими войсками. Далее шли обязательства Ибрагим Халил хана обеспечивать провиантом русские войска, условия для постоя и сделать удобным для них вход-въезд в Шушинскую крепость, а российский самодержец взамен даровал ему знамя с гербом Российской империи. Кроме того, Ибрагим Халил хан обязывался вносить в казну в Тифлис ежегодно 8 тысяч червонных и, вдобавок, отдать в знак искренности своих намерений в залог своего внука и т.п.

В Кюрекчайском договоре всего 11 артикулов (статей) и подчеркиваем, нет ни одной, где присутствовало бы упоминание об армянах. Более того, нет упоминания и об албанских христианских феодальных владетелях.

Причина была в том, что Российская империя договаривалась с независимым правителем Карабаха, а не с какими бы ни было его частями, подчеркивая тем самым полноценную власть карабахского правителя.

Несмотря на то, что «Клятвенное обещание» было нарушено спустя год и Ибрагим Халил хан вместе со своим старшим сыном был казнен как раз руководителем размещенного им царского контингента — все это была история Карабаха, а не армян. Точно так же, как и при возведении на ханский трон в сентябре 1806 года императором Александром I его другого сына Мехдигулу ага не было ничего в указе императора связанного с армянами, то есть начисто отметался какой-либо армянский след.

И это тоже история и трагедия Карабахского ханства, которое опять-таки в нарушении договоренности было просто-напросто ликвидировано спустя несколько лет. Вместе с тем, нет худа без добра, поскольку в 1823 году царским режимом было составлено «Описание Карабахской провинции», причем по указанию главноуправляющего на Кавказе Ермолова. И оказалось, что только 8,4% населения семей Карабаха приходилось на долю нетюркского населения. И это в отличие от армянских домыслов было, уважаемые читатели, именно албанское население, а не армяне.

А армяне стали активно вселяться в Карабах по указанию генерала Паскевича и непосредственном участии его помощни-

ка, армянина по происхождению, Лазарева после 1828 года, т.е. после Туркменчайского договора. Наверное, по той причине, что российские данные по Карабахской провинции не совпадают с фальсификациями армян, последний документ под разными предлогами был изъят армянством из библиотек России и уничтожен. И не могло быть иначе: ведь в момент заключения Кюрекчайского договора армян как таковых в Карабахе не было.

Такова, уважаемые читатели, история Кюрекчайского абсурда, преподносимого армянством.

§9. Ашугский абсурд

Продолжая, уважаемые читатели, публикацию материалов «Ab absurdo…» «…Ad absurdum», в которых знакомим вас с абсурдами армянства, и по сложившейся традиции напоминаем, что «абсурд», являясь нелепостью, не представляет собой бессмысленный набор слов. Абсурдные утверждения сродни «бредням» и, не соответствуя действительности, они, тем не менее, несут конкретный смысл, суть которых предопределяется соответствующими целями. Цели армянства, как подчеркивалось неоднократно, заключены в притязаниях на наши земли, переплетенных с присвоением и «арменизацией» культурно-исторического наследия азербайджанского народа. Смысл же абсурда – убедить окружающих в заведомо ложном суждении, а точнее байке и по замыслу в той или иной форме обеспечить «поддержку» и даже «оправдание» неблаговидным целям. «Клевещите, клевещите, что-нибудь уж, по крайней мере, шрамы да останутся», – поговаривали со времен А.Македонского. Армянство всегда стремиться доказать, следуя своей логике, – что белое есть черное или же из того, что это не белое следует что это – черное. При этом всегда подразумевается, что «цель оправдывает средства». Потому и не важно, что абсурды как средства построены на лжи и лицемерии. Абсурды, подобно тому, как одна ложь рождает другую, способствуют возникновению других абсурдов. Переиначивая известную грузинскую фразу «пришел армянин и принес новую беду» стоит подчеркнуть, что «приход» армянства всегда связан с рождением очередного абсурда. «Казаться, а не быть»: этот девиз армянства прямо противоположен известной истине «чтобы казаться тем, кем ты хочешь, нужно быть им». Однако, «платье, как говорил Сервантес, и облачает и разоблачает». Возможно, это и не играет существенной роли для тех, кого родной армянский поэт Егише Чаренц охарактеризовал так: «В нас лицемерие проявляется еще в утробе матери».

Итак, ашугский абсурд

Сущность абсурда заключается в том, что армянство пытается представить первичность своего «ашугского» творчест-

ва, а нам предоставляется «великодушная» возможность пожинать производные плоды этого «феномена» Поскольку сущность ашугского творчества очевидна для каждого из нас азербайджанцев, то, как мы отмечали в предыдущем параграфе, ашугское искусство, опираясь на дастанные и фольклорно-песенные корни, тесно связано с интеллектуальными кражами последних. Раз подвергаются армянской приватизации и эпические произведения, то, естественна и потребность в утверждении «армянской первичности» носителей устного народного творчества, коими и выступают озаны-ашуги.

Прежде чем послушать высказывания на сей счет армянских апологетов по причине, о которой пойдет речь ниже, заметим, что армянство, в первую очередь, предъявляет свои претензии к этимологии слова «ашуг». Делается это, невзирая на то, что «Большая Советская Энциклопедия» подчеркивала корни слова «ашуг» от арабского слова «ешг» («ашк») (БСЭ, III, Втор. Изд. «БСЭ», 1950) и игнорируя сходное разъяснение этимологии этого слова в «Краткой Литературной Энциклопедии» от 1962г. (т.1). Более того, не принимается во внимание даже «Энциклопедический Музыкальный словарь» от 1959г., где авторы идут еще дальше, разъясняя тюркское происхождение слова «ашик» (буквально влюбленный) и подчеркивая, что это «народный поэт-певец и музыкант у азербайджанцев и армян и соседних с ними народов СССР, а также некоторых стран Востока». В этом же издании очень точно разъясняется, что «ашуги слагают свои песни-импровизации под аккомпанемент струнного инструмента (саз, тар, кеманча)». Точно также известные литературоведы Л.Тимофеева и Н.Венгров в «Кратком словаре литературоведческих терминов» однозначно объясняют слово «ашыг» как термин тюркского происхождения (М., Госучпедгиз, Мин. Прос РСФСР, 1963) Даже, более поздний «Советский Энциклопедический словарь» от 1985 г. трактует «ашуг» от «ашик» — буквально влюбленного», подчеркивая тюркские корни этого слова и раскрывает сущность этого творчества, когда «кроме песен собственного сочинения в репертуар ашугов входят эпические сказания, народные песни» Скажем больше. Несмотря на свидетельство М.Налбандьяна (Полн. собр. соч., т.1) о том, что «армянских ашугов можно

считать армянскими только по той причине, что они родились в армянских семьях» и «что они все время опирались на творчество азербайджанских мастеров» и более того «используемые ими музыкальные инструменты являлись тюркскими саз, сантур, каман или каманча, баглама», армяне не прекращают претензий к происхождению термина «ашуг» («ашыг») («Армянские ашуги», собрал Е.Т.Пальян, 2 т., Измир, Изд. Мамурьяна, 1941, арм). К примеру, небезызвестный Газ. Агаян давал толкование слова «ашуг», исходя из армянского термина «асог» (Г.Агаян «Армянские гусаны и гусан-ашугское искусство», Ер. «Хайпетрат», 1959, арм.), что значило, согласно его редакции, «стих, песня или их исполнитель».

Наряду с этим, армяне пробовали подступиться к термину «ашуг» и через слово «асел», ибо в древнеармянской литературе, по мнению армянских толкователей, оно было тождественно смыслу слова «ергел», то есть «читать». В частности, акад. Ст.Малхасьянц еще в своем «Толковом словаре армянского языка» (т.1, Ер. Гос.Издат. Арм. Респ., 1944) сумел довести смысл слова «асел» до 40-значного понятия, включая «исполнение», «песнопение», «декламация стихов» и т.п.

Очередной шаг для «обоснования» абсурда был сделан писателем С.Ханзандяном, утверждавшим, что «наш [армянский] народ сумел сохранить на своих специфических местных диалектах слова «асох», «асух», означавших «исполнитель», «импровизатор» (С.Ханзандян, «Развитие народной поэзии Армении, особенности современного гусанского искусства, их формы и массово-политические значение». Доклад на II Всесоюз. семинаре по народной поэзии, октябрь 1949, Москва).

Дальше еще интереснее, поскольку С.Ханзандян «сумел» объяснить в словах «асох», «асух» замену букв «С» на «Ш», получая тем самым столь желаемые «ашох» или «ашух» созвучные термину «ашуг», но не имеющие к нему никакого отношения. В итоге, нет вам ни исходного арабского корня «ешг», нет и тюркского «ашик», а взамен есть армянские корни «ашох-ашух».

Нелепость была настолько очевидной, что с ней не согласился даже ранее упомянутый армянский ученый Малхасьянц,

который был вынужден признать, что «ашик» - «народный поэт, исполнитель, музыкант» по смыслу восходит к арабскому корню (Ст.Малхасьянц «Толковый словарь армянского языка», т.1).

Поскольку исходящий из арабского корня «ешг» тюркизм «ашик» никак не устраивал армян, то они попробовали подступиться иначе. В частности, литературовед М.Чанашьян «определил» происхождение слова «ашыг» или «ашег» из фарсидского корня, что означало «влюбленный» (М.Чанашьян, «История современной армянской литературы», т.1, «Венеция», С.Газар, 1953, арм.). Просим обратить внимание, уважаемые читатели, как это представлялось: «в свое время ашугское (армянское) творчество претерпело фарсидское и тюркское влияние. И оно сказалось даже на псевдонимах, созданных стихах и названиях их. Таких форм насчитывается более 60». Смысл сказанного очевиден: если и было, в том числе тюркское влияние на ашугское творчество армян, то оно перестало быть актуальным. Автору подобного утверждения не мешало бы обратиться к Г.Левоньяну, который в своем первичном исследовании также пробовал придать термину «ашыг» фарсидское происхождение (Г.Левоньян «Армянские ашуги», Александрополь, Изд. Г.Сантурьянца, 1892, арм.), а впоследствии, вынужден был признать, что этимология слова «ашыг» восходит к «ешг» «любовь» и благодаря тюркам было донесено до армянского языка в форме «ашыг», и далее как «ашуг» перешло в русскоязычную литературу (Г.Левоньян, «Ашуги и их искусство»). Эта мысль была поддержана и Л.Минасяном («Персидские армянские ашуги», Тегеран, 1964, арм).

Настойчивость армянства, достойная, возможно, более лучшего применения, требует разъяснений. Словом, в чем непомерная любовь к толкованию арабского слова «ешг» и его тюркизму «ашыг»?

А ларчик открывается просто. По мнению армянских специалистов до армянских ашугов существовали их предшественники - гусаны, випасаны и т.д. и как отмечено в Сов. Энциклопедическом Словаре от 1985г - «*гусаны - армянские народные певцы, рапсоды. В XVII в. и позднее их называли ашугами*» (курсив наш). Так вот, поскольку армянские гусаны стали

называться с XVII века ашугами, так и надо было постараться найти армянское объяснение тюркскому слову «ашуг». Подобные армянские попытки далеко не случайны, поскольку, если подвергаются «арменизации» эпические произведения, фольклорные образцы, то заодно с ними приватизируются и сами носители устного народного творчества — ашуги. Отсюда и абсурдные псевдоразъяснения, связанные с этимологией слова «ашуг».

Оставив в стороне абсурдные попытки армянской этимологической трактовки термина «ашуг», попытаемся, уважаемые читатели, выяснить — почему преемники армянских гусанов перешли в своих исполнениях на азербайджанский язык. Прежде чем обратиться, как обычно, к армянским авторам, напомним, что по общепринятому мнению азербайджанские ашуги являлись наследниками озанов (узанов), а имя-титул «ашуг», как полагают, появилось где-то в XV-XVI вв., а порой считают, что и несколько позже, в XVII веке.

Начнем с того, что же представляла собой армянская ашугская школа?

Согласно классификации Г.Левоняна (известного специалиста, сына ашуга Дживани) существует 3 направления в этой школе, а именно, фарсидско-армянская, тюрко-армянская и грузино-армянская (Г.Левонян «Ашуги и их искусство», Ер., 1944). При этом первое направление датируется XVII в. (Новая Джуга), второе — XVIII в. (Стамбул) и третье — XIX в. (Грузия). Подобная классификация задуманно носит «территориальный» характер, поскольку представители всех трех направлений «работали» на двух языках — азербайджанском и армянском. К примеру, отнесенный к первому фарсидско-армянскому направлению, Дживани стремился создавать произведения, как на армянском, так и на азербайджанском. Подтверждением этому является хранящиеся в Гусанском фонде Музея литературы и искусства Армении, его произведения. Стало быть, он был в соответствии со своим творчеством, ведущим представителем азербайджанско-армянской школы.

Точно также, отнесенный к грузинско-армянскому направлению Саят Нова из 209 стихов своего творчества 115 на-

писал на азербайджанском, 60 на армянском и 34 на грузинском и, стало быть, с полным основанием мог быть отнесен также к представителям азербайджано-армянской школы. В целом такие известные армянские ашуги, как Н.Гучак, Мирин, Саят Нова, Кешиш оглу, М.Бурджю, Ширин, Сайад и другие творили на двух языках — азербайджанском и армянском, а главное, были тесно связаны с азербайджанским фольклором и стремились походить на азербайджанских ашугов.

Не случайно, Г.Левонян, как мы уже отмечали, вынужден был признать, что «как имена, принимаемые армянскими ашугами (псевдонимы), так и названия их стихов и песен — все по-азербайджански» (Г.Левонян «Армянские ашуги», Александрополь, 1892г.). О том, что армянские ашуги были тесно связаны с азербайджанской ашугской школой, опирались на наше фольклорное творчество, многократно свидетельствовали и классики армянской литературы Х.Абовян и Г.Агаян. Об этом мы уже вели разговор в предшествующей главе. Напомним, что именно Г.Агаяну принадлежит и такое свидетельство, что «у наших ашугов нет дастанов со стихами, все только на тюркча [азербайджанском]» (Г.Агаян «Произведения», т.3). Или же, уважаемые читатели, мы адресуем вас к приведенному ранее откровению Г.Агаяна в связи с его приобщением к ашугскому искусству и постижением азербайджанского языка. Наконец, считали бы возможным сослаться и на произведения Г.Агаяна, где повествуется об ашугском искусстве. Вот, к примеру, Г.Агаян в своем романе «Арутюн и Манвел», рассказывая о стихотворных формах, писал: «Первое и последнее слово на тюркском...». Там же в специальном разделе «Ашуги и охотники» из описания состязания ашугов следует, что все исполняемое ими на азербайджанском языке. Более того, вот что говорит он устами своего героя Арутюна: « ..Он странный человек. В отличие от других ашугов не исполняет на тюркском. Его песни — на армянском. Однако стихотворная форма по-прежнему тюркская...» (Г.Агаян, сочинения, т.3). Словом его удивляет, что кто-то из армянских ашугов может творить на армянском, а не на азербайджанском.

Итак, уважаемые читатели, армянская ашугская школа была, как правило, двуязычной и азербайджанский язык играл в творчестве ее представителей, едва ли не ведущую роль

Возникает вполне естественный вопрос: если армянские ашуги творили на азербайджанском, либо находились под огромным влиянием нашего дастанного творчества, то, что представляло творчество их предшественников — гусанов, которых, как отмечается в «Энциклопедическом словаре» (1985), с XVII в. называли ашугами?

Как общепринято, азербайджанские ашуги продолжили творческую линию озанов (узанов). С чем же тогда связано достаточное сходство терминов «озан-узан» и «гусан» и вызвано ли оно только случайностью?

Обратимся, как обычно, к армянским источникам и разберемся, как трактуется ими термин «гусан». Согласно «Армянскому этимологическому словарю» академика Ачарьяна (Ереван, 1930) термин «гусан» употребляется в нескольких смыслах. Во-первых, это «мимос», то есть сатирик, во-вторых, «исполнитель» (музыкант, певец, аккомпаниатор) и, в-третьих, это «тмбуг» — женщина-исполнитель.

Наряду с этим предполагается, что слово «гусан» восходит к пехлевийскому «госан». А вот М.Агаян «гусанами» именует армянских народных исполнителей. «У нас [армян] один из древних музыкальных инструментов именовался «гос», а наши языковеды придавали ему смысл «мец тмбуг» (большой тмбуг). Однако зачастую можно встретить одноименные, но различные музыкальные инструменты. Стало быть, и «гус» может быть многозначительным и одно из его значений — название музыкального инструмента» (М.Агаян, «Армянские гусаны и гусано-ашугское искусство», Ер., 1959). Просим обратить внимание на пространное и вместе с тем недостаточно убедительное разъяснение. Не случайно, известный армянский ученый-литературовед Ст.Малхасьянц в своем «Толковом словаре армянского языка» однозначно определяет, что слово «гусан» может быть привязано только к пехлевийскому «госан» (Ст.Малхасьянц, «Толковый словарь армянского языка», Ер., 1944). Если уж не армянские корни, то пехлевийские но никак не тюркские!

Попытки найти «местное» происхождение термина «гусан» были предприняты и в более ранних армянских источниках. Так, к примеру, М.Эмин в «Эпосе древней Армении» (М., 1850) проводил параллель между армянскими гусанами и греческими рапсодами. А.Заминян же в «Истории армянской литературы» (1914), отмечал, что наряду с гусанами были еще и випасаны. А вот О.Жамкочьян и др. в «Истории армянского народа» (Ер., 1963) идут еще дальше и привязывают гусанов и випасанов к периоду, предшествовавшему нашей эре (IV-I века до н.э.), ко времени династии Гайказьянов. И это еще не все, поскольку Левонян «находит место» гусанскому творчеству в эллинистической культуре. Оказывается, что в древнегреческий период название «мимос» было неверно переведено на армянский язык и ошибочно представлено как «гусан» (Левонян, «Театр в древней Армении», Ер., 1941). Эти направленные попытки найти местное происхождение слова «гусан», удревнение его происхождения, наконец, стремление во чтобы то ни стало оградить от осмысления его в ракурсе азербайджанского звучания «озан» («узан») совершенно очевидны и не требуют комментариев. Можно только отметить, что азербайджанские термины «узан», «гопуз» исходят из одного корня «уз». «Узлашдыран», «дюзян» (что в переводе с азербайджанского означает «увязывающий», «сочленяющий») как раз и были узаны, способные увязать слова в строки, строки в четверостишия. Это были певцы — поэты, наследниками которых и являются ашуги. Более того, согласно мнению известных историков М.Артамонова, Дегиня и др. «гоц», «гуц», «уц» — все это названия тюркоязычных племен в европейских источниках. Из этого же корня — «огузы», отсюда же и информация от А.Комнина о библейском царстве «Аш-гуз», греческое «скузес», ассирийское «ашгузай», вавилонское — «ишгузай», то есть скифы.

Озанское искусство и традиции продолжают и азербайджанские ашуги и казахские кюйчи и джырчи и туркменские бахши и кыргызские акынчы.

В заключение мы приводим мнение известного ученого, академика В.А.Гордлевского, убедительно показавшего тюрк-

ское происхождение слова «озан», восходящее к слову «узан» «*...певцы в богатых одеждах – озаны и кобзари играли на тамбуре (домбре) и кобузе, слагали песни о завоевании городов, о подвигах багадуров, вспоминали о старых огузских героях* (курсив наш) (В.А.Гордлевский, Изб. Соч., в 2-х томах, М., 1960, а также В.А.Гордлевский «Происхождение османского слова» «узан», М., 1930).

Итак, уважаемые читатели, абсурд на то и абсурд... Какому народу принадлежит озан-ашугское творчество, кто и как его перенимал, почему армянские ашуги творили и исполняли на азербайджанском, хотя и «их предшественники восходили к эллинистической культуре», чем порождено сходство терминов «озан-узан» и «гусан» на эти и на другие подобные вопросы, вы, уважаемые читатели, сами без труда найдете ответ.

§10. Кладбищенский абсурд

Мы продолжаем, уважаемые читатели, знакомить вас тематической подборкой «Ab absurdo...» «...Ad absurdum», в которой отражаются армянские утверждения, не имеющие никакого отношения к действительности или, попросту, армянские байки. Следуя традиции, напоминаем, что «абсурды» - не просто бессмысленные композиции из слов, а заведомо лживые утверждения, преследующие вполне определенный смысл. Назначение абсурдов предопределено целями армянства - территориальными претензиями к азербайджанским землям, тесно увязанными с присвоением и «арменизацией» нашего культурно-исторического и интеллектуального наследия.

Казаться для непросвещенной публики тем, чем армянство не является на самом деле - этому служит многовековое мифотворчество и конструирование ложной истории и это должно «оправдать» ненасытное вожделение к чужим территориям и неуемный аппетит к интеллектуальным достижениям других. Каждый армянский абсурд есть очередной «вклад» в копилку армянского симбиоза идей, где в мозаику будущих намерений тесно вплетены псевдоаргументы «величия» прошлого и претензии на особое право. Причем таким образом, что отказ в преимуществах должен оцениваться как ущемление в правах.

Абсурды, будучи квинтэссенцией лжи, как и любая ложь стремятся подражать правде. А ложь, как известно, подобно снежному кому - чем дальше он катится, тем больше становится. «Замысливший обман, не скажет правды», - так выражался Генрих Манн. «Не порицающие клеветников - поощряют их», таковым был издревле готовый «ответ» Светония на это высказывание.

Уважаемые читатели! Подборка «От абсурда...» «...К абсурду» следует этим назиданиям и согласно восточной мудрости «*Будем побеждать гнев кротостью, зло добром, а лгуна правдой*» (курсив наш).

Итак, «кладбищенский» абсурд

Сущность излагаемого абсурда прекрасно выражена в азербайджанских пословицах: «Гара мяни басынджа, озюм га-

раны басым», а также «огру еля багырды ки, догрунун багры чаттады», что в переносном смысле выражает стремление «валить с больной головы на – здоровую». Оккупировав Карабах, уничтожив на этой земле все мыслимые памятники материальной культуры Азербайджана, армяне в последние годы все более открыто предъявляют притязания и на нахичеванскую землю. А фарисейские стоны о разрушении здесь армянских кладбищ исходят из этого же корня. Ключевым элементом задуманной армянством «кладбищенской» информационной войны является «уничтожение» армянских хачкаров – надгробных памятников в Нахчыване. По замыслу сформулированный абсурд должен был, как обычно, нести двойственную функцию. Во-первых, довести еще раз до мнения неискушенных наличие «армянского следа» в Нахчыване и напомнить, что в прошлом это был армянский ареал проживания, реанимируя ностальгию по мифической «Великой Армении». Во-вторых, протащить в очередной раз байку о вандализме «азербайджанских варвар», умышленно уничтожающих достояние христианского материального наследия. Подобные штампы, как понимают уважаемые читатели, не блещут новизной. Ложь и лицемерие, «многострадальность» и фарисейство – набившие оскомину наработанные методы армянской пропагандисткой машины. Как отмечалось в одном из предшествующих параграфов, абсурды подобного рода, тем не менее, далеко не безвредны. Они, ущемляя честь и достоинство, посягают на интеллект и культуру тех, против кого измышлены. Словом, порицая одних, косвенно восхваляют армян и потворствуют созданию мнимого, но столь желанного армянством образа. Хотя еще древние римляне предостерегали, что «наносящий ущерб одному, угрожает многим», однако армянская клевета с крокодиловыми слезами достучалась и до европейцев...

Абсурд на сей раз, был зачат книгой армянского специалиста Аво Катерчияна «Армянский или искаженный Нахчыван». Просим обратить внимание на не терпящее какого-либо инакомыслия название издания армянского историка. Утверждая наличие на территории старой Джульфы (Джуга) древних армянских захоронений, и «развивая» соображения о землях «Великой Армении», частью которых, по его измышлениям,

§10. Кладбищенский абсурд

Мы продолжаем, уважаемые читатели, знакомить вас тематической подборкой «Ab absurdo…» «…Ad absurdum», в которой отражаются армянские утверждения, не имеющие никакого отношения к действительности или, попросту, армянские байки. Следуя традиции, напоминаем, что «абсурды» - не просто бессмысленные композиции из слов, а заведомо лживые утверждения, преследующие вполне определенный смысл. Назначение абсурдов предопределено целями армянства - территориальными претензиями к азербайджанским землям, тесно увязанными с присвоением и «арменизацией» нашего культурно-исторического и интеллектуального наследия.

Казаться для непросвещенной публики тем, чем армянство не является на самом деле – этому служит многовековое мифотворчество и конструирование ложной истории и это должно «оправдать» ненасытное вожделение к чужим территориям и неуемный аппетит к интеллектуальным достижениям других. Каждый армянский абсурд есть очередной «вклад» в копилку армянского симбиоза идей, где в мозаику будущих намерений тесно вплетены псевдоаргументы «величия» прошлого и претензии на особое право. Причем таким образом, что отказ в преимуществах должен оцениваться как ущемление в правах.

Абсурды, будучи квитэссенцией лжи, как и любая ложь стремятся подражать правде. А ложь, как известно, подобно снежному кому – чем дальше он катится, тем больше становится. «Замысливший обман, не скажет правды», - так выражался Генрих Манн. «Не порицающие клеветников – поощряют их», таковым был издревле готовый «ответ» Светония на это высказывание.

Уважаемые читатели! Подборка «От абсурда…» «…К абсурду» следует этим назиданиям и согласно восточной мудрости «*Будем побеждать гнев кротостью, зло добром, а лгуна правдой*» (курсив наш).

Итак, «кладбищенский» абсурд

Сущность излагаемого абсурда прекрасно выражена в азербайджанских пословицах: «Гара мяни басынджа, озюм га-

раны басым», а также «огру еля багырды ки, догрунун багры чаттады», что в переносном смысле выражает стремление «валить с больной головы на – здоровую». Оккупировав Карабах, уничтожив на этой земле все мыслимые памятники материальной культуры Азербайджана, армяне в последние годы все более открыто предъявляют притязания и на нахичеванскую землю. А фарисейские стоны о разрушении здесь армянских кладбищ исходят из этого же корня. Ключевым элементом задуманной армянством «кладбищенской» информационной войны является «уничтожение» армянских хачкаров – надгробных памятников в Нахчыване. По замыслу сформулированный абсурд должен был, как обычно, нести двойственную функцию. Во-первых, довести еще раз до мнения неискушенных наличие «армянского следа» в Нахчыване и напомнить, что в прошлом это был армянский ареал проживания, реанимируя ностальгию по мифической «Великой Армении». Во-вторых, протащить в очередной раз байку о вандализме «азербайджанских варвар», умышленно уничтожающих достояние христианского материального наследия. Подобные штампы, как понимают уважаемые читатели, не блещут новизной. Ложь и лицемерие, «многострадальность» и фарисейство – набившие оскомину наработанные методы армянской пропагандисткой машины. Как отмечалось в одном из предшествующих параграфов, абсурды подобного рода, тем не менее, далеко не безвредны. Они, ущемляя честь и достоинство, посягают на интеллект и культуру тех, против кого измышлены. Словом, порицая одних, косвенно восхваляют армян и потворствуют созданию мнимого, но столь желанного армянством образа. Хотя еще древние римляне предостерегали, что «наносящий ущерб одному, угрожает многим», однако армянская клевета с крокодиловыми слезами достучалась и до европейцев…

Абсурд на сей раз, был зачат книгой армянского специалиста Аво Катерчияна «Армянский или искаженный Нахчыван». Просим обратить внимание на не терпящее какого-либо инакомыслия название издания армянского историка. Утверждая наличие на территории старой Джульфы (Джуга) древних армянских захоронений, и «развивая» соображения о землях «Великой Армении», частью которых, по его измышлениям,

являются нахчыванские земли, сей автор «доказывает» планомерное разрушение древних захоронений Азербайджаном в недалеком прошлом.

Напомним, уважаемые читатели, что старая Джульфа (Джуга) географически располагается по дороге между Джульфой и Нахчываном на берегу Аракса. Здесь граница Азербайджана с Ираном и в этом суровом краю, где зима жесткая, лето – знойное, а рельеф не оставляет пахотной площади, сейчас проживает не более пятисот человек. Кладбище же Джуги, по сути, находится на границе, у погранпроволоки вдоль Аракса, в 2-3 километрах от населенного пункта. Это в основном, мусульманское кладбище, но и как на любом кладбище здесь, наверное, существуют безымянные захоронения. Не исключено, что они и христианского происхождения, поскольку и до сегодняшнего дня в Джульфе, как и в советское время, продолжают проживать отдельные христианские семьи. Конечно же, *как и в царское, так и в советское время уточнение границы между Российской империей или СССР с Ираном, могло повлечь за собой разрушение и исчезновение кладбищ и памятников, если конечно они были. Происходить это могло и в силу явлений природного характера. Однако Азербайджан обвиняется в умышленном разрушении древних армянских захоронений с хачкарами* (курсив наш).

И если претензии к нам стоят в подобной плоскости, то следует выяснить, были ли на этой земле древние захоронения с хачкарами, подчеркиваем древние, и если были, то какого они происхождения. А для этого, уважаемые читатели, нам, как обычно, понадобится краткий исторический экскурс.

Если исключить отдельные армянские вкрапления колонистов в XVII-XVIII вв., то как известно, переселяющиеся армяне в Нахчыване не жили. Точно также, как и в Зангезуре (Сюнике). Не только и не столько суровой климат здешних мест, сколь обширные земли Эриванского ханства являлись предметом вожделения армянства. И не случайно, торгуясь с царскими представителями о переселении на Кавказ, в качестве непременного условия они выдвигали полный контроль Российской империи над Эриванским ханством.

Поэтому мы еще раз подчеркнем, уважаемые читатели, что до Туркменчая (1828г.) на территории Нахчыванского ханства и граничного с ним Зангезура (Сюника) по существу армян не было. Вот распоряжение Главного штаба войска Российской империи полковнику Лазареву (армянину по национальности), занимавшемуся непосредственно переселением армян: «*Вообще соглашать христиан (армян), дабы они следовали в Нахчыванскую и Эриванскую области, где предлагается увеличить, сколько можно, народонаселение армянами*» (курсив наш).

И это делалось, причем с размахом. Посудите сами: только с 1828 по 1830 гг. на лучшие земли Зангезура и Эриванского ханства, где армяне встречались буквально единицами, было переселено 40 тысяч персидских и более 84 тысяч турецких армян и для их поселения не пожалели сумму из казны более, чем в 2 миллиона рублей для приобретения частных владений. Тем самым общее число переселившихся армян достигло 200 тысяч. Другой армянский генерал Тер-Гукасов ввел в Сурмалинский уезд в 1877-1879 гг. 35 тысяч кибиток турецких армян и к 1893-1894 гг. переселившихся армян стало 900 тысяч. Тем самым, по сведениям Н.Шаврова, из 1 миллиона 300 тысяч проживавших в начале XX века армян в Закавказье, свыше 1 миллиона было поселено царскими властями. И, что только не делалось, уважаемые читатели, под армянскую диктовку с тем, чтобы легче было прибрать к рукам Нахчыван и Зангезур. В частности, Нахчыванское ханство с чисто азербайджанским населением включалось в состав Иреванской губернии, поскольку в Эчмиадзинском, Александропольском и Иреванском уездах ее уже проживали переселенцы-армяне.

Историческим фактом остается то, что армяне реализовали свое государственное бытие за счет азербайджанских земель. 29 мая 1918г. в Тифлисе, в момент провозглашения независимой республики, Армения не имела столицы и вся ее территория свелась к Иреванскому и Эчмиадзинскому уездам с населением в 700 тысяч человек. Свою столицу г. Иреван армяне получили как преподношение от Азербайджанской Демократической Республики, а благодаря Антанте впоследствии и другие уезды Иреванской губернии. И даже при всем этом в 1918 году населе-

ние этой республики, составляя 1,5 миллиона человек, не имело даже половины лиц армянского происхождения (700 тысяч). Зато имело неуемные аппетиты, предъявив претензии на Нахчыванский уезд, Зангезурские земли и Карабах. Более того, лицемерная личина армянского национализма в большевистском образе и дашнакский террор несколько позже способствовали заполучению части этих территорий. В.Ленин летом 1918 подписал декрет о передаче Нахчывана и Зангезура дашнакам. И только ультимативные требования Н.Нариманова в адрес советских властей, бурный протест самого азербайджанского населения этих земель и непреклонная позиция Турции привели к тому, что в 1921 году по договору между Турцией и Советской Россией созданная Нахчыванская Автономная Республика была передана под протекторат Азербайджана. Взамен в том же году от Азербайджана изъяли Зангезурский уезд, а в 1922 году Дилижан и Гекчу (Шарур-Даралаяз) в пользу Армении и вдобавок в 1923г. была создана НКАО Нагорно-Карабахская автономная область на территории Азербайджана. Именно таким образом была воплощена в жизнь надуманная «Восточная Армения», именно подобным образом была создана безземельная Советская Армения за счет азербайджанских земель. А придуманный миф о «Восточной Армении» и подразумевал исключительно азербайджанские земли, где, собственно, и состоялась государственность Армении. Поэтому то и в армянских исторических книгах под историей армянского народа XVI-XIX вв. излагается история азербайджанских областей Карабаха, Гянджи, Иревана, Нахчывана и Зангезура. Этот период многозначительно именуется «эчмиадзинским периодом» армянской истории (после перемещения патриаршего престола в XV в. в Эчмиадзин, где он функционировал без своих епархий, оставшихся в Малой Азии).

Итак, уважаемые читатели, армян не в раннем, не в среднем, не в позднем средневековье на землях Нахчывана не было. Потому и не могло быть древних армянских захоронений с хачкарами. Зато здесь были наряду с мусульманскими древними захоронениями христианские могилы с хачдашами. И это были албанские захоронения, могилы албанцев, а также захоронения албанцев, принявших ислам. И вот почему.

Нахчыван всегда был в составе государств, относящихся к Азербайджану – Албании, государства Саджидов, Саларидов, Шаддадидов, Атабеков, Каракоюнлу, Агкоюнлу, Сефевидов, а перед царской колонизацией являлся Нахчыванским ханством.

Словом, он не имел никакого отношения к Армении. А вот Албанское царство в Сюнике, включая нахчыванские и зангезурские земли, продержалось вплоть до селдьжукских завоеваний. Еще в XIII-XIV вв., во время Албанского ренессанса Гасан Джалал–Хачынский владетель действовал сообща с Сюникским правителем Орбели. Албанские роды помимо этнического единства связывало и родство: Григорий-сын Гасан Джалала владел Малым Сюником, а его супруга была дочерью Сюникского владетеля из рода Орбели.

Поэтому на этих землях Нахчывана и Зангезура наряду с тюрками до XX века проживало и осколочное албанское население.

И не случайно, у Джуги, о которой шла речь, по ту сторону Аракса, в Иране есть албанская церковь и которую армяне прибрали к рукам, реставрируя ее на свой лад по взаимному соглашению с Ираном.

С XVI века, начиная с азербайджанского государства Сефевидов, Нахчыванский край был наследственным уделом рода Кенгерли – одной из ветвей кызылбашей Устаджлу. Кенгерлинский род знаменит своим воинским мужеством и высокой доблестью, подарил истории замечательные имена и считался одним из самых могущественных родов.

Зангезур же вместе с Карабахом в период образования Карабахского ханства вошел в его состав.

А теперь, после краткого исторического экскурса, уважаемые читатели, коснемся хачдашей - камней-крестов, устанавливаемых на албанских захоронениях и которые, как и все другое албанское, армянство присовокупляет к своему культурно-историческому наследию.

Но перед этим, кратко об этимологии «армянского» термина «хачкар». «Хач» в тюркских языках означает «крест», а вот «кар» означает «камень» (фарс.). Не случайно «кархана» с азербайджанского переводится как «каменоломня».

Хачкары и хачдаши представляют собой надгробные стелы, менгиры. Так вот, если такая стела имеет изображение креста, то армяне заявляют, что это надгробный памятник их предков. И эти абсурдные утверждения рождены не по незнанию. Именно здесь и кроется подлог, умысел. Дело в том, что широкие исследования, проведенные учеными – сумели убедительно показать, что наряду с армянскими хачкарами (камнями-крестами) очень много и албанских хачдашей, также камней – крестов и, конечно, мусульманских стел-башдашей (камней у изголовья). Более того, встречаются стелы подобного рода и дохристианского периода.

Как известно, в средневековой Албании многие мемориальные сооружения представлялись в виде вертикальных памятных знаков-стел и менгиров. В них, наряду с крестом, отражалась символика понимания мира, включая его трехуровневое представление «небесный уровень» «земная сфера»- «подземный мир». Образ креста у албанцев зачастую сливается с декоративным оформлением, растительным орнаментом. И дело в том, что албанские хачдаши формировались сначала под влиянием двух, а затем и трех религий. И в этом специфика и важнейшее отличие албанских хачдашей от армянских хачкаров. А вот армянские хачкары, по мнению специалистов, возникали в относительно стабильной ситуации, имели доминирующее изображение креста, вытеснившего архаические мотивы армянского мифо-религиозного содержания. Да и с композиционной точки зрения албанские хачдаши выглядят иначе. У них очень вытянутая форма, причем они настолько статные, что и их длина в 2-5 раз превышает ширину. Наконец, албанские мемориалы дают переплетение мотивов христианской иконографии, мусульманского декора и языческой символики, независимо от того были ли их создатели христианами или проповедовали магометанство. И в этом их уникальность и главная особенность. Примеры подобного рода сотни хачдашей Джугинских, Арцахских, Кедабекских, Кельбаджарских и др.

Что касается мусульманских башдашей (надгробий), то на них крест естественным образом был вытеснен коранической эпиграфикой с доминирующим орнаментальным оформлением.

Однако, примечательно то, что учеными были исследованы и переходные хачдаши – башдаши, в которых крест соседствует с полумесяцем и кораническими надписями. И это был период смены религии, вероисповедания. Наглядными примерами сказанного являются хачдаши и башдаши из Нахчывана, Сюника и Басаркечара. В частности, хачдаш на могиле знатного албанца от 1318 года в некрополе старой Джуги. Или хачдаш с могилы албанского князя в Сюнике от IX века в районе села Мартирос. Точно такой же, но более крупный хачдаш с могилы албанского князя Григора Нерина был найден и исследован в селении Большая Мазра с Басаркечара. Для них характерна лежащая в основе гора, из которой произрастает древо жизни – крест с богатым декором.

А вот башдаш в окрестностях Ленинакана примечателен тем, что в верхней части имеет розетки с шестилучевыми звездами, над которыми перевернут полумесяц с кораническим текстом в нише. А под всем этим покоится крест. И это азербайджанское надгробие, окруженное азербайджанскими башдашами, символизирует этап религиозной смены.

И вот что примечательно. Согласно исследованиям, удалось показать, что мусульманские башдаши и христианские хачдаши решены в единых формах и символике, невзирая на различные культово-художественные средства. Они являются характерными произведениями мемориального творчества одного и того же народа, исповедавшего две разные религии.

Эта специфика албанских хачдашей всячески игнорируется армянами. Это и понятно, поскольку в противном случае их нельзя будет заведомо объявить армянскими, точно также как и все остальное, созданное кавказскими албанцами.

Уважаемые читатели! Кратко коснувшись различий хачкаров, хачдашей и башдашей, не можем не напомнить вам и о столь важном факторе, как эпиграфика на надгробных камнях захоронений. Нельзя не сказать и об их сопровождении скульптурными или вычерченными на надгробиях изображениями животных.

Как вы понимаете, эпиграфика надгробий есть письменное свидетельство. Так вот, если эпиграфика древнего захоронения не

«работает» на армянский абсурд, противоречит лживому утверждению, то его по наработанной схеме армяне изымают, выбивая желанные тексты (об этом мы поведали и в предшествующих параграфах), либо… напросто уничтожают. Приведем пример. Еще в 1961г. доктором наук Мешади ханум Неймат было обследовано Урудское кладбище в Зангезуре и прочитана эпиграфика на здешних надгробных камнях. Подчеркнем, что в целом этот ученый внесла большой вклад в создание корпуса наших памятников XII-XIX вв. с арабо-персо-тюркоязычными надписями, в том числе и находящихся на территории Нахчывана и Зангезура. Были выявлены уникальные надгробия типа сундуков с изображением «гоча» - овна. Урудские памятники Зангезура были идентичны памятникам в виде каменных изваяний «Даш гоч», «Даш-ат» («Камень-овен», «Камень-конь») XV-XVII вв., сохранившихся в Нахчыване, Лачине, Кельбаджаре, Мингячевире, Ярдымлах и в других мусульманских захоронениях Кур-Араксинского междуречья. На двух памятниках из Уруда были надписи: «Мы из албанского рода». И на этих же надгробиях были выбиты мусульманские имена, а также коранические стихи.

Напомним, что Уруд во времена Кавказской Албании находился некоторое время во владениях рода Сисаков, подчиненных другому албанскому роду Орбели. На этой земле много албанских топонимов, свидетельствующих об албанском, а не армянском следе. Так, к примеру, река, протекающая через территорию Зангезура, именуется «Агзан», кварталы «Агванлу» имеются в Ордубаде и Шаки, а в Зангезуре имеется и село «Агванлу». Кстати, мы, повествуя об «арменизированных» преданиях, отмечали «Селим карвансарасы». Он расположен здесь же, в Зангезуре на Селимском перевале и где проходил «шелковый путь» через Физулинский и Джебраильский районы, Зангезур, Алаяз, Даралаяз и на этот перевал… Присвоив предание, армяне всюду утверждают, что каравансарай построен ими. Так вот, для сведения читателей, на Селимском перевале на высоте 2410 м над уровнем моря Большой каравансарай был построен во время правления Ильханида, Абу Саида в 1328-29 гг., когда армян не было и быть не могло в этих местах. Надпись над дверным проемом каравансарая гласит: «Абу

Саид Багадур (во времена правления Султана вселенной падишаха, государя арабов и не арабов (персов), царя всех народов, да увековечит Аллах царствование его и сделает постоянным его владычество), владелец благодеяния Чушкаб ибн Лаванд ибн... Шах Нур ибн... в 729 году (1328-1329 гг.)». Так вот, верное фальсификациям армянство, позже монтирует на восточной стене армянскую надпись с указанием даты 781г. (1332г.). Дальше армянин Х.И.Кучук-Ионнасов прочитывает, что на этой вмонтированной надписи указано о постройке караван-сарая Чесаром из рода Орбеляна и т.п. Этого подлога мало, поскольку дальше автор утверждает, что «татары (азербайджанцы) позже дали ему (каравансараю) название Селим и прибавили арабо-персоязычную надпись». Еще проще поступает В.Арутюнян, заявляя об идентичности исходной арабо-персоязычной и армянской надписей и о том, что построен был каравансарай Ч.Орбеляном.

Таким образом, памятник азербайджанского зодчества отчуждается от азербайджанцев и преподносится как армянский.

Армянским фальсификациям не приходится удивляться. Зато удивляешься тому, что род Орбели – общепризнанный албанский, а не армянский род и тем более тому, что творящим все это неизвестно, что азербайджанское предание «Селим каравансарасы» уже было выкрадено и «арменизировано». Вот уж воистину: «Кто лжет, всегда должен помнить, о чем говорил». После этого отступления вернемся к теме.

Армяне, следуя наработанной логике, начисто отрицают албанской след в здешних местах, заявляя, что могилы в Уруде - это армянские могилы, причем армян принудили принять ислам после завоеваний Тимура (Паназян). Поскольку кроме голословных утверждений ничего не имелось, то и армяне уничтожили этот замечательный некрополь, распахав его техникой и сравняв с землей.

А вот другой пример. Средневековое азербайджанское кладбище в селе Дер Ордубадского района Нахчывана еще в советское время было превращено в армянское кладбище по причине того, что оно было древним. С этой целью была унич-

тожена соответствующая эпиграфика памятников и большинство надгробий.

Итак, на территории Нахчывана и прилегающего к нему Зангезура древних армянских захоронений с хачкарами быть не могло, были в большом количестве захоронения, некрополи албанского происхождения с хачдашами. Однако это не исключает наличия армянских могил более позднего периода, поскольку, как было отмечено, после 1828 года армяне в массовом количестве поселялись на этих территориях.

Вместе с тем, армяне, следуя своей логике, даже захоронения с арабо-персо тюркоязычной эпиграфикой на могильных камнях «умудряются» присовокупить к своему наследию. Так, еще в 1987г. А. Хачатрян издал «Корпус арабских надписей Армении», куда было включено 290 арабо-персо-тюркоязычных эпиграфических памятников с современной территории Турции (Ихлата, Ани, Эрзинджан, Эрзерум), с современной и исторической территории Азербайджана (Зангезур, Чухур-Саад, Гейча, Нахчыванский край), относящихся к периоду Шаддадидов. Так вот, уважаемые читатели, просим обратить внимание, что с территории самой Армении сюда попало всего-то 30 надписей, в том числе 22 памятника из бывшего азербайджанского Зангезура. Не останавливаясь на том, к каким искажениям и фальсификациям прибегал автор для прочтения этих надписей, скажем, что это был очередной рецидив ностальгической болезни по мифической «Великой Армении». Автор доказывал ни много, ни мало, что, невзирая на арабские надписи надгробий не только Нахчыван и Зангезур, но и весь Азербайджан, Карс, Анадолу все это и есть «Великая Армения». Или возьмем другой пример. Армянский специалист Папазян в одной из своих книг утверждал, что Зангезур входит в состав Нахчывана, а Нахчыван в состав Азербайджана. Казалось бы, ничего особенного: ведь так оно и было. Но сказанное не помешало ему усердно «доказывать», что надгробия с эпитафиями на арабском с Уруда из Зангезура являются армянскими. Точно также Л.Хачикян на основе памятных и армянских рукописей Матенадарана пришел к выводу, что с XV века эмиры области Чухур-Саада – представители племени Саадлу.

Еще более вопиющие примеры армянского кладбищенского вандализма связаны с уничтожением и присвоением надгробных каменных изваяний «Даш гоч» и «Даш ат», обнаруженных и описанных еще в 1929 году археологом В.Сысоевым в горах Нахчывана. Однако о существовании таких фигур в Азербайджане отмечал еще французский путешественник Дюбуа де Монпере в 1834 году. Обратив внимание на значительное количество фигур животных на территории Азербайджана, он писал об уважительном отношении местного населения к этим памятникам. Речь идет также и о прославленных «вишапах» – каменных изваяниях фантастических рыб, змей, драконов. Кстати только в списке памятников народно-каменной скульптуры, взятых на учет Министерством культуры от 1985 года на территории Нахчывана, зафиксировано 97 штук каменных изваяний «даш гоч» и «даш ат». Однако их много больше. В городе Нахчыване в открытом музее-парке их хранится около сотни, в Ордубадском районе не менее 50. У мавзолея Моминехатун собрана большая группа подобных памятников. Аналогичные каменные фигуры были найдены и на обследованном Урудском некрополе. Особенно много этих каменных изваяний в Шахбухском, Ордубадском, Джульфинском и Зангезурском районах. Многие из них имеют арабские надписи, причем, как полагают, сделанные много позже, в период средневековья. «Даш гоч», «даш ат» устанавливались на могилах, именуемых у нашего народа, как «огузские могилы» и они были связаны с погребальными обрядами древнетюркских Огузов. Наши древние предки «одомашнили» овнов, заставили служить себе. Отсюда и столь уважительное отношение к «даш гоч», установленных на древних могилах. Точно также и особое отношение к коню неизменному спутнику тюрка. Как мы отмечали, наряду с арабскими надписями, посвященными покойнику, на каменных фигурах имелись рельефные изображения охоты. Как, например, на «даш гоч» из Нахчывана, хранящемся в Музее истории Азербайджана. Подтверждение древних, а возможно, тотемных корней каменных изваяний животных, устанавливаемых на могилах, можно найти и в мифологии. Так, в азербайджанской сказке «Мелик - Магомед» для того, чтобы перевезти героя в темное или светлое царство появляются два овна – с белой и черной шерстью.

Стоит напомнить имевший место в недалеком прошлом исторический факт, наглядно свидетельствующий не только о связи территориальных притязаний армянства и их претензий на наши образцы материального и нематериального культурного наследия, но и фарисейских методах их достижения. Еще в 70-е годы доктором исторических наук Али Велиевым на территории Батабат в Нахчыване был открыт уникальный археологический памятник «вишап», о котором шла речь выше или каменная скульптура «Даш балыг» («Камень-рыба»), датируемая I тысячелетием до н.э. Это было яркое свидетельство поливной земледельческой культуры наших предков, поскольку подобная скульптура являлась символом изобилия. В отличие от объектов нематериального наследия, которые всеми правдам и неправдами объявляются армянами, как ихние, скульптуру для присвоения необходимо выкрасть в прямом смысле слова. Так вот, скульптура «Даш балыг», действительно исчезает и только в 80-х годах после долгих поисков ученый, сделавший это открытие, обнаруживает фото этого памятника в альбоме, выпущенном в Ереване и, конечно, представленного как «свидетельство армянской культуры».

Эта кража по сценарию осуществления мало, чем отличалась от краж других древних памятников, устанавливаемых на надгробиях, таких как «Даш ат» и «Даш гоч», о которых мы поведали выше. По свидетельству В.М.Сысоева «...армяне забирают эти скульптуры, устанавливают на своих захоронениях и армянскими письменами наносят на них дополнительные записи...» Наряду с этим аналогичные исторические памятники в качестве ценного груза тайно, по ночам вывозились из Азербайджана в Армению. А вот те памятники, которые не удалось разворовать и вывезти, ожидала страшная провокация: была запущена армянская утка, что в горловине памятников есть золотые украшения. Что и стало основанием для безжалостного разрушения огузских могил, то есть древних захоронений наших предков. Логическим завершением краж явилось издание Эрмитажа, а именно Е.Пчелиной, в бытность директором его Орбели, в 1940г. книги «Армянские памятники в Азербайджане». Такова история интеллектуальных краж с территории нашего Нахчывана, разрушения древних захоронений, тесно переплетенная с армянскими территориальными претензиями на эти земли.

Точно также армянами на оккупированных сегодня территориях были уничтожены многие горные архитектурные комплексы Шуши и Кельбаджара и не только албанского происхождения. Варварски разрушены памятники более позднего времени – гробницы Ашуг Алескера, Ашуга Сары, Ашуга Гурбана, памятные комплексы Кероглу, Гачаг Наби и др. Распаханы азербайджанские кладбища в западном Азербайджане и разрушены многие на оккупированных территориях Карабаха и других районов.

Особо подчеркнем, что обвинения в наш адрес в умышленном уничтожении древних армянских захоронений с хачкарами абсурдны. Поскольку речь идет об албанских христианских захоронениях. А это наша история. Это история, когда мы стремимся сохранить каждое албанское свидетельство, дабы оно не было бы присвоено армянством и как всегда названо армянским.

Сегодня же тема умышленного уничтожения хачкаров «дополнена» новыми измышлениями о «разрушенных армянских церквях» позднего средневековья, осуществляемых в Ханларском районе. К примеру, утверждается, что разрушена четырехнефная базилика святого Акопа в Ханларском районе. Более того, в Дашкесане уничтожена церковь святой Богородицы, церковь Святого Минаса. Парадоксально, но факт, что ныне армяне выдают за свои не только албанские памятники, но и лютеранские, полностью принадлежащие проживавшим на этих территориях немцам. Оказывается, что памятники не уничтожаются, а, наоборот, проводятся охранные мероприятия для их сбережения. Вместе с тем, «дело сделано» и абсурдная утка запущена со стороны армянского информационного агентства.

Абсурд и есть абсурд, уважаемые читатели. Мы хотели бы заключить изложение «кладбищенского» абсурда знаковым высказыванием известного арменоведа К.Патканова из его работы «Ванские надписи и их значение для Передней Азии» (1875г.): «Армяне никогда не играли особой роли в истории человечества. Это не есть политический термин, а название географической области, в которой разбросаны отдельные поселения армян. Армяне всегда были плохими хозяевами земель, на которых обитали, но они всегда умело прислуживали сильным, продавая своих близких…».

§11. Гамигаинский абсурд

Уважаемые читатели! Мы продолжаем тематическую подборку, посвященную армянским абсурдам. Подборка не случайно именуется «Ad absurdo…» «…Ab absurdum», подразумевая, что один абсурд обязательно порождает другой. Ведь абсурды, как заведомо лживые утверждения, постоянно нуждаются в обоснованиях – подпорках или «аргументах», из которых могли бы следовать подобные утверждения, либо «сходных» с действительностью «следствиях», подтверждающих «обоснованность» исходного абсурдного тезиса.

Как понимают, уважаемые читатели, это оказывается несовместимо с законами логики, прозрачно полагающими, что только из истины может следовать верное утверждение и точно также опирающихся на то, что из неверного или необоснованного утверждения можно получить какие угодно последствия.

По традиции напоминаем, что абсурды, хотя и байки, а еще лучше бредни, тем не менее, не словесная бессмыслица. Они в отличие от нелепости, порожденной бессмысленным набором слов, имеют вполне конкретное смысловое значение. Смысл же этот – в преследуемых целях: притязаниях на наши земли, а вместе с ними на культурно-историческое и интеллектуальное достояние азербайджанского народа.

Абсурды призваны к созданию желаемого образа армянства, образа сориентированного на стремление «не быть, а казаться тем, кем не являешься». Как замечательно выразился У.Теккерей: «Жизнь есть зеркало, возвращающее каждому его отображение». Вот и требуется прикрыть неблаговидные деяния жизнедеятельности благовидными образами – отображениями…». А теперь посмотрим, что примечательного в армянской аргументации абсурдов. Оказывается, что их проповедники обращаются непосредственно и к «действительности», и к ранее приведенным «достоверным» утверждениям. В первом случае – это или подлог, или фальсификация, как, например, «бревно от Ноева ковчега, найденного армянами, или арабские надписи на монетах, надгробиях, прочитанные наоборот. Во

втором же случае, аргументируя абсурд, армяне используют ссылки на уже имеющиеся мнения, как правило, отраженные в хрониках вереницы своих авторов, вроде М.Хоренского и других, т.е. на утверждения, истинность которых сомнительна, наподобие «прямых потомков Ноя», «от иафетовых колен», или «царских династий».

Еще более замечательны форма рассуждений – их демонстрация. Она, как правило, игнорируя дедукцию, по-своему трактует аналогию. Словом, как говорят в подобных случаях, абсурды, рождаемые недостоверными или подложными исходными утверждениями и некорректными рассуждениями и есть абсурды. И этого было бы достаточно, чтобы не обсуждать и не заниматься их опровержениями. Однако, ограничиться здесь метким замечанием от А.Грибоедова: «Послушай врн, да знай же меру», оказывается недостаточным. И вот почему.

Как мы отмечали, абсурды не безвредны, а армянские же абсурды выплескиваются в прямом и переносном смыслах слова «в счет и за счет других».

Посудите сами, исходя из типичных армянских примеров абсурдных утверждений и заключений, к анализу которых мы приступим несколько позже:

- «Мы (армяне) являемся прямыми потомками Ноя и живем с тех пор в этих местах, поскольку Ноев ковчег встал на стоянку на горе Агры (Арарат)».

«Мы (армяне) являемся прямыми потомками Ноя и живем с тех пор в этих местах, поскольку у М.Хоренского и других указывается происхождение Хайка и Арама от Ноя в «иафетовом колене».

«Мы (армяне) вправе претендовать на все, что связано с именем Ноя, поскольку Ноев ковчег пристал к нам – Агры-даг (Арарат) и у нас хранится единственная материальная реликвия – бревно от остатков Ноева ковчега.

– «Нам (армянам) принадлежат Гамигая, поскольку мы прямые потомки Ноя, причалившего к нашей горе Агры (Арарат), располагаем материальной реликвией от ковчега и согласно армянскому преданию до остановки на Агры, ковчег столкнулся с Гамигая».

Запомним приводимые здесь рассуждения и утверждения, несмотря на то, что, уважаемые читатели, они представлены либо как ложь похожая на правду, либо как, «правда», похожая на ложь. А поскольку, согласно восточной сокровищнице мудрости «Кабус-наме»: «Ложь, похожая на правду, не лучше правды, похожей на ложь», продолжаем повествование «От абсурда…» «…К абсурду».

Итак, Гамигаинский абсурд

Начнем с краткого экскурса в один из предшествующих параграфов и напомним «арменизированное» предание «Гамигая» от А.Ганаланьяна: «Судно Ноя коснулось вершины горы. Гора спросила у пророка: Я выше или Агры-даг? После этого название горы так и осталось: Гамигая». Подчеркнем, уважаемые читатели, что на азербайджанском языке «Гамигая» означает «судно-скала». Напомним, что в «Армянских преданиях» А.Ганаланьяна источником этого предания оказался некий Ерванд Лалаян, выкравший его и опубликовавший как армянское еще в 1904 году в «Этнографическом сборнике», в Тифлисе.

Как вы понимаете, уважаемые читатели, приведенный отрывок как раз из соответствующего азербайджанского предания, присвоенного армянами. Пока, и, слава Богу, нам еще неизвестно о краже азербайджанской легенды об Агры-даг (армянский Арарат) и потому, вкратце приводим и ее. Так вот, пророк Нух (Ной), пустившись в спасительное плавание на построенном им заранее ковчеге со всеми «земными тварями по паре», спустя 75 дней увидел выступившую из-под воды чернеющую вершину горы и направил ковчег в ту сторону. Однако на вершине горы было явно тесно, и она неспособна была вместить всех находившихся на ковчеге. И здесь, в легенде указывается, что гору эту называли Гысырдаг или Бесплодная гора. Чувствуя себя осрамленной перед пророком, поскольку не может проявить должное гостеприимство и принять всех из ковчега, гора застыдилась. Видя, что горе стыдно, Нух сказал ей: «Эй, Гысырдаг, ты не будешь бесплодной. У тебя будут дети». И, согласно легенде, гора забеременела, и в муках родила

сына. «После этого Нух назвал ее Агры-даг» из-за перенесенных болей при родах. «А сына горы назвали Бала Агры – Больдитя…». И они предоставили место всем, кто находился в ковчеге, оказали им почести. С тех пор Агры-даг и Бала – даг упирались вершинами в небеса».

На чем хотели бы заострить внимание? Прежде всего, что предания всегда подразумевают «память о событии», а вот «легенда» есть «поверье о событии». И этим они отличаются от мифов. Так вот, память народная сохранила сведения о том, что Гамигая готова поспорить с Агры-даг. Стало быть, следует попробовать разобраться в этом. И, во-вторых, Агры-даг, хотя и в легендарной форме, но все же приютила всех обитателей Ноева ковчега.

Поскольку в центре всех этих событий стоит Всемирный потоп, то несколько слов об этом. История о Всемирном потопе и пророке Ное – одна из немногих, отраженная вне зависимости от религии, в преданиях и легендах практически всех народов мира. Их более 500. Встречается эта история и у армян, но превращена она в армянский анекдот. Армяне объявили себя не просто прямыми потомками Ноя, но и «сформировали» музей его реликвий, важнейшим из которых они считают брусок или бревно, якобы от Ноева ковчега. Не останавливаясь на сомнительности подобной реликвии, якобы раздобытой с вершины горы неким армянским духовником, уделим больше внимания другому, сотворенному армянством мифу. Мифу об армянской экстерриториальности на место вечной стоянки Ноева ковчега. Хотя приватизированная согласно армянскому мифу эта частная собственность, именуемая горой Арарат (Агры даг), топонически не имеет армянского происхождения. У армян – это Массис. Однако следует воздать должное предприимчивости армян, разыгравших ноевскую карту христианского предания. А ведь Библия указывает «горы Араратские», Коран – на возвышенное место – Джуди, шумеры же, – тоже на холм, только под названием Нисир.

При этом под «горами Араратскими» многие известные специалисты полагают, что речь идет о древней стране Аратта, которая тесно связана с историей Азербайджана и, в первую

очередь, с прошлым Нахчыванского края. Но об этом попозже. А сейчас приводим, на сей счет свидетельство известного английского специалиста, возглавляющего в Сассексе общество египтологов, профессора Дэвида Рола: «Библейский Арарат и есть шумерское царство Аратта... Это не тот Арарат, который упоминается в ранних христианских преданиях... Гора, к которой причалил Ноев ковчег – это совсем не гора Арагац или Агры-даг, а какая-то другая гора, находившаяся ближе к Месопотамской равнине».

Вспомним приведенные во вступлении армянские утверждения и подчеркнем, что, «вечная стоянка» Ноева ковчега на горе Арарат, по мнению специалистов, является сомнительной. Сомнительны и «находки» реликвий от ковчега здесь, точно также, как и армянских «колен», развившихся здесь, в «Араратских горах». Кроме того, «Арарат» – не армянский топоним или название горы Агры-даг, а, по мнению специалистов, Южный Кавказ не затоплялся в последние миллион лет.

А теперь от Всемирного потопа в армянской редакции, к его пониманию исследователями, посвятившими указанному вопросу многие годы поисков.

Как отмечает известный английский археолог Л.Вулли в книге «Ур халдеев» (ИВЛ АН, М., 1960), проводивший в 1922-1934 годах раскопки на месте одного из древнейших городов мира Ура: «Знакомая всем библейская легенда о Ноевом ковчеге по своему происхождению вовсе не древнееврейский миф. Она заимствована евреями из Месопотамии и после соответствующей обработки включена в их священное писание». И далее, ученый указывает, что «точно такая же история записана на глиняных табличках задолго до того, как Авраам появился на свет, причем в обеих версиях совпадают не только факты, но даже многие образы». Речь идет о 394-х глиняных табличках с зафиксированным на них эпосе о шумерском герое Гильгамеше, найденных при раскопках дворцовой библиотеки Ашшурбанипала в Ниневии. Отраженная здесь же шумерская легенда в форме религиозной поэмы отражает верования язычников». Так вот, в одном из эпизодов эпоса о Гильгамеше и рассказывается, о Всемирном потопе. По мнению Вулли, если бы не было неко-

торых раскопанных подтверждений, то Всемирный потоп рассматривался просто как обычный миф. И подчеркивает, что у легенды есть основание. Это был потоп шумерского масштаба, и, который мы впоследствии стали именовать всемирным.

По мнению специалистов, в списке царей Шумера есть пробелы, и они как раз и выявляют время потопа. Поскольку, шумерские составители списков царей рассматривали потоп как некий перерыв в истории их страны и считали, что после потопа до первой династии Ура были еще две династии.

Как пишет Вулли: «Мы убедились, что потоп действительно был, и нет никакой нужды доказывать, что именно об этом потопе идет речь в списке царей в шумерской легенде... это не означает, что подробности легенды достоверны. В основе ее лежит исторический факт». И далее, сопоставляя «с этими двумя династиями» соответственно два археологических периода культур Урука и Джемдет Насра..., тогда потоп совпадает по времени с шумерской традиционной хронологией.

Итак, из всего сказанного следует, что речь шла не о всемирном потопе, а о наводнении в долине Тигра и Евфрата в конце эль-обейдского периода, затонувшем районе между горами и пустыней. Как пишет Вулли, «для тех, кто жил здесь, по их мнению, долина была целым миром». Большая часть обитателей долины, вероятно, погибла... Поэтому нет ничего удивительного в том, что они [уцелевшие] увидели в этом бедствии божью кару согрешившему поколению и так описали его в религиозной поэме. И, если при этом какому-то семейству удалось на лодке спастись от наводнившей низменность потопа, его главу, естественно, начали воспевать как легендарного героя.

Подчеркнем, что случилось это где-то около 3 тысячи лет до н.э. в Междуречье, в древнем Шумере. Это было, подчеркиваем, за 1,5-2 тысячи лет до того, как вообще появились армяне и за 2,5 тысяч лет, как они появились в Малой Азии. «Легендарные» наследники Ноя, судя по всему, сильно опоздали со своей родословной.

В связи с этим, никак нельзя обойти мнение известных специалистов по Шумеру и знаменитую книгу крупнейшего шумероведа, американца С.Крамера «История начинается в

Шумере» (М., Изд. «Наука», 1965). Подчеркивая, что именно в этом издании одно из лучших повествований о Гильгамеше, мы бы хотели заострить внимание читателей на несколько ином аспекте шумерской эпопеи. И, конечно, нельзя не сказать о государстве Аратта, о котором шла речь в связи с точкой зрения ученых, о том, что название горы Арарат восходит именно к названию этого государства.

Еще Л.Вулли, на которого мы ссылались выше в связи с его раскопками шумерийского города Уру, писал: «Язык шумерийских табличек резко отличается от языков других народов, когда-либо населявших Месопотамию и до сих пор не удалось определить к какой языковой группе он относится… Шумерская цивилизация возникла из элементов трех культур: Эль-Обейда, Урука и Джемдет Насра и окончательно оформилась только после их слияния».

Некоторые же ученые высказывались совершенно конкретно. К примеру, известный ученый Д.Редер в работе «Мифы и легенды древнего Двуречья» (М., Наука, 1963) писал: «*Древнейшими известными нам обитателями долины Тигра и Евфрата были шумеры… Именно они были создателями клинописи, выработавшейся из пиктографии и распространившейся впоследствии на всей территории Передней Азии. Язык шумеров стоит особняком. Попытка связать его с известными нам языковыми семействами не дали пока прочных и бесспорных результатов. Безусловным является лишь то, что он относится к числу агглютинативных и, скорее всего, может сравниваться по своей структуре с тюркскими языками*» (курсив наш). Поясним, что агглютинация – способ образования слов путем присоединения к корню слова аффиксов. Таковы тюркские языки.

А вот, что свидетельствует немецкий ученый Р.Винглер в своем издании «Западная Азия с древнейшего времени истории человечества» (т.3, С-Петербург, 1903): «Дошедшие до нас наиболее древние источники написаны не на семитском языке. Они созданы на шумерском языке. Этот язык по своим основным признакам является по конструкции агглютинативным

языком, сходным с тюркскими языками и полностью отличается по построению от семитских языков».

Именно известный шумеролог, американский ученый С.Крамер в «История начинается в Шумере» поставил вопрос: откуда возникли шумеры со столь блестящей цивилизацией в столь древнее время. И ответил на этот принципиальный вопрос, что в IV тысячелетии до н.э. шумеры пришли в Междуречье с берегов озера Урмия. И эта точка зрения общепризнана более 150-летним развитием шумероведения и поддержана рядом известных специалистов: Оппери, Раулинсон, Гилберт, Рагозина, Хоммел, Реклю и др. Так вот, Шумер находился в тесных контактах с Араттой первым азербайджанским государством, объединившим тюркоязычные племена су, турукку и лулулуби. Аратта располагалась на юге и юге-востоке озера Урмия. Это была горная страна, поскольку вокруг были горы Загроса.

Об этой стране сохранились важные сведения в донесенных до наших дней эпических произведениях – дастанах шумеров. Вот они: «Правители Ен-Меркара и Аратты», «Ен-Меркар и Ен-Сукушсиранна», «Ен-Меркар и Лугалбанда» и др. Между Араттой и Шумером существовали тесные культурные и экономические связи, правители этих стран старались захватить лидерство и подчинить себе другое государство. Вместе с тем важно и то, что в сложные дни для отражения натиска аккадских племен, правитель Урука (Шумер) обращался за помощью именно к Аратте, ездил в гости к ее правителю. Возможно, жила какая-то этническая память, поскольку, как отмечал С.Крамер и другие, шумеры пришли в Месопотамию из приурмийской зоны, где и располагалась Аратта. Добавим, что о проживании тюркских этносов в районе озера Урмия дали свидетельства известные историки. А.Оппонгейм, З.Ямпольский и др. писали, что в начале II тысячелетия до н.э. в районе озера Урмия проживали племена турукки (тюрки). Точно также М.Бойе и др. отмечали, что в IV-II тысячелетиях до н.э. окрестности озера Урмия были заселены племенами туру (тюрков) и здесь располагалась одноименная область.

А вот свидетельство одного из авторитетных мировых историков, чешского ученого Б.Грозного от 1940г., в свое время расшифровавшего хеттские письмена и тайны хеттов.

«Судя по всему... в далеком прошлом в IV тысячелетии до н.э., а возможно еще раньше, шумеры проживали в Туркестане или Казахстане и еще восточнее... Шумерский язык имеет с одной стороны черты алтайского и тюрко-татарского языка..., а с другой стороны, черты индоевропейских языков...». Добавим, что в настоящее время около 200 слов шумерского языка разъяснены посредством тюркского.

Уважаемые читатели! Мы коснулись вышеприведенного исключительно с целью того, чтобы означить проблему, а именно, Аратта – горная страна с тюркским этническим элементом, со связями с недалеким Шумером и топоним которого, по мнению специалистов, дал основание для термина «Арарат» и библейских «гор Араратских...».

Итак, уважаемые читатели, мы видим, что армяне «удревнили» свою историю, подправив «Священное писание» и «иафетовы колена», и придумав царские династии, довели ее до 2200г. до н.э. Тем самым армянство преследовало цель – попасть в эпоху легендарного Ноева ковчега, и объявить себя исключительными потомками Ноя. Более того, помимо заведомо ложных исторических утверждений, они постарались обзавестись и «реликвиями» от Ноева ковчега, т.е. материальными свидетельствами. Это лживое историческое утверждение вместе с подобными материальными свидетельствами и должны были лечь как «основания» под абсурд о Ноевском происхождении хайков. Мы, помимо того, что было изложено, добавим, что согласно исследованиям Гроссета, армяне появились на нагорье, именуемым Армянским, после 675г. до н.э. А первое письменное упоминание об армянах у отца истории Геродота датируется V веком до н.э. и этот письменный факт подтверждается материальным – стелами царя Дария, датируемыми 515г. до н.э., где есть информация об армянах. Поэтому историческая наука отвергает армянские басни на сей счет и принимает дату вселения армян на армянское нагорье не ранее V-VI вв. до н.э. Об «исключительном армянском праве» на Ноя, и ноевских мифах армян замечательно сказано у турецкого историка К.Горюна: «*Коль скоро в качестве исторического источника используется «Священное писание» и другие мифы, то не мешало бы вспомнить, что по тем источникам, весь род человеческий*

после Всемирного потопа произошел от Ноя, следовательно, турецкий народ также был порожден тем же патриархом на склонах Арарата и смог успешнее, чем другие народы, отстоять и защитить родину от чужих притязаний» (курсив наш).

Естественно, что трезвомыслящие армянские историки вынуждены были соглашаться с реальным, а не придуманным взглядом на армянскую историю. Вот свидетельство армянского историка Н.Пастермаджяна: «*Армянские летописи относят появление Хайка и его народа в Армении к 2200 году до н.э. и приводят список сменявших друг друга до 800г. до н. э. духовных вождей и царей* [см. предшествующий параграф]. *Современная наука не подтверждает эту легенду. Народы в отличие от индивидов любят прибавлять себе возраст...»* (курсив наш). Добавить к этому что-либо, пожалуй, трудно.

А теперь перейдем непосредственно к Гамигая и постараемся выяснить причины, по которым, согласно древнему преданию, Гамигая «была готова конкурировать с Агры-даг»?

В отличие от Агры (Арарата) Гамигая (Гапычыг) хотя и ниже, но, тем не менее, самая высоченная вершина Малого Кавказа, а главное – она уникальный объект древнего наскального творчества, представляющий огромную культурно-историческую ценность и свидетельствующий о замечательном искусстве своих древних насельников. И здесь – главная причина неуемного желания армянства прибрать его к рукам.

Стало быть, на всякий случай и Гамигая пробуют объявить армянской экстерриториальностью, тем более, что армяне для себя еще окончательно не определили к Агры (Турция) или к Гамигая (Азербайджан) пристали они в «своем» Ноевом ковчеге, да и в древнесирийских источниках, через которые они познакомились с Ноевым ковчегом, необходимых уточнений нет. И это удобно, поскольку территориальные претензии предъявляются как к Турции, так и к Азербайджану.

Наскальные изображения Гамигая, равно как и другие памятники Нахчывана – давнишний предмет вожделения армянства и потому в армянских «исследованиях» всячески подчеркивается их армянское происхождение.

Вот несколько «аргументированных» оснований: Х.Айвазян в «Независимой газете» от 17 февраля 2001 года, в качестве «обоснования» и претензий на наскальные изображения Гамигая выдвигает не более того, что «они могут принадлежать только армянам». Зато его однофамилец А.Айвазян оказался изобретательнее и еще в 80-е годы, тайно побывав в Нахчыване, опубликовал в «Известиях» АН Арм. (№1982) статью «Наскальные изображения Навасора». Он не только умудрился переименовать Гамигая на армянский лад (Навасор, Тапасор), но и предъявил претензии к азербайджанцам. Так вот, он писал, что мы задуманно сменили «истинное» армянское название горы на Гамигая.

Да, уважаемые читатели, именно тот Айвазян, который сообща с Б.Мкртчяном несколько раньше «прочитал» медные деньги эпохи Эльдянизидов XII-XIII вв. как древнейшие армянские деньги, отнесенные к XIX веку до н.э. Именно тот, который после «холодного душа» от известного востоковеда Б. Пиотровского в «Историко-филологическом журнале» (1971, №3) АН Армении, в «Письме в редакцию» продолжил проторенную дорожку фальсификаторства. Без обращения в АН Азербайджана, втайне прибыв в Азербайджан, на сей раз он нафотографировал памятники ранних исторических периодов и на армянском выпустил очередной альбом – книгу, полную исторических измышлений (А.Айвазян «Нахчыванские мемориальные памятники и рельефы», Ер., 1987, арм.). И здесь поведавший насчет «армянизированного» названия Гамигая, умудрился отнести к армянскому наследию памятники Нахчывана IV-I тысячелетия до н.э. памятники античного, средневекового периодов, включая времена Атабеков, Ак-Коюнлу, Кара-Коюнлу и других государственных образований Азербайджана.

Поставим вопрос: что такое же Гамигая для Азербайджана и почему не дает покоя армянству?

Гамигая находится в Ордубадском районе Нахчывана, неподалеку от села Насирваз, где и проходит граница с сегодняшней Арменией. Гамигая известна блестящими образцами наскальных изображений, свидетельствующими о высочайшей древней культуре и искусстве наших предков. Устами народа, из поколения в поколение передается это легендарное имя Га-

мигая, которое на самом деле представляет собой, как отмечалось, крупнейшую вершину Гапычыг (3906 м) Малого Кавказского хребта, и, согласно бытующему преданию, как отмечалось, во время всемирного потопа знаменитое судно Нуха (Ноя) именно здесь получило свою вечную стоянку и превратилось в окаменелость. Отсюда и идущее из глубокой древности название – Гамигая.

К слову, особая версия трактовки феномена Гамигая, как места культовых целей тюрков и Всемирного потопа как символа перехода язычества в тенгрианство, предложена М.Аджи по результатам экспедиции «Ной» (2005г.). Однако это тема особого разговора (М.Аджи, «Дыхание Армагеддона», АСТ «Хранитель», М., 2006). На южных склонах Гамигая примерно на уровне 2800-3200 м над уровнем моря на яйлагах, именуемых Гарангуш и Ноби юрду выявлено свыше 1000 наскальных изображений. И эти замечательные исследования выполнены известным азербайджанским ученым-археологом профессором Вели Алиевым. И делалось это, несмотря на все превратности, чинимые из тогдашнего центра, подуськиваемого армянством, давно вынашивающим план присвоения этого культурного исторического достояния. Выявлены прекрасные памятники. Это и изображения человека, козлов, маралов, собак, фантастических животных, птиц, змей и многое другое. Согласно исследованиям, эти наскальные изображения датируются IV-I тысячелетиями до н.э. и они выбиты на базальтовых скалах. Поскольку яйлаги расположены очень высоко и не приспособлены для постоянного проживания, в эпоху бронзы местное оседлое (землепашцы) и полукочевое (животноводы) население в жаркие летние месяцы перегоняли сюда свои стада. Именно эти насельники и создали здесь прекрасные образцы наскальных изображений. Об этом свидетельствует и значительное сходство указанных наскальных изображений с материальными памятниками эпохи бронзы Нахчывана, расположенными вдоль Араза. Сезонное (летнее) проживание здесь, в Гамигае древних насельников подтверждается и тем фактом, что в средневековье эти места продолжали служить яйлагами, и здесь выявлено большое количество древних стоянок и гробниц.

Роль памятника Гамигая в изучении древней культуры и искусства Азербайджана исключительна, поскольку эти наскальные изображения позволяют нам судить о хозяйстве и образе жизни, религиозных идеях и духовной культуре древних насельников Нахчывана. Наскальные изображения Гамигаи являются свидетельствами космологических взглядов, поклонению силам природы, духу предков со стороны древних насельников, они же показывают их тотемистические представления, ряд других первобытных верований, присущих нашим предкам.

Именно на этот древний памятник сегодня и предъявляют претензии армяне! Несмотря на то, что нашими археологами обнаружены сходные по времени, содержанию и технике исполнения наскальные изображения в Кяльбаджаре, а также на переданных Армении в советское время территориях, в горах Зангезура и Гейяма (Варденица). А, предъявляя претензии и не имея аргументированных оснований, фарисейскими методами пытаются довести до неискушенных права на этот памятник. И это, абсурд, как понимают, уважаемые читатели. И не случайно в этом и предшествующих параграфах мы повествовали о том, что армяне не имеют никакого отношения к Всемирному потопу, к «прямым наследникам Ноя» и никогда не являлись аборигенами кавказских земель и тем более, никогда не имели какой-либо государственности на этих землях до 1918 года.

И мы завершаем изложение гамигаинского абсурда высказыванием известного европейского историка Ф.Маклера из его книги «Армянская нация» (Париж, 1924, франц.): «*Ясно, что Армения, т.е. географический район, с исторических времен носящий это название не был местом постоянного проживания называемого армянами народа...*» (курсив наш). Стало быть, и претендовать на какие-то исторические памятники древнейших времен, вроде Гамигая, не может быть каких-либо оснований. Тем более, что согласно признанию армянского историка Б.Ишханьяна («Народности Кавказа», С-Петербург, 1916) «Настоящая родина армян «Великая Армения» есть Малая Азия».

§12. Армяно-скакунский абсурд

Мы продолжаем, уважаемые читатели, подборку «Ab absurdo...» «.. .Ad absurdum», где повествуем об армянских абсурдах, являющихся заведомо лживыми утверждениями. Эти утверждения, а точнее лживые байки, представляются нелепостями, не подразумевая при этом бессвязного набора слов. Абсурды, тем более армянские, имеют вполне конкретный смысл, определяемый целями армянства: претензиями на азербайджанские земли и вместе с ними, притязаниями на культурно-историческое прошлое и интеллектуальное достояние нашего народа. Наряду с этим армянские абсурды призваны к формированию образа армянства согласно принципу «казаться, а не быть на самом деле», убедить неискушенных в действительности воображаемого. Еще Кондильяк уместно предупреждал, что «воображение, став на ложный путь, подвигается вперед быстрее, ибо нет ничего более плодовитого, чем ложный принцип». Стало быть, «нельзя утверждать никакой неправды, не присочинив для нее другой неправды» (Лессинг) и потому абсурды рождают очередные абсурды. И, невзирая на известное изречение Берни, что точно также, «как легко выдать детям сказку за правду, также трудно представить людям басню за правду», армянские абсурды множатся. И вот почему. Лживые абсурды, чтобы прижиться, всегда имели постоянных спутников - подлог и фальсификацию, лицемерие и хитрость. Именно поэтому они далеко не безвредны: армянские абсурды обычно строились и строятся, ущемляя интересы других и, в первую очередь, наши, азербайджанские. Потому абсурды не могут оставаться без внимания, ведь не случайно, что «ложь стоит на одной ноге, а правда на двух»...

Итак, «армяно-скакунский» абсурд

В очередном «армяно-скакунском» абсурде хотели бы рассказать вам о том, как в последние 15-20 лет Армения «превращается» в страну, имеющую «огромные традиции коневод-

ства» и продолжающую их развивать, страну, подарившую миру «замечательных карабахских скакунов» и не только эту породу, и, вообще, о том, как «армяне» одними из первых начали разводить лошадей, особенно «боевых». И, конечно, как вы понимаете, удивительная метаморфоза, связанная с подменой традиционного образа армянина с осликом из недавнего прошлого на всадника верхом на породистой лошади, происходит на бумаге.

«Основаниями» для многочисленных армянских изысков в этой области служат замечательные басни, вроде той, что «для древних армян лошадь была животным от бога, а один из главных богов пантеона Наири (Урарту) - бог войны Тейшеба, изображался верхом на коне, а на столбах его храма в Диаухи были высечены фигуры камней». Другой подобной байкой - «основанием» является армянская легенда о Тигране, царе армянском, любившем своего коня так, что, не желая отдавать его, он обманул персидского правителя Шапуха. И поплатился за обман ослеплением и, по уверениям армян, легенда эта попутно заложила и сюжет «сын слепца» - «Кероглу», да и конь Гырат был объявлен «армянским». Или возьмем армянские хроники. И здесь мы встречаемся с байками об армянских конях. К примеру, небезызвестный по предшествующим публикациям армянский историк Себеос, писал, что Смбат Багратуни устраивал скачки на чистокровных армянских скакунах и т.п.

Мы не отнимаем вашего времени, уважаемые читатели, на вышеприведенные армянские «аргументы», поскольку в одном из предшествующих параграфов в подборке «Театр абсурда» мы повествовали о том, что нынешняя Армения, по мнению большинства специалистов, никакого отношения к Урарту не имеет и наряду с этим с огромным энтузиазмом эксплуатирует имена и названия, оставшиеся от этого некогда могущественного, а ныне исчезнувшего государства и населявшего его этноса. Точно также, как и в предшествующих параграфах первой главы цикла «Пришел, увидел..., присвоил» мы поведали об усилиях, предпринимаемых армянами для «арменизации» эпоса «Кероглу и, якобы, о влиянии на него «армянской легенды», наподобие «Аршак-сын слепца». Мы намеренно не ссыла-

емся на конкретных армянских авторов, поскольку подобные «аргументы» в пользу древних традиций «армянского коневодства» перекочевывают от одного издания в другое и, вдобавок, ими заполнен Интернет. Но мы продолжим перечень такого рода армяно-скакунских «аргументов». Оказывается, что исконно армянской «айраратской» породы лошадей было так много, что «в древности лошади являлись предметом армянского экспорта». Кони доставлялись и «на Запад — Понт, Рим, Босфор и на Восток — Персия, Мидия, Египет, даже в Индию и Китай».

Уважаемые читатели, наверное, понимают, сущность экспорта в условиях отсутствия армянской государственности. Поэтому некоторые армянские авторы коневодческих опусов на всякий случай, оговариваются, что Армения, будучи сателлитом, выплачивала дань конями и, в частности, апеллируют к письменам от правителя Ахеменидской державы Дария, где указано, что «только Армения платила дань лошадьми». Напомним читателям, что речь идет о VI веке до н.э. и как отмечалось в предшествующих параграфах, именно о том времени, когда, по общему мнению, большинства специалистов, армяне только появились на Армянском нагорье. Область Айрарат, по имени которой «выводят» армянскую айраратскую лошадь, локализуется в эпоху Ахеменидов на берегах Евфрата, вокруг озера Ван, где и располагались две сатрапии Ахеменидского государства. Напоминаем также, что, говоря об Армении, мы следуем известному армянскому историку Патканову, понимавшему под этим названием понятие не политическое, а чисто географическое.

При этом армяне не являлись автохтонами и на территории Малой Азии (исторической Турции), а пришли сюда, по мнению арменоведов с Балкан в составе фрикийских племен и на волне киммерийского движения. Последнее издание «История армянского народа» сообщает, что в верховье Евфрата на территории хеттов, хурритов и лувийцев проникли группы протоармян, именовавшихся в ассирийских клинописях «мушку» и «урму», в греческих «аримами», а в дальнейшем «армянами». Вместе с тем, повторяем, что историческая наука оста-

новку армянского транзита на армянском нагорье относит только к VI-IV вв. до н.э. Выходит, что армяне приводили с собой несметные табуны лошадей, ибо, в противном случае, выплачивать дань Ахеменидам, как пишут армянские коневоды, исключительно лошадьми не было бы возможности. Конечно же, подобные утверждения и есть нелепость. А вслед рождается и новая нелепость: оказывается, что за коневодство в Армении отвечал «княжеский род Аматуни, которому «принадлежали огромные земли», в т.ч. Шарурская долина. И это - очередная нелепость, поскольку, уважаемые читатели, знают, что только в XVII-XVIII вв. колонисты - армяне появились на Кавказе, и только после Туркменчая началось их массовое вселение на кавказские земли. Но и это лживое утверждение еще не на «рекордной» высоте. Оказывается, что «наибольших успехов коневодство в Армении достигло в разведении лошадей, которых использовали в военном деле», а «армянская конница считалась одной из мощнейших в Азии». И не случайно эту конницу именовали «айрудзи», т.е. «человеко-конь», почти как мифологических кентавров.

Вместе с тем, по признанию армянских же авторов, изменения в генофонде айраратской породы лошадей происходили после очередного захвата Армении и перехода ее от владений одних государей к другим. Не помогала и мифическая боевая конница. Зато, как выясняется из армянских опусов, польза была и заключалась она... «в выведении новых пород армянских коней». К примеру, после тюрко-сельджукского покорения армян, тюрки, не имевшие «ни конского снаряжения для лошадей, ни седла, ни уздечки, обходясь просто веревкой», благодаря своим «огромным, сильным, стойким» и «почти диким коням» дали толчок в происхождении известных карабахских коней. Или, в VIII веке, когда Армения была завоевана арабами, от арабских скакунов и армянских айраратских лошадей «произошел сорт мажакских коней, которых разводили в Васпуракане и Каппадокии». И эти быстроходные кони, оказывается, стали «гонцами царского дома Багратидов. А вот в XIII веке татаро-монгольское нашествие завершилось появлением «гар-

дыманских коней, используемых в военном деле». От них пошел сорт «грастов» - армянских тяжеловесов и т.д. и т.п.

Завершается же коневодческая байка в полном соответствии с концовкой армянских нарративов, как, например, у небезызвестного читателям М. Хоренского - тяжелыми временами и, конечно, вражеским образом в лице тюрков. Оказывается, что тяжелое время для армянского коневодства связано с османскими турками, попав под власть которых армяне не имели возможности совершенствовать породу «бумажных» лошадей: «Турецкое законодательство не позволяло христианам иметь лошадей», а вот «в Восточной Армении, которая была под игом Сефевидов, продолжалось совершенствование армянской породы лошадей». Самое удивительное в том, что именно здесь, в Восточной Армении, в Сефевидском государстве и были доведены до совершенства... карабахские скакуны. Выходит, армяне в Иране сохранили и взрастили азербайджанских карабахских коней. А вот по вине турков исчезли «элитные сорта айраратских, гардманских и криакупских» лошадей. Как говорится, нет пород и нет спроса с армянских лошадиных селекционеров.

Не комментируя всю приводимую последовательность армянских нелепостей, коснемся только одной – проблемы «замечательной и мощной» армянской конницы. А для этого посмотрим, что говорит «Советская Военная Энциклопедия» от 1974 года о коннице (кавалерии) и ее истории. Здесь отмечается, что боевые колесницы применялись еще до появления конницы в странах древнего мира. Как род иррегулярных войск конница впервые возникла в Ассирии и Урарту (IX в. до н.э.), а затем в Персии (VI в. до н.э.). То же самое утверждает и «Большая Советская Энциклопедия» от 1973 года, подчеркивая, что с IX века до н.э. ассирийское войско, стало активно использовать конницу. Советские энциклопедические издания в отсутствии лояльности к армянским «достижениям» прошлого упрекнуть трудно. И, тем не менее, ни в той и ни в другой энциклопедиях, конечно же, нет ни единого слова об армянской коннице, тем более древних времен. И, совершенно естественно, и в той и другой энциклопедии отмечается татарская конница Чингисхана, как, например, БСЭ свидетельствует, что «в

войнах азиатских феодальных государств особенно высокой организованностью и боеспособностью отличалась легкая монголо-татарская конница Чингисхана и его преемников (XIII-XIV вв.), «...были отличными наездниками, в совершенстве владели луком, саблей и арканом,... умело маневрировали на поле боя, применяли ложное отступление и засады, а для завершающего удара сохраняли сильные резервы».

Вместе с тем, поскольку армянское мифотворчество неугомонно, то мы приведем несколько новых и еще более «оригинальных» абсурдных суждений, рожденных уже знакомым вам, уважаемые читатели, С.Айвазяном из его книги «История России. Армянский след» (М., 1998).

Согласно этому автору оказывается, что знаменитая армянская конница прошла свое боевое крещение еще в XVIII веке до н.э., когда армяне в образе гиксосов покорили древний Египет. Помимо всего легендарного прочего умелые гиксосские наездники, то бишь армянские конные воины «принесли» в Египет своих айраратских лошадей и, как выясняется, сей автор впоследствии «доказывает» «*благодаря именитым айраратским жеребцам, появились арабские, персидские, английские, британские, ахалтекинские и остальные породы лошадей*» (курсив наш). Вот так! Для более выпуклого представления армянского абсурда, позволим себе напомнить о том, кто такие древние гиксосы. В соответствии с принятым историческим подходом в 1786г. до н.э. в Египет вторглись полчища пришельцев - гиксосов, которые покорили его и правили здесь 200 лет. По мнению египтологов - это «темный период египетской истории» (Г.Бругш, «История фараонов», пер. Г.Властова, Спб., 1880). Немецкий египтолог Бругш, на которого мы ссылаемся, цитируя древний источник, а точнее историка Манефона, сообщает о пришельцах, «что весь их народ назывался Гиксос, то есть цари-пастухи». Столь странное название «цари-пастухи» в настоящее время объясняют тем, что египтологи буквально поняли слова древнего историка Манефона. Гиксосы были кочевниками, конниками и прекрасно владели ратным делом. Були на основе анализа исторического материала пришел к выводу, что воинственных кочевников именовали не гиксосами, а «хекаут-хасут», что

означает «правители пустынных стран». Этой точки зрения придерживался и известный ученый В. Авдиев в своей знаменитой «Истории Древнего Востока» (М., 1953). Они же показали, что дошедший этноним - греческое искажение истинного названия. Последнее подтверждается и другим историком древности Иосифом Флавием, а именно о том, что это были кочующие племена. Вот как описывал Бругш вторжение гиксосов и завоевание ими Древнего Египта: «*По сказаниям Манефона в некое время дикий и грубый народ, пришедший с Востока, наводнил своими толпами нижние земли, напал на туземных царей, сидевших в своих городах, и овладел всей страной, не встретив сильного сопротивления со стороны египтян... Затем сделали они одного из среды себя царем, имя ему было «Салатин» или «Салтис», так же «Силитис»... Найдя в Сетроитском округе город... «Аварис», - он отстроил его, укрепил весьма крепкими стенами и ввел в него 240 тысяч тяжело вооруженных воинов, долженствующих составлять его горизонт*» (курсив наш). *Согласно Бругшу, страна, откуда пришли гиксосы на разных языках, звучала по-разному, а именно Сирия, Рутенну Востока, Ашер и Менти, но самое древнее из них было Рутенну Востока* (выделено нами). *Вот имена первых 6 царей гиксосов по Бругшу: «Салатис», «Бнон» или «Банон» или «Беон», «Апахнан», «Афобис», «Аннас» и «Асеф» или «Асет»* (курсив наш). Полагается, что с гиксосами пришли в Египет и кони. В частности, З.Рагозина в книге «Древнейший Египет» указывала, что: «*Египтянам уж конечно не за что было благодарить азиатских пришельцев* [гиксосов]. *А все же они сделали Египту один бесценный подарок: и они провели туда коня. До их прихода этот царь домашних животных не был известен в долине Нила...*» (курсив наш). Так вот, учитывая, что гиксосское правление в Египте действительно темное время, армяне решили объявить себя гиксосами, не только покорившими древний Египет, но и подарившими ему коня, поскольку «армяне были именитыми коневодами Азии». Тем более что имена гиксосских царей, по сообщению Бругша, начертанных ими на собственных памятниках (статуях, сфинксах и т.д.) или на памятниках древнейших египетских царей оказались стерты и «прочитать их по оставшимся следам явля-

лось предметом чрезвычайной трудности». Естественно, что мы не могли бы утверждать, что это сделали армяне, но, тем не менее, прием этот знакомый вам, уважаемые читатели, из армянской практики уничтожения албанских надписей. Словом, почва для фальсификации была подготовлена, и ею воспользовались армяне. И надо сказать, весьма сметливо. Дело в том, что С.Айвазян попутно объявил армян и потомками хеттов.

Хеттская держава была мощным государством Малой Азии (Анатолия), существовавшим в XVII-XII вв. до н.э., соперничала с Древним Египтом и даже в дипломатической переписке с египетскими царями подчеркнуто сохраняла уверенный тон сильной стороны. Хеттская цивилизация считалась очень развитой и овладела плавкой железа, имела свой алфавит и календарь, а также располагала прекрасным войском, состоявшим из боевых колесниц и тяжело вооруженной пехоты. Согласно расшифрованному хеттскому письму выдающимся чешским ученым Грозным, в хеттских текстах имеются свидетельства, что в противостоянии с Египтом хеттская армия выставляла до 2,5 тысяч боевых колесниц. Хеттское государство отличалось многонациональностью и наряду с хеттами здесь проживали и говорившие на семитских диалектах выходцы из Северной Сирии. Так вот, наряду с боевыми хеттскими колесницами, С.Айвазян прибирает к рукам и все остальные достижения хеттской цивилизации. Невзирая на то, что вооруженные противостояния, описанные в хеттских текстах с Египтом, происходили спустя полтысячелетия после нашествия гиксосов на Египет, для Айвазяна важно, что армяне они же хетты, они же гиксосы, будучи цивилизованными и воинственными насельниками Малой Азии, покорив Египет, правили им и оставили на память о себе айраратских коней, одомашненных в свое время ими же.

А теперь мы приводим мнение египтолога Брукша, еще в свое время развенчавшего возможность подобных поползновений, включая армянские «армяно-гиксосо-хеттские» абсурды: «В данный момент мы настойчиво указываем на полную тождественность имени гиксосов манефоновского предания с приведенным выше составным египетским словом «гак-шаус», то

есть «царь арабов», или «царь пастухов». Причем заметим, что совершенно также составленное слово находится в гробничном зале Хнумхотепа в Бени-Гассане, это «Гак-Абиша» - «царь Абиша». Но мы при этом не беремся утверждать, что выражение «гак-шаус» было принято как титул самими иноземными завоевателями. Очень может быть, и даже очень вероятно, что египтяне, уже изгнав своих притеснителей семитской крови, заклеймили этим презрительным выражением тех царей, которые во время своего владычества считали себя законными властелинами Египта».

Уважаемые читатели! Несомненно, что история с гиксосами и в действительности непростая, а потому в ученом мире, подчеркиваем, ученом мире, а не армянской кузнице абсурдов, продолжают иметь место различные версии о происхождении гиксосов. К примеру, по одной из версий гиксосы являются первоевреями, а та часть из них, которая осталась в древнем Египте после изгнания гиксосов, подвергалась неприязни со стороны египетского населения, вплоть до их окончательного исхода во главе с Моисеем. Так что непринятие гиксосовского объясняет и последующую неприязнь к евреям. По другой версии, выдвинутой известным русским ученым Н. Морозовым в его книге «Христос», под «гиксосовскими пастухами» понимаются «гиксосовские пастыри» - проповедники единобожия. Развивая это понимание, школа академика А.Фоменко в своей «Новой хронологии» полагает, что под гиксосами следует понимать представителей Тюрко-Руси или Руси-Орды, а нашествие на Древний Египет гиксосов есть ничто иное как «Великое татаро-монгольское нашествие» (Г.В.Носовский, А.Т.Фоменко «Империя», М., 2003, а также «Русь и Рим», М., 2001, книга 3). В качестве отправной точки для обоснования гипотезы школа А.Фоменко принимает единое мнение египтологов, что гиксосы пришли с востока. Используется также указание Г.Бругша, что вышли они из Рутении. А Рутения - древнее историческое название территории Руси. Обращаем внимание уважаемых читателей, что несколько выше мы выделили имена гиксоских царей и основанный гиксосами - пришельцами город - столицу Аварис. Так вот, по мнению А.Фоменко и др. и в соответствии

с «Энциклопедическим словарем» от 1985 года «авары» (правильнее, «абары») - племенной союз тюркоязычных племен. К примеру, можно назвать созданный тюрками в VI веке на берегах Дуная «Аварский каганат». Поэтому, по мнению А.Фоменко и других, назвать Аварисом свою столицу могли только тюрки, используя этноним «авар» одного из своих племен. Далее, если следовать Г.Брукшу, известные египтологи Руже, Мариэтт, Лаут «считали Аварис тождественным с Танисом» Танис или «Танаис» - это Дон. А донские казаки до XVIII века, как известно, говорили на тюркском языке и были выходцами из тюркских образований. Многие же хронисты прошлого, а именно Мавро Орбини, на которого мы ссылались в предшествующих параграфах, Фальмерайер и др. связывали славян с тюрками (гуннами и аварами). Так, к примеру, М.Орбини в своей книге «О расширении народа славянского» писал, что «король Агилулф объявил войну римлянам... и вышедши с войском из Миляна (Милана) просил помощи у хагана, государя Аварского, который ему послал войско славян». Или «*славяне, учинив союз с гуннами и аварами, наступили на земли греческого царства*» (курсив наш). И, наконец, вот какую трактовку дает А.Фоменко и его последователи выделенным нами раннее именам царей-гиксосов:

«Салатис» - «Султан»
«Бнон» или «Банон», или «Беон» - «Боян»
«Апахан» - «Ала-хан»
«Афобис» - «Апофис»
«Аннас» или «Ианас» - «Иоан»
«Асеф» или «Асет» - «Асаф».

Следует подчеркнуть, что, по мнению школы А.Фоменко и не только этих ученых, многие из египетских иероглифов-письмен не всегда правильно переведены. К примеру, имя «хуни», переведенное Г.Брукшем как «рубящий», Фоменко считает, что надо читать как «хунн» («гунн»), имя отца царицы Нубхас при обращении к нему передано как прозвище, а должно быть, по мнению А.Фоменко, как «баба» («папа» - «отец»).

Точно также, по его мнению, страна «Сабири» должна быть «Сибирь», да и название народа «казн», как «газ-гуз», «гуц» или «казак» и т.д. Нельзя не отметить и то, что в знаменитой «Джафар-тарихи» («История Джафара»), являющейся единственным источником тюркоболгарской истории, указано о покорении Египта. Приведем цитату: «...Часть тюрков с образцом Окуза и управляемая духом Самари направились на Запад, и подчинила себе Балканы, Малую Азию, Северный Египет, Сирию, Ливан, Ирак, Палестину, Южный Кавказ и Западный Иран». И здесь в память о святом духе Самари создали государство Самар (Шумер), построили в Египте пирамиды».

Ю.Д.Петухов, Н.И.Васильева же в своих книгах и в частности «Европейская империя скифов» (М., 2007) в качестве гиксосов подразумевают скифов. Вот, что они пишут: «судя по источникам, в XVII-XVI в.в. до н.э. Египет и Месопотамия были завоеваны некими народами – всадниками, хорошо владевшими конным транспортом. О происхождении этих народов, именовавшихся «касситами» в Вавилоне, «митаннийцами» в Ассирии и «гиксосами» в Египте, источники ничего не могли сказать; очевидно было одно – они пришли в Переднюю Азию извне». Далее авторы показывают скифское происхождение завоевателей, ссылаясь на имена их богов. В частности, они указывают, что «в договорах государства Митании (основанного «всадниками» на территории северозапада Месопатамии) с Хеттской державой Малой Азии, датируемых XIV в. до н.э. упоминаются имена богов: Митра, Варуна, Индра, Насатья», т.е. имена богов упоминаемых в Ведах, а также «у касситов, правивших Вавилоном, был известен бог Солнца Суриос – опять «полное совпадение с Ведами». И это, по мнению авторов, не оставляет сомнений в том, что речь идет о скифах. Что касается происхождения скифов, то мы уж упоминали, что З.Гасанов в своей книге «Царские скифы» идентифицировал их с прототюркскими племенами, представив истинное имя последних, так как оно звучало на древнегреческом, а именно в виде «скузы» или «гузы». Заметим, что точки зрения тюркского происхождения скифов (саков), придерживаются многие ученые. Итак, уважаемые читатели, мы позволили сделать только

краткие наброски мнений, существующих в ученом мире в связи с происхождением гиксосов. И сделано это было исключительно с целью демонстрации абсурдных идей С.Айвазяна, лишенных даже псевдонаучности.

Добавим же к приведенному еще несколько строк, связанных с нашим Баку. К сведению читателей мы хотели бы сказать и о том, как представляет себе древность нашего родного Баку известный английский египтолог Флиндерс Петри в работе «Происхождение «Книги мертвых» (Обозрение «Древний Египет», июль 1926, ч. II), которая впоследствии была освещена в статье И.Мещанинова «Египет и Кавказ» (Баку, 1927). Знатный египтолог доказывал, что название «Баку» тождественно названию «Bakhau», о чем упоминалось в древнеегипетской мифологии «Книга мертвых» и эти древние тексты датировались III тысячелетием до н.э. Главная мысль Флиндерс сводилась к тому, что корни египетской мифологии следует искать здесь на Кавказе, на Апшеронском полуострове. По мнению Флиндерс, «Bakhau» есть большая гора, на которой встает солнце, а «бака» - «утренняя заря», то есть это Баку, расположенный на восточных берегах Большого Кавказского хребта. Есть и раскопанные материальные свидетельства связи Азербайджана с Египтом, такие как археологическая находка - бронзовая статуэтка египетской богини Бает с головой кошки (район Човдара), бусы из голубой египетской пасты (Мингячевир, Ходжалы, Ханлар), датируемые 2 тысячелетием до н.э. Найдены также египетские глазки (Ялойлу тепе, Мингячевир), скарабеи - статуэтка человека без головы оттуда же и др.

Словом, согласно Флиндерс, первые люди пришли в Египет из Баку, с Апшерона... И это подтверждается древнеегипетскими папирусами от 471 и 446 года до н.э., где также описывается пришествие народа с западного побережья Каспия, выходцев из Азербайджана – представителей племен каспиев, явившихся в Древний Египет.

Добавим к этому, что крупнейшие исследователи египетской мифологии именуют Озириса, едва ли не важнейшего бога в пантеоне египетских богов в виде «Асар» или «Азер», т.е. именно в той форме, как это звучало на древнеегипетском. К

примеру, Розмари Кларк в известной книге «Священные традиции Древнего Египта» (М., 2002) раскрывая священные египетские имена, использует имя «Асар», отказываясь от эллинизированной редакции «Озирис». И версия о том, что с берегов Каспия, из окрестностей Баку могли придти «азери» и принести древнюю огнепоклонническую свою веру, согласно которой огонь на земле «замещал» и олицетворял Солнце на небе – тема отдельного исследования.

Но важно то, что первый царь-фараон Древнего Египта пришел с Востока и возрождением своим после смерти олицетворил возрождение жизни, начало удлинения светлого дня в сутках и тем самым, возвысился по значимости с богом - Солнца Ра в пантеоне божеств. И конечно, не имел никакого отношения к армянам.

Уважаемые читатели! Как вы заметили, мы стали свидетелями разнообразных абсурдов армянства, так или иначе связанных с поиском «аргументов» для обоснования «выдающихся традиций армян в коневодстве» и попутному решению и других вопросов из цикла «казаться, а не быть на самом деле». И мы неоднократно подчеркивали, и как следовало из содержания абсурдных утверждений, приведенных ранее, что абсурды перманентно строились «в счет и за счет других». Так вот, «венцом армянской традиции коневодства» и является заключительный абсурд из этой цепочки армяно-скакунских абсурдов. Речь пойдет о том, что недавно армяне выпустили почтовую марку, где зафиксировали свои коневодческие «традиции» и, естественно, на марке красовалась лошадь - карабахский скакун... Альетмяз, принадлежащий Хуршуд Бану Натаван – замечательной азербайджанской поэтессе из Карабаха, супругом, которой был Хасанбек Усмиев. Жеребец Альетмяз как раз происходил с конного завода Х.Усмиева. Убедиться в этом, уважаемые читатели, вы можете и сами, сличив фотографию жеребца Альетмяза царского времени с сегодняшней маркой Армении с аналогичным изображением. А фотографии того времени сохранились, поскольку на Всероссийской выставке 1867 года Альетмяз занял призовое место и под его фотографи-

ей имеется надпись: «Жеребец Альетмяз из завода княгини Усмиевой».

Азербайджан еще ранее в начале 90-х годов выпустил марки, посвященные нашим лошадям, и направил несколько снимков наших лошадей на отпечатание марок и которые в настоящее время уже вошли в Международную Почтовую организацию. Фальсификация, совершенная армянами, держится на ранее приведенных «обоснованиях» армянского происхождения карабахских скакунов. Армяне не скрывают и того, что марку, посвященную карабахской породе лошадей, они выпускают вслед за Азербайджаном.

Выше мы приводили примеры армянского коневодческого мифотворчества и, как понимают, уважаемые читатели, армяне к выведению пород лошадей в целом и, тем более к карабахским скакунам в частности, никакого отношения не имеют. И посему ограничимся кратким историческим экскурсом, связанным с карабахскими лошадьми. Однако начнем с того, о чем мы уже повествовали. А именно с многочисленных скульптурных изваяний «Даш ат», найденных на территории Азербайджана, и которые армяне упорно у нас крали. Наряду с «Дашгоч» это были наиболее часто встречаемые надгробные скульптуры на могилах, именуемых азербайджанским народом «Огуз гябирляри». Установление каменных фигур коня и овна на древних могилах Огузов было связано с их погребальным обрядом и являлось свидетельством огромного почитания образу коня, по сути являвшего собой своеобразный культ.

Туркестанским тюркам был свойственен схожий ритуал. Еще в «Путешествии Ибн Фадлана на Волгу» отмечалось, что на могилах усопших растягивали голову, кожу, ноги и хвост коня на специальных подставках, полагая, что именно так «усопший поедет в рай». На древних надгробиях, найденных на территории Азербайджана очень часто изображены всадники с мечом или сцены охоты. В могильниках еще более раннего периода, а именно средней и поздней бронзы обнаружены конские скелеты, отдельные конские захоронения и многочисленные предметы конского украшения (сбруи, бронзовые удила). К примеру, кости коня в Гюльтепе (Нахчыван) обнаружены во

втором и третьем слоях раскопок, причем кости третьего слоя уже прирученной лошади. Скелеты коней и предметы конской упряжки найдены и в других захоронениях Азербайджана, в частности в Карабахе, близ Ханлара, конские тотемы, как обычай того времени, обнаружены при раскопках в Нахчыване, Карабахе, Мингячевире, Гяндже и др. А вот, найденные в Мутанской равнине при раскопках останки лошадей, считающиеся древнейшими, позволили утверждать, что Азербайджан - один из регионов, где были одомашнены лошади, а наши предки - в числе основателей мирового коневодства. И датируется все это II тысячелетием до н.э. Это не случайно, уважаемые читатели, поскольку кони разводятся там, где к ним особо трепетное отношение, сохраняемое не только в материальных свидетельствах археологии, но, что не менее важно, в этнической памяти и традициях. Именно таковыми свидетельствами наряду с наскальными изображениями Гобустана является наш фольклор, наша письменность. В эпосе «Деде Коркут» кони есть первое достояние витязя-игита, в «Керогу» - замечательный образ коня Гырата, которого самозабвенно любит его хозяин, в других азербайджанских дастанах культ коня восходит к мифическим корням, освященным огнем и морем. Пословицы и поговорки - «коня узнают по поступкам, героя - по осанке», «игит тот, кто, упав с коня, сумеет вновь его оседлать» и многое другое. Этнические предки азербайджанцев - огузы рождались на коне, жили на нем всю жизнь и на коне умирали. Словом, конь - одно из достояний Азербайджана, понятие, не вычленяемое в недалеком прошлом из азербайджанского бытия.

Азербайджанские кони сообразно государственным образованиям на нашей территории именовались и ницейскими, и мидийскими, а со временем, в средневековье, прославились как карабахские. Они с древнейших времен снискали себе боевую славу. Как писал известный ученый И.Дьяконов коневодство, и легкая колесница стали распространяться в приурмийских районах не позже конца III тысячелетия. И Ницейская равнина к западу от Каспия и приурмийской зоны имели прямое отношение к исторической территории Азербайджана. Ежегодно в конюшни правителей посылалось не менее 20 тысяч отборных

коней. Именно эти кони, составляя главную убойную силу мидийского войска (колесницы и всадники) в VI-V вв. до н.э., позволили Мидийскому царству сокрушить власть Ассирии, добиться подчинения Урарту и Манны. В Атропатене, отделившейся от Мидии, конники и колесницы являлись ударной боевой силой. Найденные материальные свидетельства при раскопках показали, что в боевых упряжках находились и по 2, и по 3 воина, а сами колесницы имели 6 зазубренных колес.

В средние века, как писал Катерино Зено, азербайджанский правитель Узун-Гасан мог выставить в своем войске как минимум 300 тысяч наездников, а при необходимости и того больше. Не случайно азербайджанские Сефевиды запретили вывоз местных лошадей за пределы государства.

Так, уважаемые читатели, вплоть до XX века самой красивой и благородной породой Кавказа считалась карабахская, имеющая общие корни с арабской и ахалтекинской породами. Карабахскую породу в Карабахе, на Родине именовали Кеглан. На этих лошадях ездили беки и князья, их ценили на всем Южном Кавказе, в Малой Азии, в Персии и России и, зачастую, под именем персидских, они использовались в качестве даров или военных трофеев. Эта порода одна из древнейших в мире была небольшого роста с красиво посаженной головой, прекрасным золотисто - рыжим окрасом и хорошо развитой мускулатурой. Будучи на протяжении многих столетий гордостью конюшен карабахских ханов, эта порода лошадей обладала исключительной выносливостью и верностью хозяину, она была незаменима на горных дорогах. Она была под российским царем Николаем I, в 1956 в качестве дара, лошадь по кличке «Заман» была преподнесена советским правительством английской королеве. Жеребец по кличке «Хан» - красивейший золотисто-рыжий конь покорил французские салоны и даже под его цвет парижские модницы красили свои волосы. Демонстрировался он на Парижской международной выставке 1867 года и получил серебряную медаль. Словом, карабахские скакуны были только золотисто-рыжей масти, за что их зачастую называли «сарлар». Была и уникальная масть «нарындж», отличавшаяся золотистым цветом при бурых хвосте и гриве. Именно бесценной масти золотой, веро-

ятнее всего, и посвящены замечательные строки М.Лермонтова в «Демоне».

«Под ним весь в мыле конь лихой
Бесценный масти золотой
Питомец резвый Карабаха
Прядит ушами и, полный страха
Хрипя косится с крутизны
На пену скачущий волны».

Карабахская порода лошадей для всего Кавказа играла такую же роль, как английская чистокровная в Европе. «Карабахские скакуны» дали начало другой азербайджанской породе «дильбазским» лошадям, их использовали при выведении карабахской лошади, но сильнее всего кровь «Кегляна» ощущается в донской породе. О качестве этой породы говорит тот факт, что в 1823 году англичане купили у карабахского Мехти-кули-хана за большие деньги 60 кобыл. В 1866, 1869, 1897 гг. карабахские скакуны достойно представлялись на международных выставках и были награждены золотыми и серебряными медалями.

На Всероссийской выставке 1869 года карабахские жеребцы также получили высокие награды - «Меймун» - серебряную, «Токмак» - бронзовую, а золотисто-рыжий «Альетмяз», фото которого присвоили армяне, был не только отмечен специальным похвальным листом, но и назначен производителем на российские конные заводы. Древние традиции коневодства развиваются и сегодня в Азербайджане. Существуют два конезавода и два коневодческих хозяйства.

По статистике в Азербайджане сейчас 65 тысяч лошадей, из которых 20% карабахской и до 15% дильбазской породы, а остальные являются помесями или типами, находящиеся на стадии формирования. И, конечно, карабахские кони «Кеглян» украшают азербайджанские табуны лошадей. «Альетмяз» и был таким «кегляном», который выкрали армяне, поместив его изображение на своей почтовой марке. Итак, уважаемые читатели, вот краткие сведения об азербайджанских конях на фоне

«древней армянской традиции коневодства», когда карабахские скакуны выращивались армянами в Иране.

Мы завершаем, уважаемые читатели, «армяно-скакунский абсурд» и завершаем не совсем обычно. Мы приведем три цитаты, из которых две принадлежат армянским источникам, чтобы вы, уважаемые читатели, сами определились: на какой территории и когда были взращены армянские кони, и в особенности их карабахская порода.

С.Лехаци, армянский историк XVII века: «...От Молдавии до Стамбула, от Ромелии до Великой Венеции нет города, села, деревни, где бы ни было армянина. Подобно пыли расселялись мы по миру земли».

Б.Ишханян в издании «Народности Кавказа» (1916г.): «Армяне, проживающие в Карабахе, частью являются аборигенами - потомками древних албанцев, а частью беженцами из Турции и Ирана, для которых азербайджанская земля стала убежищем от преследований и гонений».

С.Зеленцев, русский ученый XIX в.: «*Культура местного христианского населения в Карабахе и армян, переселенных сюда впоследствии, резко отличаются друг от друга всеми компонентами. Местное христианское население, не понимая языка армян - переселенцев, отличалось от них даже одеждой*» (курсив наш).

§13. Абсурд с «морскими» армянами

Уважаемые читатели! Мы продолжаем главу «Театр абсурда», где знакомим вас с различными армянскими утверждениями, являющимися лживыми и, стало быть, попросту байками или бреднями. И мы продолжаем напоминать вам, что абсурды суть лживые утверждения, не являющиеся бессмысленным набором слов. Напротив, абсурды имеют вполне конкретное назначение, а смысл их предопределяется целями, ради которых они «изготавливаются». Армянская кузница абсурдов преследуют вполне конкретные цели – территориальные притязания к соседям, совмещенные с претензиями на культурно-историческое и интеллектуальное достояние того, что не принадлежит армянству. Вместе с тем армянские абсурды призваны к формированию у неискушенных некоего образа армянства согласно разработанной концепции «не быть на самом деле, а казаться», претендовать не на сущее, а на воображаемое. Лживые абсурды требуют, хотя бы видимости обоснования и потому готовятся они посредством подлога, фальсификации или изначально сомнительных, а зачастую ложных посылок. И точно также поддержание желаемого армянством собственного образа невозможно без лицемерия и фарисейства. Ведь намерениями армянство всегда «оправдывало» свои действия. Невзирая на то, что «в людях не так смешны те качества, которыми они обладают, как те на которые они претендуют» (Ларошфуко), абсурды не убывают. Подобно лжи, рождающей очередную ложь, каждый армянский абсурд порождает новый, а проповедуемый армянством принцип раздвоения все более углубляется, приходя в полное противоречие между внутренним миром и желанно-рекламируемым образом. Как и замечательная фраза А.Чехова: «...Ложь тот же лес: чем дальше в лес, тем труднее выбраться из него» столь же точна и мысль Гельвеция: «Люди против разума, когда разум против них». А вот доказывая неразумное, так или иначе, прибегают к «лицемерию - единственному греху, который не может быть отпущен, поскольку раскаяние лицемера само по себе лицемерие». Так что рубрика «Ab absurdum...» «…Ad absurdo» продолжается.

Итак, абсурд с «морскими» армянами

Абсурд, о котором пойдет речь, имеет свою историю. Мы собираемся поведать о том, что армяне сегодня помпезно именуют «Приморской Арменией» и даже «Морской Арменией», подразумевая под этим ареал расселения так называемых крымских армян. Для начала мы сошлемся в этой связи на статью Т.Манучаряна из журнала «Сурб -Хач» крымского армянского общества. В этой статье уверяется, что «первые связи армян с Крымом известны со времен Тиграна Великого и Митридата Понтийского. Это II-I тысячелетия до н.э.». Как и следовало ожидать, первая же фраза исходит из надуманных эпизодов «истории армянского народа», «тиграновского времени мифической «Великой Армении». Следующая фраза, ничуть не уступая предшествующей по выдумке, сообщает, что «позднее V-VI веках н.э. византийские императоры армянского происхождения размещали военные армянские отряды на дальних окраинах своей империи, в том числе в Крыму». Даже если допустить, что это делалось византийскими басилевсами, то почему это делали императоры армянского происхождения, да и кто они – армяне, государи Второго Рима? Если попробовать допустить и принять во внимание, что в силу определенных обстоятельств происхождение детей, рожденных от византийских императоров и их армянских жен или наложниц, генетически определялось армянами по материнской линии, то остается по-прежнему неясным, почему именно эти императоры размещали здесь свои войска. Однако это только начало, поскольку далее утверждается, что «в XI веке после вторжения в Армению турок-сельджуков в Крым эмигрируют армяне на постоянное местожительство». Расселяются они «в горном юго-восточном Крыму: Кафе (Феодосии), Судаке, позднее в основанном татарами городе Кырым (Старый Крым)». Неясно, о какой «Армении» может идти речь, если армянской государственности не было, а стало быть, сельджуки вторглись и завоевали территории какого-то другого государства, но только не Армении.

Мы просим уважаемых читателей запомнить эти вводные байки армян, поскольку будет предоставлена возможность сравнить их с историческими исследованиями по данному во-

просу, рожденными вне «армянской кузницы абсурдов». А теперь обратимся к другим армянским авторам О.Габриэляну, Т.Саргсян, их статье «Крымские армяне». Здесь же нам в дополнение к ранее приведенным байкам удается выяснить, что поселения армян в Крыму в I в. до н.э. стимулировалось родственными отношениями Тиграна с Митридатом VI Евпатором. Кроме того, согласно авторам, «Есть достоверные сведения о проживании армян на полуострове, относящиеся к периоду, когда Армения попала под власть Арабского халифата (VII век) и когда притеснения и непомерный гнет послужили причиной эмиграции армян из собственной страны». И здесь, уважаемые читатели, невольно задумываешься не только над тем, была ли в числе стран завоеванных арабскими владыками «Армения». На память приходит и уничтожение албанского католикоса и передача его католикосата в подчинение армянскому вследствие фарисейской жалобы-доноса армянских клириков халифу и многое другое (см. предшествующие параграфы). Удивительно здесь и то, что армяне по причине отсутствия не только политического, но и устойчивого географического понятия «Армения» обычно пишут «Историю армянского народа». К примеру, одноименный и много раз изданный учебник от 1951 года или учебное пособие от 1980 года для вузов. Или даже пишут историю в виде «Потомки Хая» (Г.Саркисян, К.Худавердян, К.Юзбашян, Ер., 1998), но никак не «История Армении». Подмена история страны историей этноса вызвана не только отсутствием государственности в прошлом. Это, уважаемые читатели, методический прием, позволяющий описывать историю территорий транзитного перемещения армян. Словом, включать в эту историю те географические пространства, куда мигрировал и поселялся армянский этнос. Это и есть история «безземельного и вместе с тем, претендующего на любые земли народа», отсюда и разнообразие надуманных названий «Западная Армения», «Восточная Армения», «Приморская Армения» и т.п. Так пишут историю аллохтоны – потомки пришлого этноса, Итак ее не пишут потомки автохтонов, коренных насельников. Поскольку они твердо знают, что их историческая родина и есть населенная ныне этносом территория, где всегда и жили

их предки. Потому, уважаемые читатели, есть и «История Азербайджана», равно как и «История Грузии» - автохтонных насельников Южного Кавказа. Однако, это к слову.

Так вот, как всегда, выстроенный на исторических фантомах эпистоляр армяно-крымской эпопеи достигает своего венца у С.Айвазяна в его сочинении «История России. Армянский след», который уже знаком читателям благодаря неистощимой выдумке ее автора. Сей автор пишет, что «*Крымский полуостров в средние века носил название «Морская Армения». В XI-XV вв. основное население Крыма было армянским. Армяне основали здесь города и один из них – Одесса*» (курсив наш). И вот Крым (Гырым), этимология которого общепринята от тюркизма «отсеченный», «отколовшийся» тут же подвергается сомнению со стороны этого С.Айвазяна посредством подложных фактов. Оказывается, что именно армяне «основали здесь первые христианские церкви, на месте одной из которых в южной части Одессы был построен армянский христианский храм, где Минас Бжшкянц обнаружил книгу с армянскими буквами в VII веке до н.э.». И, судя по изложению автора цитируемого изыска, эта книга была доставлена из разграбленной египетской пирамиды – захоронения и водворена в свое законное владение - одесскую армянскую церковь. И здесь не перестаешь удивляться, что письмена эти зафиксированы более чем за тысячу лет до сомнительного алфавита Месропа Маштоца. И если даже предположить наличие таких письмен, то не покидает уверенность в том, что прочитаны они, были, как и много лет раньше, когда тот же Айвазян буквы с арабским текстом прочел слева направо и объявил их армянскими с происхождением аж от XVIII века до н.э. И столь же вероятно, что эта «кожаная книга» сродни куску бревна - «от обломков» легендарного Ноева ковчега.

И на этом месте хотелось бы сделать отступление и привести замечательные мысли выдающегося историка и географа, основоположника этнологии Л.Гумилёва. Он писал: «Есть такой афоризм: «Кто владеет настоящим владеет прошлым, кто владеет прошлым владеет будущим». Страшный афоризм, если вдуматься, особенно страшно его применение на практике. Причина и следствие меняются местами, и история превращается в

публичную девку, в сумму примеров, которой можно обосновать что угодно..., часто в историю вводят миф, а ведь миф — это выдумка, хуже того ложь. Нас заставляют изучать не фактическую историю, не факт, а мифическое его осмысление. История... начинает нести дезинформацию... Порой от истории требуют прямой отдачи — пытаясь получить моральную выгоду, тогда же историей обосновываются материальные претензии, национальные амбиции... Из нее (истории) надо выкинуть всю мифологическую чушь, предвзятость и качественные оценки».

Согласитесь уважаемые читатели, уж очень актуально звучат эти слова, применительно к сегодняшней подаче истории армянством.

А теперь обратимся уже к научным исследованиям в этой области. *Исторически известно, что наиболее многолюдными стали армянские поселения Крыма в XIII-XIV веках. Украинские историки указывают, что первый период переселения армян в Крым следует датировать XI-XIII вв. Это было время византийского присутствия на Крымском полуострове* (курсив наш). Подчеркиваем, что, говоря «армяне» понимаются переселенцы, исповедующие армяно-григорианство. Об этом свидетельствует и официальный документ крымского этнографического музея, согласно которому «в силу исторически сложившихся обстоятельств средневековья Крым стал для армянских переселенцев второй родиной. Начиная с X-XI веков, армяне большими потоками проникают на полуостров, в юго-восточных частях Крыма появляются большие колонии, центр которых - город Кафа». Как и следовало ожидать, мифическое освоение Крыма армянами еще до нашей эры есть всего-навсего типичный армянский абсурд. Однако вопрос не исчерпывается этим. Согласно источникам, *первые переселенцы именовали себя «ерменитер», а не «хай», свой язык называли «хынчак тили», «татарча» или «бизим тил», а в быту и даже в церковной службе использовали исключительно тюркский язык Крымских тюрков - давних насельников полуострова, таких как крымские татары, крымчаки, караимы, именовали по-тюркски «хардеш» или «дин ашры хардеш»* (курсив наш). И, конечно же, уважаемые читатели, возникает вопрос: кем же являлись эти переселенцы, говорящие на тюркском и идентифи-

цирующие себя с тюрками, исконными насельниками, но исповедующие армяно-григорианство? И здесь, мы подходим к кульминационной точке армянского абсурда. Дело в том, что как принято сейчас говорить об этих переселенцах, «армяне-кыпчаки» селились не только в Крыму Украина, Польша, Молдавия, Румыния: и здесь были места их компактного проживания. В своих источниках армяне-кыпчаки указывают о том, что переселение их в эти края из Крыма произошло где-то в X-XIII веках. И не случайно их центром был город Кафа (нынешняя Феодосия). «Кафа» по-тюркски «голова», «череп», а холмистая местность, выбранная поселенцами по рельефу была схожа, что и послужило основанием для ее названия. И, видимо следует разъяснить и то, каким образом тюрки могли принять армяно-григорианскую веру. Общеизвестна тюркская вера в бога Небесного, в Тенгри. Отсюда и тенгрианство - вера, которую исповедовали тюрки – кыпчаки изначально. Она придавала им силу не меньшую, чем сила их оружия. Имеет ли тенгрианство какое-либо отношение к христианству, особенно к раннему? Сегодня, уважаемые читатели, много исследований, связавших тенгрианство с ранним христианством. Конечно же, единобожие является тем общим началом, которое их роднит. Что касается христианства, то согласно официальной доктрине колыбелью европейского христианства является Рим. Основанием же для этого служит католическая концепция в силу, которой первым главой церкви в Риме был апостол Петр. Католичество считает, что именно апостол Петр возглавлял когорту 12 апостолов. С этим не соглашается и православие и протестанты, полагая, что нет официальных церковных документов, подтверждающих главенство апостола Петра над другими.

Вместе с тем, известно и то, что глава христианской общины был признан императором Феодосией в Риме в 380 году. В IV веке нашей эры христианство получило признание и в Византии. Словом, IV век - это век «документированного» христианства. Так вот христианство началось с того, что ранние общины следовали той части Библии, которая была оформлена еще при жизни Христа, и которую и проповедовал сам Иисус Христос. Ранние христиане отрицали считающиеся ныне важнейшими, догматы христианства, такие как божественная природа Христа, троич-

ность. И это было начало будущего раскола. По мнению многих исследователей, сами эти догматы появились позже, в процессе становления христианства. К примеру, 433г. н.э. обособил в христианстве монофизитство, которое отрицало две природы Христа - Бога и человека, раздельность их существования. Монофизиты утверждали, что оба начала Христа соединились с поглощением его человеческого начала божественным. Стало быть, Христос не Богочеловек, а Бог. А вот после Халкедонского собора в 451 году, утвердившим учение о двух природах Христа, монофизитство было осуждено как ересь. Следовательно, возобладало диофизитство, признание двойственного начала Христа, которому ныне следуют и православие, и католичество и протестантизм. Конечно же с весьма принципиально различающимися догматами. В частности, католики и православные признают и Бога-отца и Бога-сына и Светой дух. Однако, если католики наделяют Бога-сына (Иисуса Христа) святым духом, то православие это отрицает.

Монофизитами же остались Армянская, Яковитская (в Сирии) и Коптская церкви.

Почему мы на этом останавливаемся? Дело в том, что именно монофизитство, будучи консервативным и тяготеющим к раннему христианству оказалось достаточно близким к тюркской вере в Тенгри, Бога-отца, созидателя всего сущего. Тюркский бог был един и это отличало тюрков от соседей, а верить в него они начали, если следовать китайским источникам, где-то с V века до н.э. Наверное, потому немецкий исследователь Г.Дерфер и считал, что тенгрианство есть «одна из первых монотеистических религий человечества, если не самой первой». Как известно, уважаемые читатели, следов тюрков-кыпчаков на Кавказе очень много. И они, признавая же за Христом права сына Тенгри хана, переходили в христианство, исповедуя ее монофизитскую ветвь.

Так вот, уважаемые читатели, «армяно-кыпчаки» имелись и в Восточной Европе и юго-восточной России и на Украине. Христианами в итоге стали кыпчаки – тюрки Кавказа, Анатолии, Крыма. Они были носителями родного тюркского языка, тюркских адатов, тюркского фольклора и только в церковной жизни следовали христианству. Следы тюрков-христиан можно найти и в злато-ордынских городах на Поволжье и у Иссык-куля в Киргизии. На

территории исторического Азербайджана еще с IX века находился под эгидой Албанской апостольской церкви кыпчакской монастырь Хыпчаквенг. Впоследствии после насильственной армянизации албанов-григориан, то есть после ликвидации Албанской церкви он был передан царскими властями Армянской церкви.

В Крыму же армяно-кыпчаки уже в средние века имели густо заселенные колонии. Как мы отмечали, тюрки, исповедующие христианство, прибывали в эти края, начиная с X-XIII вв. Так, к примеру, населявшие Кагызман (Анатолия, Турция) в поселении под названием «Нахчыван» издавна именовали себя «ерменилер». Здесь кроме тюрков проживали и греки и хайи, исповедовавшие григорианскую веру. И они были высланы в Крым еще в XI веке, после завоевания тюрками-сельджуками Анатолии. Армяне-кыпчаки, закрепившись в Крыму, способствовали массовому переселению и этнических армян Кавказа и Турции в XIV-XV вв. Новая волна эмигрантов бежала с земель, завоеванных тюрками - сельджуками. Она была принята первопоселенцами армяно-кыпчаками. Как известно, со второй половины XV в. по вторую половину XVIII в. Крым являлся частью Османской империи. Тогда и расцвела здесь не только тюркская, но и армянская культура. По завершении русско-турецкой войны 1778 году началось массовое выселение кыпчаков с Крыма, причем особо подчеркнем, что выселялись тюрки не только мусульмане, но и те из них, которые исповедовали григорианство. И делалось все это, если следовать предписаниям фельдмаршала Румянцева, «для обеспечения безопасного проживания их». Однако дело было в том, что тюрки Крымского ханства, вне зависимости от вероисповедания, были лояльны к тюркам-османам. Так что, мотивируя также и необходимостью освоения и заселения земель Новороссии, императрица Екатерина II «приглашала христиан Крыма поселиться в пределах России». Вынужденно-добровольное переселение это сопровождалось насильственным крещением в армяно-григорианское христианство и тех тюрок, кто не исповедовал веру Христа. Все это возглавлял армянский епископ Иосиф Аргутинский, он же Овсеп Аргутян, являвшийся главой епархии российских армян. В 1979 году была подписана дарственная грамота колонистам в устье реки Дон. Вот так и оказались в Приазовье и Ростове-на-Дону и армяно-

кыпчаки. Когда несколько позже в Крым разрешено было вернуться, то перед кыпчаками, желавшими вернуться на родину, был зажжен красный свет, зато возвращение этнических армян поощрялось. На Дону и был основан армяно-кыпчаками город Новый Нахчыван в память об анатолийском Нахчыване, а не о Нахчыване на Араксе, в чем пытаются убедить всех нынешние армяне.

Такова, уважаемые читатели, краткая историческая информация о тюрках-кыпчаках, исповедовавших григорианство и являвшихся первопоселенцами на Крымском полуострове.

А теперь поставим вопрос, имеющий самое непосредственное отношение к описываемому абсурду. Как же правильно именовать более 12,5 тысяч, согласно официальному Ростовскому сайту кыпчаков, изгнанных из Крыма и не допущенных обратно - армяно-кыпчаками или тюрко-григорианами? По существу ответ на этот вопрос означает, являются ли этническими армянами первые колонисты Крыма, которые, находясь в тюркской этнической и языковой среде Крыма, переняли тюркский язык, обычаи и многие элементы культуры. Или это этнические тюрки, исповедовавшие армяно-григорианскую религию, развивали в Крыму, свою тюркскую культуру, обычаи, музыку и продолжавшие говорить на своем родном тюркском языке.

Сущность армянского абсурда сводится к тому, чтобы «обосновать», что гонимые тюрками-сельджуками, монголо-татарами, армяне утратили свою родную речь, приняли тюркские обычаи - словом, культурно ассимилировались тюрками. Но главное, армяне сохранили свою религию. Как понимают читатели, это означает, что те, кто исповедует армяно-григорианскую религию – обязательно этнические армяне. Почерк знакомый, поскольку именно таким подходом и «обосновывалось» «армянское происхождение албан» и «арменизировалась» Кавказская Албания и вся материальная и нематериальная ее культура. Отсюда отчаянная защита данного тезиса, пропаганда армяно-кыпчаков как изначально этнических армян, в том числе и в среде этнических тюрков Казахстана. А вот то, что этнические армяне, продолжающие и сегодня пополнять и Крым и Приазовье и Ростов на-Дону, заимствуя фольклорную литературу и музыку армян-кыпчаков, или тюрков-григориан вносили и продолжают вносить свою лепту в традицию

по присвоению тюркских культурных традиций совершенно верно. Однако это не все. Подобный абсурд с этнически-армянским происхождением тюрков-григориан (армян-кыпчаков) «дает доступ» не только к бессмыслицам наподобие «Приморская Армения» или «Морская Армения», но и ко всему материальному и нематериальному культурному наследию армяно-кыпчаков, объявляя и рекламируя его в качестве армянского. И армянство прекрасно понимает, что в противном случае доступ к присвоительству чужих культурных традиций и интеллектуальной собственности оказывается перекрытым. А культурные традиции тюрков-кыпчаков-григориан чрезвычайно богаты. О том, что они представляют собой, мы постараемся рассказать ниже. А сейчас приводим замечательное высказывание из книги «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» известного французского историка Марка Ферро: «...Армения, много раз терпевшая поражения, охотно возвеличивает свою историю, придает ей светлый образ мученичества».

Прежде чем продолжать изложение, напомним уважаемым читателям еще раз, что абсурды армянского изготовления являются лживыми утверждениями, порожденными конкретными целями армянства: территориальные претензии и иже с ними притязания на культурно-историческое и интеллектуальное достояние того, что не принадлежит армянам. Абсурды, являясь лживыми байками, далеко не безвредны. Не случайно, Ж.Ж.Руссо говорил, что «лгать для своей выгоды - подделка, лгать для другого – подлог, лгать для того, чтобы нанести вред - клевета». Наряду с этим абсурды предназначены и для создания некоторого образа армянства по принципу «не быть на самом деле, а казаться». Претворение подобного принципа подразумевает и соответствующие средства политики: подлог и фальсификацию, лицемерие и фарисейство.

«Позорно говорить одно, а думать другое, но еще позорнее думать одно, а писать другое», - так оценивал лживые проявления Сенека. Однако лживые утверждения, как противоположность истине, обладают разными обличиями, и они рождают друг друга. Не удержавшись ото лжи единожды, приходиться и «подпирать» другой ложью ее многократно. Вот и возникают все новые и новые абсурды, одним из которых и является абсурд с «морскими армянами», изложение которого мы продолжим.

Суть ранее изложенного же сводилась к тому, что армяне столь древние насельники Крыма, что впору Крым именовать «Морской Арменией». И этот абсурд зиждется на другом - отчаянно отстаиваемом армянством тезисе об этнически армянском происхождении «армяно-кыпчаков». В то же время эта этническая группа, именуя себя «ерменилер», а свой язык - «татарча», «бизим тил» или «кыпчак тили» и, идентифицируя себя культурно с тюрками-кыпчаками и другими этническими тюркскими группами Крыма, являлась кыпчаками, принявшими христианство в ее григорианском варианте. Выходит, что прав был Козьма Прутков, заявлявший «если на клетке слона написано буйвол, не верь глазам своим». Вот и не верим. Поскольку, как писал великий ученый Л.Гумилёв: «*Беда, когда изучение истории начинается базироваться на несуществующих фактах. Такое мифотворчество в наш век совсем не то, что мифотворчество времен Гесиода. Гесиод рассказывал, скажем, свой миф о Космосе - это была притча, если угодно - философия. Но греки не опирались на миф, как на факт...*» (курсив наш) (Л.Гумилёв, «Чтобы свеча не погасла», М., «Айрис Пресс», 2002).

А вот армянство, уважаемые читатели, опирается. И потому, опять же, следуя Л.Гумилёву, во исключение «*неисчислимых бед, происходящих от предвзятых мнений и переходящих ошибок..., чтобы опровергнуть лживое суждение, нужно вскрывать его корни, зачастую болезненные и застарелые*» (курсив наш).

«Армяне-кыпчаки» или «тюрки-григориане» писали армянским письмом на кыпчакском языке. Все их материальное и нематериальное культурное наследие может «свободно присваиваться армянством, в силу их утверждения, что по происхождению эта группа является этническими армянами и вместе с этим беспощадно уничтожаются образцы культуры кыпчаков, оставленные в Крыме с надписями не в армянской графике». И потому наряду с поведанной ранее историей появления тюрков-григориан с Крымского полуострова, и последующего возвращения сюда этнических армян и православных, предпринимались многочисленные меры для уничтожения тюркского следа этих первопосельников Крыма. Рушились памятники,

уничтожались мечети, выбивались надписи на объектах материальной культуры. Словом, происходило все то, что происходило и с албанским материальным и нематериальным культурным наследием. Именно обо всем этом и писал украинский историк Д.Николаенко: «*Армяне, болгары, греки занимаются уничтожением старо-крымских древностей. Именно они выполняют здесь основную работу по уничтожению информации прошлого... грабится старый Крым. Армяне делают, что хотят... Нет крымских татар. Они только приносят старинные мусульманские памятники, могильные обелиски к мечети Узбека, чтобы спасти их от разграбления...*» (курсив наш).

Для того чтобы абсурд с «Морской Арменией» был очевиден, вкратце коснемся этнической истории Крыма, вплоть до появления здесь кыпчаков. Крым – один из древнейших очагов человеческой цивилизации. Находясь на периферии великих империй – Римской, Византийской, Османской, а в последнее время Российской, этот полуостров в течение всего исторического процесса являлся одним из мест культурно-цивилизованных контактов. Именно поэтому история Крыма и есть мини-модель основных исторических коллизий всего Средиземноморья. Геополитическое пространство Балканы-Кавказ-Малая Азия оказалось тесно вплетенным в историю Крыма. В силу этого, уважаемые читатели, Крым был не только многонационален, но и многоконфессионален. Еще в XV-VII вв. до н.э. в Крыму жили киммерийцы, занимая его юго-восточную часть. Киммерийская культура тесно контактировала с культурой тавров, как полагают первонасельников Крыма. Этническое же происхождение киммерийцев остается предметом научной дискуссии, а в последние годы все чаще говорят об их прототюркской принадлежности. В пользу этого свидетельствуют многочисленные топонимы, фамилии с корнем «кемерли», встречающиеся на территории Азербайджана, куда в определенный исторический период и пришли киммерийцы. Предполагают, что слова «кумир», «гмыри» имеют отношение к этим племенам. Теснимые скифами они к VII в. до н.э. оказались на Южном Кавказе. А вот скифы, пришедшие к этому времени в Крым, создали здесь Скифское царство, столицей которого был Неаполь Скифский (Симферополь) (III-II в. до н.э). Скифы жили в

лесостепной зоне Дона и Днепра. Последние исследования, особенно по «царским скифам» свидетельствуют не об ираноязычии, а тюркоязычии скифов. Их именовали в восточных и семитских хрониках, и у Геродота «ишкузы», «ашгузы», а на эллинском «скузес». Словом, корнем этнонима являлось «гуз» («куз», «гуц», «гоц»), а это, как указывается у европейских историков и есть яркое свидетельство тюркского происхождения этих скифских племен. Даже знаменитая скифская легенда «О сынах слепца» во многом коррелируется с тюрко-азербайджанским эпосом «Кероглу». В III же веке н.э. в Крым пришли готы, завоевавшие Скифское царство, и которые проживали на юге и юго-западе Крымского полуострова. О готах написано много. Полагают, что это были германские племена. В III веке произошло их разделение на остготов и вестготов. Первые обосновались на Днепре, вестготы же между Днестром и Дунаем. Примерной границей Готии и Рима и считался Дунай. Готы сыграли огромную роль в формировании нынешней Европы, завоевали Италию и Рим пал от рук остготов. Варварские государства, как пишут ныне, вестготов и остготов, продержались в пределах полувека и впоследствии благодаря усилиям Византии, воевавшей с ними, более двух десятилетий, были сокрушены.

Подчеркнем, что в ряде европейских источников и, в первую очередь, у архимандрита Мавро Орбини, написавшего в XVI веке на основе западно-европейских материалов труд «О расширении народа славянского» в специальной главе «О готах славянах», он не разделяет готов, славян, тюрков, скифов, утверждая, что их великое расселение перекроило всю карту Европы. Он же под Скифией понимает, если выражаться языком школы А.Фоменко - Тюрко-Русь, а великого завоевателя Аттилу представляет как полководца и государя Тюрко-Руси. Однако если следовать традиционной исторической концепции, то готы, крушившие Рим, оказались сломленными гуннами во главе с Аттилой. Правда, после падения Гуннской державы роль остготов значительно выросла. Основавшись в Паннонии, они стали христианами-арианами. Эти готы и пришли в Крым, а вслед за ними в IV в. в Крым вторглись тюркоязычные гунны, образовавшие в Босфоре Алано-гуннское царство. Гунны были тенгрианами, а

впоследствии христианами. Наконец, уже в VIII веке пришельцами стали хазары с Нижней Волги и Северного Кавказа. Хазарский каганат был могущественным государством, созданным кавказским народом хазар совместно с тюрками из рода Ашина. Будучи под политической властью тюрков, это государство как образец веротерпимости приняло иудеев, а на заключительном своем этапе было известно в истории более как Иудео-Хазария с иудаизмом, как государственной религией.

Наряду с этим в указанный период в Крыму поселяются и караимы, являющиеся, как и хазары, тюркоязычными. По одной из гипотез, развиваемой Л.Гумилёвым, караимы были потомками от смешанных браков иудеев-хазар отцов и тюрков-хазаритянок матерей. Так вот, в силу непризнания их происхождения тюрками-хазарами согласно отцовской линии и иудеями – хазарами согласно материнской, их потомки ушли на окраину Хазарского каганата – и оказались в крымо-азовских степях. Наряду с иудаизмом хазары исповедовали и ислам, а часть их и христианство. Здесь же поселились и крымчаки. Одновременно в Крым пришли в XIII-XIV вв. и булгары, сокрушенные и гонимые хазарами. И это тоже были тюрки из некогда могущественного Волжско-Булгарского царства. Часть их осела в предгорных долинах Крыма, а другая – ушла на Балканы, где, ассимилировавшись со славянами, дала начало Болгарии, принявшей православное христианство. В IX-X вв. в Крым пришли печенеги (бачынаки) и гузы огузы (огузская семья тюрков), которая впоследствии обрели свою родину на Дунае. Часть печенегов после их разгрома гузами, совместно с кыпчаками частично осела в Крыму, а частично в Нижнем Подмосковье и впоследствии слилась с восточными славянами. Печенеги были тенгрианцами, а впоследствии приняли ислам. Начиная с X века, в Крыме селились и восточные славяне. Стоит также добавить, что в начале I тысячелетия до н.э. в Крыму возникали греческие города полисы, присутствие эллинского элемента нашло отражение в источниках как эллино-скифы или «тавро-скифы». А вот в I-III вв. н.э. Крым считался самой восточной окраиной Римской империи. Так пишут многочисленные источники по истории Крыма.

А теперь, уважаемые читатели, задумаемся над тем, что же представляла собой этническая и конфессиональная картина Кры-

ма накануне прихода кыпчаков? Как следует из краткого экскурса на этом политическом и многоконфессиональном перекрестке сошлись греко-римляне, скифы и гунны, тюрки и готы славяне. Здесь имело место и христианство и ислам, отчасти иудаизм, и, конечно, изначальная вера в Тенгри. Культуры же на таких перекрестках взаимовлияют и взаимообогащаются. Население Крыма, как видно, имело тюркские тенденции еще до прихода кыпчаков.

Так вот, с приходом кыпчаков в Крым в XI в. и начался заключительный многовековой тюркский период Крыма. Именно кыпчаки и завершили тюркизацию и создали преимущественную монолитность населения Крыма. Хотели бы подчеркнуть, что помимо источников, при изложении краткой истории Крыма, мы использовали и сведения, имеющиеся на официальных сайтах Крыма.

А теперь остановимся на том, кем были кыпчаки и откуда они появились в Крыму. Прежде всего, отметим, что кыпчаки, они же известны на Руси как половцы, а в Западной Европе, как куманы, являлись тюрками, которые пришли с берегов Иртыша. Согласно БСЭ (М., 1975) половцы - тюркоязычный народ, пришедший в XI в. из Заволжья в причерноморские степи: «войско половцев состояло из легкой и тяжелой конницы и отличалось большой подвижностью... Многократно нападали на русские земли, нанося тяжелые поражения войскам киевских князей... Борьба русского народа с половцами отражена в летописях и в «Слову о полку Игореве». «Половецкую землю» или «Дешт-и-Кыпчаю», восходящую к арабским и персидским источникам, БСЭ локализует от низовьев Сыр-дарья и озера Балхаш до устья Дуная. Здесь же указано, что «кыпчаки, придя с берегов Иртыша в 1030 году, стали соседями Хорезма и заняли территорию современного Казахстана и юга европейской части СССР». БСЭ отмечает, что «Дешт-и-Кыпчаю» делится на западную и восточную Кыпчак территорию. Западный Кыпчак известен под названием «Половецкая земли». «...Были дважды разгромлены татаро-монголами на Сев. Кавказе и в битве на р. Калке, где были союзниками русских князей. В результате... часть половцев перешла в состав Золотой Орды, другая часть переселилась в Венгрию...». В «Советской исторической энциклопедии» (М., 1968) дополнительно к приведенным сведениям указано,

что половцы, занимая территорию Северо-Западного Казахстана, граничили с огузами и хазарами. «В середине X в., перейдя вслед за тюрками-огузами Волгу, хлынули в степи Северного Причерноморья и Кавказа». Далее указано, что «потерпев поражение [от Владимира Мономаха], вынуждены были частично уйти в Грузию... В 1223г. во время первого похода монголо-татар, предав своих союзников алан, были разбиты монголами-татарами сначала на Северном Кавказе, а затем при битве на Калке. Восточные... кыпчаки составили часть населения Золотой Орды, ассимилировав небольшую группу пришедших сюда монголов и передав им свой язык. Эта часть населения Золотой Орды еще в XIV веке именовалась кыпчаками, и вошла затем в состав народностей татар, казахов, башкир, карачаевцев, кумыков и др., говорящих на языке кыпчакской группы. Западная группа половцев (собственно половцы) при нашествии Батыя откочевала сначала в Венгрию, затем в Болгарию, и там растворилась среди местного населения». Чтобы уяснить некоторые изложенные неясности из цитируемой энциклопедий, привлечем «Энциклопедический Словарь» более позднего выпуска (1985), где указано, что «кыпчакский язык (куманский, половецкий) – язык половцев или куманов или кыпчаков. Относится к тюркским языкам (кыпчакская группа). «Крупнейший памятник кыпчакского языка» - Codex Cumanicus (XIII в., изд. 1828). «Половецкая земля»- древнерусское название степи между Волгой и Дунаем в XI-XIII вв., в которых кочевали половцы (западная часть «Дешт-и-кыпчак»).

А теперь, уважаемые читатели, обратимся за разъяснением к главному специалисту по Степи – выдающемуся ученому Л.Гумилёву. Как пишет он в своей книге «Древняя Русь и Великая Степь» (М., «Мысль», 1989), половцы (кыпчаки) появились в Причерноморье только в XI веке. Стало быть, всякие утверждения об «армяно-кыпчаках» до этого времени попросту небылицы. Л.Гумилёв «отмечает, что «все тюркские этносы XI века» в этническом отношении «были старыми». Но даже, несмотря на то, что им удалось пройти все стадии этногенеза, согласно Л.Гумилёву, они не оказались обреченными. Как раз «случилось наоборот».

Наверное, потому, как отмечал Л.Гумилёв, персидский историк Раванди писал сельджукскому султану Кай-Хосрову в 1192

-1196 гг., что «в землях арабов, персов, византийцев и руссов слово [обладания] принадлежит тюркам, страх перед которыми прочно живет в сердцах соседних народов» (К.Э.Босфорт «Нашествие варваров и появление тюрок в мусульманском мире», «Мусульманский мир», М., 1981). Вот как Л.Гумилёв описывает появление половцев в Причерноморье: «...степь между Алтаем и Каспием была полна постоянных столкновений между тремя этносами: [тюркскими] гузами (торками), канглами (печенегами) и куманами (половцами). До X в. силы были равны, и все соперники удерживали свои территории. Когда же в X в. жестокая засуха поразила степную зону, то гузы и канглы, обитавшие в приаральских сухих степях, пострадали от нее гораздо больше, чем куманы, жившие в предгорьях Алтая и на берегах многоводного Иртыша... В начале XI века степная растительность начала распространяться к югу и юго-западу, куманы двинулись вслед за ней, легко ломая сопротивление изнуренных засухой гузов и печенегов». «...На западе им открылась дорога на Дон и Днепр, где расположены злаковые степи, точно такие, как в их родной Барабе. К 1085г. победоносные половцы дошли до Руси».

Сначала половцы заключили союз с Всеволодом Ярославичем, князем Киевской Руси, но впоследствии рассорились и половцы разбили войска Киевской Руси. Как пишет Л.Гумилёв, «русская историография... за редкими исключениями решала проблему русско-половецкого контакта единообразно, не смущаясь очевидными противоречиями в самих источниках». Основой ее была, как он пишет, «куманофобия». И он доказывает, что все это фантазии. «Наши предки дружили с половецкими ханами, женились на «красных девках половецких», принимали крещеных половцев в свою среду, а потомки последних стали запорожскими и слободскими казаками...». Если было бы не так, то зачем Владимир Мономах писал, что заключил с половцами «19 миров», ...ему было виднее, где польза... зачем русские князья в 1223 году пошли выручать половцев на Калку?»

Он подчеркивает, что «куманофобия основана на безусловном доверии к оценкам автора «Слово о полку Игореве»..., которые основаны на субъективизме. Л.Гумилёв ссылается на академика В.Гордлевского, писавшего, что «в XII в. отношения (между

половцами и русскими) становятся все более тесными и дружественными». Л.Гумилёв специально указывал на массовое принятие христианства половцами. «*В условиях почти ежегодно заключающихся миров и брачных договоров многие половцы начали уже в XII в. переходить (часто целыми родами) в христианство*» (курсив наш). Именно эти половцы (кыпчаки) впоследствии осели в Крыму, тюркизировав в течение нескольких столетий этнически смешанное здесь население.

Впоследствии в Крыму был Крымский улус Золотой Орды, затем же в XV в. после захвата Крыма турками сельджуками, население полуострова было исламизировано. Вместе с тем остались и не принявшие ислам в созданном вскоре после сельджукского покорения Крымском ханстве. А вот при Иване Грозном население Крыма стало носить обобщенное название - «крымские татары» (татарами именовали всех тюрков). Современный крымско-татарский язык представляет собой западную ветвь кыпчакской подгруппы тюркских языков. Выделяются и диалекты этого языка:

- южный (ялыбой шивеси), тяготеющий к тюрко-огузским языкам (сельджукскому);
- северный (чель шивеси) с выраженной ногайской составляющей;
- центральный диалект (орта ойлак), считающийся литературным.

Как отмечается в «Историко-этнографической справке» Крыма, «кыпчако-армянский говор» развивался на основе центрального диалекта крымско-татарского языка, имеет армянские вкрапления, измененную фонетику и огузские элементы. Точно так же, как и «крымско-еврейский говор» (караимский, крымчакский) есть результат вкраплений древнееврейского и арамейского языков в крымско-татарском язык. А теперь мы еще раз вернемся к вопросу о появлении в Крыму переселенцев, исповедующих григорианскую ветвь христианства. Начнем мы, уважаемые читатели, с напоминания о том, что Арцах-Хаченское Великое княжество Албанское с царствующим родом Гасан-Джалала практически все зарубежные источники относят к албанскому. Однако столь же «едина» армянская историография, возводящая Гасан-Джалаловский род не к Михранидам, а к Хайкидам.

Мы возвращаемся к этому вопросу, как будет видно ниже, намеренно. Прежде всего, для того, чтобы в силу повествуемого вопроса, еще раз подчеркнуть мнение А.Крымского, сопоставившего синхронные данные арабских источников и М.Калакатуклу, твердо признававшим их албанское происхождение (А.Крымский, «Страницы из истории Северного и Кавказского Азербайджана» (Классическая Албания, т.1, «Кабала», Сб. 1, 1934), (А. Крымский, Страницы из истории Северного и Кавказского Азербайджана», т.2, «Шеки», М-Л, 1938). Кроме того, этот же замечательный ученый писал и о «армяно-кыпчаках».

Гасан-Джалал сумел сохранить относительную независимость своего государства во время монголо-татарского нашествия и даже, для уплаты некоторых податей, почти лишился своего имущества, многократно бывал в становище татар, участвовал на их стороне в войнах. И по навету стал жертвой и был убит монголами. И это он делал для своей страны, в отличие от армянских князей, преследовавших только собственные интересы. Именно в годы албанского ренессанса благодаря уму и гибкости Гасан-Джалала была дополнена «История М.Каланкатуклу», построен знаменитый албанский шедевр – Гандзасарский комплекс и написан «Судебник» Мхитара Гоша. Поскольку нас интересует этот замечательный документ и, как мы уже отмечали, экспроприированный армянством в «Армянский судебник», то подчеркнем еще раз значимость этого знаменитого сочинения – первого на Востоке свода правовых норм.

И еще. Гасан-Джалал сумел представить киликийских правителей в лучшем свете пред татаро-монголами и, по сути, дал и им возможность не быть уничтоженными завоевателями.

А теперь, несколько слов об албанах и Киликийском царстве. Трудно отыскать официальный источник советского и постсоветского времени, где бы не указывалось, что Киликийское царство есть армянское государство. Начиная с «Энциклопедического словаря» от 1985 года и кончая изданиями для детей, уверяется, что это армянское, «феодальное государство в Киликии в 1080-1375 гг., основано [которое] бежавшими от нашествий сельджуков армянами… Царская династия – Рубениды, а центр, которого был в г. Сисе». Напоминаем читате-

лям, что Киликия с древности есть «область в Малой Азии», располагающаяся на юге современной центральной Турции. А теперь, уважаемые читатели, вкратце изложим, как складывалась Киликийская ситуация в I-XIV вв. Мы повествуем об этом периоде, поскольку он синхронно близок ко времени переселения в Крым армян - кыпчаков или тюрков-григорианцев.

Дело в том, что в Малую Азию, в Киликию, на Балканы, начиная с VIII-X вв. переселились албане, поскольку они бежали от репрессий, связанных с движением секты павликиан, созданных здесь и которая преследовалась в эти годы в Албании. Эти же беглецы способствовали развитию богомильства в Болгарии. Однако появление албан в Киликии этим не ограничилось. В связи с сельджукскими завоеваниями появилась и новая волна переселенцев – албан в Малую Азию. И об этом сообщают средневековые историки албанского происхождения, такие как Смбат - Спарапет, Хетум, Григор Патмич, Киракос Гянджинский, Степанос Сюникский. Нерсес Ламбронский и др. Об этом писал и армянский хроник С. Анийский.

Во второй половине XI в. под давлением сельджукидов часть албанских князей покидает пределы Албании и поселяется в Киликии. Во главе стоял гянджинский владетель Авшин-Ошин, имевший в округе Гандзак родовое имение Майреанджур и оставивший его. С ним вместе ушла его дружина, группа хаченских феодалов и сюникский феодал Гох Васил и др. Так сообщал Самуэл Анийский. Здесь Ошин завладел крепостью Ламброна. В этой горной области, будучи правителем, он поддерживался Византией. Ламбронские князья были независимы от киликийских князей. Оставшиеся же на исторической родине албанские правители Хачена искали пути выживания.

Что же было с армянским населением?

Накануне сельджукского завоевания небольшие армянские княжества (царства) Васпуракана, Ани, Карса были политически уничтожены Византией, которая в те же годы во время правления императора Василия II Болгаробойца стала переселять армян в Западную часть Малой Азии. Здесь в Каппадокии и Киликии и распространились армяне. Об этом пишет Фома Арцруни. Здесь на западе армянская феодальная знать благоустраивалась. Кстати,

именно в те годы столица Ани была передана патриархом армянской церкви Петросом за большое вознаграждение византийцам. Постоянная забота армянской феодальной знати о собственных интересах вопреки национальным интересам в целом в свое время отмечалась у М.Хоренского в его главе «Плач по армянскому народу». А вот прокурор Эчмиадзинского синода А.Френкель писал в начале XX века: «Исторические судьбы армянского народа доказали с неопровержимой точностью полную неспособность этого народа к образованию самостоятельного государства, государственного организма».

Кеворк Аслан в своих книгах также отмечал, что армяне не имели чувства национально-этнического единства и не были связаны политически между собой. После завоевания сельджуками Васпуракана, Ани и фактически всех областей, где проживали армяне, многие армяне перебрались в Киликию.

А вот албанский владетель Ошин укреплял Ламброн, а его сын – князь Хетум в начале XII века завоевав еще несколько соседних областей, создал самостоятельное княжество Хетумидов, которое номинально подчинялось Византии. В итоге армянские Рубениды в те годы владели горной Киликией, а албанские Хетумиды овладели равнинной Киликией. И более века Хетумиды, опираясь на союз с Византией, боролись против армянской династии Рубенидов. Эта борьба продолжалась весь XII век. И только в XIII веке благодаря посредничеству будущего католикоса Нерсеса Благодатного и установленным родственным связям и был воцарен мир между албанскими и армянскими правителями Киликии. Впоследствии албанские Хетумиды, как писал известный читателям албанский историк Киракос Гянджинский, взяли власть в свои руки в Киликии и обеспечили мир в стране. Более того, албанские деятели выступали против раскола христианской церкви, ратовали за сближение монофизитства с православием и католицизмом. Именно албанское правление Киликией и принесло ей расцвет. Так, к примеру, албанцы очищали и укрепили госаппарат, усилили обороноспособность, наладили международные связи. Именно они заключили мир с сельджуками способствовали спокойному развитию страны. Интересно и то, что албанский

род в Киликии был поддержан и аналогичным расцветом на исторической родине албан в Хаченском Албанском царстве. И здесь, уважаемые читатели, мы не можем обойти стороной очень важный вопрос, связанный с созданием для населения Киликии светского судебного сборника правовых норм. Просим обратить внимание, что не сиро-ромейский сборник подобного рода, а главное, не армянский скомпилированный Одзнеци «Канонагирк» были приняты за основу правового поведения населения Киликии. Именно албанский «Судебник» М.Гоша, ныне присвоенный армянами в виде «Армянского судебника» и был взят на правовое вооружение в Киликии. И он принимался вплоть до составления более полного судебника Смбата Спарапета. А Смбат Спарапет был также родом из гянджинских албан. Мы подошли к очень важному моменту, уважаемые читатели. Сказанное выше не только свидетельство значительной массы проживавших в Киликии албан, но и очевидный символ их политического преимущества. Поскольку в Киликии говорили и на албанском и на древнеармянском, если следовать труду историка Хетума Патрича, племянника Смбата Спарапета «Ветроград и история стран Востока», написанному на старофранцузском и переведенный на латынь в 1307г. и др. европейские языки (XV-XIX вв.) и только в XIX в. переведенного на армянский под названием «Хетум - история Татар». Так вот, у Хетума ясно и написано, что они в XIV веке пользовались албанским письмом. Именно с тех пор и появилась традиция перевода на грабар творений албанских авторов и последующей политикой армянской церкви, полная экспроприация албанской историко-литературной традиции. К слову, следует отметить, что причины возникновения судебников и Мухтара Гоша и Смбата Спарапета примерно одинаковы: потребность албанского и в целом монофизитского христианского населения как в Арране, так и в Киликии в отправлении судебных дел. Дело в том, что албанские христиане не могли пользоваться мусульманским правом шариатом. В Хетумидской Киликии много оставлено топонимов от родной исторической Албании. И, в первую очередь, это топонимы Аррана – Капан (От Кафана), Хатчин (от Хачена). Внимание к истории Хетумид-

ской Киликии со стороны албанца К.Гянджинского также объяснимо, равно, как и посещение Киликии, именитыми албанцами. В Киликию к родственникам ездили и из Аррана, и из Сюника, формировались династические браки. Сюда приезжал и М.Гош из Гянджи и Ст.Орбели из Сюника. Здесь и ответ на вопрос, почему даже будучи сами в сложном положении, столь активно помогали киликийцам и Хаченский албанский царь и его сподвижник - правитель Сюника Степаннос Орбели в годы татаро-монгольского нашествия. Именно с содействия правителей Албанской метрополии и удалось киликийцам договориться с татаро-монголами, когда они подошли к ее границам и, тем самым, предотвратить свою землю от разорения. Именно по этой причине и писал Г.Гянджинский: «...с другими странами они (монголы) так не поступали, и куда прибывали, везде приносили гнет и притеснения».

Обо всем этом, читатель может почерпнуть подробную информацию в монографии Ф.Мамедовой «Кавказская Албания и албаны» (Баку, 2005).

Албанские правители Хачена, Сюника, Киликии много ездили к монголам, вплоть до Кара-Корума, ради спасения своего народа. И, как мы отмечали выше, этого не делали и не желали делать, руководствуясь только собственными интересами, армянские главы. Итак, как понимают, уважаемые читатели, «Киликийская Армения» - такой же блеф, как «Албания - восточный край Армении» и такой же, как «Крым - морская Армения». Останавливаемся на этом, уважаемые читатели, прежде всего, по причине того, что из Киликийского государства после его ликвидации, многие ушли, предположительно в Крым. А поскольку, как видно, это не было армянским княжеством - царством, а было албанским, то ушли и албанцы монофизиты. Они появились в Крыму не как армяне, а как представители совершенно другого этноса, исповедовавшего григорианство.

Уважаемые читатели. Мы приступаем к заключительной части абсурда с «морскими армянами». Принося извинения за назойливость, считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что абсурды, и, тем более, армянского изготовления, представляют собой определенные, наделенные конкретным смыслом и назна-

чением лживые утверждения. И эти утверждения порождены вполне конкретными целями притязаниями на территории и вместе с ними на объекты материальной и нематериальной культуры на этих территориях, не имеющих никакого отношения к армянству. Наряду с этим абсурды преследуют цели формирования желаемого образа армянства по принципу «не быть, а казаться таковым». И, несмотря на то, что «никогда не поздно замолчать, если знаешь, что лжешь» (А.Дюма-старший), не взирая на то, что «ложь развращает того, кто ею пользуется гораздо раньше, чем губит того, против кого она направлена» (Р.Роллан), армянские абсурды продолжаются. Причину всего этого, как понимают уважаемые читатели, следует искать в том, что «наказанием лжеца оказывается не то, что ему никто больше не верит, а то, что он сам никому больше верить не может» (Б.Шоу), и посему он и продолжает придумывать новые небылицы. Поскольку «ложь из всех дурных поступков всего легче скрыть и проще всего совершить» (Ф.Вольтер), то на «помощь» ей и приходят лицемерие и подлог, фарисейство и фальсификация. Однако, как известно, уважаемые читатели, ветер всегда задувал свечу, но разжигал костер, и мы напоминаем, что по утверждению армянства они древние первопоселенцы в Крыму и по этой причине вправе именовать эту территорию «морской Арменией». Исконное абсурдное утверждение зиждется на другом, не менее «замечательном» абсурде, связанном с этнически армянским происхождением «армяно-кыпчаков», а точнее «кыпчаков-григориан». Именно эта этническая группа, именующая себя «ерменилер», свой язык - «татарча», «бизим тил», «кыпчак тили» и объявляется исконно этнически армянской. Как показано ранее «кыпчако-григориане», этнически идентифицируя себя с тюрками-кыпчаками и другими этнически тюркскими группами Крыма, являлись кыпчаками, принявшими христианство в григорианской редакции. Как следует из изложенного ранее, тюрки-кыпчаки явились как раз той этнической группой, которая и была последним звеном тюркизации в многовековом тюркском периоде Крыма, завершив этот процесс создания преимущественно монолитного тюрского населения края. Армянство же претендует на то, что часть кыпчаков, следовавших григорианству,

имеет этнически армянские корни, являлась этническими армянами и, стало быть, участвовала в «формировании» преимущественно тюркского до последнего времени населения края. И как показано ранее, тюрки-кыпчаки, не имея никакого отношения к армянам, появились в Крыму на заключительной волне «Великого переселения народов», стимулированной изначально тюркской миграцией. Как было рассказано ранее, ряд тюрков-кыпчаков принял христианство и более того, многие из переселенцев в Крыму являлись албанами по происхождению (среди которых были и албане тюркского происхождения) из Киликии. Это были переселенцы в Крым отнюдь не из «армянского Киликийского царства», а, как было рассказано ранее, из Киликийского государства албанских Хетумидов. Продолжаем этот абсурд с самого нашумевшего армянского источника.

Эдуард Вартанов 12 февраля 2003 года в газете «Ростов официальный» отпечатал необычную статью. Статья эта называлась «Миф о переселении армян» и автор засвидетельствовал следующее: «*Доводы об освоении армянами Причерноморья и юга России являются надуманными, это вымышленная история без какой-либо основы. И, главное, «реальные крымские» и «донецкие» армяне – это половцы, кыпчаки, принявшие армяно-григорианское христианство*» (курсив наш). Армянский автор (хотя и трудно его считать армянским в соответствии с его свидетельством) Э.Вартанов сказал только то, что уже было известно науке. Ведь, как он объяснял, даже в сегодняшней жизни у «армян-кыпчаков» отчетливо видны тюркские начала. Это не только их тюркская речь, но и тюркские адаты – обычаи и обряды. Наконец, это и их одежда. Ниже мы подробнее остановимся на «донских армянах», но сейчас только процитируем высказывание Вартанова о них: «*Армян из их исторической Армении они не понимают. Отсюда и отчуждение, заметное до наших дней. Так и остались они особенным этносом, называемым «донскими армянами*» (курсив наш). Как бы впоследствии не объявляли Э.Вартанова армянские представители: «предатель нации», «тюркский приспешник» и т.п. На самом деле Э.Вартанов не сказал даже того, что сказали в свое время - в начале 70-х годов армянские ученые из Канады Дж.Алоян и А.Татевос, которые

объявили: «*В действительности же армяне - это аризированные тюрки*» (курсив наш). Последнюю мысль можно встретить и сейчас, нет-нет к ней да возвращаются.

Но тюрки как отвергли в свое время, так и продолжают сегодня отвергать тюркское происхождение армян. Вот что пишет М.Аджи в «Дыхании Армагеддона» (М., «Хранитель», 2006): «*В части армян (в немалой части!) дремлет та же генетическая память, та кровь, что в нас (тюрках)... когда сюда* [Кавказ] *в VII веке пришел ислам (или раньше зороастризм) не все приняли его, иные тюрки перешли в Армянскую церковь, хранившую духовные традиции Алтая. Этому вопросу мировая наука уделила внимание: о тюркоязычных армянах написаны статьи и книги*» (курсив наш).

В главном, принципиальном, уважаемые читатели, а именно в том, что некоторая часть тюрков приняла армяно-григорианство, совершенно прав автор. И при нашем всем почтении, к тому замечательному, что делал и делает М.Аджи, мы позволим себе не согласиться с тем, что претензии армян на тюркскую историю имеют основания. Прежде чем разъяснить наши соображения, уважаемые читатели, хотелось бы разграничить «тюркское происхождение армян» от вопроса «армяно-кыпчаков» (тюрков-григориан). Следует подчеркнуть, что из утверждения (сторонником которого мы и являемся), что какая-то часть тюрков могла принять, и приняла армяно-григорианское вероисповедание, что и явилось впоследствии в силу изложенных выше особенностей армяно-григорианской церкви, «обоснованием» армянского происхождения кыпчаков-тюрков (против чего мы выступаем), совсем не следует, что «армяне аризированные тюрки». Согласно законам логики из частно-утвердительных высказываний типа «какая-то часть тюрков приняла григорианство, и, если даже впоследствии были причислена армянством к армянам» никак не может следовать общеутвердительное высказывание, что «все армяне это аризированные тюрки». В логике, как раз наоборот, поскольку диалектика требует частное выводить из общего. В этом и суть логического подчинения. Это, во-первых. А во-вторых, возвращаясь к «претензиям армян на нашу историю, отметим, что

претензии предъявляются как раз этническими армянами, а не «редуцированными» и не только на историю, но и на культуру и образцы фольклорной интеллектуальной собственности, о чем собственно, мы и повествовали в главе «Пришел, увидел, ...присвоил».

А вот, что касается утверждения Э.Вартанова о тюркском происхождении «армяно-кыпчаков», то трудно с этим не согласиться полностью. Остракизм, которому был он подвергнут со стороны армянства, имеет естественные причины. Дело в том, что его устами отсекается не только путь к продолжению фальсификации истории армян и истории региона, но и создаются препоны к армянскому присвоительству тюрко-кыпчакской культуры и традиций.

Мы уже говорили ранее об исследованиях украинских ученых относительно исторических реалий Крыма. Так вот украинский академик А.Крымский около ста лет назад отметил схожесть языка армян Крыма с языком крымских татар. Под армянами Крыма имелись в виду, в первую очередь, армяно-кыпчаки или кыпчаки-григориане. Именно этот «старый» армянский язык был сравнен с «Codex Cumanicus». Этот «Кодекс Куманов» представлял собой разговорник, созданный еще в XIV веке для перевода с латинского на язык крымских тюрков. И как было показано, это не был язык отюркившихся армян, как доказывают армяне, а именно язык арменизированных тюрков, а точнее тюрков-григориан. Известный казахстанский ученый А.Гаркавец писал, что «если не считать элементы армянской лексики, связанных с армянской церковью, практически это (армяно-кыпчакский) тот же, на котором говорили кыпчаки (куманы, половцы) Юго-Восточной Европы и Венгрии XI-XIV веков». Более того, он отмечает, что этот язык «*близок к кыпчакско-огузскому языку письменных источников Золотой Орды и мамлюкского Египта*» (курсив наш).

Попадавшие в язык «армяно-кыпчаков» украинские, польские или латинские слова тесно коррелировали с ареалом проживания армяно-кыпчаков. И об этом свидетельствуют кыпчакские памятники в армянской графике кыпчакским языком, которые можно встретить не только в Крыму, но и по всей

Европе. Их можно найти в музейных архивах Италии, Австрии, Румынии, Польши, России, Украины. Хранятся они и в Армении. Только в Киеве, по сведениям Гаркавца, хранятся 28 книг с судебными актами армяно-кыпчаков от XVI - XVII вв. Все это не случайно, поскольку еще в XIV веке армяно-кыпчаки получили право на собственное судопроизводство.

Обращаем внимание уважаемых читателей, что в числе хранящихся документов имелся и «Судебник» Мхитара Гоша, которым пользовались «армяно-кыпчаки». И он был утвержден польским королем Сигизмундом.

А теперь о культурно-историческом наследии тюрков (кыпчаков) – григориан, именуемых армянством армяно-кыпчаками. Исключительно с целью удобства изложения материала тюрков-григориан, некогда проживавших в Крыму, будем именовать «крымскими» армянами, а проживающих ныне в Новом Нахчыване и его окрестных деревнях после добровольно-принудительного переселения - «донскими» армянами. Начнем с языка «крымских» армян. Язык этих армяно-кыпчаков по признанию специалистов являлся прямым наследником кыпчакского (половецкого, куманского) языка и мало чем отличался от караимского и крымчакского. Лексика языка частично деформирована за счет украинских, русских слов, словом, оказалась под славянским влиянием. Встречаются и латинизмы. И все это является естественным процессом, учитывая полиэтничность крымского населения». В своей работе, именуемой никак не иначе, как «Кыпчакское письменное наследие». А.Гаркавец опубликовал тексты «старых» армянских молитв. Вот, к примеру, текст молитвы «Отче наш», название которой дается на армянском «Хайр мер», а текст армянской графикой:

«Атамыз бизим ки кекдесен,
Ары болсун ады сенин,
Гелсин ханлыгын сенин».

Для азербайджанца, как и для любого тюрка, перевода молитвы не требуется, текст обращения к Танры совершенно ясен. Или другой пример. Так называемая первая «армянская» церковь в

Каменец-Подольском - церковь святого Николы (в этом городе была одна из самых крупных общин кыпчаков-григорианцев) была построена на средства кыпчакского купца Синана Кутлубея (1393 год). Первое печатное издание было осуществлено священником григорианской церкви, кыпчаком О.Кармаданец. «Codex Cumanicus», в котором шла речь выше, путеводитель-переводчик с кыпчакского на латынь создан кыпчаками-григорианами где-то около 1325 года. Кстати, лингвистический анализ этого печатного документа и дал основание ученым считать так называемый «армяно-кыпчакский» язык не языком отюреченных армян (что пытаются доказать армяне), а языком тюрков-григориан. Да и имена «армяно-кыпчаков» Эльбей, Хасбей, Кутлубей и т.д. сами говорят за себя. Анализ же эпиграфики надписей, позволил историку Г.Алишану показать, что много тюрков-кыпчаков и не только кыпчаков исповедовали христианство. Такие тюрки в Азербайджане именовались «ермени» (монофизиты), а в Грузии - «гюрджи» (православные). Или же можно взять название поселений «армяно-кыпчаков», в которых существовали церковные григорианские приходы: Кирасубазар, Нахчыван, Орталан, Бахчаэл, Камышлыг и т.п. Совершенно очевидно, что это – тюркская топонимика.

В устном народном творчестве, сказаниях азербайджанских тюрков, особое место занимает дастан «Асли и Керем», об «арменизации» которого повествовалось в предшествующих параграфах.

По мнению многих ученых, красавица Марьям, выросшая в семье главы гянджинской епархии, главного священника «Кара кешиша» и нареченная впоследствии именем Асли отражает след тюрков-григориан. При этом, в ряде случаев исследован вопрос кавказско-албанского происхождения некоторых тюрков-григориан. Кавказский след несет на себе и эпос крымских чагатаев «Ашыг Гариб масали», язык и сюжет которого мало чем отличается от азербайджанского варианта дастана «Ашыг Гариб». К примеру, «Заман йылын бир заманында, Тавриз шеэринде бир ихтияр Адам вар имиш, онун бир карысы, бир кызы, бир оглы вар имиш...». Для азербайджанцев перевода этого текста не требуется.

Обратите внимание, уважаемые читатели, на этимологию названий праздников «крымских» армян, представленных в журнале «Сурб-Хач» крымского армянского общества, например «Барекендан» («Масленица») - первый весенний праздник, означающий «привествие, пожелание, обращение к пробуждающейся природе». Словом, от слова «бярякят», которого и ждут празднующие от начала пробуждения природы. Или же «Терндарач» («Сретение Господне») и др. Можно задуматься и над этимологией церкви Сурб-Нишан (Святого Знамени) монастыря Сурб-Хач в окрестностях г. Старый Крым и т.п.

Мы уже останавливались на том, что албанские правители Киликии стремились объединить исповедуемое ими григорианство сначала с православием, а затем и с католичеством. Но политическая ликвидация Киликии не дала возможности осуществления замыслов албанским Хетумидам. А вот «армяне-кыпчаки» Каменец-Подольска в 1666 году признали унию, и перешли на церковную службу по католическому обряду. Те же из кыпчаков, которые сохранили свою конфессиональную принадлежность григорианству ушли на берега Дона. Вот, что пишется в книге Георгия Багдыкова «Краткая история донских армян»: «Выехавшие из шести городов Крыма армяне поселились в Нахчыване (Нахчыван-на-Дону) (это города Бахчисарай, Кафа, Карасубазара, Солхата, Гезлева (Евпатория), Ак-мечет (Симферополь), а крестьяне из сел Тонлу, Мелик, Камышлыг, Сала (Грушевка), Чурук-Су, Султан-Сала, Орталенк (Земляничное), Сарыбуз, Солдая (Судак)...». Думается, что излишне комментировать приводимые топонимические названия тюркско-кыпчакского происхождения. Этот же источник фактически подтверждает, что из Киликии было много переселенцев в Крым.

Перед нами другая книга «Устное народное творчество армян Нового Нахчывана», изданная в Ереване, изд. АН Армении в 1965г. на армянском языке с предисловием Х.Поркшеяна. Издание это примечательно важной особенностью с одной стороны, автор предисловия стремится доказать, что «донские» армяне этнически армянского происхождения, а с другой стороны, приводимые образцы фольклора «донских» армян свидетельствуют как раз об их кыпчакских корнях. Поркшеян пишет, что «тюрки»

(татары) в корне изменили язык греков, проживавших в Крыму, так что они теперь и в церквях молятся на тюркском и пишут исключительно на тюркском. Беженцы-греки из Крыма, осевшие в Мариуполе до сегодняшнего дня говорят только по-тюркски. «Только армяне сохранили свой язык, но они переняли от тюрков очень многое – все их обычаи, одежду, церемониалы, празднества... Язык «крымских» армян, как и сегодняшний язык «донских» армян на 30% состоит из тюркских слов. В значительной степени заимствовано и устное народное творчество. Тем не менее, принесенные из Крыма образцы устного народного творчества и литературы имеют очень высокую художественную ценность».

А теперь несколько примеров из фольклора «донских» армян.

В четверостишии обрядовой песни есть слова «черяю», «чобан», «дайы», «чал ат», «гара су», в свадебной песне невеста именуется «ал гялин». Армянские гусаны здесь называются «шаркчылар» и «среди них выделялся Агабала»... им сложено много стихов, таких как «Самаварын махнысы», которая очень почитается в деревнях и селах. Он часто пел из «Кероглу» и «Ашыг Гариба». Его исполнение слушали и в Ставрополе, и в Екатеринополе».

А вот пословицы «донских» армян:

«Гызым сяня дейим, гялин сян баша дюш».
«Дюнийа пянджярядир, гялян бахар ве кедер».
«Гохумум башыма бахар, дюшмяним аягыма бахар».
«Агыл яшын ичиндя дейил, агыл башын ичиндядир».
«Чох яшыйан, чох шей геряр».

Мы не приводим их азербайджанские аналоги, а также другие фольклорные образцы, включая «гаргышлар» «донских» армян по причине их полного совпадения с азербайджанскими.

А теперь мы обратимся к официальному сайту «Ростов-город» и познакомим читателей с представленными здесь обрядами «донских» армян. К слову, здесь говорится об особом диалекте их языка, специфике местного фольклора и обычаев. Так, в свадебном цикле невесте дают «джгез», в качестве залога и гарантии «бех». После «бех»а обязательно «нишани курабя» -

раздаваемая сладость помолвки. «Хна геджеси» - обряд наложения хны на голову невесты. На свадьбе у невесты, как мы отмечали, поют «Ал гялин», после свадьбы начинается процедура «зиафет» - поочередное приглашение невесты домой к родственникам и т.п. Так что, уважаемые читатели, не только у «крымских армян», но и у «донских» армян фольклор, обычаи, обряды, лексика языка тюрко-кыпчакская.

Вот мы и подходим к заключению относительного абсурда с «морскими армянами» и завершаем настоящий абсурд, уважаемые читатели, несколькими знаковыми высказываниями. Прежде всего, от великого Л.Гумилёва: «...Этническая история не беспредельный набор сведений «без начала и конца (А.Блок) и не просто «дней минувших анекдоты (Пушкин)», а сложная цепочка причинно-следственных связей...». «*На индивидуальном уровне ложь - это не только несимметричный стереотип поведения, но и способ воздействия на окружающую среду, этническую и ландшафтную. На популяционном уровне это уже массированная дезинформация в антисистемах, воздействующих на среду социальную и культурную*» (курсив наш). Эти знаменательные слова, прежде всего, были обращены к тем, если следовать Дж. и К.Маккарти в их книге «Тюрки и армяне» (1996), у кого «развившийся национализм... базировался на старых религиозных деяниях. *Армяне, к примеру, расширили понятие «армянин», включив в него армян, обращенных в протестантизм, а также тех, кто принадлежал к армянской католической (унитарной) церкви. В отличие от типов национализма, существовавших в Европе, язык и культура не могли быть определяющими для того, что означает «армянское», так как много армян разделяли с тюрками и язык и культуру*» (курсив наш).

Приведенные слова Л.Гумилева именно для тех, у кого «*...вместо того, чтобы стать фактором, объединяющим их [армян] с христианами, армянская церковь стала фактором армянского сепаратизма; являлась отчетливо армянской, церковь эта стала фактором культурной идентичности армян*» (курсив наш).

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Уважаемые читатели! Взамен заключения, прощаясь с Вами, мы решили привести с некоторыми сокращениями и совершенно краткими комментариями статью профессора Колумбийского университета Н.Г.Гарсоян «Армения в IV веке» (К вопросу уточнения терминов «Армения» и «Верность»). Эта статья, появившись в Известиях АН Армении в 1971г., была на следующий день после выхода предана анафеме, изъята из печати и сожжена. В чем же причины подобного отношения к статье известного американского профессора, являющейся по происхождению армянкой? А в том, что ее взгляды начисто отрицали все предшествующие современные исторические опусы армян, а еще более и в том, что они наносили беспощадный удар по армянским «древним хроникам», на которые и ссылаются обычно армянские сочинители истории. Американский историк анализируя период IV в. н.э. убедительно показывает, что в Армении отсутствовали государственность и независимость на протяжении 1,5 тыс. лет, надумана и лжива датировка христианизации, а все древнеармянские и последующие хроники проникнуты духом исторической фальши, вызванными завистью и стремлением выделиться среди других народов.

А теперь обратимся к Н.Гарсоян.

«*Прежде всего хронология этого периода* [IVв. и начало V в.], *в какой-то мере опирающаяся на дату официальной христианизации страны, нуждается в пересмотре. Данные армянских и классических источников часто резко противоречат друг другу и по разному освещают одни и те же факты. Наконец, тон самих армянских источников существенно меняется на протяжении этого периода. В частности, чрезвычайно интересна явная «ненависть» армянских источников к армянскому же (Аршакидскому) царствующему дому, в особенности к Аршаку II и Папу – факт совершенно необъяснимый, если читать эти труда как национальную историю... Вольно или невольно, картина, нарисованная Повстосом Бюзандом или Мовсесом Хоренаци, отражает их собственные идеалы – еди-*

ную, объединенную Армению, противостоящую угрозе зороастрийской Персии. Они говорят о едином царстве, часто предаваемом отдельными вероломными нахарарами... Они игнорируют глубокое иранское влияние на армянское общество и институты..., предпочитают забыть, что армянские Аршакиды были последними и самыми яркими представителями парфянского легитимизма, противостоящего Сасанидским узурпаторам» (курсив наш).

Далее автор делает замечательный вывод:

«*Для нас важно только то, что она* [историческая картина] *искажает действительность IV века, когда Армения не была единой, не была объединенной и не была чужда персидскому миру*» (курсив наш).

Автор поясняет, что древние историки были связаны с отдельными нахарарскими [княжескими] домами, продвигали их интересы и поэтому их работы нельзя читать как работы по «Истории» Армении, «вкладывая географический и национальный смысл в этникон». Тем более, как отмечает автор, «...понятие нации в настоящем смысле не существовало в средние века ни на Востоке, ни Западе».

Что же представляла собой Армения того периода, которая в хрониках и последующих исторических опусах представляется как единое государственное образование?

Обратимся к проф. Н.Гарсоян: «*...в начале IV века «Армения» состояла из отдельных политических образований на севере-царство Аршакидов, столица которого была перенесена из Арташата в Двин, на юге автономные сатрапии, которые вошли в орбиту римского влияния в результате договора 298г. и приевфратская провинция Armenia Minor, которая уже давно входила в империю. Позже, после раздела 387г. эта картина еще более усложняется появлением Armenia Interior, состоящей из северных заевфратских гаваров, которые стали частью империи по условиям нового договора*» (курсив наш).

Иначе говоря, никакой единой Армении не было, а те образования, из которых она состояла, находились вне Южного Кавказа на территории современных Турции, Ирана и Ирака, причем в сфере политического влияния могущественных рим-

ской и персидской империй. Это, во-первых. А во-вторых «*мы продолжаем представлять* [в научных источниках] *Армению как религиозное и политическое единство, как топоним с неизменным содержанием, отожествляемый с северным Аршакидским царством*» (курсив наш).

Более того, как пишет автор, Евфратские сатрапии армян, представляются как сателлиты Аршакидского царства. «Такова версия армянских источников, которые никогда не признавали их [сатрапий] существования, в то время как классические источники как литературные, так и юридические на это ясно указывают». Читатель может спросить, почему же в армянской историографии так выпячивается относительное северное армянское Аршакидское царство и столь игнорируются южные армянские сатрапии. Может быть потому, что первое из них громко именуется царством, а другие всего лишь сатрапиями или подчиненными образованиями? Попробуем найти ответ на этот вопрос» следуя тексту проф. Н.Гарсоян. Оказывается, что армянские сатрапии, включенные в римский мир имели большую автономию, не платили налогов и податей, а наследственные сатрапы даже возглавляли собственные воинские контингенты. А вот в Аршакидском армянском царстве все было несколько иначе. «Трдат I [царь] получил свою власть из рук римского императора... В отличие от сатрапий, в северной Армении до 185 года стояли римские войска, а magister militum Траян и другие имперские офицеры находились при дворе армянских царей даже во времена Папа [армянского царя]. И, наконец, *самое важное то, что по свидетельству двух источников – армянского и классического, Армянское царство продолжало платить подати Римской империи до 358г., в то время как сатрапии более чем на полстолетия раньше получили полный податевый иммунитет. В глазах Рима, во всяком случае, неравенство их положены совершенно очевидно*». Выходит, что разрозненные южные армянские сатрапии были значительно в менее вассальном положении, нежели чем северное Аршакидское царство. Так зачем же фальсификаторская историография армян стремится показать, что армянские сатрапии были сателлитами армянского Аршакидского царства? Во-первых, для того, чтобы

создать миф о государственном и политическом единстве Армении. А во-вторых, если сатрапии имели независимость куда в большей степени, чем Аршакидское царство «*...то возникает другой вопрос: не их ли раннее обращение в христианство (зафиксированное Евсевием), а отнюдь не христианизации Армянского царства Аршакидов, породило представление об «Армении» как о первой христианской стране?*» (курсив наш). Именно так и ставит вопрос проф. Н.Гарсоян, тем самым, подрывая другой армянский миф с первохристианством.

И далее: «...признание важной роли сатрапий с необходимостью влечет за собой и признание сложной политической картины в Армении IV столетия, упрощаемой в более поздних источниках». Возникает вопрос: *не является ли изображение Меружана Арцруни, а также других нахараров, как предателей своего армянского сюзерена попыткой замаскировать независимую политику сатрапий*? (курсив наш)

Другими словами, именно армянские сатрапии, вовлеченные в орбиту римского влияния и приняли христианство, поскольку его принял римский император Константин, в то время как в Аршакидском царстве в 301г. его мог принять князь Трдат III, а не Аршакидское царство в целом со своими феодалами и народом. Причина здесь кроется согласно пр. Н.Гарсоян в том, что «армянские Аршакиды от воцарения Тиграна в 338г. до смерти Папы (если не позднее) следовали за всеми изгибами имперской армянской политики», что приводило к их конфликтам с патриархами Римской империи.

Итак, Аршакиды маневрировали между Византией и Персией, между христианством и зороастризмом, и для того времени, как пишет автор «термин «верность» обязательно носит не только политический, но и религиозный характер». И отсюда следует подтверждение важного вывода Н.Гарсоян, о том вовлеченные в римский мир, опекаемые Византией, ее армянские сатрапии должны были принять христианство много ранее Аршакидского царства, находящегося, куда в более подчиненном состоянии и маневрирующего между Сциллой и Харибдой. А поскольку эти христианские сатрапии не могли быть сателлитами Аршакидского царства, то фальсификации армянских

историков как раз и направлялись в русло их подчиненности, а также, «единости» царства Аршакидов и, стало быть, северного перемещения их раннего христианства.

Именно по указанным причинам проф. Н.Гарсоян надеялась, что «*новое понимание терминов* [«Армения» и «Верность»] *может иметь решающее значение и для интерпретации истории Армении IV века*» и «*возможно оно поможет пересмотреть установившееся представление о прошлом*» (курсив наш). Но как говорится, не тут то было и статья была уничтожена на следующий день после ее выхода наряду со всем изданием «Известия АН Армении». И все это было сделано во имя армянской добродетели, то бишь в национальных интересах Армении.

И как тут не вспомнить знаменитое высказывание Эразма Роттердамского: «Всякий порок лишь усугубляется от попыток скрыть его под личиной добродетели». Мы не сомневаемся, что фальсификаторам от истории невдомек от подобных предупреждений и тем паче от таких, как «Поощряющий порок оскорбляет добродетель» (Томас Манн). И чтобы убедиться в этом, предлагаем в конце нашего заключения армянский механизм формирования историографических ссылок на примере издания в 1919г. книги Дж.Моргана «История армянского народа ». И мы подчеркиваем, что армяне сделали все возможное, для того чтобы указанная книга была воздвигнута на постамент исторической непререкаемости и стала классической вместе с «творением» ранее цитированного Мовсеса Хоренского.

Армяне в 1981 году факсимильно переиздали ее, снабдив предисловием К.Ветроверса и статьей Э.Каячияна и ... проговорились. И если Ветроверс в предисловии обосновывая написание книги достижением трех целей: «просвещения французской и мировой общественности и привлечения ее внимания, пробуждения самосознания армянского народа и оправдания мотивов выдвижения требования о создании независимого армянского государства; наконец, принуждения государственных деятелей, приступивших к переговорам, при заключении договоров, обеспечить это требование», то Э.Каячиян в своей статье решил подчеркнуть особые заслуги этим изданиям некоего Чобаняна в «армянском вопросе».

А вот и «механизмы» кухни по изготовлению армянских историографических лжесвидетельств в счет пера обманутых или готовых к обману именитых иностранцев. Начнем с того, что уроженец Стамбула, а позже руководитель одной из антитурецких группировок в Париже, журналист-писатель А.Чобанян для написания армянской лжеистории заручился поддержкой члена Французского института, византиеведа Густава Шлумбергера. По неизвестным причинам последний не счел возможным «сотворить» историю армянского народа и переслал А.Чобаняна к археологу Моргану, направив последнему рекомендательное письмо. В нем говорилось, что французский народ должен получить книгу по армянской истории, и она «должна быть написана мастерской рукой, живо и ярко». Интересен и ответ Моргана: «Думаю, что подписанная моим именем история армян при всей вашей благожелательности должна быть всесторонне документирована и обоснована. *Но я понял, что г-н Чобанян и вы желаете иного. Ожидается книга, подобная «Великой Греции» Фр.Ленормана, без библиографии с опорой на общие места. Это несколько меняет дело*» (курсив наш).

И дело изменилось и ожидаемое сотворилось, но при приводимых ниже разоблачительных откровениях Моргана. Он пишет: «*...у меня нет никаких материалов ... если я вынужден буду прервать работу ... сделать это легко может сам г-н Чобанян*». Или же, «*не могу сообщить вам в какой литературе для написания армянской истории нуждаюсь, ибо не знаю, что издано по этому поводу*» (курсив наш).

Итак, уважаемые читатели, выходит, что «классическая» книга по истории армян была написана человеком, не имеющим материалов в этой области и даже незнающего изданного в этой сфере, а потому способного доверить завершение книги самому же спонсору Чобаняну. И последнее. Чобанян представил Моргану для написания книги нижеследующие «источники»:

- «Сиссуан или армянская Киликия», Вена, 1889;
- «Алисхан». Леон Леманафик. Вена, 1888;
- «Всемирная история». Этьен Ларон, Париж, 1883
- «Псевдосебеос» Перевод Маклера;
- «Армянская церковь». Малахия Орланян, Париж, 1910;

- М.Маклер «История Геракла по епископу Себеосу», Париж, 1904.

Как видят, уважаемые читатели, в этом коротком списке добрая половина источников – армянские. Так и создавалась «классическая» книга по истории армянства с кратким числом используемых источников и многократным покрытием средств к ее изданию.

Таким образом, уважаемые читатели, мы в заключении предоставили Вам возможность судить «из чего и как творилась» история армянства. Заканчивая этим главу «Театр абсурда» и в целом «Армянские инородные сказки», напоминаем Вам два замечательных высказывания: «Опасайся тех, кто хвастает своими добродетелями» (Эбнер-Эшенбах), а также, именно тот, «Кто сеет добродетель, пожинает славу» (Леонардо да Винчи).